ВЕСТНИК
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Научный журнал

№ 4 (17) • декабрь • 2013

ВЕСТНИК
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
№ 4 (17) • декабрь • 2013

Издается с ноября 2003 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств»

Редакторы: Г. В. Михеева, М. Е. Лисовская
Выпускающий редактор: С. А. Владимирова
Техническое редактирование: М. Е. Лисовская
Компьютерная верстка: С. А. Владимирова, М. Е. Лисовская

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу
Свидетельство ПИ № ФС2-7528 от 18.04.2005

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГУКИ. каб. 2556, тел. 312 85 73.
www.spbguki.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 18.11.2013. Формат 60×84 $^1/_8$. Усл. печ. л. 24. Тир. 500 (1-й завод 1–250). Зак.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
Подписной индекс 80434
ISSN 2220-3044

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

95-летие

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств •

95th anniversary of Saint-Petersburg State University of Culture and Art

Библиотековедение, библиографоведение и книговедение •

Library science, Bibliography, Bibliology

Содержание • Contents

Культурология • Cultural Studies

Филология • Philology

Социология • Sociology

Научная жизнь университета • Scientific life of University

95-ЛЕТИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

95th anniversary of Saint-Petersburg
State University of Culture and Arts

УДК 378.4(470. 23-25)

А. С. Тургаев

Предисловие

Aleksandr S. Turgaev

Introduction

Дорогие друзья!

У Вас в руках юбилейный номер «Вестника Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств». Он посвящен 95-летию нашего университета. По сравнению со старейшими университетами мира – возраст юности. Но сколько событий произошло в стране за этот период! Революции, войны, глубочайшие социально-экономические и политические преобразования общества – через все это достойно, с честью прошли преподаватели, сотрудники и студенты нашего вуза.

История университета начинается 28 ноября 1918 г. В этот день был издан декрет об учреждении в Петрограде особого института для подготовки инструкторов и работников по внешкольному образованию. Фактически с момента его основания в нашем вузе открывается подготовка специалистов по библиотечно-информационной деятельности. На протяжении нескольких десятилетий Ленинградский государственный библиотечный институт имени Н. К. Крупской был единственным, а потом – крупнейшим в стране учебным заведением, готовившим кадры в сфере библиотечного дела. И сегодня библиотечно-информационный факультет является одним из самых значимых в вузе. Его выпускники способны решать сложнейшие профессиональные задачи с использованием самых современных информационных технологий.

Уже в первые годы существования Петроградского института внешкольного образования многие его студенты готовились стать специалистами театрального дела, музыкального просвещения, заведующими культурно-просветительными отделами, организаторами музеев и выставок. Именно в нашем вузе шло становление таких новых для своего времени направлений профессиональной подготовки, как народная художественная культура, социально-культурная деятельность, музееведение и охрана памятников, режиссура театрализованных представлений и праздников и др.

Сегодня у студентов университета появилась возможность получать профессиональную подготовку в таких востребованных современным обществом сферах, как музыкальное искусство эстрады, актерское мастерство, медиа-дизайн, туризм, менеджмент.

Для специалиста сферы культуры характерным является не только обладание максимальным багажом профессиональных умений и навыков, но и возрастающий уровень юридических, экономических, этических, социальных компетенций. Необходимый уровень подготовки наших выпускников обеспечивают специалисты высочайшего уровня. Профессора и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. Наши педагоги всегда стремились передать знания и сформировать у нового поколения специалистов в сфере культуры те качества, которые необходимы для реализации гуманистического потенциала культуры. Нельзя не вспомнить имена таких преподавателей университета, как Д. Н. Альшиц, Д. М. Генкин, Н. Н. Масленникова, А. И. Новиков, Н. И. Сергеева, Н. Д. Синцов и многих других. Именно они своим трудом создавали имя и репутацию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Успешно работают в вузе и передают свой опыт молодым преподавателям М. А. Ариарский, Ю. Б. Богданов, С. Н. Иконникова, Е. С. Протанская и другие признанные авторитеты в сфере науки и образования.

Важнейшей составляющей работы вуза всегда была научная деятельность. Научные школы в вузе начали формироваться еще в 1920-е гг., но наиболее активный период их становления приходится на послевоенный период. В это время формируются литературоведческая, текстологическая, книговедческая, библиотековедческая, библиографоведческая школы. К началу 1980-х гг. возникли культурологическая школа профессора С. Н. Иконниковой, школа прикладной культурологии профессоров А. Г. Соломоника, М. А. Ариарского, школа отраслевой библиографии В. А. Минкиной, школа истории библиотековедения А. Н. Ванеева, школа книговедения и истории книги И. А. Шомраковой, историко-философская школа профессора А. И. Новикова. Вуз успешно развивался благодаря привлечению к образовательному процессу известных

мастеров культуры. Подлинную славу нашему вузу принесли основатели и руководители художественно-творческих школ: лауреаты Государственной премии СССР режиссеры Б. Н. Петров и Д. М. Генкин, кинодокументалист Л. С. Горин, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР балетмейстер Б. Я. Брегвадзе, заслуженный работник культуры РФСФР Т. Г. Томашевская, режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР З. В. Савкова, народные артисты Российской Федерации композиторы В. М. Лебедев, В. Д. Биберган, Я. И. Дубравин и др.

В настоящее время в университете учатся более 9 тысяч студентов, в том числе студенты из нескольких десятков стран мира. Они не только постигают теорию и практику своей будущей профессии, но и активно участвуют в общественной деятельности. В вузе проводится воспитательная работа со студентами: действуют студенческие клубы, активно развивается практика летних студенческих отрядов и волонтерского движения. Создаются условия для работы студентов и во внеучебное время. Особое внимание уделяется трудоустройству выпускников: практически все выпускники профильных факультетов идут работать по специальности.

Мы по праву гордимся своими выпускниками. Они возглавляют крупнейшие библиотеки. Среди них директор Библиотеки Российской академии наук заслуженный работник культуры Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор В. П. Леонов, директор Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского заслуженный работник культуры Российской Федерации З. В. Чалова, директор Архангельской областной научной библиотеки заслуженный работник культуры Российской Федерации О. Г. Степина и др.

Особые условия, созданные в университете для студентов творческих специальностей, позволяют нашим выпускникам занимать достойное место в своей профессиональной среде. Они успешно руководят детскими коллективами, преподают в музыкальных школах и творческих вузах страны. Немало наших выпускников снискало себе славу известных режиссеров, артистов, исполнителей. Валерий Леонтьев, Вячеслав Полунин, Андрей Могучий, Сергей Рогожин и многие другие.

Самую широкую известность в России и за ее пределами приобрели многочисленные творческие коллективы университета «Град-квартет», «Посолонь», «Невское раздолье», «Скоморохи», «Эссе-квинтет», «Drum-time», «Монплезир», оркестр народных инструментов, духовой оркестр и оркестр гармоник, русский народный хор, концертный смешанный хор, академический женский хор и другие ансамбли. Многие студенты и творческие коллективы университета являются лауреатами и дипломантами международных и российских конкурсов.

В современных условиях возрастает потребность в людях, способных творчески подходить к любым изменениям, эффективно и качественно решать возникающие проблемы. Большую роль в подготовке специалистов высшей квалификации играет аспирантура, организованная в вузе еще в 1930 г. В настоящее время в ее составе более 100 аспирантов, которые под руководством опытных наставников ведут разработку научных проблем в области библиотековедения и библиографоведения, книговедения, культурологии, истории философии, музееведения, социально-культурной деятельности. В аспирантуру рекомендуются лучшие выпускники, достигшие высоких результатов в учебной работе и проявившие склонность к научной деятельности. В университете налажено издание новых учебников и учебных пособий по специальным дисциплинам, регулярно выпускаются научно-тематические труды, проводятся студенческие, аспирантские и преподавательские конференции регионального, российского и международного уровней.

Сегодня университет является признанным лидером высшего образования в сфере культуры и уверенно смотрит в будущее. Для этого есть все необходимое: сотни квалифицированных преподавателей, тысячи талантливых студентов, десятки известных в стране и за ее пределами творческих коллективов, сложившиеся научные и педагогические школы, оборудованные самой современной техникой и инструментами аудитории.

Наш юбилей проходит в преддверии 2014 г., который объявлен в России Годом культуры. В Указе Президента Российской Федерации говорится, что Год культуры будет проведен с целью «привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире». Коллектив Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств ставит перед собой задачи, связанные с образованием и воспитанием подрастающего поколения в духе патриотизма, демократии, гражданственности, любви к отечественной культуре. Особое значение для нас имеют сохранение культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации использование их в качестве ресурса духовного и экономического развития нашей страны.

Поздравляю коллектив преподавателей, сотрудников и студентов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств с 95-летием вуза! Желаю всем крепкого здоровья и успехов в работе!

УДК 374.71

В. Е. Триодин

Социально-культурная деятельность: между прошлым и будущим

Анализ современной социально-культурной ситуации показывает тенденцию перерастания учреждений культуры в сферу услуг. В статье ставится вопрос о необходимости сохранения за социально-культурными учреждениями функций просвещения, образования, воспитания.

Ключевые слова: границы социально-культурной деятельности, сработничество государства и социально-культурных институтов, человекоцентристская модель образования

Vladimir E. Triodin

Socio-cultural work: between past and future

Analysis of the modern socio-cultural situation indicates the tendency of escalating of cultural institutions in the sphere of services. The article raises the question of the necessity to preserve the socio-cultural institutions of the roles of enlightenment, education, upbringing.

Keywords: boarders of socio-cultural activities, collaborative work of state and socio-cultural institutions, special model of education «a person as a center»

1. Таинство рождения

Всякое рождение загадочно и таинственно. А уж открытие Петроградского института внешкольного образования в самом конце 1918 г., кажется, вообще не поддается никакому объяснению. В стране – Гражданская война, мятежи, иностранная интервенция, хаос в промышленности, сельском хозяйстве, системе управления. До института ли, да еще не имеющего аналога в мировой образовательной истории. Но у руководителей молодого Советского государства была своя логика. Ленин считал, что внешкольное образование важно для переустройства всей жизни[1]. Победы на Дону, по Ленину, стали возможны благодаря усилению партийной и культурно-просветительной деятельности в Красной армии.

В этом частном случае просматривалась закономерность. Победить только штыком нельзя. К штыку надо приравнять перо, слово. «Все совдепы не сдвинут армию, если марш не дадут музыканты», – чеканил Маяковский. Внешкольные работники (потом они будут называться политпросветработниками, культурно-просветительными работниками, социально-культурными работниками) воевали силой слова и побеждали.

В привычные нынче понятия – клуб, библиотека, музей – вкладывали в те годы совсем другое содержание. Маркс писал о клубах как о «сборных пунктах революционного пролетариата», «учредительных собраниях пролетариата» и даже как об «организациях особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства», «готовых к бою отрядов армии восстания»[2]. Ленин говорил, что культурно-просветительные общества надо превратить в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России.

Н. К. Крупская библиотечную сеть сравнивала с кровеносной системой, по артериям которой разносятся кровеносные шарики – книги – по всему организму, по всей стране.

Советская власть въехала в Смольный, а потом в Кремль на тачанке неграмотности. Рушить можно и без таблицы умножения. Строить – с высшей математикой. «Учиться, учиться и учиться», – требовали первые лица государства. Школа, соединенная с учреждениями внешкольного образования, стала центром государственной политики. У видного деятеля Наркомпроса, теоретика внешкольного образования С. Т. Шацкого был даже проект соединения школы, театра, библиотеки, кино, клуба в некое общественное учреждение – культурную базу, которая должна захватить всю массу населения, добраться до каждого дома.

На какие только «инновации» не шли школьные и внешкольные работники, чтобы сократить долю неграмотных в стране. Тут была и чтецкая повинность (грамотный обучал неграмотного), и культпоходы, и ликбезовская спартакиада, и пункты по ликвидации неграмотности, и народные университеты, и школы для малограмотных при клубах, избах-читальнях, библиотеках.

Образование, разумеется, требовало финансовых вливаний. Но кто в те голодные нищие годы не тянул на себя денежные потоки: и армия, и производство, и сельское хозяйство. Сегодня, когда в сытой, благополучной стране культура финансируется по остаточному прин-

ципу, глаза отказываются верить тексту ленинского письма Сталину: флот нам не нужен, а увеличение расходов на школы нужно до зарезу[3].

Неграмотность не просто отступила. Страна стала самой читающей в мире, великой державой, победившей в самой страшной и кровопролитной войне. Высокий уровень культуры, науки, искусства позволил ей быть впереди всей планеты.

Символом страны стала скульптурная группа В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Сегодня нужен еще один памятник – школьному и внешкольному работникам, одолевшим неграмотность.

2. Фастфуд от культуры

Переход страны к рыночной экономике обернулся очередным перераспределением собственности. Большевики, экспроприируя экспроприаторов, руководствовались святой истиной: то, что принадлежит меньшинству, станет достоянием большинства. «Новые капиталисты» приватизировали общенародную, государственную собственность. Миллионы россиян остались без ничего, а несколько тысяч олигархов получили все. Улыбку Гагарина сменила ухмылка Абрамовича.

Социально-культурная инфраструктура не стала исключением. «В России, – говорил Ленин, – мы отнимаем роскошные дома, дворцы культуры у буржуазии и передаем в распоряжение рабочих, чтобы они превратили их в свои клубы, и это есть свобода собраний на деле»[4].

Капиталистическая революция 90-х гг. привела к тому, что роскошные дворцы культуры народа стали роскошными особняками, офисами, ресторанами, барами олигархов. В. В. Путин происшедшее в стране назвал великой геополитической катастрофой.

Справедливости ради надо сказать, что в отчуждении учреждений культуры от народа повинны и они сами. Социально-культурные институты не пустили глубоких корней в массы, не срослись с теми, для кого были предназначены. Никто не вышел на Болотную площадь с лозунгом: руки прочь от учреждений культуры.

Перерождение социально-культурных институтов, коренное переосмысление их социального назначения – это еще одна беда современной социально-культурной действительности. Социально-культурная деятельность перепрофилируется в своеобразную службу быта по оказанию услуг населению. В системе высшего образования появилась новая специальность, по которой истосковались некоторые теоретики, – «социально-культурный сервис и туризм». Она ставит перед собой «историческую» задачу – закрепить окончательно революцию олигархов формированием поколения сервисных людей. Адекватно поставленной задаче социально-культурные институты стали именовать культурно-досуговыми, хотя, исходя из того, во что их превратили, более точное название – досугово-сервисные учреждения.

Свое логическое завершение досуговые учреждения получили в торгово-развлекательных центрах (в самый раз открыть теперь и торгово-развлекательные кафедры!). Торговые площади стали использовать под лайф-стайл проекты (англ. lifestyle – образ жизни). Здесь люди совершают не просто покупки, а проводят часть жизни. Новый тип учреждения появляется тогда, когда рождается адекватный ему тип личности. Общество потребления сформировало новый социальный слой шопоманов, новое явление – шопоманию. Шоп – магазин. Шопоманы – люди, зависимые от магазина. Острая форма болезненной зависимости, сродни алкоголизму или наркомании, называется шопоголизмом. Ненасытность – специфическая черта шопоголизма. Шопинг (посещение магазина) выполняет роль универсального утешителя. Навалились проблемы, побежал в магазин, что-то купил – и на душе отлегло. Маркс называл религию опиумом для народа. Шопинг – героин для народа. У Маркса можно найти обоснование понятия товарного фетишизма. Фетиш – слепое (религиозное, мистическое) поклонение чему-либо, в конкретном случае – товару. Шопоголизм – это и есть товарный фетишизм в современной обертке.

Шопоманы – носители новой субкультуры – консюмеризма. Консюмеризм (от англ. consumer – потребитель) – разновидность культуры потребления, стимулирующей перепотребление и расточительство. В системе ценностей консюмеризма потребление занимает ключевое место как мерило жизненного успеха человека, показатель социального статуса, источник удовольствия и счастья. Культура консюмеризма предполагает смену покупательского поведения. Товар можно и не покупать. Сам вид товара уже доставляет возбуждение и радость. Молл (крупный торговый центр) воспринимается как музей, витрина – как авангардное искусство. Возникло даже такое понятие, как виндоуз-шопинг – покупка витрин. Шоп – это не магазин. Шоп – голова, ориентированная на магазин.

Прикинем итоги. Образование, просвещение уступили место фастфуду от культуры, социально-культурному трэшу (с англ. – мусор). Все хорошо. Вот только пить из новых социально-культурных колодцев нельзя – козленочком станешь.

Как здесь не вспомнить Пушкина:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.

Сегодня появилось слишком много «маляров негодных», «фигляров презренных», которые пачкают, бесчестят просветительно-образовательный лик России.

3. Распад педагогического сознания

Общепризнано, что в настоящее время уровень образования в стране значительно снизился. Но самое главное, произошло коренное изменение отношения к самому знанию.

Принципиально новый подход к месту и роли знания в жизни отдельного человека и общества изложен на самом верхнем этаже педагогического Олимпа министром науки и образования Д. Ливановым. Предметное знание, – считает он, – утрачивает свою абсолютную ценность в силу того, что за последние 20–30 лет его информационный объем настолько вырос, что эти знания уже не вмещаются ни в школьную, ни в университетскую программу. Объем знаний, которым сегодня обладает человечество, значительно больше того, что был 20–30 лет назад. Поэтому основная ценность образования перемещается из области освоения предметного знания в область способности учиться, способности искать и понимать новую информацию.

Вот уж, действительно, новый поворот. Таблицу умножения можно теперь не учить. Главное уметь пользоваться арифмометром. Не обогащать себя знанием тех богатств, которое выработало человечество, а уметь искать их.

Вопрос особенно остро и выпукло проявляется на последней, итоговой ступеньке образовательной системы – высшем образовании.

В стране в настоящее время действует свыше 3300 вузов (в СССР их было всего 940). Из них 640 – государственные, остальные – коммерческие, платные филиалы государственных вузов.

Россия – впереди планеты всей по количеству студентов на 1000 человек. В 2009 г. в Австрии по этому показателю приходилось 34, в Великобритании – 38, в США – 59, в России – 70 студентов.

Хорошо это или плохо? Это зависит от критерия оценки. Если за точку отсчета взять интересы производства, то возобладает концепция «переизбытка образования». Производству такое количество специалистов с высшим образованием не требуется уже сегодня. Завтра их будет нужно еще меньше. Лауреат Нобелевской премии Пол Кругман считает, что информационное общество снизит спрос на образованных работников. Их просто заменят роботы.

В России «производственная модель» имеет глубокие корни. Высшие учебные заведения и в дореволюционной России открывали под нужды производства. Вот типичный пример. Один из самых известных в Петербурге вузов – Технологический институт – был создан в 1828 г. по указу императора Николая I для «споспешествования распространению и прочному устройству мануфактурной промышленности» в стране. Нынешний ректор Н. В. Лисицын говорит, что от этой задачи институт не отказывается и сегодня.

Но трактовка высшего учебного заведения как инструмента решения производственных задач вызывала решительное неприятие признанных мыслителей. Л. Н. Толстой возмущался, что никто никогда не думал об учреждении университетов на основании потребностей народа. Университеты были учреждены для потребностей отчасти правительства, отчасти высшего общества, и для университетов уже учреждена вся подготавливающая к ним лестница учебных заведений, не имеющая ничего общего с потребностью народа. Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя – для приготовления их основаны университеты. Эти университеты дурны, их было бы совсем неплохо уничтожить, – таков окончательный вывод Л. Н. Толстого.

Министерство образования и науки заняло «производственную» позицию. В его планах сокращение вузовской сети до 150–200 вузов. В России накануне 1917 г. действовало как раз 150 вузов. Но тогда население страны составляло 91 миллион человек, и половина его была неграмотной. Спустя сто лет министерство возвращает страну к образовательному уровню вековой давности.

Производство диктует и специализацию. Экономистов, юристов – переизбыток, инженеров – мало. Стало быть, надо закрывать одни факультеты (или вузы) и открывать другие.

Концепция переизбытка высшего образования возникает тогда, когда человек рассматривается как приложение к производственно-техническим системам. Но если исходить из того, что цель человека – саморазвитие, то высшего образования (и вообще образования) много не бывает. Более того, здесь действует совсем другая закономерность: чем больше человек узнает, тем отчетливее понимает, что он ничего не знает.

А. С. Макаренко в 30-е гг. XX в. охарактеризовал сложившуюся педагогику как бездетную. Эта формула остается актуальной и для сегодняшнего дня. Педагогика потеряла человека. И потому стратегическое направление педагогики – возвращение к человеку. Известный психолог, директор Федерального института развития образования А. Г. Асмолов выдвинул концепцию перехода от государствоцентризма к человекоцентризму. Вариации государствоцентризма могут быть разные: школоцентризм, производствоцентризм, бизнесцентризм – все, что угодно, только не человек в центре. Надо

вернуться к основам конституционного строя, который зафиксировал как высшую ценность человека, его права и свободы.

Если у общества есть тяга к знанию, если человек хочет учиться, учиться и учиться, государство должно коренным образом изменить свою стратегию образования. Не сокращать механически вузы, не отвечающие каким-то критериям, а помогать им подниматься по аттестационной лестнице, не закрывать, а открывать образовательные двери всем, кто хочет учиться, накормить голодных читателей книгой.

Пока в системе образования – полная дезориентация, порождающая тотальное недоверие к тому, что происходит в образовательной сфере. Недоверие к Министерству образования и науки, к его образовательным инновациям, к ЕГЭ с опубликованными в Интернете вариантами ответов, к ВАК, невесть как выдающей дипломы об ученых степенях, к самому министру, который охарактеризовал преподавателей высшей школы, получающих свою нанозарплату в 20–30 тысяч рублей, как преподавателей невысокого уровня, готовых работать за эти деньги. Высоким уровнем, по Ливанову, отличаются ректоры вузов, доход которых зашкаливает за многие миллионы.

Ректоры-миллионеры и едва сводящий концы с концами педагогический корпус – такова новая педагогическая реальность.

Более чем странно звучат слова министра и о том, что нам сейчас нужно не заниматься поиском «научной шпаны», псевдоученых, не имеющих к профессиональной науке никакого отношения, не проводивших никогда в своей жизни научных исследований и самостоятельно не только не писавших «своих» работ, но даже порой их не читавших, – с этим, к сожалению, придется смириться как с уже свершившимся фактом. Нам важно работать над восстановлением высоких стандартов и престижа научной деятельности.

Нарочно не придумаешь такую логику. «Научную шпану» оставляют в покое. Пусть она в университетах продолжат спокойно воспроизводить себе подобных. А министерство займется, тем временем, высокими стандартами. Спрашивается, с кем же собирается министерство восстанавливать престиж научной деятельности? Здравый смысл даже на обыденном уровне стремительно покидает педагогический Олимп.

Острейший вопрос не только для педагогики, но и культурологии, социологии, политологии, да, в общем, для всех гуманитарных наук, сводится к взаимоотношению государства и человека (общества, общественных объединений, гражданского общества).

Веками, начиная от Петра I и заканчивая СССР, приоритет отдавался государству. И Петр I, и большевики стремились сформировать государственного человека, который раньше думал о Родине, а потом о себе. И надо сказать, много преуспел и в этом деле.

После распада СССР либерально-демократическая модель стремится свести к минимуму государственное начало во всех сферах – экономике, культуре, образовании. Этой точки зрения придерживается и М. А. Ариарский[5]. «Нельзя утверждать, – пишет он, – что у государства есть социально-культурная функция… Социально-культурная деятельность – это, безусловно, институт гражданского общества, который функционирует в соответствии с принципами общественной организации креативного творчества людей».

Допустим, что у государства действительно нет социально-культурной функции, что социально-культурная деятельность, безусловно, институт гражданского общества. Почему же тогда существуют государственные университеты культуры с социально-культурными факультетами? Почему существуют государственные учреждения культуры: клубы, библиотеки, музеи т. д.?

Надо сказать, что проблема государства и общества, государства и гражданского общества не проста. Много есть аргументов в пользу и одной, и другой позиции. Много есть уязвимых позиций при абсолютизации той или другой точки зрения.

Надо внимательно присмотреться к тому, что происходит сегодня в реальной жизни, как сотрудничают, к примеру, государство и церковь Патриарх Кирилл давно уже говорит о соработничестве церкви и государства. В год 1025-летия Крещения Руси эту же формулу повторил и В. В. Путин.

Думается, это единственно верный подход. И его целесообразно распространить и на взаимоотношения государства и культуры, государства и социально-культурных институтов. Их взаимоотношения должны быть соработническими. В их сотрудничестве должна слышаться симфония, гармония.

4. Границы социально-культурной деятельности

А. Д. Жарков утверждает, что социально-культурная деятельность как научная дисциплина создана на базе учреждений культурно-досугового и социального типа[6].

Логика профессора завораживает. Нет базы – увольте. Ученый, как Пилат, умывает руки. На этом пути исследователя ждет много диковинок. Если, к примеру, художественная самодеятельность приютилась во Дворце культуры, из нее может пробиться росток теории. А запоют

а-ля бурановские бабушки в чистом поле, наука обойдет их стороной.

Пока руферы просто лазали по крышам, наука молчала. Сегодня власть Петербурга приняла решение обустроить некоторые крыши города своеобразными учреждениями – смотровыми площадками. Теперь руферы будут легитимно водить по ним специальные экскурсии, а наука вспыхнет ярким светом.

Едва ли не самый популярный клуб в бывшей Стране Советов, а теперь и в России, – КВН. Но у него не было своего учреждения. И поэтому, если пользоваться логикой А. Д. Жаркова, движение КВН осталось вне науки. Но вот к юбилею бессменного ведущего КВН А. Маслякова по инициативе В. В. Путина Правительство Москвы выделило КВН «базу». На социально-культурной карте появился новый тип учреждения культуры – Дом юмора. Теперь «научная дисциплина» охватит и КВН.

Пока ученые мужи замуровывают себя на своих «базах», окружающий мир фонтанирует яркой, сочной социально-культурной жизнью. Она ухитряется даже (без ведома науки) вырабатывать свой понятийный аппарат. Социально-культурное пространство, к примеру, завоевывает паблик-арт – искусство в открытой городской среде. На улицах, площадях, в парках, у стен соборов, крепостей исполняются оперы, проводятся гала-концерты, демонстрируются фильмы, открываются воркаутеры (фитнес-клубы на чистом воздухе).

В Самаре на берегу Волги с 1968 г. проходит Грушинский фестиваль бардовской песни. Он собирает до полумиллиона (!) поклонников этого жанра. «Грушинская» гора служит им зрительным залом. У подножия сооружена сцена в виде гитары. Ночью барды сидят у костра, пуская гитару по кругу, опуская ладони в Волгу. Они называют это грушинским братством. Самые высокопоставленные, уважаемые люди, включая Президента, поздравляли участников фестиваля.

Пять лет назад Самара доказала, что может претендовать еще и на столицу отечественного рок-движения. В 2009 г. здесь прошел уникальный для России музыкальный марафон – 12-часовой опен-эйр «Рок над Волгой». В 2013 г. рок-фестивальную площадку посетили 629 тысяч человек.

В Санкт-Петербурге проходит с 1968 г. единственный в мире праздник выпускников школ – «Алые паруса». Вчерашние мальчики и девочки приходят на встречу с новой взрослой жизнью, на радость свидания с чудом, с тайной надеждой на то, что мечта сбудется. Символом праздника стало сказочное гриновское судно с алыми парусами. Перед восходом солнца оно появляется в акватории Невы. Вырастающее из-за горизонта судно сопровождают музыка и свето- пиротехнические эффекты. До трех миллионов зрителей (!) приходят посмотреть уникальный спектакль на воде. В дни проведения праздника число иностранных туристов в Петербурге увеличивается в 2–2,5 раза.

Социально-культурная деятельность молодежных объединений требует отдельного большого разговора, хотя бы потому, что сегодня уже на основе сложных математических формул доказана неизбежность политической турбулентности (от лат. turbulentus – беспорядочный) в обществе при резком росте доли молодежи в численности населения (так называемое явление молодежного бугра). Молодежная субкультура вырвалась из заготовленных для нее учреждений на свободу. Для готов «опорными пунктами», «базами» сбора стали кладбища, заброшенные, пустынные уголки; для граффити – стены домов, заборы; для байкеров – ночной город; для руферов – крыши многоэтажек; для диггеров – подземелья. То, что они оказались вне сферы педагогического воздействия, иначе как беспечностью (самое мягкое слово), безответственностью профессиональных социально-культурных работников не назовешь.

Вопреки А. Д. Жаркову, социально-культурные институты сами «пошли в народ». Под открытым небом стали работать библиотеки. Музеи создают художественные мили (копии произведений классиков мировой живописи, выставленные на обозрение вне стен музея). Ко дню 310-летия Санкт-Петербурга на ступенях Исаакиевского собора выступил хор из 4335 человек в сопровождении Большого симфонического оркестра. Звучали популярные песни, которые подпевали 58 тысяч зрителей. Акция Исаакиевского собора занесена в Книгу рекордов России. Цирк на Фонтанке создает музейно-цирковой квартал «Чудесад». В нем «сольются в экстазе» музыка, цирк, глотатели огня, канатоходцы, жонглеры, фокусники. Художественный руководитель БДТ Андрей Могучий вынашивает идею превратить улицу перед театром в зону просвещения.

В Москве, Санкт-Петербурге открыты зоны свободного слова – Гайд-парки.

5. Второе просвещение

Внешкольные работники первых лет советской власти решали непостижимо сложные задачи. Они переустраивали жизнь. Ленин считал, что их участие в Гражданской войне вызывало психологический сдвиг, в итоге большевики победили. Они одолели неграмотность. Коллективизация была едва ли не самым трудным испытанием для государства. Внешкольники и здесь были в гуще событий. Вот поразительный факт. В 1934 г.

80 % выпускников института внешкольного образования (он к этому времени стал называться Коммунистическим политико-просветительным институтом) были направлены в деревню, чтобы сделать колхозы большевистскими.

И в более поздние годы преподаватели Ленинградского вуза культуры держали руку на пульсе социально-культурной жизни. Редко какой юбилей города обходился без их участия. Профессор Д. М. Генкин со своей командой на Олимпиаде–80 поднял в небеса легендарного Мишку.

Сегодня наследники внешкольных, культурно-просветительных работников – социально-культурные – работники держат планку своих великих предшественников, остаются в гуще планетарных событий. Вот самый последний пример. Студенты кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников стали соорганизаторами светомузыкального шоу для участников Саммита G 20. Еще одна реперная точка Санкт-Петербурга, его бренд – Международный культурный форум. Концепцию форума разрабатывали вместе с ведущими культурологами и ученые университета. Секция университета была едва ли не самой дискуссионной.

Давно уже замечено: юбилей – повод отметить не только достижения, но и сконцентрировать внимание на нерешенных проблемах. Трагедия нового народничества – одна из них. Знаковое событие последнего времени –судьба московского интеллигента, художника Ильи Фарбера. Он перебрался из Москвы в деревню, чтобы произвести культурную революцию. Учительствовал. Городской мечтатель видел школу как дом Солнца, в котором никогда не гаснут окна. Фарбер делал для детей праздники, занимался с ними спортом. А еще был и заведующим сельским клубом, хотел превратить его в туристическую Мекку. И все бы хорошо, но вот не сумел наладить отношения с местными жителями. Как здесь ни вспомнить оценку, которую писатель М. А. Алданов дал Галилею. По Алданову, Галилей был мудрецом в науке о звездах, но неучем в науке о людях. И Фарбер людей не понимал и не чувствовал. Стоит ли удивляться, что община нашла жестокий способ изгнать чужака. Суд вынес ему неоправданно суровый приговор. В бочке меда его финансово-хозяйственной деятельности была обнаружена ложка дегтя. Пришлый энтузиаст раздражал местных жителей декларированной праведностью. Община не захотела по чертежам Фарбера насильственно хорошеть и культурно расцветать.

Есть над чем задуматься педагогическому корпусу вузов культуры. Его выпускники отличные гики (одержимые наукой, новыми технологиями). Но вот искусству ладить с людьми их не учат. Они не спешат туда, где земля горит под ногами, где нерв общественной жизни. Социально-культурные землетрясения рождают стихийных лидеров, способных вывести людей из зоны турбулентности, объединить народ вокруг возникшей проблемы и повести его за собой. Им дана способность «глаголом жечь сердца людей». Они умеют выдвинуть конструктивную программу. Рубят в Подмосковье Химкинский лес – и вот возникла фигура Е. Чириковой. В вузы культуры надо принимать тех, у кого в генах заложены харизма, пассионарность. И их надо учить тому, что делают в физике: переводить один вид энергии в другой. Протестную энергетику на Болотной площади преобразовывать в готовность «рассерженных горожан» проявить себя в созидательной деятельности.

Сделать это сложно, но можно. Пример, который мог бы украсить все учебники по педагогике: байкеры из «ночных волков» выросли в общественно значимый мотоклуб. Их лидер Хирург (Александр Залдостанов) получил из рук Президента России орден Почета за активную работу по патриотическому воспитанию молодежи. Байкеры и в самом деле проводят масштабные акции. Одна из последних – реконструкция символа Сталинграда – фонтана «Детский хоровод» и проведение патриотического шоу в год 70-летия окончания Сталинградской битвы. На праздновании победы присутствовал В. В. Путин. Он вместе с Александром Залдостановым открыл возрожденный легендарный фонтан.

Нельзя не обратить внимания на то, что коренным образом изменилась аудитория социально-культурных работников. Она постоянно пополняется все новыми и новыми субкультурами. Утверждает себя и новый формат общения с ними. В августе на «Селигере–2013» В. В. Путин отвечал человеку, соорудившему огромный баннер с надписью «Вопрос от рыжей бороды», девушке с плакатом «Долина нищих», ребятам в костюмах поросят. В. В. Путин говорил с молодежью и подростками, для которых кричалки и плакаты – абсолютно естественный формат самовыражения.

Готовы ли к такому диалогу выпускники вузов культуры? Вряд ли. Технологии подготовки студентов к новому молодежному вызову пока еще не разработаны.

Праздничная культура всегда была приоритетной сферой для социально-культурных работников. Испытанием на зрелость станет для них 2014 г., объявленный Годом культуры. Надо брать инициативу в свои руки и готовить программы на уровне местного самоуправления, региона, центра.

В самом конце декабря 2012 г. В. В. Путин подписал закон, дополняющий перечень памятных дат. 1 августа теперь будет отмечаться

как День памяти воинов русской армии, павших в Первую мировую войну. Разумеется, речь идет не о празднике, а о памятной дате. Поэтому возникает закономерный вопрос: «А как ее нужно отмечать?» Он связан с другим, не менее важным вопросом: «В чем состоит значимость этого дня для нашего общества и государства?» В 2014 г. 100-летний юбилей с начала той войны. Память о ней долгое время пытались стереть, могилы осквернялись, кладбища сравнивали с землей. Только сейчас стала зарождаться новая традиция поминовения ее героев. Сейчас, как никогда, нужна концепция проведения памятного юбилея, сценарии, режиссура массовых мероприятий.

Своеобразие сегодняшнего дня состоит в том, что к услугам педагогического корпуса вузов культуры и его выпускников стараются не прибегать при возникновении принципиально новых социально-культурных проблем. Вот яркий пример. По поручению Председателя Правительства Д. А. Медведева создаются Центры культурного развития в малых и средних городах России. Это будет сеть учебных заведений дополнительного образования в сфере современного искусства. Там будут изучать актуальные формы живописи, видеоарт, паблик-арт, урбанистику, медиа, кино. Первые три центра появились в Центральном федеральном округе, на Урале и на острове Русский возле Владивостока. В качестве преподавателей фигурируют руководители российских культурных центров «Стрелка», «Гараж», «Винзавод», бизнесмены, приглашенные зарубежные эксперты. Педагоги вузов культуры и их выпускники для таких занятий оказались не востребованы.

В мире активно развиваются тематические парки развлечений. Это принципиально иной формат, чем привычные для всех парки культуры и отдыха. Группа компаний «Регионы» объявила о строительстве в Петербурге некоего подобия «Диснейленда». На этом дерзком пути компания сталкивается с кучей не только инженерно-технических проблем. Едва ли не сама большая головная боль – управление и эксплуатация чудограда. В России нет специалистов такой компетенции, ни один вуз их не готовит.

Выпускники вузов культуры пока еще обходят стороной новые типы учреждений культуры, рожденные жизнью: лофты, вокзалы-хабы, мультиплексы, воркаутеры, гайд-парки, кидбурги и т. д.

Нельзя не обратить внимания еще на одну сложнейшую проблему нового времени – Интернет. Большая часть населения «подсела» на это техническое достижение рубежа веков. Интернет – это и радио, и телевидение, и библиотека, и служба знакомств, и дискуссионная площадка, в общем, это еще одна реальность, которая, увы, оказалась вне сферы влияния социально-культурных работников. Надо исправлять ситуацию, вводить новый курс в колледжах, вузах культуры, который бы учил будущих социально-культурных работников искусству управления интернет-сообществом.

В социально-культурном обновлении России высоким ориентиром может служить гражданская позиция художественного руководителя, директора Мариинского театра В. Гергиева. Он много ездит по стране и с каждым губернатором говорит об акустически совершенных театрально-концертных залах, о культурных комплексах. Для Гергиева самым важным представляется восстановление общенационального проекта «Россия поет». Он хочет вернуть великолепную российскую традицию хорового пения. С его легкой руки в стране набирает обороты массовое певческое движение. В России 1100 городов. Значит, – говорит В. Гергиев, – в стране будет 11 тысяч детских хоров. Это переворот в мировой хоровой культуре. Вот бы социально-культурным работникам научиться так, как В. Гергиев, разговаривать с губернаторами, реализовывать такие проекты.

Этому надо учиться, если социально-культурные отделения вузов культуры не хотят превратиться в факультеты ненужных вещей, а социально-культурные работники – в умные ненужности. Беспримерная активность православной церкви получила емкое и точное определение «Второе Крещение Руси». Стране сегодня как никогда нужно «Второе просвещение России». И во главе этого судьбоносного движения должны стать социально-культурные работники, как 95 лет назад на ниве ликвидации безграмотности стояли их предшественники – внешкольные работники, политпросветработники, культурно-просветительные работники.

Примечания

[1] Ленин В. И. Речь на II совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования, 24 янв. 1919 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 463–464.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Классовая борьба во Франции // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1956. Т. 7. С. 53.

[3] Ленин В. И. О сокращении программы ремонта и строительства военно-морских судов // Полн. собр. соч. 5-е изд. 1970. Т. 45. С. 312.

[4] Ленин В. И. Речь на митинге в Пресненском районе, 26 июля 1918 г. // Там же. 1969. Т. 36. С. 535–536.

[5] Ариарский М. А. Теория социально-культурной деятельности отвечает на вызовы времени // Вестн. СПбГУКИ. 2013. № 2. С. 42.

[6] Жарков А. Д. Теория и методика организации социально-культурной деятельности: учебник. М.: МГУКИ, 2012. С. 11.

УДК 001.8:378(091)

А. В. Соколов

Научно-исследовательский сектор ЛГИК: 1971–1991: воспоминания научного руководителя

Научно-исследовательский сектор существовал в Ленинградском государственном институте культуры в качестве самостоятельного научного подразделения в течение 20 лет. Охарактеризованы основные тематические направления исследований и подведены научно-педагогические итоги его деятельности.

Ключевые слова: Институт культуры, научно-исследовательский сектор, автоматизация библиотечно-информационной деятельности

Arkadiy V. Sokolov

Research sector of Leningrad State Institute of Culture: 1971–1991: memories of scientific head of department

Research sector existed at Leningrad State Institute of Culture as an autonomous academic unit within 20 years. Described the major thematic areas of research and summed up the results of his scientific and pedagogical activity.

Keywords: Institute of culture, Research sector, automation of library and information work

95-летняя история нашего университета неразрывно связана с историей книговедения, библиографоведения, библиотековедения и информатики в нашей стране. Нередко ученым и педагогам ЛГИК (СПбГУКИ) приходилось выступать в качестве инициаторов, пионеров, первооткрывателей различных научных новаций. Вспоминаются провозглашенные в 1920-х гг. книговедческо-философские идеи М. Н. Куфаева, продолженные в 1970-х гг. И. Е. Баренбаумом, историограф читателеведения Б. В. Банк, более полувека трудившийся на кафедре библиотековедения, основатель учебной дисциплины «работа с читателями» В. Ф. Сахаров, страстный рыцарь библиографической науки М. А. Брискман… Видимо, неслучайно в 1967 г. именно на библиотечном факультете ЛГИК была открыта первая в системе библиотечного образования кафедра научной информации, которая в 1970 г. стала называться первой в нашей стране кафедрой информатики. Увлекательная летопись научных исканий СПбГУКИ ждет своих прилежных авторов.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы напомнить об одном из эпизодов 95-летней летописи – истории создания и функционирования научно-исследовательского сектора (НИС) ЛГИК.

В апреле 1970 г. больного ректора Н. П. Скрыпнева сменил моложавый и энергичный Евгений Яковлевич Зазерский. В Институте культуры началась эра реконструкции: уютную обитель интеллигентов-книжников стали превращать в столичный, блестящий и престижный вуз – в лидера культпросветского образования. Нужны были деньги, много денег, и предприимчивому Е. Я. Зазерскому пришла в голову блестящая мысль: почему бы ни организовать в институте хозрасчетное подразделение, допустим, научно-исследовательский сектор! Прецеденты были только в технических вузах; интеллигентные вузы культуры, естественно, не помышляли о каком-либо предпринимательстве. Задумано – сделано. Заведующему кафедрой информатики А. В. Соколову дается задание: организовать НИС ЛГИК. «Помощь – гарантирую». 13 мая 1971 г. министр культуры РСФСР Н. А. Кузнецов подписал приказ об организации в ЛГИК научно-исследовательского сектора на хозрасчетных началах.

Риск был велик: не было ни опыта, ни заказчиков, ни исполнителей. Однако, вопреки здравому смыслу и формальной логике, авантюрная, по сути дела, затея неожиданно стала воплощаться в жизнь. Мобилизовав свои интеллектуальные заделы, кафедра информатики обнаружила актуальные научные проблемы, способные привлечь заказчиков. В библиотечно-информационной сфере нашлись коллеги, проявившие готовность финансировать наши инициативные исследования (спасибо В. К. Вахабову из Пермского НИИ управляющих машин и систем и В. И. Тарасову из ГПНТБ СССР). Но главный залог жизнеспособности заключался в том, что в НИС пришли молодые, жизнерадостные, квалифициро-

ванные специалисты, увлеченно взявшиеся за дело. Финансово-экономические и хозяйственные заботы взвалил на свои широкие плечи В. И. Белоненко. Первый отряд штатных сотрудников состоял из пяти человек: В. Ш. Рубашкин, В. Ф. Першиков, Ф. А. Опальный, Т. А. Половинко (Цицерошина), Г. Н. Рябинина. Несмотря на предсказания институтских кассандр, были успешно выполнены обязательства первого года, потекли заказы на новые работы. НИС начал стремительно и весело расти. Атмосферу тех лет прекрасно передают «вокальные зарисовки», которые исполнялись на мотивы известных песен. Баян в руках Валерия Леонова, неизменного маэстро нисовской самодеятельности, давал необходимый эмоциональный градус.

Подземный ход в Науку

Серьезно или в шутку,
Попробуй – докажи,
Подземный ход в Науку
Решили проложить;
Подвал арендовали,
Повесели карниз
И кратко обозвали
Получившееся: «НИС».
Припев:
Потолок ледяной,
Дверь скрипучая
Картотеки горой,
Книги кучами,
И народ молодой
Элегантный,
Для работы любой
Релевантный.

Не серебро, не злато
Искали под землей –
Концепты, денотаты,
Дескриптор ключевой;
Тезаурус копили,
Болела голова
В Тезаурусе были
Все слова, слова, слова…
Припев.

Дадим друг другу руку,
Пусть будет нам с тобой
Подземный ход в Науку
Дорогой столбовой.
Еще не знаем сами,
Где путь проложен наш,
Но ты возьми на память
Этот нисовский пейзаж:
Припев.

НИС просуществовал ровно 20 лет (1971–1991), и все это время мне пришлось быть научным руководителем сектора. Я считал своим долгом документально фиксировать в публикациях поступательное движение нашего сектора[1]. Были подготовлены два сборника «нисовских» научных трудов «Современные проблемы разработки информационно-поисковых языков» (Л.: ЛГИК, 1979. 146 с.) и «Научно-технический прогресс в библиотеке. Опыт хоздоговорных работ» (Л.: ЛГИК, 1989. 149 с.). К последнему приложен библиографический указатель основных публикаций сотрудников НИС ЛГИК, насчитывающий 167 названий.

Для того чтобы дать представление о масштабе исследований НИС, приведем несколько цифр. В общей сложности за 20 лет разработаны 136 научно-исследовательских тем с объемом финансирования 6,37 млн рублей. С 1977 г. сектор достиг стабильного режима работы: 16–20 тем ежегодно при финансировании порядка 400 тыс. рублей, количество штатных сотрудников 75 человек, внештатный состав 70–80 преподавателей института и 60–100 студентов. В качестве заказчиков выступили 48 организаций, в том числе 4 всесоюзных центра, 12 отраслевых центров, 3 территориальных центра, 5 ленинградских промышленных объединений и учреждений, 4 предприятия за пределами города. 60–70 % в объеме работ НИС занимали исследования, связанные с разработкой автоматизированных систем научно-технической информации (АСНТИ), которыми занималась кафедра информатики и технических средств; 15–20 % отводилось на разработку проблем библиотековедения, библиографии, информатики, не относящихся непосредственно к автоматизации; остальные 15–20 % уходили на тематику культпросветработы (КПР). Эти данные свидетельствуют, что НИС приобрел статус специализированной научно-исследовательской организации в области автоматизации информационных (точнее – библиотечно-библиографических) процессов. Уместно заметить, что приведенные показатели в 5–10 раз превышали соответствующие данные МГИК и Кемеровского института культуры, организованных вслед за нами.

Тематический профиль НИС ЛГИК образовали четыре направления, содержание которых представлено в таблице на с. 18.

По характеру своему 80 % разработок были прикладными, т. е. нацеленными на непосредственное внедрение их результатов в практику; остальные 20 % носили поисковую направленность, связанную с изучением фундаментальных закономерностей и основополагающих принципов.

Тематическое направление; количество тем / стоимость	Содержание договоров	Заказчики
1) Автоматизация библиотечно-информационных процессов; 64 темы / 4,43 млн р.	Разработка концепций, технических и рабочих проектов; создание лингвистического обеспечения и тезаурусов; семантические исследования; совершенствование существующих систем; алгоритмизация обработки текстов; ввод в эксплуатацию отраслевых и локальных автоматизированных систем и их сетей; автоматизация отдельных статистических или управленческих процессов и т. п.	ГБЛ, ИНИОН, ВКП, НПО «Парма», ЦНИИ «Румб», ВИЭМС, Информэлектро, Информэнерго, Мортехинформреклама, Атоммаш, Электросила, Ижорский завод, «Красная заря», НПО бумпром, ЦКТИ им. И. И. Ползунова и др.
2) Библиографические и библиотечные исследования; 32 темы / 1,15 млн р.	Совершенствование государственной библиографии; перспективы развития системы научно-технических библиотек; анализ, оценка состояния, прогнозирование отраслевых библиографических потоков; управление библиотечно-библиографическим обеспечением научно-технического прогресса; эффективность библиотечно-библиографической деятельности, построение локальных и территориальных библиотечно-библиографических систем и др.	ВКП, ГПНТБ СССР, Информэлектро, РНТБ Латв. ССР, НИИ «Электроника», ФТИ им. А. Ф. Иоффе, НПО «Позитрон», ЛенЦНТИ, ЛЭТИ и пр.
3) Социологические исследования; 20 тем / 0,53 млн р.	Анализ эффективности научно-технической пропаганды, воспитательное воздействие художественной самодеятельности, разработка модели клубных учреждений, управление творческим процессом самодеятельных коллективов, разработка экспозиционных планов музеев на предприятиях и т. п.	Ленинградский дом научно-технической пропаганды, ЦПКиО им. С. М. Кирова, ВНМЦ народного творчества, Главное управление культуры, ПО «Красногвардеец», Музпром и пр.
4) Прочие работы; 9 тем / 0,26 млн р.	Исследования, выполненные кафедрами политической экономии, промышленного производства, физвоспитания.	

Примерами крупномасштабных прикладных разработок могут служить проектирование и внедрение отраслевых АСНТИ в отраслях Министерства культуры СССР и Министерства морского флота СССР. Первая разработка осуществлялась в течение двух пятилеток: в 1980 г. была сдана в промышленную эксплуатацию АСНТИ «Союзкультура»; в 1985 г. завершена работа над системой «Союзкультура–2». В том же 1985 г. межведомственная комиссия приняла в эксплуатацию АСНТИ морского флота. При проектировании АСНТИ в максимальной степени использовались апробированные типовые проектные решения, но вместе с тем учитывались специфические условия функционирования систем и наличие возможности повысить их эффективность. Назову оригинальные проектные решения, реализованные в АСНТИ «Союзкультура», которые могут использовать создатели аналогичных автоматизированных систем.

Обычно современные АСНТИ ориентированы на исчерпывающе полный сбор библиографических сведений обо всех отечественных и зарубежных документах по тематике системы. Действует правило «чем больше, тем лучше». Текущее информирование и справочно-библиографическое обслуживание организуются по принципу «лучше информационный шум, чем потери информации». В результате абонент получает избыточную информацию, которая из-за своего чрезмерного объема не облегчает, а скорее затрудняет поиск нужных документов. Короче говоря, современным АСНТИ не свойственна рекомендательная функция. Малозначительная заметка представляется в машиночитаемых массивах столь же весомо, как проблемная статья или даже монография. Возникает, стало быть, необходимость определения ценности библиографируемых документов, их ранжирования в соответствии с содержательными оценками

и дифференцированного использования при обслуживании абонентов.

Как разрешить эту проблему, не прибегая к трудоемким и субъективным экспертным суждениям? При существующих способах оценки общественного знания эта проблема вряд ли разрешима в полной мере. Но есть возможность приблизиться к искомому решению. В техническом проекте АСНТИ «Союзкультура» впервые в практике информационного обслуживания реализована идея подготовки кумулятивного указателя материалов ИРИ (КУ ИРИ), которому свойственны подытоживающая и рекомендательная функции[2]. Другой новаторской разработкой НИС является метод алгоритмического избирательного свертывания текстов (метод АИСТ), который заслуживает внимания систематизаторов, предметизаторов, индексаторов в качестве методологической основы их деятельности[3]. В теории информационного поиска давно дискутируется проблема «механизации» библиотечно-библиографических классификаций. Нам пришлось практически столкнуться с этой проблемой при разработке лингвистического обеспечения АСНТИ «Союзкультура», в состав которого входит версия ББК, предназначенная для научных библиотек. Был выработан общетеоретический подход, пригодный для любых иерархических или фасетных классификаций ручного поиска. Пожалуй, наиболее существенной методологической идеей, практически реализованной в нескольких проектах НИС, является концепция системы совместимых фасетно-блочных тезаурусов[4].

НИС ЛГИК всегда считал своим долгом содействовать научно-техническому прогрессу в информационных службах и библиотеках Ленинграда. Успешно были завершены разработки локальных автоматизированных библиотечно-информационных систем для ВНИИ бумпром (система «Папирус») и ПО «Ижорский завод» (система «Норис»), которые были отмечены медалями ВДНХ. С помощью НИС осуществлялись работы по автоматизации информационных процессов в проектном институте Гипроспецгаз (научный руководитель В. М. Мотылев), объединении «Электросила» (научные руководители А. В. Блек и В. Ш. Рубашкин), НПО «Красная заря» (научный руководитель Д. Л. Казачков).

Фундаментальными и не имеющими аналогов в мировой практике можно назвать исследования, выполненные НИС по договорам с Информэлектро в 1976–1987 гг. Сюда относятся темы «Реферат» (научный руководитель В. Ш. Рубашкин) и «Экстракт» (научный руководитель В. П. Леонов). Задача первой работы заключалась в разработке типовой документально-фактографической автоматизированной системы НТИ для отраслевых и межотраслевых центров информации; задача второй – в разработке научно-методических основ для автоматизации реферирования и аннотирования. Участие в столь перспективных и весьма теоретически продвинутых разработках было хорошей профессиональной школой для сотрудников НИС. Материалы нисовских исследований послужили базой для более чем десяти кандидатских диссертаций сотрудников сектора и были использованы в докторских диссертациях О. М. Зусьмана, В. П. Леонова, В. А. Минкиной, В. М. Мотылева, А. В. Соколова. В 1991 г. в связи с изменением социально-экономического строя в стране НИС ЛГИК прекратил свое существование.

Примечания

1 Соколов А. В., Зазерский Е. Я. Научно-исследовательский сектор ЛГИК им. Н. К. Крупской // Науч. и техн. б-ки СССР. 1977. № 4. С. 29–32; Соколов А. В. Роль научно-исследовательского сектора в развитии научной деятельности института культуры // Основные проблемы управления учебно-воспитательным процессом в вузе культуры. Л.: ЛГИК, 1979. С. 54–58; Соколов А. В., Зазерский Е. Я. Развитие хоздоговорной библиотечной науки // Науч. и техн. б-ки СССР. 1988. № 5. С. 28–31; Соколов А. В. Профильная научная проблематика НИС ЛГИК им. Н. К. Крупской // Научно-технический пр;огресс в библиотеке: опыт хоздоговор. работ: сб. науч. тр. / ЛГИК. Л., 1989. С. 8–17.

2 Соколов А. В., Афанасова Л. Н. Кумулятивный указатель ИРИ (КУ-ИРИ) – новый вид информационного издания // Проблемы автоматизированной обработки научно-технической информации. М., 1983. С. 174–176.

3 Соколов А. В. Метод алгоритмического избирательного свертывания текстов (АИСТ) // НТИ. Сер. 2. 1972. № 8. С. 9–14; Соколов А. В., Кокорина А. П. Алгоритмический метод избирательного индексирования документов простой структуры // Там же. 1974. № 5. С. 11–16.

4 Соколов А. В. Методические материалы по разработке информационно-поисковых тезаурусов: учеб.-метод. пособие. Л.: ЛГИК, 1975. 68 с.; Его же. Принцип построения фасетно-блочных тезаурусов // Информационные языки: сб. ст. / АН СССР, Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика». М., 1975. С. 222–243; Его же. Об одном возможном подходе к обеспечению совместимости информационно-поисковых тезаурусов: универсальная фабула ИПТ // НТИ. Сер. 2. 1977. № 1. С. 19–24.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ, БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ И КНИГОВЕДЕНИЕ

Library science, Bibliography, Bibliology

УДК 02:37.016(091)

А. Н. Ванеев

Общее библиотековедение в научной работе и преподавании на кафедре библиотековедения и теории чтения

Развитие общего библиотековедения как научной и учебной дисциплины в СПбГУКИ с 1918 г. Вклад кафедры библиотековедения и теории чтения в разработку теоретических основ библиотековедения, структуры и содержания учебной дисциплины.

Ключевые слова: общее библиотековедение, научная разработка, история преподавания в СПбГУКИ

Anatoly N. Vaneev

General library science in scientific work and teaching at the Department of library science and theory of reading

Development of a general library science as a scientific and academic discipline in Saint-Petersburg State University of Culture and Arts since 1918. Contribution of the Department of library science and theory of reading in the development of the theoretical foundations of library science, structure and content of the academic discipline.

Keywords: general library science, scientific development, history teaching in Saint-Petersburg State University of Culture and Arts

В начале XX в. в России, как и за рубежом, библиотековедение обычно подразделялось на две части (отдела): теоретическое и практическое (прикладное) библиотековедение. Традиционно к теоретической части относили классификацию библиотек, историю и статистику библиотечного дела, а практической – устройство и функционирование библиотек.

В противовес такому представлению, Л. Б. Хавкина в докладе на Первой конференции научных библиотек (1924) «Научная разработка вопросов библиотековедения» обосновала развернутую структуру библиотечной науки, подчеркнула необходимость научного рассмотрения всех сторон и аспектов библиотечного дела. Однако в ее структуре не было выделено «общее библиотековедение»[1].

В литературе 1920-х гг. понятие «общая теория библиотековедения» впервые ввел М. Н. Куфаев[2], однако это предложение не получило, к сожалению, в те годы развития в библиотековедческой литературе. Поэтому в учебном плане книжно-библиотечной секции Института внешкольного образования курс общего библиотековедения отсутствовал[3]. И хотя в 1922 г. в структуре книжно-библиотечного факультета была выделена кафедра общего библиотековедения, в учебном плане этой кафедры по-прежнему не было курса общего библиотековедения. Общие проблемы библиотечного дела рассматривались в курсах истории библиотек и организации библиотечного дела[4].

В научную разработку проблем истории библиотечного дела наиболее существенный вклад внес в те годы профессор библиотечного факультета Я. В. Ривлин. В своей обстоятельной статье «Методические течения в области истории библиотековедения» он рассмотрел и систематизировал существовавшие взгляды на задачи библиотеки и средства их решения. Им были рассмотрены три точки зрения: библиофильская, образовательно-утилитарная и социально-педагогическая[5]. Я. В. Ривлину принадлежит первая в отечественной библиотечной науке обобщающая работа по истории библиотековедения.

В 1920-е гг. общие проблемы библиотечного дела рассматривались в курсах «Современное состояние библиотечного дела» и «Библиотечная сеть», а также в ряде небольших управленческих курсов («Библиотечное законодательство», «Библиотечное делопроизводство», «Библиотечная статистика»). Из этого перечня курсов можно сделать вывод, что в понятие «общее библиотековедение» вкладывались общие проблемы библиотечного дела, а не теоретические проблемы библиотековедения как науки. Такое представление существовало и в последующие годы, что было связано, прежде всего, с представлением о библиотековедении как не теоретической, а практической дисциплине.

В 1924–1925 гг. Институт внешкольного образования был преобразован в Коммунистический политико-просветительный институт. Это привело к идеологической и организационной перестройке вуза, в том числе и библиотечного

образования. Был ликвидирован библиотечный факультет. Его заменила библиотечная предметная комиссия. В соответствии с концепцией «революционной целесообразности» было прекращено чтение учебных курсов, претендующих на теоретическое освещение. В учебном плане остались лишь курсы «Современная организация библиотечного дела», «Библиотечная техника» и «Методы политпросветработы в библиотеке».

С 1925 г. преподавание библиотечных дисциплин велось в рамках специализации в курсах «Политико-просветительная работа в библиотеке» и «Практическое библиотековедение».

По свидетельству директора института Я. Нетупской, новое руководство института «изгнало все псевдонаучные, аполитичные профессорско-педагогические кадры». По ее мнению, преподавателям специальных дисциплин был присущ «ползучий эмпиризм, отрыв формы от содержания». Критике подвергался не только отрыв теории от практики, но и «излишний методизм в ущерб политическому содержанию»[6].

В 1932 г. из кафедры политпросветработы была выделена самостоятельная библиотечная кафедра, которая получила название «кафедра библиотечной работы». С 1938/1939 учебного года кафедра начала преподавание курса «Общее библиотековедение». Программа курса была разработана А. В. Усовым и включала рассмотрение системы библиотек, характеристику их типов, состояние библиотечного дела за рубежом, организацию работы библиотеки (комплектование, планирование, бюджет, отчетность, руководство библиотечным делом), планирование и оборудование библиотек, историю библиотечного дела[7].

Поэтому утверждение О. С. Чубарьяна, что понятие «общее библиотековедение» вошло в научный оборот лишь в конце 40-х – начале 1950-х гг.[8], было, конечно, явной ошибкой, поскольку термин «общее библиотековедение» использовался в нашем институте еще в 1920-е гг., а курс «Общее библиотековедение» преподавался в нашем институте начиная с 1938 г. В 1951 г. Отделом учебных заведений Комитета по делам культурно-просветительных учреждений была утверждена типовая программа курса «Библиотековедение», в которой был выделен самостоятельный раздел «Общее библиотековедение», программу его разработал О. С. Чубарьян. В дальнейшем эта программа неоднократно перерабатывалась и переиздавалась.

Опиралась ли наша кафедра в преподавании курса «Общее библиотековедение» на утвержденную Комитетом по делам культпросветучреждений (затем – Министерством культуры РСФСР) типовую программу или вносила в нее какие-либо изменения, установить, к сожалению, не представляется возможным, так как, если и были рабочие программы дисциплины, то они не сохранились.

В эти годы О. С. Чубарьян приступил к научной разработке курса «Общее библиотековедение», которая завершилась изданием в 1960 г. учебника «Общее библиотековедение». Анализ содержания этого учебника позволяет утверждать, что под термином «общее библиотековедение» О. С. Чубарьян понимал вопросы организации библиотечного дела и работы библиотек. Это определение общего библиотековедения было повторено и во втором издании учебника (1968).

В 3-м издании учебника (1976) содержание понятия «общее библиотековедение» было уточнено: общее библиотековедение изучает закономерности библиотечного дела, принципы формирования советской библиотечной системы, типологию библиотек, организацию дифференцированного обслуживания различных групп населения, управление библиотечным делом. Как самостоятельная учебная дисциплина был выделен курс «Организация работы библиотеки».

В библиотековедческой литературе тех лет наряду с высокой оценкой вклада О. С. Чубарьяна в разработку общего библиотековедения содержались и критические замечания. О. С. Чубарьяна критиковали за то, что он довольно расширительно толковал содержание общего библиотековедения, включая в него ряд вопросов, относящихся к компетенции частной научной дисциплины – организации и управления библиотечным делом.

На терминологическом уровне в 1970-е гг. общее библиотековедение определялось как раздел библиотековедения, предмет изучения которого – закономерности развития библиотечного дела, организации библиотечного обслуживания населения[9]. Такое представление о научной и учебной дисциплине «Общее библиотековедение» сохранялось вплоть до 1980-х гг.

Существенные изменения в представлениях о содержании понятия «общее библиотековедение» произошли в 1980-х гг. как результат научной работы кафедры библиотековедения ЛГИК, в плане НИР которой начиная с 1970-х гг. разработка общетеоретических, методологических и исторических проблем библиотековедения занимала одно из ведущих мест.

С 1973 по 1976 г. по инициативе В. С. Крейденко кафедра библиотековедения совместно с НИО библиотековедения Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-

Щедрина издала серию материалов в помощь научно-исследовательской работе библиотек (18 выпусков). На базе этих сборников в 1978 г. была издана коллективная монография «Библиотековедческие исследования. Методология и методика». Среди авторов были А. Н. Ванеев и В. С. Крейденко. Первый был также членом редколлегии коллективной монографии.

В 1973 г. кафедра издала учебное пособие В. С. Крейденко «Методология и методика библиотечных исследований», в которой методология была рассмотрена как самостоятельный раздел, часть общего библиотековедения. В 1983 г. это пособие было издано издательством «Книга» в исправленном и дополненном виде. В 1988 г. В. С. Крейденко защитил докторскую диссертацию «Исследовательские методы в библиотековедении: современное состояние и пути повышения эффективности».

А. Н. Ванеев в эти годы активно разрабатывал общетеоретические и исторические проблемы библиотековедения. В 1976 г. кафедра издала его учебное пособие «Развитие библиотековедческой мысли в СССР в 1917–1959 гг.». В 1980 г. в издательстве «Книга» вышло расширенное и дополненное издание этой книги. В 1980 г. А. Н. Ванеев защитил докторскую диссертацию «Развитие библиотековедческой мысли в СССР».

Принципиальное значение для дальнейшей разработки проблем общего библиотековедения как научной и учебной дисциплины имела статья А. Н. Ванеева «Структура библиотековедения», опубликованная в 1983 г.[10] В статье был предложен новый подход к определению понятия «общее библиотековедение», дано четкое разграничение понятий «общее» и «частное» библиотековедение. А. Н. Ванеев полагал, что содержанием общего библиотековедения являются общетеоретические, методологические и исторические проблемы библиотечной науки: ее сущность, объект, предмет и структура; типология и терминология; закономерности, основополагающие принципы и общетеоретические концепции, соотношение с другими науками и место в системе наук; методология и методика библиотековедческих исследований; история библиотековедческой мысли. Частное библиотековедение рассматривалось в статье как набор частных библиотековедческих научных дисциплин, в основе построения которых лежат взаимосвязанные процессы дифференциации и интеграции библиотековедческого знания. Среди частных библиотековедческих дисциплин А. Н. Ванеев выделял и частную научную дисциплину «Функционирование библиотек и библиотечных систем».

Такое представление о структуре библиотековедения получило поддержку библиотечного сообщества, стало общепринятым и было закреплено на терминологическом уровне в статьях «Общее библиотековедение» и «Частное библиотековедение» в терминологических словарях 1986, 1995 и 1997 гг.

Стремление соотнести новую концепцию структуры библиотековедения с содержанием курса «Общее библиотековедение» привело кафедру библиотековедения ЛГИК к переизданию в 1984 г. 3-го издания учебника О. С. Чубарьяна. Новое издание под названием «Библиотековедение: проблемы теории» включало четыре главы учебника, посвященные общетеоретическим проблемам библиотечной науки, и дополнения, подготовленные преподавателями курса «Общее библиотековедение» А. Н. Ванеевым и Н. В. Лепниновой. В этих дополнениях были введены понятия «общее» и «частное» библиотековедение, дано новое определение «общего библиотековедения». От общего библиотековедения была четко отделена частная научная дисциплина «Организация и управление библиотечным делом». В текст добавлен параграф, посвященный развитию советского библиотековедения в 1940–1970-е гг. Это издание кафедры библиотековедения было основным учебным пособием для студентов и аспирантов библиотечного факультета ЛГИК до конца 1980-х гг.

В 1988 г. издательство «Книжная палата» выпустило под редакцией К. И. Абрамова и Н. С. Карташова новый учебник «Библиотековедение: Общий курс». В нем основные общетеоретические главы: «Библиотековедение как общественная наука», «Библиотековедение в системе наук», «Методология советского библиотековедения» были подготовлены профессорами А. Н. Ванеевым и В. С. Крейденко, что явилось признанием ведущей роли кафедры библиотековедения ЛГИК в теоретическом обосновании проблем общего библиотековедения. Эти главы учебника кафедра и сегодня включает в список обязательной литературы для студентов и аспирантов.

В последующие годы общетеоретические, методологические и исторические проблемы общего библиотековедения оставались в центре научных интересов кафедры библиотековедения. В 2003 г. Г. В. Варганова защитила докторскую диссертацию «Научно-исследовательская работа в библиотечно-информационной отрасли США». В разные годы были изданы монографии А. Н. Ванеева «Библиотековедение в России конца XX в.» (2007), Г. В. Баргановой «Библиотековедческие и информационные исследования в США» (2001), учебно-методическое пособие В. С. Крейденко «Библиотечные исследования» (2007).

Особо следует отметить статью доцента кафедры, преподавателя курса «Общее библиотековедение» С. А. Порошина «Философия библиотеки: к постановке вопроса»[11], которая послужила началом теоретических дискуссий по философским проблемам отечественного библиотековедения. С. А. Порошин представил развернутую концепцию философии библиотеки, которую он рассматривал как науку о наиболее общих теоретико-мировоззренческих проблемах библиотековедения. К сожалению, трагическая гибель в 1994 г. не позволила С. А. Порошину продолжить исследование этой важнейшей проблемы общего библиотековедения.

Все эти годы кафедра работала над совершенствованием учебного курса общего библиотековедения. В разные годы этот курс преподавали А. В. Усов, Т. В. Крюгер, Е. И. Кужелькова, Н. В. Лепнинова, Н. Д. Голубева, А. Н. Ванеев, З. И. Ривлин, Н. И. Карпова, С. А. Порошин, В. Г. Горев, И. В. Керзум, Л. В. Вольнова, Е. В. Мокшанова и др.

После введения магистратуры курс «Теория и методология библиотековедения» стала читать Г. В. Варганова.

К сожалению, в библиотеке СПбГУКИ не сохранились ни изданные кафедрой библиотековедения программы курса «Общее библиотековедение», ни методические разработки по этому курсу для студентов-заочников, что не позволяет проследить, как развивался курс в 1990–2000-е гг.

Последняя редакция программы курса «Общее библиотековедение», разработанная В. Г. Горевым, была опубликована в 2010 г.[12] Программа включает семь разделов. В первом разделе «Библиотековедение как общественная наука» рассматривается развитие мировой и отечественной библиотековедческой мысли; терминологический и понятийный аппарат; предмет и объект библиотековедения; международное сотрудничество в области библиотековедения. Второй раздел отражает место библиотековедения в системе наук и его взаимосвязи с другими отраслями знания. Третий раздел посвящен методологии библиотековедения и организации НИР в библиотековедении. Раздел 4-й отражает основные принципы организации библиотечного дела в России. Раздел 5-й посвящен библиотечному делу как системе. Раздел 6-й «Типология библиотек» включает характеристику основных типов и видов библиотек. Раздел 7-й рассматривает проблемы общественно-государственного руководства библиотечным делом и библиотечного законодательства в России. Раздел 8-й посвящен современному состоянию и перспективам библиотечного строительства в Российской Федерации.

Приложением к программе являются примерный перечень контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы, вопросы для самопроверки и подготовки к экзамену, список основной и дополнительной рекомендуемой литературы, тесты по курсу «Общее библиотековедение».

Итогом разработки проблем общего библиотековедения как научной и учебной дисциплины явилась подготовка и издание коллективом кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ под редакцией А. Н. Ванеева и М. Н. Колесниковой с привлечением специалистов из Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, МГУКИ, Национальной библиотеки Белоруссии нового учебника «Библиотековедение: общий курс»[13].

Примечания

[1] Хавкина Л. Б. Научная разработка вопросов библиотековедения // Труды Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926. С. 29–34.

[2] Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Л., 1924. С. 14.

[3] Зеленко В. А. Книжно-библиотечный факультет Института внешкольного образования // Библ. образование. 1920. Кн. 2. С. 268–278.

[4] Фомин А. Г. Работа книжно-библиотечного факультета Института политпросветработы им. Н. К. Крупской (бывшего Института внешкольного образования) с декабря 1918 г. по июнь 1925 г. // Библ. обозрение. 1926. Кн. 2. С. 139–149.

[5] Ванеев А. Н. Существенный вклад в научную разработку теории чтения: к 130-летию Я. В. Ривлина // Библиотековедение. 2005. № 3. С. 81–85.

[6] Ванеев А. Н. От книжно-библиотечной комиссии Института внешкольного образования до кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ, 1918–2008: ист. очерк. СПб., 2009. С. 15.

[7] Там же. С. 28.

[8] Чубарьян О. С. Общее библиотековедение: итоги развития и проблемы. М., 1971. С. 2.

[9] Словарь библиотечных терминов. М., 1976. С. 99.

[10] Там же.

[11] Порошин С. А. Философия библиотеки: к постановке вопроса // Библиотековедение. 1994. № 5 (6). С. 123–125.

[12] Горев В. Г. Общее библиотековедение: рабочая программа и учеб.-метод. материалы по курсу // Современное библиотечно-информационное образование: учеб. тетр. СПб., 2010. Вып. 10. С. 102–122.

[13] Библиотековедение: общий курс: учеб. для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность» / С. А. Басов, А. Н. Ванеев, М. Я. Дворкина и др.; науч. ред. А. Н. Ванеев, М. Н. Колесникова. СПб.: Профессия, 2013. 238 с.

УДК 02:001.8

Т. В. Захарчук

Научная школа в библиотековедении как объект идентификации ученых

Статья-ответ на публикацию В. В. Орлова «Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ»[1]. Научная школа в библиотековедении формируется и развивается, основываясь на его принадлежности к наукам социально-гуманитарного цикла и особенностях развития самой науки. Основными признаками научной школы являются: наличие лидера, исследовательской программы, сформулированной лидером и разрабатываемой его учениками, традиций, способствующих формированию этических научных норм.

Ключевые слова: научная школа, признаки научной школы, состав научной школы, кафедра библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ

Tatiana V. Zakharchuk

School of sciences in library science as object of identification of scientists

Article answer on V. V. Orlov's publication «Schools of sciences of Department of library science and theory of reading of Faculty of library and information of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts». The school of sciences in library science is formed and developed, based on its belonging to sciences of a social and humanitarian cycle and features of development of the science. The main signs of school of sciences are: presence of the leader, the research program formulated by the leader and developed by his pupils, the traditions promoting formation of ethical scientific standards.

Keywords: school of sciences, signs of school of sciences, structure of school of sciences, chair of library science and theory of reading of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts

Потребность в написании отзыва на статью В. В. Орлова о научных школах кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ вызвана тем, что ее автор предлагает научному сообществу взгляд на феномен научной школы как на некий предмет, к которому каждый исследователь может подойти со своими мерками. Статья носит чисто описательный и перечислительный характер и не содержит никаких научных подтверждений предлагаемым тезисам. Наличие факта существования научной школы зависит, по мнению автора, от того как мы определим содержание этого понятия. Это первая и самая важная методологическая ошибка автора. В таком случае научной школой можно назвать любое объединение ученых, придумав ему соответствующие признаки.

Так и В. В. Орлов, сразу после одного произвольно выбранного определения термина «научная школа», вдруг утверждает: «Таким образом, основоположниками научных школ кафедры можно считать…». Как это следует из определения термина «научная школа» – не очень понятно.

Не буду подробно говорить о принятых в социологии науки определениях понятия «научная школа», из которых автор статьи выбрал не самое распространенное. Однако совершенно очевидно, что при подготовке такой статьи следовало бы ознакомиться с определениями этого термина, данными современными социологами науки и государственными деятелями Е. З. Мирской, И. Г. Дежиной, Н. Х. Розовым, Д. А. Александровым.

Кроме того, с науковедческой точки зрения, вообще нельзя употреблять словосочетание «научные школы кафедры». **Научная школа** – **неформальный научный коллектив.** Можно говорить лишь о научных школах, сформировавшихся на кафедре, для которых кафедра является лишь организацией, где научные школы зарождались и, возможно, развиваются. А представителями этих школ могут быть исследователи, работающие в любом другом учреждении.

Вторая методологическая ошибка связана с выделением признаков научной школы. Автор ссылается на работы О. Б. Борисовой и работы автора настоящей статьи (правда, не указывает, на какие именно)[2]. Однако перечисленные им признаки выделены не нами. Это общепринятые признаки научной школы. Важнейшими признаками научной школы в настоящее время являются: признание научной школы профессиональным сообществом и самоидентификация возможных представителей научной школы. Но В. В. Орлов считает, что их можно не учитывать при рассмотрении школ кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

Из этого вытекают и ошибки в идентификации состава научных школ, сформировавшихся на кафедре. Автор произвольно называет основателей научных школ, не используя для доказательства этого никаких исследовательских методов (например, социологический опрос, анализ профессиональных публикаций и т. п.).

Игнорирование важнейшего признака научной школы – «наличие единой исследовательской программы» – приводит к тому, что «во главу угла» ставятся отношения типа «учитель–ученик», т. е. наличие диссертаций, защищенных под руководством лидера. Это один из возможных, но далеко не основной метод идентификации научной школы. Нельзя утверждать, что в научную школу входят все специалисты, защитившие диссертацию у того или иного крупного ученого. Многие ученики после защиты диссертации по разным причинам «уходят» в другие области исследований, а иногда даже переходят на противоположные научные позиции, т. е. меняют исследовательскую программу.

В результате своих размышлений В. В. Орлов относит профессора Т. И. Ключенко с ее кандидатской диссертацией «Первичный информационный поток и факторы его формирования (на материалах предприятий и организаций черной металлургии)» к научной школе, занимающейся проблемами библиотечного обслуживания. Аналогичная ситуация с профессором Г. В. Варгановой, кандидатская диссертация которой была защищена на кафедре научно-технической информации («Пути совершенствования справочно-поискового аппарата научно-технических библиотек и органов информации в условиях междуведомственного территориального отраслевого взаимодействия»), а докторская и вовсе посвящена научно-исследовательской деятельности в библиотечно-информационной отрасли США. Не объясняет автор и оснований отнесения А. Н. Ванеева к школе З. И. Ривлина. И таких примеров множество. В. В. Орлов в своей статье практически не использует термин «научная школа», речь идет лишь о научных направлениях. И это правильно, поскольку речь идет именно о **научных направлениях**, которые развивали определенные исследователи, в разные годы работавшие на кафедре. Но это совсем не означает, что они являются главами научных школ, а ученые, названные в статье их последователями, на самом деле разрабатывают одну исследовательскую программу. Они могут развивать различные подходы к исследованию одной и той же проблемы. Работа на одной кафедре и даже в одном научном направлении не означает принадлежности к одной научной школе.

Предварительное ознакомление В. В. Орлова со статьей О. И. Воверене, О. П. Вилькиной и Д. А. Рингайтите (которую он приписал только О. И. Воверене), позволило бы выявить очень осторожные высказывания ее авторов о научных направлениях, сложившихся в библиотековедении, которые могут перерасти в научную школу (а могут и не перерасти)[3]. Одним из основателей такого научного направления, связанного с историей библиотековедения, справедливо назван профессор А. Н. Ванеев. Однако у Орлова А. Н. Ванеев является одним из разработчиков направления «проблемы истории, теории, организации и управления библиотечным делом» (специалист, знакомый с основами библиотековедения, отчетливо представляет, что такого научного направления (не говоря уж о научной школе!), включающего и историю, и теорию, и управление просто быть не может). Для того чтобы понять научную обоснованность высказывания О. И. Воверене и ее соавторов, достаточно посмотреть список трудов профессора А. Н. Ванеева. Одним из основателей исторического направления в библиотековедении профессора А. Н. Ванеева называют в своих работах Л. И. Сальникова, В. В. Скворцов, Г. В. Варганова[4]. Вряд ли необходимо дополнительно объяснять, что библиотековедение – это наука, а библиотечное дело – область практики.

Я не утверждаю, что названные В. В. Орловым в статье выдающиеся ученые не являются и главами научных школ. Однако такая бездоказательная и произвольная их компоновка в неформальные научные коллективы не позволяет говорить о научном подходе автора к рассмотрению и идентификации научных школ, сложившихся на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

Если всерьез говорить о научных школах, сложившихся на кафедре, то необходимо учитывать следующие моменты:

1. Школой может называться только неформальный научный коллектив, признанный профессиональным сообществом, а не составленный произвольно. Для этого нужно найти упоминания о школе в профессиональной печати, опросить ведущих специалистов отрасли.

2. Основатель школы и ее лидеры могут быть выявлены не на основании мнения кого-то из представителей кафедры, а только на основании мнения профессионального сообщества и анализа публикаций представителей школы.

3. Говоря о научной школе, важно сформулировать ее исследовательскую программу. В противном случае о школе говорить не имеет смысла. Нельзя сводить тематику деятельности школы к ее названию. Например, невозможно говорить о школе «библиотечного обслужива-

ния», не раскрыв ее отличия от других школ, имеющихся в этом научном направлении. Ведь этими проблемами занимаются не только на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ.

4. Главным признаком членства в школе является самоидентификация ученого. Если исследователь отрицает свою принадлежность к научной школе, то это должно быть принято как данность. С другой стороны, если исследователь считает себя принадлежащим к научной школе, это дает основания для дальнейшего изучения этого факта. Прежде чем говорить о принадлежности тех или иных ученых к тем или иным школам, хорошо было бы опросить указанных ученых. Уверен ли В. В. Орлов, что все эти специалисты единодушно согласились бы с ним?

5. При идентификации школы важно рассматривать не всех диссертантов предполагаемого основателя школы, а только тех, кто в дальнейшем развивал его идеи, не ушел из его исследовательской программы.

6. Научную школу от других форм организации научных исследований отличает наличие традиций и постоянное поддержание репутации научной школы. Отсутствие этого компонента делает научный коллектив просто группой ученых, работающих в одном направлении.

Ни один из этих моментов не был учтен В. В. Орловым.

Совершенно удивительным является заключительный вывод автора о том, что «говоря о научных школах кафедры библиотековедения и теории чтения, трудно добиться их однозначного разграничения, все они, так или иначе, пересекаются между собой». Что же это за научные школы, у которых нет самостоятельной исследовательской программы, а представители которых могут свободно «кочевать» из одной школы в другую? «Уход» ученого из школы – обычно значительное событие в его научной биографии.

Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае мы имеем дело со статьей, которая не позволяет всерьез говорить о количестве и составе научных школ, сложившихся на кафедре библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ. Для проведения такого рода исследований необходима серьезная науковедческая подготовка и значительное количество усилий, направленных на выявление «ядра» научных школ, предполагающих изучение соавторства, взаимного цитирования и т. д., а также идентификации их признаков (через мемуары, публикации).

Одновременно можно утверждать, что у автора статьи не сложилось четкого, научно обоснованного представления о научных школах. Для формирования такого представления необходимо использовать достижения философии и социологии науки, а также подходы к описанию и идентификации научных школ, сложившихся в науках библиотечно-информационного цикла.

Примечания

[1] Орлов В. В. Научные школы кафедры библиотековедения и теории чтения библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ // Библиотечное дело–2013: библ.-информ. деятельность в соврем. системе информации, документных коммуникаций и культуры: материалы XVIII междунар. науч. конф., Москва, 24–25 апр. 2013 г. М.: МГУКИ, 2013. Ч. 1. С. 79–82.

[2] Борисова О. Б. Научно-исследовательские коллективы в библиотековедении: наукометр. анализ // Науч. и техн. б-ки. 1997. № 8. С. 7–13; Захарчук Т. В. Научные школы в области библиотечно-информационных наук // Библиография. 2012. № 1. С. 38–49.

[3] Воверене О. И., Вилькина О. П., Рингайтите Д. А. Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике // Науч. и техн. б-ки СССР. 1989. № 2. С. 11–18.

[4] Сальникова Л. И. История библиотечного дела и история библиотековедения в структуре библиотечной науки // Библиотечное дело–2013: библ.-информ. деятельность в соврем. системе информ., документ. коммуникаций и культуры: материалы XVIII междунар. науч. конф., Москва, 24–25 апр. 2013 г. М.: МГУКИ, 2013. Ч. 1. С. 86; Скворцов В. В. Исследование истории отечественной библиотековедческой мысли // Библиотечное дело–2004: всеобщ. доступность информ.: материалы девятой междунар. науч. конф., Москва, 22–24 апр. 2004 г. М., 2004. URL: http: // libconfs. narod. ru (дата обращения 12. 05. 2013).

УДК 026.072(470)"18/19"

М. Ю. Матвеев

Библиотеки общественных организаций в дореволюционной России. Часть 1. Библиотеки при объединениях библиотекарей, философских и религиозных обществах, обществах в сфере общественных наук

В статье рассматривается возникновение и развитие в XIX – начале XX в. специальных библиотек, принадлежавших различным российским обществам. Приводится краткая характеристика самих обществ, указываются даты основания тех или иных библиотек и предлагается их общая типология.

Ключевые слова: библиотеки общественных организаций, Российская империя XIX – начала XX в., библиотечные общества, философские общества, религиозные общества, общественные организации, общественно-политические организации, кооперативы, профсоюзы, дворянские собрания, общественные собрания, экономические общества, военные общества, педагогические общества, просветительные общества, благотворительные общества, этнографические общества, краеведческие общества

Mikhail Y. Matveev

Libraries of the public organizations in pre-revolutionary Russia. Part 1. Libraries of the associations of librarians, philosophical and religious societies, societies in the social sciences

The article discusses the origin and development in the XIX – early XX century special libraries belonging to various Russian societies. A brief description of the societies themselves, indicate the date of foundation of various libraries and offered their general typology.

Keywords: libraries of public organizations, the Russian Empire XIX – early XX century, philosophical organizations, religious organizations, social organizations, socio-political organizations, cooperatives, trade unions, nobility meetings, public meetings, economic societies, military societies, educational societies, charitable societies, ethnographic societies, local history societies

Отдельной и весьма значимой группой библиотек в России до 1917 г. были библиотеки различных обществ – научных, религиозных, искусствоведческих и др.[1] Применительно к общей типологии тех объединений и организаций, при которых они состояли, логичным представляется деление по наукам и отраслям знания (фактически по УДК, наглядная схема представлена в приложении). Конечно, в данном случае следует учитывать и специфику рассматриваемого периода: система общественных организаций находилась в стадии становления, не все области знания развивались равномерно (к тому же существовали общества многоотраслевого характера), масштаб деятельности тех или иных обществ существенно различался и т. д.

Начать можно с библиотек, созданных **при объединениях библиотекарей и книготорговых обществах**, тем более, что в данном случае необходима определенная конкретизация. Дело заключается в том, что понятие «библиотечное общество», часто встречающееся в дореволюционной литературе, можно понимать как в широком, так и в узком смысле слова. Библиотечное общество в широком смысле – это организация, целью которой являлось создание конкретной библиотеки или ряда библиотек в какомлибо городе, уезде или губернии. Подобных обществ в России имелось довольно много (114 единиц к 1916 г.)[2]. Если таким обществом открывалась одна библиотека, то это могла быть либо библиотека служащих в каком-либо учреждении, либо народная; если открывалось много однотипных книгохранилищ, то это, как правило, были народные библиотеки[3]. Однако библиотечное общество можно понимать и в узком смысле – как организацию библиотекарей и библиофилов, и именно в таком аспекте они рассматриваются в настоящей статье.

Объединения библиотекарей в России возникали преимущественно в начале XX в. (всего их было 24). Наиболее крупным из них было Общество библиотековедения, организованное в 1908 г. в Петербурге[4]. Это общество имело достаточно сложную историю, ведущую начало от Русского библиологического общества, созданного в 1899 г. В 1902 г. данное Общество признало полезным учредить особую Секцию, которая бы занималась

только библиотековедением[5]. В ее состав вошли представители различных библиотек: Императорской Публичной, Академии наук, Санкт-Петербургского университета, Технологического, Политехнического и Горного институтов, Академии художеств и др.

Отделение Секции библиотековедения от Русского библиологического общества было вызвано двумя причинами: во-первых, данное общество уделяло внимание в основном академическим библиотекам (в то время под ними понимались не только библиотеки системы Академии наук, но и все вузовские) в ущерб народным и общественным[6], а во-вторых, Секция в качестве структурного подразделения не могла установить большого количества контактов с представителями различных российских библиотек[7].

18 марта 1908 г. Общество библиотековедения было официально зарегистрировано Определением Санкт-Петербургского городского по делам об обществах присутствия. Цель его существования, зафиксированная в его Уставе, определялась следующим образом: «…способствовать усовершенствованию библиотечного дела в России и содействовать взаимному сближению библиотекарей и любителей библиотечного дела и библиографии»[8].

Непосредственное управление делами Общества принадлежало Совету, состоявшему из председателя Общества, его товарища (заместителя), секретаря, казначея и двух-трех членов, избираемых на годовом собрании Общества[9]. На первых двух общих собраниях в 1908 г. был избран следующий состав Совета: председатель – граф И. И. Толстой, товарищ председателя – С. Л. Пташицкий, секретарь – П. М. Богданов, казначей – Р. Р. Бекер, члены Совета – М. Я. Виллие и Н. М. Лисовский. До 1917 г. состав Общества почти не менялся: бóльшую часть членов составляли библиотекари из библиотек высших учебных заведений, заведующие городскими общественными и народными библиотеками, библиофилы, а также служащие из библиотек различных научных обществ, меньшую – сотрудники внешкольного образования, земского и городского самоуправления, а также книгоиздатели и книготорговцы.

К 1 января 1909 г. Общество библиотековедения насчитывало 97 членов, к 1 июня 1910 г. – 143, в 1912 г. – 218, в 1915 г. – 240[10]. В нем сотрудничали многие крупные специалисты в области библиотечного дела того времени – В. Э. Банк, А. И. Браудо, К. Н. Дерунов, Е. Н. Добржинский, А. И. Калишевский, А. Е. Плотников, К. И. Рубинский, Л. Б. Хавкина и др.

Из числа наиболее крупных работ, осуществленных Обществом до революции, следует назвать обследование российских общественных и народных библиотек путем анкетирования (в 1908 г. за счет пожертвования одного из основателей Общества – М. Я. Виллие – анкеты были разосланы в 3075 библиотек), составление записок «О мерах улучшения постановки дела в русских академических библиотеках» и «О нуждах русского библиотечного дела», выпуск журнала «Библиотекарь» и проведение Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу в 1911 г.[11]

Общество библиотековедения имело собственную библиотеку, которая работала начиная с 1903 г. (т. е. со времен Секции). В ее основу легли личные библиотеки многих библиотековедов, книговедов и библиофилов того времени – М. Я. Виллие, К. Н. Дерунова, Н. М. Лисовского, Я. С. Проскурякова, А. Д. Торопова.

После начала Первой мировой войны перед Обществом библиотековедения, как и перед многими другими российскими обществами, встал вопрос о помощи раненым. Результатом работы специально созданной комиссии Общества по госпитальным библиотекам было создание подборок литературы на пожертвованные средства. В течение июля-августа 1915 г. было выслано 62 небольших библиотеки в госпиталя Брянска, Иваново-Вознесенска, Петрограда, Ростова-на-Дону, Саратова и других городов. Каждая из них состояла из 125 названий книг и включала в себя в основном художественные произведения отечественных авторов[12].

Собственные библиотеки имелись и у других обществ – в частности, у того же Русского библиологического общества (основана в 1894 г.), от которого отделилось Общество библиотековедения, у Русского общества деятелей печатного дела (1899), Русского общества книгопродавцев и издателей (1883), Кружка любителей русских изящных изданий (1903), Русского библиотечного общества (1916)[13] и т. д.

Философских (или **философско-религиозных) обществ**, в отличие от чисто религиозных, в России было немного[14]. Самой крупной библиотекой обладало Философское общество при Санкт-Петербургском университете. Устав самого общества был утвержден сравнительно поздно, в 1897 г., хотя первая попытка его создания относится к началу 1880-х гг. (после покушения на

Александра II в марте 1881 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой отказал в регистрации общества). Председателем Общества был профессор А. И. Введенский, товарищем председателя – историк философии, сотрудник Императорской Публичной библиотеки Э. Л. Радлов, секретарем – психолог А. П. Нечаев; в Комитет общества вошли известные ученые А. С. Фаминцын и В. М. Бехтерев.

Главными направлениями работы Философского общества были устройство публичных заседаний для ознакомления с состоянием современной философии, научные доклады с последующими обсуждениями и публикация трудов классиков мировой философской мысли. В числе прочих задач Общества предусматривалось и создание соответствующей библиотеки (ею заведовал преподаватель университета философ И. И. Лапшин)[15].

Членство в данном обществе, как и в любой другой легальной общественной организации, определялось его уставом. Утверждая статус почетных, действительных членов и членов-соревнователей, устав предусматривал предложение кандидатур не менее чем двумя почетными или действительными членами, с последующим рассмотрением Комитетом, которой и назначал выборы в общем собрании. В почетные члены могли быть избраны «знаменитые русские и иностранные ученые» по предложению Комитета. Почетные члены были освобождены от уплаты членских взносов, плата же для действительных членов составляла 5 р. ежегодно (или не менее 75 р. единовременно), для членов-соревнователей – 10 р. (или 150 р. единовременно)[16]. В принципе, подобную систему членства применяло и большинство других научных обществ, похожей была и организация деятельности (естественно, с поправкой на конкретную науку и на различия в сумме взносов; кроме того, в ряде обществ также имелись члены-корреспонденты, которые избирались из лиц, не имеющих постоянного жительства в районе действия общества и не обязывались денежными взносами в его пользу).

Религиозные общества и церковные братства по организации своей деятельности напоминали обычные светские просветительные и благотворительные общества, и поэтому их библиотеки по сравнению с теми, которые учреждали Синод и епархиальные власти (и, в первую очередь, епархиальными и благочиннической), стояли несколько особняком и отличались большей демократичностью[17].

Конечно, создание собственных (специальных) библиотек для братств и обществ не было единственной целью – в одних случаях они участвовали в создании епархиальной библиотеки (как, например, Общество любителей духовного просвещения в Москве), в других – стремились к созданию народных библиотек-читален (Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви в Петербурге)[18], в третьих – поддерживали библиотеки церковноприходских школ (Братство Животворящего Креста Господня в Екатеринбургской епархии), в четвертых – создавали книжные склады[19]. Тем не менее некоторые из специальных библиотек братств были довольно значительными по количеству книг – к примеру, в Духовной библиотеке Собора Пресвятой Троицы (Троице-Петровского собора) в Петербурге (1887[20]; в 1933 г. перешла в Ленинградское отделение Всесоюзной книжной палаты), учрежденной Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной церкви, в год основания было 21 157 томов[21], а в Библиотеке церкви Воскресения Христова Всероссийского Александро-Невского братства трезвости (1895; финансировалась тем же Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения) в 1910 г. насчитывалось 13 208 томов[22]. Обширными собраниями книг располагали Императорское Православное Палестинское общество (первые сведения о библиотеке относятся к 1907 г.)[23] и Всероссийское Православное миссионерское общество (1893)[24].

Чаще всего собственные специальные библиотеки имели православные братства и общества с длительной историей и большим количеством участвовавших в их деятельности лиц[25]. То же самое можно сказать и про библиотеки **других религиозных объединений** (одной из наиболее крупных была Библиотека Евангелической общины в Петербурге (1845), насчитывавшая в 1861 г. 37 968 книг, в 1865 г. – 45 051[26]; здесь же можно упомянуть и Библиотеку Евангелического общества попечения о молодых девицах (1850)).

Помимо церковных обществ и братств, занимавшихся просвещением и благотворительностью, в губернских, а также и некоторых уездных городах имелись и организации научного характера, близкие по значению к губернским архивным комиссиям (их в начале XX в. было не менее 50). Они могли называться церковно-археологическими комитетами (в Архангельске, Воронеже, Минске, Пскове,

Самаре, Твери, Уфе), церковно-археологическими комиссиями (в Брянске, Вологде, Нижнем Новгороде) и церковно-археологическими обществами (в Екатеринбурге, Казани, Калуге, Новгороде, Орле, Перми, Харькове).

Поскольку целью большинства подобных организаций было собирание и хранение в епархиальном древлехранилище местных письменных и вещественных памятников церковной древности, их описание (равно как и описание архивов и библиотек монастырей), сбор публикаций краеведческого характера, а также «обследование церковно-религиозной жизни» той или иной епархии, книжные собрания имелись практически у всех комитетов и комиссий[27].

Помимо чисто религиозных обществ, существовали и несколько иные объединения, в которые входили, если выражаться современным языком, исследователи различных паранормальных явлений. После проведения в октябре 1906 г. в Москве Первого Всероссийского съезда спиритуалистов и лиц, интересующихся вопросами психизма, в различных городах России появилось немало соответствующих кружков, у которых имелись и собственные библиотеки[28].

Общества и организации, относившиеся к сфере общественных наук, содержали большое количество библиотек, различавшихся как размерами своих фондов, так и целями своей деятельности. В данном случае можно сказать несколько слов о том, что «не лежало на поверхности» – нелегальных библиотеках.

Народнические политические организации в 1860–1870-х гг. первыми стали создавать сеть нелегальных и полулегальных библиотек при своих центральных и местных организациях, при кружках чтения и самообразования. Нелегальные библиотеки также организовывались в гимназиях, духовных семинариях и университетах. В 1870-х гг. «Земля и воля» и другие народнические организации, пытаясь развернуть революционную пропаганду среди рабочих, создавали для них кружки самообразования и открывали библиотеки. Так, в 1872 г. один из народнических кружков в Петербурге учредил Нелегальную библиотеку Рабочего кружка Выборгской стороны, работавшую несколько лет[29].

Образование рабочих библиотек активизировалось в связи с созданием «Южнороссийского рабочего союза» в Одессе (1875) и «Северного союза русских рабочих» (1878) в Петербурге. «Южнорусский рабочий союз» открыл несколько нелегальных библиотек на заводах Одессы, а также при железнодорожных мастерских в Ростове-на-Дону. У «Северного союза…» в Санкт-Петербурге в 1878–1880 гг. имелась центральная подпольная библиотека, основанная по инициативе В. П. Обнорского и С. Н. Халтурина, и несколько ее отделений на фабриках и заводах[30]. Кроме того, в этом же контексте можно отметить Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых, в 1886–1888 гг. имевшую одну легальную и две нелегальных библиотеки (на Балтийском заводе и табачной фабрике «Лаферма»)[31].

Нелегальные библиотеки создавали и **марксистские кружки**, появившиеся в 1880-е гг. Наиболее заметной была библиотека «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», основанная по инициативе В. И. Ленина и работавшая в 1890–1895 гг. на Путиловском заводе. Члены данного «Союза…» открывали нелегальные библиотеки и рассылали комплекты литературы по другим рабочим союзам (в Иваново-Вознесенск, Екатеринослав и др.)[32].

С начала XX в. партийные комитеты РСДРП(б) стали создавать сеть нелегальных и полулегальных партийных библиотек (их открывали партийные организации Московского, Петербургского, Донского, Екатеринославского и других комитетов большевиков). Сеть подобных библиотек обычно состояла из центральной библиотеки при комитете и библиотек при местных ячейках, а также при кружках самообразования на фабриках и заводах. Сеть нелегальных библиотек создавалась также и для крестьянства – в виде районных, подрайонных и передвижных библиотек. Были и многочисленные попытки организовать подобные собрания в армии и на флоте[33]. Впрочем, особенно преувеличивать роль целенаправленной партийной агитации все же нельзя: на читателей воздействовали многие факторы, и в том числе легальная русская художественная литература, постепенно приучавшая их к критическому восприятию окружающей действительности.

С 1860-х гг. учащиеся высших учебных заведений стали организовывать **студенческие общества**, располагавшие собственными библиотеками[34]. Они управлялись сами подписчиками, которые создавали библиотечные советы и принимали уставы. Иногда подобные библиотеки организовались не для всех студентов, а только для членов тех или иных землячеств. Состав их фондов сильно отличался от того, что имелось в «казенных» учебных собраниях. Прежде всего, это касалось наличия политической литературы (в том числе и запрещенной, как, например, в

Библиотеке казанских студентов при Московском университете)[35].

Из отдельных собраний можно отметить библиотеки Санкт-Петербургского землячества студентов (1910) и Кружка строителей им. В. Л. Кирпичева (1915) при Политехническом институте императора Петра Великого, Общества студентов-технологов при Практическом технологическом институте императора Николая I (1899), Студенческого научно-литературного общества (1882) при Санкт-Петербургском государственном университете и др.[36] Их фонды колебались в пределах от 1 до 5 тыс. книг.

В конце XIX – начале XX в. в России широко развернулась деятельность **кооперативов**, **профсоюзов** и **обществ взаимопомощи**. **Кооперативы**[37] организовывали библиотеки преимущественно для своих членов. Библиотеки кооперативов могли быть как городскими, так и сельскими. В последнем случае библиотека открывалась в волостном селе, где имелась кооперативная лавка (обычно она содержала литературу по вопросам деятельности кооперативных организаций). Иногда также устраивались филиальные отделения в деревнях, входящих в потребительское товарищество. На Первом съезде кооперативных учреждений в Москве (1908), равно как и на Всероссийском кооперативном съезде в Киеве (1913), неоднократно ставился вопрос о выделении определенного процента от прибыли кооперативов на просветительские цели, т. е., по сути, на открытие не специальных, а общедоступных народных библиотек, однако этот процесс был достаточно длительным[38].

Что касается **профсоюзов и обществ взаимопомощи**, то библиотеки, открытые рабочими профессиональными союзами, мало чем отличались от народных библиотек, разве что бесплатными они были только для своих членов[39]. Создаваться такие профсоюзы стали с 1905 г., а в 1906 г. им было разрешено устройство просветительных мероприятий и открытие библиотек и читален[40]. Работа профсоюзных библиотек протекала в достаточно сложных условиях. Так, к марту 1911 г. власти закрыли 497 профсоюзов и отказали в регистрации более чем 600. Подобные меры, естественно, сильно ограничили масштабы просветительной деятельности профсоюзов[41].

Несколько иначе обстояло дело со сравнительно крупными библиотеками представителей иных специальностей, предназначенными для своих членов. В крупном городе могло существовать до десятка и более подобных библиотек, организованных обществами взаимопомощи. Так, в столице Империи имелись библиотеки Общества взаимопомощи служащих в книжной и музыкальной торговле и библиотеках (1901), Общества вспоможения приказчикам и сидельцам в Санкт-Петербурге (1880), Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1872), Общества портных (1914), Русского купеческого общества для взаимного вспоможения (1878) и др.[42]

Аналогичные общества существовали и в других городах[43]. Наиболее распространенными в провинции были библиотеки обществ вспоможения приказчиков и лиц, занимающихся частным трудом[44], а также обществ взаимопомощи учителей. Последние, однако, логичнее выделить в отдельную группу **педагогических обществ**, поскольку они создавались не только по экономическим причинам, но и с целью повышения квалификации и помощи учебному процессу.

Помимо указанных библиотек, в некоторых случаях учреждались «объединенные» книгохранилища, которыми пользовались служащие многих учреждений того или иного города[45].

В наиболее крупных библиотеках фонд к 1910–1913 гг. достигал 5 тыс. книг, хотя в среднем он был меньше. Так, до 3 тыс. томов насчитывала Библиотека Петербургского союза металлистов (1911), 2,5 тыс. томов – Самарского союза печатников, 1,5 тыс. – Московского союза портных (1913)[46].

Библиотеки дворянских и общественных собраний и клубов были не только весьма многочисленными, но и выделялись по величине и богатству своих фондов. Наиболее привилегированными в дореволюционный период были **английские и немецкие клубы**, организованные не только по сословному, но и по языковому признаку (включая непосредственное общение в стенах клубов, тем более, что они нередко основывались иностранцами) и имевшие давнюю историю. Самым известным и престижным был Санкт-Петербургский Английский клуб, именуемый также Английским собранием (основан в 1770 г., в этом же году у него появилась и библиотека). Он стал популярен у русской знати еще в 1780-е гг. и на протяжении всего времени своего существования имел строгие критерии отбора членов – не только по происхождению и заслугам, но и по общему количеству участников (в 1817 г. норма членов не превышала 350 человек, в 1853 г. – 400, хотя кандидатов в члены могло

насчитываться и до 1 тыс.)[47]. Вполне понятно, что богатая библиотека данного клуба даже к началу XX в. не имела большого количества читателей – их было немногим больше сотни. Из других библиотек, имевшихся при столичных «иностранных» клубах, можно упомянуть библиотеки Нидерландского общества (1910) и Бельгийского собрания им. короля Альберта (1916). Аналогичные библиотеки имелись в Москве[48] и в некоторых других городах[49].

Более многочисленными были **библиотеки дворянских (благородных) собраний**. Дворянские собрания изначально (с 1766 г.) формировались как органы дворянского самоуправления и действовали как на губернском, так и на уездном уровнях. После возникновения земских органов самоуправления их цели сузились до решения вопросов и проблем, касавшихся исключительно дворянства (впрочем, и до этого дворянским собраниям запрещалось обсуждать вопросы, касающиеся государственного устройства). Создание библиотек дворянских собраний стало возможным после обнародования Екатериной II в 1785 г. «Жалованной грамоты российскому дворянству», в которой, в частности, предусматривалось право создания дворянских обществ и использования ими средств на общественные нужды[50].

Как и все прочие аналогичные организации, дворянские собрания в качестве одной из своих задач рассматривали возможность приятного препровождения времени для своих членов, для чего устраивались разные игры, балы, танцевальные и музыкальные вечера, драматические представления, литературные и научные чтения. Практически все собрания выписывали книги и периодические издания, из которых формировались библиотеки[51]. Средства, которые данные собрания тратили на просветительные нужды, складывались из взносов членов собраний и некоторых других источников, включая даже такую экзотическую, но очень существенную статью дохода, как сборы с азартных игр, проводившихся в помещении собрания. В некоторых случаях устраивались и библиотеки для детей[52].

Члены дворянских и благородных собраний для оживления деятельности своих учреждений могли приглашать «гостей» – личных дворян (помимо потомственных, которые как раз и состояли в собраниях), почетных граждан, купцов 1-й гильдии, некоторых деятелей науки и искусства. В некоторых городах (как, например, в Вологде и Ярославле) библиотеки, учрежденные дворянскими собраниями, работали как публичные. Тем не менее в большинстве случаев подобные библиотеки оставались замкнутыми учреждениями, не доступными для большей части жителей того или иного города.

Фонды библиотек дворянских собраний состояли в основном из беллетристики на русском и иностранных языках, периодики и справочных изданий. Издания по различным наукам присутствовали в ограниченном количестве или даже подчеркнуто не приобретались (как, например, в Санкт-Петербургском дворянском собрании). Некоторые библиотеки вообще комплектовались только газетами и журналами (Библиотека Астраханского благородного собрания)[53].

Более демократичными организациями были **общественные собрания** (соединенные общества), предназначенные для представителей различных сословий. Их помещения в широком смысле слова назывались «народными домами» в противоположность «элитарным» дворянским собраниям, хотя это было и не совсем точно («народный дом» в обычном понимании – это прототип дома культуры, открывавшийся для простого народа земскими управами и некоторыми частными лицами). Средства данных собраний складывались из членских взносов, ассигнований городских управ и добровольных пожертвований. Библиотеки, содержавшиеся общественными собраниями, практически не уступали библиотекам дворянских собраний[54]. Некоторые из них вплотную подходили к тому, чтобы работать как публичные и даже становились таковыми[55].

Для управления библиотеками дворянских и общественных собраний обычно избиралась библиотечная комиссия (или комитет), которая ежегодно отчитывалась о своей работе на общих собраниях читателей библиотеки.

Конечно, решительно всей «читающей публике» библиотеки общественных собраний тоже были недоступны. Плата за чтение «скрывалась» во взносе за участие в собрании, причем в каждом конкретном случае вопрос о том, на какие именно цели тратить собранные средства, решался по-своему (а поэтому возможности библиотек сильно отличались друг от друга). Впрочем, иногда плата за пользование книгами взималась и отдельно, и это относилось не только к общественным, но и к дворянским собраниям (так было, например, в Московском дворянском клубе). То же самое касалось и тех библиотек, которые по организации своей работы приближались к публичным.

Из обществ, относившихся к определенной отрасли знания, заметно выделялись **экономические и финансовые** – как по своей многочисленности, так и по богатству фондов своих библиотек. Их можно разделить на несколько основных групп: 1) организации общего характера, занимавшиеся изучением производительных сил России, ее материальных и человеческих ресурсов; 2) общества распространения (общества ревнителей) коммерческого образования; 3) собрания коммерсантов того или иного губернского или уездного города; 4) общества бывших воспитанников коммерческих учебных заведений. Следует подчеркнуть, что это деление достаточно условно: даже в пределах одной группы общества могли выполнять самые разные функции – и научные, и образовательные, и просветительные, и благотворительные.

В первом случае следует отметить старейшее и крупнейшее научное общество России – Императорское Вольное экономическое (учреждено в 1765 г.), которое имело целью изучение положения русского земледелия и условий хозяйственной жизни страны и распространение полезных для сельского хозяйства сведений. Оно состояло из трех отделений: сельскохозяйственного, сельскохозяйственных технических производств и земледельческой механики, политической экономии и сельскохозяйственной статистики. Как и многие другие общества, Вольное экономическое общество издавало свои «Труды», устраивало выставки, бесплатно рассылало книги по различным библиотекам. При данном обществе состоял Комитет грамотности, несколько комиссий (почвенная, статистическая, по крестьянскому вопросу, по бесплатной рассылке книг), а также музеи (Почвенный им. В. В. Докучаева, Народной промышленности, Моделей и машин, Минералогический) и коллекции (ботаническая, зоологическая и др.). Таким образом, это общество имело, по сути, многоотраслевой характер: оно работало и как сельскохозяйственное, и как экономическое, и как техническое, и как просветительное, и даже как медицинское (оно проводило противооспенную вакцинацию). Рассматривать Вольное экономическое общество как чисто сельскохозяйственное (как это нередко делалось в эпоху его существования) было бы, пожалуй, излишним упрощением его функций. Тем более это очевидно при учете того обстоятельства, что данное общество в разные годы активно занималось общими финансовыми вопросами, стоявшими перед страной (так, в 1886 г. оно поднимало вопрос о подоходном налоге, в 1893 г. протестовало против введения соляного налога, в 1896 г. обсуждало проект денежной реформы в России, в 1896–1898 гг. исследовало вопрос о направлении экономического развития Империи и т. д.)[56].

У Вольного экономического общества имелась и своя библиотека – одна из самых больших в своем роде (основана в 1766 г., в 1919 г. перешла в Российскую Публичную библиотеку (РПБ, ныне РНБ). В 1912 г. в ней было 35 тыс. томов, в 1915 г. – 100 тыс., к моменту передачи в РПБ – около 150 тыс. Число ее читателей в начале XX в. составляло 1–1,2 тыс. человек[57]. Из библиотек других научных обществ она выделялось еще и тем, что была открыта для всех желающих, т. е., по сути, работала как публичная[58].

После учреждения Вольного экономического общества стали появляться и другие похожие организации, не носящие, однако, общероссийского характера – к примеру, Императорское Лифляндское общеполезное экономическое общество (1796) и Императорское Казанское экономическое (1839). Эти общества тоже можно рассматривать как сельскохозяйственные, однако и в данном случае все-таки следует принимать во внимание гораздо более широкий спектр их деятельности. Как и у всех прочих (а уж тем более Императорских) обществ, у них имелись и собственные библиотеки[59].

Далее можно упомянуть **общества заводчиков и фабрикантов** – предпринимательские организации, занимавшиеся укреплением экономических взаимосвязей между предприятиями, выработкой согласованных требований правительственным органам в интересах компаний, страхованием рабочих, установлением единых условий найма на работу и правил внутреннего распорядка на фабриках и заводах, предупреждением стачек и т. д. (известность они получили преимущественно из-за использования штрейкбрехеров и организации массовых локаутов). По своим целям такие «профсоюзы капиталистов» были, конечно, гораздо шире существовавших в дореволюционной России обществ взаимопомощи, которые создавали представители различных профессий. Одним из наиболее крупных объединений являлось Петербургское общество заводчиков и фабрикантов, созданное в 1906 г. в результате преобразования существовавшего с 1897 г. Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. Большое количество членов общества, а также

многообразные направления его деятельности привели в том числе и к созданию собственной библиотеки[60].

Аналогичное Московское Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности было основано в 1881 г. и занималось широким спектром вопросов – борьбой с фальсификацией товаров (для этой цели у него имелась специальная химическая лаборатория), сравнительной характеристикой различных машин и агрегатов, обзорами состояния той или иной отрасли промышленности, вопросами охраны жизни и здоровья работников на фабриках, учреждением Московского прядильно-ткацкого училища, библиотеки, очисткой заводских сточных вод и т. д.[61] В 1907 г. на его основе возникло Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. Всего в 1908 г. в России насчитывалось 18 подобных обществ. В 1917 г. в состав Петроградского общества входило 450 предприятий, Московского – 1100, Екатеринославского – 91, Харьковского – 150. В этом же году был создан и Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов, объединивший 21 общество[62].

Во втором случае общества задавались целью не столько создать собственные библиотеки, сколько обеспечить учебный процесс в учреждаемых ими коммерческих училищах и торговых классах. Особенно в этом отношении выделялось Московское общество распространения коммерческого образования, имевшее целый ряд учебных заведений со своими книжными собраниями – Коммерческий институт, Мужское коммерческое училище, Торговые классы, Женское коммерческое училище и др.[63] Аналогичные организации в начале XX в. имелись в Елизаветграде, Киеве, Нежине, Петербурге и др.[64]

В третьем случае можно отметить многочисленные библиотеки финансовых и коммерческих собраний[65]. В некоторых случаях организации, открывавшие библиотеки, именовались обществами и клубами, в некоторых – купеческими собраниями[66]. Одним из заметных книгохранилищ подобного рода была основанная в 1894 г. Библиотека Финансового и коммерческого собрания в Санкт-Петербурге[67].

Цели и задачи коммерческих собраний и обществ были похожими – просвещение купцов и организация приятного и полезного отдыха для своих членов. Тем не менее в некоторых случаях они практически не отличались от обществ взаимопомощи[68].

Все коммерческие собрания и клубы состояли из действительных членов (преимущественно коммерсантов) и приглашенных (гостей, посетителей). Руководство осуществляли старшины или общее собрание членов собрания, а средства формировались за счет членских взносов, платы с посетителей за вход и доходов от игр.

И, наконец, **в четвертом случае** имело добровольное объединение людей, не забывавших о своей alma mater. Так, в частности, в Москве работало Общество бывших воспитанников Московской практической академии коммерческих наук, располагавшее собственной библиотекой[69]. То же самое относилось и к некоторым коммерческим училищам[70]. Подобные организации могли выполнять и научные функции, и работать как общества взаимопомощи. Такой опыт, впрочем, был характерен не только для коммерческой сферы: общества бывших воспитанников могли существовать при самых различных институтах и училищах.

Из **юридических библиотек** можно отметить Библиотеку Юридического общества при Санкт-Петербургском университете (основана в 1882 г.), в чей фонд вошли личные библиотеки известных юристов Т. Д. Андреева и А. Ф. Кони, а также труды членов Общества и официальные издания разных ведомств. Данная библиотека была сравнительно небольшой: в 1898 г. в ней было 1 тыс. томов, в 1902 г. – 2 тыс.[71] Небольшие собрания книг имелись и при других юридических обществах (как, правило, они также располагались при университетах или других высших учебных заведениях) – Екатеринославском, Кавказском, Казанском, Киевском, Московском, Новороссийском, Одесском[72].

К библиотекам **военных обществ** можно подходить с разных позиций: либо рассматривать их заодно с прочими военными библиотеками, либо выделять отдельно. Второй подход обусловлен тем, что не все существовавшие в России объединения военных ограничивались только одним полком (офицерские собрания) или несколькими частями, расквартированными в одном городе (городские военные собрания), и не все они существовали на обязательные вычеты с жалования офицеров и пособия от казны. Имелись и сугубо добровольные организации, которые как раз и можно рассматривать как **общества** в точном смысле этого слова. Так, в частности, следует отметить Общество ревнителей военных знаний – военно-научное общество, созданное в 1898 г. в Петербурге по инициа-

тиве группы офицеров Санкт-Петербургского гарнизона во главе с военным историком полковником А. З. Мышлаевским. Его основными задачами являлись пропаганда военных знаний, разработка вопросов военной теории и истории (в особенности применительно к текущим войнам), а также анализ состояния и перспектив развития военной техники.

Почетным президентом Общества являлся великий князь Владимир Александрович, а его действительными членами могли быть все состоявшие на действительной службе офицеры гвардии, армии, флота и военные врачи; членами-корреспондентами (членами-соревнителями) – все имевшие право входить в Офицерское собрание армии и флота. Число членов данного Общества доходило до 40 тыс. человек. Оно имело многочисленные отделения в разных городах Российской империи (в Ашхабаде, Варшаве, Вильно, Либаве, Минске, Риге, Самарканде, Сувалках, Тифлисе, Хабаровске, Чугуеве)[73].

Общество ревнителей военных знаний выпускало свой журнал («Вестник Общества…») и имело библиотеку – ровесницу самого Общества, собранную из книг, пожертвованных различными офицерами. В 1906 г. в ней насчитывалось около 5 тыс. книг, в 1913 г. – около 10 тыс. Она имела библиографическое отделение, занимавшееся выдачей справок по военной тематике[74].

Кроме того, в некоторых городах существовали военные клубы, сформированные по различным признакам. Так, например, в Петербурге работал Кружок защитников Порт-Артура, имевший свою библиотеку (1908)[75].

Педагогических обществ чисто научного характера в дореволюционной России существовало немного. Так, в столице Империи работали библиотеки Санкт-Петербургского Педагогического общества (1871; в 1879 г. перешла в Педагогическую библиотеку Петербургского комитета грамотности, а само общество было преобразовано в Санкт-Петербургское педагогическое общество взаимной помощи)[76] и Фребелевского общества для содействия первоначальному воспитанию (1881; после 1917 г. перешла в ЛГПИ)[77]. Фребелевское общество содержало и еще одну библиотеку – Женских Педагогических курсов (1862; в 1903 г. курсы были преобразованы в Женский Педагогический институт)[78]. В свою очередь, в Москве имелось Педагогическое общество при Московском университете[79].

Во второй половине XIX – начале XX в. существовали организации благотворительного характера, нацеленные на помощь учителям (в том числе и путем создания библиотек)[80], небольшие педагогические кружки[81], а также отдельные общества, которые объединяли в себе и педагогические, и просветительные, и спортивные элементы, как, например, петербургское общество «Маяк» для содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей[82].

Чаще всего, однако, учреждались общества взаимопомощи учителей. Они существовали во многих городах России – как губернских, так и уездных[83]. Одним из основных направлений их деятельности было открытие отдельных учительских библиотек, что объяснялось острой нехваткой книгохранилищ именно такого рода: российские земства открывали специальные библиотеки для учителей далеко не всегда, предпочитая учреждать «общие» библиотеки для всех земских служащих. В свою очередь, библиотек при дирекциях народных училищ или при комиссиях по народному образованию при городских думах было явно недостаточно.

Перед революцией в России действовало более 1400 **просветительных и благотворительных обществ**, однако их распределение по территории страны было неравномерным: 334 их них располагались в Санкт-Петербурге, в то время как в других городах (включая Москву) их имелось значительно меньше. Одной из основных целей подобных обществ было устройство народных библиотек (хотя на самом деле подобные проекты часто оставались только на бумаге). В то же время свои собственные (специальные) библиотеки имели почти все общества, но ими могли пользоваться только их члены. Закрытость библиотек обществ для посторонних сказалась и при наполнении их фондов: в них были издания, касающиеся вопросов педагогики, благотворительности, призрения бедных, трудовой помощи, законодательная литература, а также набор книг по различным отраслям знания, соответствовавший интересам членов общества и его непосредственным задачам[84].

Одной из крупнейших в своем роде была Педагогическая библиотека по начальному народному образованию Санкт-Петербургского комитета грамотности (1868; с 1896 г. – библиотека Санкт-Петербургского общества грамотности)[85]. В 1914 г. в ней имелось около 10 тыс. томов, число читателей составляло 587 человек (хотя в довоенное

время оно не превышало 100 человек в год). Из других сравнительно крупных столичных библиотек можно назвать библиотеки Императорского Человеколюбивого общества (первые сведения о библиотеке относятся к 1883 г., хотя само Общество было основано еще в 1802 г.)[86], а также Общества образования «Огниско Польское» (1908)[87], Общества попечения о воспитательницах и учительницах в России (1871)[88], Общества попечения о молодых девицах (1897; библиотеки имели и филиалы Общества – Василеостровский (1905), Литейно-Рождественский (1905), Обводный (1905) и др.)[89], Общества распространения просвещения между евреями в России[90] (1872; более 16 тыс. томов в 1912 г., имелись и филиалы в других городах[91]), Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (1899; Общество имело также несколько народных библиотек[92]), Попечительства о домах трудолюбия и работных домах (с 1906 г. – Попечительства о трудовой помощи; Специальная библиотека по вопросам о призрении бедных, благотворительности, трудовой помощи и о мероприятиях, направленных к улучшению условий труда и быта нуждающихся, основанная в 1895 г., в 1898 г. стала общедоступной)[93], Русского женского взаимно-благотворительного общества (1895)[94] и др.[95] Фонд этих библиотек колебался в пределах от 1 до 5 тыс. экз. В некоторых случаях благотворительное общество могло выполнять и некоторые функции научного, как, например, Санкт-Петербургское благотворительное общество врачей-гомеопатов[96].

Применительно ко второй столице следует отметить Московское общество трезвости (его библиотека была учреждена в 1897 г.)[97], Братолюбивое общество снабжения в Москве неимущих квартирами («дочерняя» организация Человеколюбивого общества, основанная в 1861 г.)[98] и Славянское благотворительное общество (1858; первоначально – Славянский благотворительный комитет)[99]. Последнее общество имело отделы в Санкт-Петербурге и Киеве, впоследствии ставшие самостоятельными (в 1877 г., одновременно с объявлением войны Турции). Они также располагали библиотеками, открытыми соответственно в 1868 и 1869 гг.[100]

Славянское благотворительное общество, имевшее целью оказание помощи православным и неправославным славянам в Европе путем добровольно собираемых пожертвований, пыталось отстаивать интересы России и противодействовать, с одной стороны, распространению католического влияния, а с другой – влияния Турции (среди южных славян в пределах оттоманских владений). По этой причине данное Общество достаточно много внимания уделяло книжной тематике – оно занималось распространением бесплатных книг[101], учреждало премии за научные труды, финансировало открытие школ и т. д. При его петербургском отделе была даже создана специальная издательская комиссия для выпуска книг.

В этом же контексте можно упомянуть и самостоятельное Одесское Славянское благотворительное общество имени св. Кирилла и Мефодия (1870), занимавшееся теми же вопросами[102].

Из провинциальных библиотек просветительных обществ наиболее многочисленными были библиотеки отдельных обществ трезвости[103], а также обществ содействия народному образованию (распространения народного образования)[104]. Имелись и библиотеки у обществ чисто благотворительного характера – например, у Армянского[105], Серпуховского[106] и др.

Помимо «интеллигентских» просветительных обществ, в конце XIX – начале XX в. стали появляться и рабочие общества и кружки самообразования, также имевшие свои библиотеки[107].

В России существовал и ряд библиотек **этнографических и краеведческих обществ,** расположенных как в столице Империи (Общества востоковедения (1903)[108], Общества русских ориенталистов (1912)[109]), так и в провинции. При этом следует подчеркнуть, что краеведческие общества (к примеру, Общества изучения Белорусского края, Олонецкой губернии, Поморского края, Сибири и улучшения ее быта, Общество исследователей Волыни, Архангельское общество изучения русского Севера, Калужское общество изучения природы местного края и др.)[110] по своей сути носили многоотраслевой характер и могли проводить и этнографические, и исторические, и естественнонаучные, и экономические, и сельскохозяйственные исследования, а также заниматься просветительными мероприятиями. В целом по организации своей деятельности они были близки, с одной стороны, к губернским ученым комитетам и архивным комиссиям (и устраивали точно такие же краеведческие музеи), а с другой – к экономическим обществам в широком смысле этого слова.

Приложение

Библиотеки дореволюционных обществ, объединений и организаций

1. Обществ библиотекарей и книготорговых обществ
2. Философских обществ
3. Религиозных обществ
4. Обществ и организаций в сфере общественных наук
   - 4. 1. Общественно-политических организаций
   - 4. 2. Студенческих обществ
   - 4. 3. Профессиональных союзов и обществ взаимопомощи
   - 4. 4. Дворянских и общественных собраний и клубов
   - 4. 5. Экономических обществ, финансовых, коммерческих и купеческих собраний
   - 4. 6. Юридических обществ
   - 4. 7. Военных обществ
   - 4. 8. Педагогических и учительских обществ
   - 4. 9. Благотворительных и просветительных обществ
   - 4. 10. Этнографических и краеведческих обществ
5. Обществ в сфере естественных наук и математики
   - 5. 1. Организаций общего (комплексного) характера
   - 5. 2. Математических обществ
   - 5. 3. Астрономических обществ
   - 5. 4. Физико-химических обществ
   - 5. 5. Геологических обществ
   - 5. 6. Антропологических обществ
   - 5. 7. Биологических обществ
   - 5. 8. Обществ любителей флоры и фауны
6. Обществ в сфере прикладных наук
   - 6. 1. Медицинских обществ
   - 6. 2. Технических обществ
7. Сельскохозяйственных обществ, обществ охотников и рыболовов
8. Обществ в сфере искусства
   - 8. 1. Художественных обществ
   - 8. 2. Фотографических обществ
   - 8. 3. Архитектурных обществ
   - 8. 4. Музыкальных обществ
   - 8. 5. Театральных и балетных обществ
9. Обществ по физической культуре и спорту
10. Филологических обществ
11. Археологических, географических и исторических обществ
12. Пожарных обществ
13. Других обществ и объединений

Примечания

[1] Данная статья посвящена преимущественно специальным библиотекам. Народные библиотеки, открывавшиеся просветительными, благотворительными и религиозными обществами, в ней не рассматриваются.

[2] Столяров Ю. Н., Чудинова В. П. Ассоциации и общества библиотечные в России // Библиотечная энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Гриханов. М., 2007. С. 56.

[3] Каталог книг Библиотечного общества служащих в губернских учреждениях Лифляндской губ., ведомства МВД: сост. 1 мая 1911 г. Рига, 1911. 24 с.; Устав Тихорецкого библиотечного общества железнодорожных служащих; Правила пользования книгами библиотеки служащих ст. Тихорецкой. Ростов н/Д, 1906. 16 с.; Устав Зантенского библиотечного общества. Митава, 1912. 8 с.; и др.

[4] Общество библиотековедения // Кн. вестн. 1909. № 9. С. 116–117; № 11. С. 140; № 21. С. 247; 1910. № 13. С. 172; № 14. С. 192.

[5] Богданов П. М. Обзор деятельности Секции библиотековедения при Русском библиологическом обществе за 1903–1907 гг. // Библиотекарь. 1910. Вып. 1. С. 39.

[6] Дерунов К. Н. Об очередных задачах Общества библиотековедения // Дерунов К. Н. Избранное: тр. по библиотековедению и библиогр. / под ред. Ю. Н. Григорьева. М.: Книга, 1972. С. 174–175.

[7] Богданов П. М. Отчет о деятельности Общества библиотековедения за 1-й (1908) год // Библиотекарь. 1910. Вып. 1. С. 106.

[8] Устав Общества библиотековедения // Библиотекарь. 1910. Вып. 1. С. 95.

[9] Там же. С. 99.

[10] Абрамов К. И. Общество библиотековедения // Библиотечная энциклопедия. С. 752–753; Богданов П. М. Указ. соч. С. 108.

[11] Богданов П. М. Указ. соч. С. 111.

[12] Матвеева И. Г. Петербургское общество библиотековедения // Библиотеки – обществу: на пороге нового века: к 10-летию библ. демократ. движения в России: сб. ст. / сост.: Б. Ф. Володин, А. В. Соколов. СПб., 1999. С. 92.

[13] Всероссийский союз библиотекарей: [орг. Проф. комиссией Рус. библ. о-ва в Москве] // Библиогр. изв. 1917. № 1/2. С. 84–85; Русское библиографическое общество: [к 10-летию его основания] // Ист. вестн. 1900. Т. 82, дек. С. 1181–1182; Русское библиологическое общество // Т. 79, янв. С. 425; февр. С. 866; март. С. 1230–1231; Т. 82, нояб. С. 754; дек. С. 1182; 1902. Т. 88, апр. С. 377–378; май. С. 791–792; июнь. С. 1156–1158; Лобов Л. О состоянии библиотеки [Русского библиологического общества] в 1902 г. // Лит. вестн. 1903. Т. 5, кн. 1. С. 36 (2-я паг.); Русское библиотечное общество // Библиогр. изв. 1917. № 1/2. С. 83–84; Отчет Совета Русского общества деятелей печатного дела… [за 1899–1903 гг.]. СПб., 1900–1903; Первое десятилетие Русского общества книгопродавцев и издателей и журнала «Книжный вестник», 1883–1893. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1894. 27 с.; К юбилею Кружка любителей русских изящных изданий, 1903–1913. [СПб.]: Тип. Сириус, [1913]. 23 с.; Русские библиографические организации: очерки их возникновения и деятельности. Пг.: Изд. Рус. библиол. о-ва, 1915. 46 с.

[14] Устав Киевского научно-философского общества: [утв. 24 июня 1914 г.]. Киев, 1914. 13 с.; Устав «Религиозно-философского общества в городе Тифлисе»: [утв. 18 марта 1907 г.]. Тифлис, 1907. [2], 11 с.; Устав Философского общества при С.-Петербургском университете: [утв. 22 окт. 1897 г.]. СПб., 1897. 8 с.

[15] Философское общество при Петербургском Университете // Лит. вестн. СПб., 1901. Т. 1, кн. 2. С. 249; Рущина Т. А. Санкт-Петербургское философское общество: история и современность // Санкт-Петербургское философское общество: портал петерб. философии: сайт. СПб., 1999–2008. URL.: http: // spho. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[16] Акулинина В. Н., Самылова О. В. Философское общество при Санкт-Петербургском университете, 1897–1923. Новосибирск: Сибвнешторгиздат, 1994. 40 с. // Антропология: web-кафедра филос. антропологии: интернет-проект. СПб., 2000–2013. URL: http: // anthropology. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[17] Фунтикова С. П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее: учеб. пособие. М., 2001. С. 41–42.

[18] Там же. С. 41–42; Акифьева И. Ю. Духовные библиотеки на страницах дореволюционной провинциальной периодической печати // Библиотека в контексте истории: тез. докл. и сообщ. третьей науч. конф., Москва, 13–15 окт. 1999 г. М., 1999. С. 91–94.

[19] Каталог книг Симбирского книжного склада Братства трех святителей. 5-е изд. Симбирск, 1907. 56 с.; Каталог книг, продающихся в главном складе Костромского Феодоровско-Сергиевского братства при Костромской духовной семинарии. Кострома, 1899. 34 с.; и др.

[20] Здесь и далее: в скобках указывается год основания библиотеки или первый год, за который о ней имеются какие-либо сведения. В принципе, большинство научных, просветительных, религиозных и других обществ стремились завести собственные библиотеки сразу с момента своего учреждения, однако нередко получалось так, что учреждение библиотеки «отставало» по времени от основания самого общества на несколько лет. На это влияло множество факторов: и позиция Совета (или общего собрания), и финансовое положение общества, и наличие лица, согласившегося исполнять обязанности библиотекаря.

[21] Каталог книг Бесплатной духовной библиотеки Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. СПб., 1890. [4], IV, 108 с.; 1894. Вып. 2. [2], 61 с.; В-в Ф. Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви в С.-Петербурге: по сведениям за 1908 и 1909 гг. // Прибавл. к Церков. вед. 1911. № 15/16. С. 682–688.

[22] К истории Всероссийского Александро-Невского братства трезвости. Пг.: Изд. Выборных Всерос. Александро-Нев. братства трезвости, 1916. 47 с.

[23] Систематический каталог Библиотеки Императорского Православного Палестинского общества: в 2 т. СПб., 1907; То же. Дополнение к 1 и 2 т.: за 1908–1912 гг.: Отд. А–Н. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. VII, 216 с.

[24] Записка о деятельности Всероссийского Православного миссионерского общества и его Самарского отделения (или Комитета) за истекшие 25 лет. Самара, 1896. 28 с.; Всероссийское Православное миссионерское общество в 1898 г.: [отчет]. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1899. 74, [2] с.

[25] Каталог (систематический) книг Библиотеки Воронежского братства святителей Митрофана и Тихона. Воронеж, 1890. 159 с.; Каталог Библиотеки Братства во имя преподобного Макария Желтоводского в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, [1907]. 8 с.; Правила, которые следует соблюдать пользующимся книгами из библиотеки Братства св. Креста // Саратов. епарх. вед. 1868. № 12. С. 553–556; Каталог книг Библиотеки Православного братства св. Феодора Тирона, при Благовещенской церкви г. Старой Руссы. СПб., 1893. 22 с.; Устав Петербургского Православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского: [утв. 8 июня 1898 г.]. SPb., 1898. 15 с.

[26] Bibliothèque a l'usage des Communautès Evangèliques de S.-Petersbourg: catalogue de livres français. SPb., 1877. 110 с.; Ersner Jahresbericht der Comität für die Bibliothek der Evangelischen Gemeinden in St. Petersburg. SPb., 1847–1870.

[27] Здравомыслов К. Я. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях, с проектом «Правил высочайше утвержденной Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде» и

«Положения о церковно-археологических комитетах». СПб.: Синод. тип., 1908. 36 с.; Комарова И. И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 86–90; Вологодское епархиальное древлехранилище // Ист. вестн. 1897. Вып. 10. С. 380–381; Поливанов Н. П. Воронежский церковный историко-археологический комитет // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902. С. 57–61; Соколов Д. Д. Краткий очерк возникновения в Калуге Церковного историко-археологического общества // Калуж. старина. 1901. Т. 1, кн. 1. С. 3–5; и др. Применительно к различным научным обществам см. также: Комарова И. И. Справочник научных обществ России: [включает сведения о более чем 500 организациях]: сайт. 2005–2007. URL.: http: // snor. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[28] Напр. см.: Библиотека Кружка спиритуалистов, учрежденного А. П. Лариной в Москве: [кат.]. М., 1912. Вып. 1. 32 с.

[29] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для студентов и преподавателей библ. фак. вузов культуры и библиотекарей-практиков. М., 2000. С. 90; Абрамов К. И. Первая нелегальная рабочая библиотека в Петербурге, 1872–1874 // Б-ки СССР. 1963. Вып. 23. С. 125–138.

[30] [О нелегальных библиотеках в Санкт-Петербурге] // Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в Империи. СПб., 1878. С. 27, 38, 47; Абрамов К. И. Первые рабочие библиотеки // Библиотекарь. 1976. № 2. С. 39–41.

[31] Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России: сб. материалов / под ред. Е. Д. Стасовой. М.: ГБЛ, 1956. 163 с.

[32] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. С. 91. См. также: Его же. Нелегальные марксистские библиотеки в России XIX в.: лекция для студентов библ. фак. вузов культуры. М.: Моск. гос. ин-т культуры, 1991. 57 с.; Радзиловская Ф. Подпольные библиотеки первых марксистских групп и кружков в царской России (80-е – нач. 90-х гг. XIX в.) // Крас. библиотекарь. 1939. № 8. С. 56–64.

[33] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. С. 133; см. также: Трофимова В. Б. Российские библиотеки начала XX в. в документах фонда департамента полиции ГАРФ // Румянцевские чтения: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Память России в книжной культуре», 23–25 апреля 2001 г. М., 2001. С. 383–389.

[34] Студенческие библиотеки могли создаваться как в помощь учебному процессу (в дополнение к «казенным» университетским библиотекам), так и с более широкими целями, и, прежде всего, в целях самообразования. В данном случае рассматривается второй вариант, при котором студенческие организации мало чем отличались от «взрослых» научных обществ.

[35] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. С. 81.

[36] Каталог Библиотеки Студенческого психологического общества при С.-Петербургской духовной академии, 1904. СПб., 1904. 57 с.; Санкт-Петербургское землячество студентов Политехнического института Петра Великого. СПб.: Тип. Л. Д. Сапер, 1913. 24 с.; Каталог книг Библиотеки Кружка строителей им. В. Л. Кирпичева при Петроградском Политехническом институте императора Петра Великого / [сост. Н. И. Бельков, Б. Ф. Каминский, Н. И. Хомутинников]. Пг., 1915. II, 48 с.; Правила пользования книгами и каталог книг «Библиотечно-справочного отдела» кассы взаимопомощи студентов Петроградского политехнического института Имп. Петра Великого. Пг.: Тип. В. Я. Мильштейна, 1915. 28 с.; Семанов С. Н. Библиотека студенческого научно-литературного общества при Петербургском университете, 1882–1887 // Б-ки СССР: опыт работы. 1960. Вып. 14. С. 151–157; и др.

[37] Кооперативы (первоначально общества потребителей, учреждавшие кооперативные лавки по сбыту товаров) в России организовывались начиная с середины 1860-х гг., однако вплоть до 1890-х гг. это были единичные и, в целом, недолговечные попытки, что объяснялось слабостью материальной базы, большим размером вносимого пая, продажей товаров в кредит, резким неприятием кооперативов купечеством, несовершенством уставов, плохой постановкой счетоводства и др. (в 1870–1880-х гг. по всей Империи учреждалось всего по 10–15 обществ потребителей в год, а к 1890-м гг. их в целом насчитывалось менее 100). Другим видом кооперативов, появившимся в то же самое время, являлись ссудо-сберегательные товарищества; в 1890-х гг. к ним добавились земледельческие и маслодельные артели. В 1898 г. был учрежден устав Московского союза потребительских обществ; в дальнейшем появились и другие союзы (Петербургский, Пермский, Екатеринбургский, Средневолжский). С начала 1910-х гг. исследования местных кооперативов стали проводить различные земства; они же ввели в свои штаты инструкторов по кооперативному делу, помогали кооперативным обществам в получении кредитов и др. Подробнее см.: Вахитов К. И. История потребительской кооперации России: учеб. для студентов вузов Центросоюза РФ, сред. спец. учеб. заведений и проф. училищ потреб. кооперации. 2-е изд. М.: Дашков, 2008. 399, [1] с.

[38] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. С. 118. См. также: Фроммет Б. Просветительное значение сельских кооперативов // Вопр. нар. образования. 1912. № 2, нояб. С. 21–28; [Открытие кооперативных библиотек Обществ потребителей служащих и рабочих] // Объединение. 1911. № 6. С. 14; № 8. С. 15; 1912. № 20. С. 15; № 21. С. 15–16; 1913. № 12. С. 14; 1914. № 1. С. 20; № 9. С. 8; № 17. С. 11; 1915. № 3. С. 14–16; № 7. С. 11; № 14. С. 20; № 15. С. 19–20; Библиотека-читальня при Обществе потребителей // Там же. 1913. № 9. С. 3–6; Локтин А. А. О совместной просветительной деятельности земств и кооперативов в области внешкольного образования // Вестн. воспитания. 1914. № 6. С. 113–124 (2-я паг.).

[39] Инструкция по библиотеке Профессионального общества рабочих картонно-картонажного производства в Санкт-Петербурге. СПб., 1910. 4 с.

[40] Канель В. Культурно-просветительные задачи со-

временности: [о б-ках петерб. профсоюзов и раб. о-в] // Вестн. воспитания. 1909. № 6. С. 33–76.

[41] Абрамов К. И. История библиотечного дела в России. С. 121.

[42] Каталог книг Библиотеки Общества вспоможения приказчикам и сидельцам в С.-Петербурге. СПб., 1900. 130 с.; Устав Общества для взаимной помощи служащих в музыкальных (нотных и инструментальных) и книжных торговлях и библиотеках: [утв. 11 дек. 1900 г.]. СПб., 1901. [2], 17 с.; Каталог Библиотеки Общества взаимопомощи служащих в книжных и музыкальных торговлях и библиотеках. СПб.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1913. [7], 191 с.; Отчет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного фонда») за 1872–1915 гг. СПб., 1873–1916; Каталог книг Библиотеки Русского купеческого общества для взаимного вспоможения. СПб., 1878. 28 с.; То же. 1898. 112 с.; Отчет Петроградского общества портных хозяев за 1915 г. Пг., 1916. [12] с.; Каталог Библиотеки Петроградского Общества взаимопомощи чертежников. Пг.: Тип. Экономическая, 1915. 15 с.

[43] Каталог книг Библиотеки Воронежского ремесленного общества. Воронеж, 1914. [3], 47 с.; Правила библиотеки профессионального общества рабочих печатного дела и инструкция для лиц заведующих ей. Омск, 1910. 16 с.; Каталог Библиотеки Рижского профессионального строительного общества рабочих на 1910 г. Рига: Тип. Л. Бленкенштейна, 1910. 44 с. См. также: Цветков-Просвещенский А. Библиотеки профессиональных и рабочих культурно-просветительных обществ в России, 1908–1914 // Библиотекарь. 1957. № 10. С. 58–63.

[44] Каталог книг Библиотеки Общества приказчиков. Астрахань, 1893. 26 с.; Каталог книг Библиотеки Вологодского общества взаимного вспоможения частному служебному труду. Вологда, 1913. [1], 48 с.; Каталог Библиотеки Воронежского вспомогательного общества приказчиков и лиц торгово-промышленного и служебного труда. Воронеж, 1913. 138 с.; Каталог Библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. 1914 г. Екатеринбург, 1914. [2], 111 с.; Каталог (с 1890 по 1898 г.) Библиотеки Екатеринославского общества взаимного вспоможения приказчиков. Екатеринослав, 1898. [3], 207 с.; Каталог Библиотеки общества приказчиков «Опора» в г. Елисаветграде, 1886–1899. Елисаветград, 1899. [2], 112 с.; Каталог книг Библиотеки Вспомогательного общества приказчиков в Казани. 1877 г. Казань, 1877. 62 с.; Библиотека [Общества купеческих приказчиков в Москве] // Губарев А. А., Дунаев П. П. Очерк пятидесятилетней деятельности Вспомогательного общества купеческих приказчиков в Москве, 1863–1913. М., 1913. С. 99–113; Каталог библиотеки Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом. Кострома, 1909. [1], 111, 190 с.; Каталог Библиотеки Общества вспоможения частному служебному труду в Нижнем Новгороде: сост. на 1 мая 1899 г. Н. Новгород, 1899. 51 с.; Каталог книгам и журнальным статьям Библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы. Одесса, 1888. 104 с.; Каталог книг Библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Орла. Орел, 1902. [3], 110 с.; Систематический каталог книг Библиотеки Пензенского вспомогательного общества торгово-промышленных служащих. Пенза: Тип. бр. Соломоновых, 1909. 120 с.; Каталог Библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков в городе Ростове-на-Дону, 1898 г. Ростов н/Д, 1898. 107 с.; Каталог книг Библиотеки Вспомогательного общества приказчиков в г. Рязани. Рязань, 1903. [4], III, VIII, 43 с.; Каталог книгам Библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Самаре: на 1 июля 1895 г. Самара, 1895. 87 с.; Каталог книг Библиотеки Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Томске. Томск, 1906. [1]. 112 с.; Каталог книг и периодических изданий Библиотеки Общества взаимного кредита приказчиков в г. Харькове (по 1883 г.) / сост. Н. П. Поталовский. Харьков, 1883. [4], 28 с.; Каталог Библиотеки Общества взаимного кредита приказчиков в г. Харькове. Харьков, 1898. [3], 88 с.; и др.

[45] Систематический каталог книг Библиотеки Собрания служащих в правительственных и общественных учреждениях г. Казани за 1900–1905 гг. Казань, 1906. 102 с.; Каталог книг и периодических изданий библиотеки Виленского городского клуба для лиц интеллигентных профессий. Вильно: Тип. И. Ционсона, 1906–1907. [11], 327 с.

[46] Столяров Ю. Н., Бендерский И. Л. Библиотеки в России // Библиотечная энциклопедия. С. 142.

[47] Столетие С.-Петербургского английского собрания, 1770–1870: с портр. Ф. Гарднера: ист. очерк; воспоминания; список старшинам; списки почетным членам и членам. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1870. [6], 156 с.; Стодвадцатипятилетие С.-Петербургского английского собрания 1 марта 1895 г. СПб., 1895. [2], 22, 37 с.

[48] Буторов А. Московский Английский клуб: страницы истории. М.: Моск. Англ. клуб, 1999. 280 с. Каталог книгам и повременным изданиям Библиотеки Московского английского клуба: до 1 июля 1862 г. М., 1862. [4], 92 с.; То же. 1875. IV, 201 с.; То же. 1908. 247 с.; Каталог немецкой, французской и русской библиотеки Немецкого клуба в Москве: 5-е прибавление. 1889. М., 1890. [4], 115 с.

[49] Каталог книг Библиотеки Екатеринославского английского клуба / сост. чл. и библиотекарем Клуба К. И. Вальяно. Екатеринослав, 1873. 29 с.

[50] Афанасьев М. Д. Дворянских собраний библиотеки // Библиотечная энциклопедия. С. 343.

[51] Правила Библиотеки Астраханского благородного собрания. Астрахань: Тип. И. Н. Явленского, 1874. 6 с.; Каталог книг Библиотеки Витебского благородного собрания. Витебск, 1879. 72 с.; Правила для Библиотеки Московского дворянского клуба. М.: Тип. Н. Степанова, 1846. 15 с.; Каталог русским книгам Библиотеки Московского дворянского клуба. М., 1860. 60 с.; Каталог Библиотеки Новгородского благородного собрания: сост. 15 июня 1880 г. Новгород, 1880. [2], 22 с.; Каталог русским книгам, картам и планам, находящимся в Библиотеке С.-Петербургского благородного собрания. СПб., 1868. 98 с.; Каталог Библиотеки С.-Петербургского благородного собрания, составленный по 1 января 1906 г. СПб., 1907. [4], 364 с.; Правила об устройстве, заведовании и пользовании Библиотекой

Санкт-Петербургского благородного собрания: проект. [СПб.]: Типо-лит. Э. Фельдмана, 1899. 8 с.; Каталог книгам Библиотеки Рязанского благородного собрания. 1873 г. [Рязань, 1873]. 86 с.; Каталог книгам Библиотеки Самарского благородного собрания. Самара, 1882. 58 с.; Каталог Библиотеки Смоленского благородного собрания. Смоленск, 1903. 160 с.; Каталог книг Библиотеки Тульского благородного собрания с 1885 по 1912 г. Тула, [1913]. [2], 374 с.; и др.

[52] Каталог Библиотеки для детей / Детский музей в доме Дворян. собр. Н. Новгород, 1882. 21 с.

[53] Афанасьев М. Д. Указ. соч. С. 343.

[54] Каталог Библиотеки Астраханского общественного собрания. Астрахань, 1895. 123 с.; Каталог Библиотеки Воронежского общественного собрания / сост. старшина Собрания А. Казмин. Воронеж, 1899. [3], 144 с.; Правила для пользования книгами из Библиотеки Вяземского общественного собрания. Вязьма: Тип. И. В. Черньцова, 1880. 4 с.; Каталог книг и периодических изданий Библиотеки Вятского общественного собрания. Вятка: Скоропеч. тип. Н. А. Огородникова и К°, 1900. 57 с.; Каталог книг библиотеки второго Иркутского общественного собрания. Иркутск: Тип. Т-ва печ. дела, 1911. [1], VIII, 67 с.; Каталог книг Библиотеки Русского соединенного собрания в Казани 1882 г. Казань, 1883. 24 с.; Каталог Библиотеки Костромского общественного собрания. Кострома, 1888. 152 с.; Каталог Библиотеки, состоящей при Кременчугском общем собрании / сост. зав. Б-кой В. Кремпин. Кременчуг, 1874. Ч. 1: Отд. I–XVII: Науки и искусства. [2], 238 с.; 1875. Ч. 2: Отд. XVIII–XXV: Словесность, поэзия, драматические произведения, детские и справочные книги. 239–402 с.; Каталог книг Минского Общественного собрания: кн. на рус. яз. Минск, 1901. 168 с.; Каталог книг Библиотеки Нижегородского соединенного всех сословий клуба на 1882 г. Н. Новгород, 1882. 49 с.; Каталог книг Библиотеки Клуба Новгородского соединенного общества: сост. 31 марта 1881 г. Новгород, 1881. II, 34 с.; Каталог книг и журналов Библиотеки Островского общественного собрания: сост. 12 мая 1888 г. Псков, 1888. 28 с.; Каталог книгам Библиотеки Пензенского соединенного собрания. Пенза, 1881. 2, 92 с.; Каталог Библиотеки Переславского общественного собрания. М., 1904. 27 с.; Каталог книг Библиотеки Пермского общественного собрания, 1911 г. Пермь, 1911. 117 с.; Каталог русских книг Библиотеки С.-Петербургского Первого общественного собрания. СПб., 1888. 95 с.; То же. 1898. 163 с.; Каталог Библиотеки Псковского общественного собрания: к 1 янв. 1878 г. Псков, 1878. 38 с.; Каталог Библиотеки Ревельского русского общественного собрания. Ревель, 1899–1904. 38 с.; Каталог Библиотеки Самарского общественного собрания, 1915 г. Самара, 1915. [1], 312 с.; Каталог Библиотеки Серпуховского общественного собрания. М., 1870. 160 с.; Каталог Библиотеки Смоленского общественного собрания. Смоленск, 1902. 91 с.; Каталог книгам Библиотеки Старорусского собрания. СПб., 1884. 57 с.; Каталог Библиотеки Тверского общественного собрания. Тверь, 1902. 23 с.; Систематический каталог Библиотеки Тираспольского общественного собрания. Тирасполь, 1896. 56 с.; Каталог книг Библиотеки Тобольского общественного собрания. Тобольск, 1892. 25 с.; Каталог книг Библиотеки Томского общественного собрания. Томск, 1905. [Вып. 1]. [2], 57 с.; 1907. Вып. 2. [1], 78 с.; 1910. Вып. 3. 50 с.; Каталог книгам Библиотеки Ярославского общественного собрания. Ярославль, 1875. 72 с.; и др.

[55] Каталог Публичной библиотеки при Рыбинском соединенном собрании всех сословий. СПб., 1889. 46 стб.; 2-е дополнение к каталогу библиотеки Нижегородского общедоступного (бывш. всесословного) клуба, 1898–1910: словесность (беллетристика) / [предисл.: И. Шубин]. Н. Новгород: Тип. В. Ройского и И. Карнеева, 1911. [4], 101 с.

[56] Шинкаренко П. В. Возрожденный Феникс: очерки деятельности Вольн. экон. о-ва России, 1765–2005. М.: Вольн. экон. о-во России, 2005. 359 с.

[57] Абрамов В. Ф. Вольного экономического общества библиотека // Библиотечная энциклопедия. С. 277–278; Бюллетень библиотеки Императорского Вольного экономического общества: в 2 вып. Пг.: Тип. П. П. Гершунина, 1916–1917; Алфавитно-систематический каталог Библиотеки Императорского Вольного экономического общества / сост. В. Иверсен, В. Веселовский. СПб.: Тип. Голике, 1865. II, 439 с.; То же. Продолжение… 1865–1880 / сост. В. Э. Иверсен. СПб.: Тип. И. С. Леви, 1881. II, 440–739 с.; То же. 2-е продолжение… 1881–1887 / сост. В. Веселовский. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1889. 1, II, 166 с.; [Библиотека Общества] // Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Императорского Вольного экономического общества с 1865 до 1890 г., составленный по поручению общества секретарем его А. Н. Бекетовым. СПб., 1890. С. 166–171; [Отчет библиотеки Вольного экономического общества] // Отчет о действиях Императорского Вольного экономического общества… [за 1852–1915 гг.]. СПб., 1853–1916.

[58] Аналогичные примеры встречались очень редко. Например см.: Публичная библиотека, открытая Казанским экономическим обществом // Тр. Вольн. экон. о-ва. 1857. Т. 2, № 6, отд. 4. С. 29; [Николаевская публичная библиотека Приамурского отдела Русского географического общества] // Отчет Императорского русского географического общества за 1898 г. СПб., 1899. С. 172; То же // Там же… за 1902. 1903. Ч. 2. С. 256–257; То же // Там же… за 1903. 1904. С. 228–230; Каталог книг [Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске]. Отдел переводной беллетристики / Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. Хабаровск, 1909. 140 с.

[59] Напр. см.: Каталог книгам Библиотеки Императорского Казанского экономического общества и Губернского земства: сост. в 1888 г. Казань, 1888. [2], III, 58 с.; [Библиотека Казанского экономического общества] // Чугунов А. К. Пятидесятилетие Казанского экономического общества, 1839–1889: ист. зап. Казань, 1889. С. 115.

[60] Каталог Библиотеки Общества заводчиков и фабрикантов. СПб., 1907. 67 с. Подробнее о деятельности Общества см.: Ульянова С. Б. «Профсоюз» капиталистов: Петерб. о-во заводчиков и фабрикантов в 1906–1914 гг. СПб.: Нестор, 1997. 131 с.

[61] Устав Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. М., 1890. 8 с.; Каталог Библиотеки Общества для содействия улучшению

и развитию мануфактурной промышленности. М., 1903. 26 с.

[62] Подробнее см.: Лившин Я. И. Монополии в экономике России: экон. организации и политика монополист. капитала. М.: Соцэкгиз, 1961. 447 с.

[63] Отчет Московского общества распространения коммерческого образования: [за 1898–1915 гг.]. М.: Тип. Т. И. Гаген, 1899–1916; Ляхов А. Н. Пятнадцать лет жизни Московского общества распространения коммерческого образования: очерки. М.: Моск. о-во распространения коммерч. образования, 1912. 114, [2], 10, [2] с., 11 л. ил.

[64] Отчет Комитета Общества распространения коммерческого образования в г. Елизаветграде за 1908–1910 гг. Елизаветград, 1911. 37 с.; Кузнецкий П. Н. Десятилетие Общества распространения коммерческого образования в г. Киеве: 30/VI 1896–1906. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1906. [2], 18 с., 11 л. ил.; Отчет Нежинского общества распространения коммерческого образования за 1910 и 1911 гг. / М-во торговли и промышленности. Нежин, 1912. 104, III с.; Обзор 10-летней деятельности Петровского общества распространения, коммерческого образования, Торговых классов и Торговой школы. СПб., 1908. 106 с.

[65] Каталог русских книг и периодических изданий библиотеки Виленского торгово-промышленного общественного собрания: каждый отд. кат. снабжен руководящей ст. и указаниями Моск. комис. по орг. домаш. чтения. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1909. IX, [2], 407, [1] с.; Каталог книг и периодических изданий Библиотеки Курского коммерческого собрания / сост. А. М. Туник. Курск, 1911. VI, 83 с.; Каталог книг и журналов Библиотеки Торгово-промышленного клуба в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1892. [2], 32 с.; Каталог книг Библиотеки Омского коммерческого клуба. Омск, 1916. IV, 808 с.; Каталог библиотеки Финансового и коммерческого собрания в г. С.-Петербурге / [сост. библиотекарь М. М. Меницкий]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1912. [2], 672 с.; Каталог Библиотеки Ростовского на Дону коммерческого клуба. Ростов н/Д, 1912. 175 с.; Каталог книг на русском языке Библиотеки Саратовского коммерческого собрания. 1887 г. Саратов, 1887. [3], 143 с.; и др.

[66] Каталог Библиотеки Казанского купеческого собрания. Казань, 1899. 44 с.; Каталог Библиотеки Киевского русского купеческого собрания. Киев, 1874. [2], 64 с.; Каталог книгам и журналам Библиотеки Моршанского купеческого собрания. Моршанск, 1888. 80 с.; Каталог Библиотеки Московского купеческого собрания, 1853–1904. М., 1904. [2], 286 с.; Правила для Библиотеки Московского купеческого собрания. М.: Тип. В. Готье, 1854. 16 с.; Каталог Библиотеки Одесского купеческого собрания. Одесса, 1914. 240 с.; Каталог книг Библиотеки С.-Петербургского русского купеческого собрания. СПб., 1878. 28 с.; и др.

[67] Каталог библиотеки Финансового и коммерческого собрания в г. С.-Петербурге / [сост. библиотекарь Фин. и коммерч. собр. в С.-Петербурге М. М. Меницкий]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1912. [2], 672 с.

[68] Напр. см.: Каталог Библиотеки Коммерческого собрания при Обществе взаимного вспоможения приказчиков в гор. Томске. Томск, 1906. 41 с.

[69] Каталог Библиотеки Общества: изд. 1905 г. / О-во бывших воспитанников Моск. практ. акад. коммерч. наук. М., 1905. 36 с.

[70] Каталог Библиотеки Общества бывших воспитанников Императорского Московского коммерческого училища, 1898–1911. М., 1912. 316 с.; Основной каталог Библиотеки Общества бывших воспитанников и воспитанниц коммерческих училищ МОРКО, 1914 г. М., [1914]. 14 с.

[71] Юридическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете за двадцать пять лет, 1877–1902. СПб.: Сенат. тип., 1902. 164 с.

[72] Напр. см.: Каталог книг Кавказского юридического общества. Тифлис, 1901. [2], 56 с.

[73] Абашидзе Т. Л. Общество ревнителей военных знаний: конец XIX – начало XX в.: ист. исслед.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Воен. ун-т. М., 2002. 26 с.

[74] Балтийский А. А. Краткий исторический очерк деятельности Общества ревнителей военных знаний / сост. секр. О-ва полк. Балтийский. СПб.: Экон. типо-лит., 1914. 14 с.

[75] Отчет Совета Кружка защитников Порт-Артура о деятельности Кружка. СПб., 1909–1913.

[76] Педагогическое общество // Педагогическая энциклопедия / гл. ред. И. А. Каиров. М., 1966. Т. 3. С. 332–334; Каталог Библиотеки С.-Петербургского Педагогического общества. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1869. 16 с.; Запольский Н. Отчет о состоянии Библиотеки С.-Петербургского педагогического общества // Пед. летопись. 1877. № 6. С. 29; Каталог Библиотеки Санкт-Петербургского педагогического общества взаимной помощи… [за 1877–1890 гг.]. СПб., 1879–1893.

[77] Отчет Совета состоящего под покровительством Ее императорского высочества государыни вел. кн. Екатерины Михайловны Санкт-Петербургского Фребелевского общества за 1881–1887 г. СПб., 1887. 92 с.

[78] Список книгам, находящимся в библиотеке, состоящей при Педагогических курсах в С.-Петербурге: в 6 т. СПб., 1862–1863; Список книгам, находящимся в библиотеке, состоящей при Педагогических курсах в С.-Петербурге: в 4 т. СПб., 1885.

[79] Список книг, имеющихся в детском отделе библиотеки Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете. М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1903. 21 с.

[80] Каталог Библиотеки Общества попечения об улучшении быта учащих в начальных училищах г. Москвы. М., 1903. [3], 96 с.

[81] Систематический каталог библиотеки Новгородского педагогического кружка. Новгород: Губ. тип., 1904. [2], 45 с., включ. 23 с. для доп.

[82] Каталог книг Библиотеки общества «Маяк»: общее доп. [СПб., 1900]. 41 с.; Каталог книг Библиотеки Общества «Маяк». Пг.: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. [8], 152 с.: ил.

[83] Об организации учительских библиотек при обществах вспомоществования лицам учительского звания // Труды 1-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского зва-

ния, бывшего в Москве на рождественских каникулах в 1902/3 гг. / под ред. В. Евтеева. М., 1907. Т. 2. С. 777–782; [Статистические данные о библиотеках учительских обществ] // Там же. С. 1184; Просветительные и педагогические общества // Ежегодник внешкольного образования / под ред. В. И. Чарнолуского. М., 1907. Вып. 1. С. 279–287; Библиотеки [обществ взаимной помощи учащим и учившим за 1905–1906 гг.] // Чарнолусский В. И. Учительские организации в России. М., 1908. С. 96–97; [Библиотеки обществ взаимной помощи учащим и учившим за 1905–1906 гг.] // Ежегодник народной школы / под ред. В. И. Чарнолуского. М., 1908. Вып. 1. С. 139–140; Общество взаимной помощи при Московском учительском институте // Для нар. учителя. 1909. № 16. С. 19–21; О библиотеке Олонецкого учительского общества: по докл. библиотекаря И. М. Зыкова // Там же. № 17. С. 22; Учительские библиотеки: [по данным анкеты] // Там же. № 14. С. 8–9; Библиотека Нижегородского учительского общества // Нар. учитель. 1911. № 15/16. С. 14–15; Звягинцев Е. Своей дорогой: о Екатеринослав. учит. б-ке // Там же. 1914. № 30. С. 15–16; Библиотека Учительского Дома [Московского Учительского общества] // Там же. 1915. № 7. С. 12; И. Т. Прошлое, настоящее и будущее Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Енисейской губернии // Сиб. шк. 1916. № 7. С. 82–89; № 8. С. 41–49; № 9/10. С. 31–39; 1917. № 1. С. 40–49.

[84] Фунтикова С. П. Указ. соч. С. 40.

[85] Отчет по Педагогической библиотеке за 1910 г. // Отчет С.-Петербургского общества грамотности за 1910 г. СПб., 1911. С. 80–81; То же. … за 1911 г. 1912. С. 23–24; То же. … за 1912 г. 1913. С. 23–34; То же. … за 1913 г. 1914. С. 3–13 (2-я паг.); То же. … за 1914 г. 1915. С. 18–24; Правила Педагогической библиотеки С.-Петербургского общества грамотности // То же. … за 1911 г. СПб., 1912. С. 34; О библиотеке при Обществе грамотности (СПб.) // Нар. образование. 1910. Т. 1, № 2. С. 221–222; Каталог Педагогической Библиотеки по начальному народному образованию с приложением указателя статей, помещенных в имеющихся в библиотеке педагогических журналах с 1900 г. по 1 сентября 1910 г. СПб.: Изд. О-ва, 1910. VIII, 208 с. См. также: Библиотека [С.-Петербургского] комитета грамотности // Кн. вестн. 1890. № 12. Стб. 492–493; Протопопов Д. Д. Библиотека Комитета // Протопопов Д. Д. История С.-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Вольном экономическом обществе, 1861–1895. СПб., 1898. С. 335–342; Каталог педагогической библиотеки по начальному народному образованию: с прил. указ. ст., помещ. в имеющихся в б-ке пед. журн. с 1900 г. по 1 сент. 1910 г. / С.-Петерб. о-во грамотности. СПб.: Тип. Я. Балянского, 1910. VII, [1], 205, [3] с.

[86] Благотворительность в России: библиогр. указ. кн. и ст. на рус. яз., вышедших в России в период царствования имп. Александра II с присоед. кат. б-ки Человеколюбивого о-ва / сост. В. И. Межов. СПб.: Изд. Человеколюбивого о-ва, 1883. X, 386 с.; Каталог Библиотеки Человеколюбивого общества. СПб., 1894. [2], 211 с.; Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – начало XX в. СПб., 2005. С. 192–207.

[87] Katalog biblioteki Ogniske Polskiego w Petersburgu. СПб.: Тип. В. А. Лесман, 1913. 23 с.

[88] Правила для желающих брать книги из Библиотеки общества попечительства о воспитательницах и учительницах. СПб.: Тип. Училища глухонемых, 1871. 3 с.

[89] Отчет Общества попечения о молодых девицах, 14.10.1897–31.12.1898. СПб., 1899. 50 с.

[90] Маггид Д. Библиотека Общества просвещения евреев в Петербурге // Вестн. евр. просвещения. 1914. № 30. С. 19–23 (2-я паг); Краткий очерк истории Санкт-Петербургской библиотеки Общества распространения просвещения между евреями в России за 1872–1912 гг.: ко дню ее открытия с читальней имени барона Г. О. Гинцбурга в новом помещении, 16 дек. 1912 г. [СПб.]: Тип. И. Лурье, 1912. 11 с.: ил.

[91] [Библиотечная деятельность Общества] // Чериковер И. М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России, 1863–1913 / под ред. С. М. Гинзбурга. СПб., 1913. Т. 1. С. 232–237; Хроника библиотечной жизни: [стат. данные о б-ках О-ва распространения просвещения между евреями в России] // Вестн. евр. просвещения. 1914. № 29. С. 34–40 (2-я паг.); [Библиотечная деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России: Петерб. б-ка О-ва и б-ки Вилен., Воронеж., Гомел., Двин., Казан., Киев., Одес., Орлов., Риж., Слуц., Том. отд.] // Справочник по еврейскому библиотечному делу. СПб., 1914. С. 113–136; Каталог библиотеки Одесского отделения О-ва распространения просвещения между евреями в России. Одесса: Тип. торг. дома Г. М. Левинсон, 1905. 146 с.; и др.

[92] Колосов Э. В. К истории исторических обществ в России во 2-й половине XIX – начале XX в. // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 41, ч. 1. С. 166–181; Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 47; Народные библиотеки Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб., 1899. 45 с.

[93] С. Ф. Л. Специальная библиотека по благотворительности [Попечительства о домах трудолюбия и работных домах] // Изв. кн. маг. Т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр. 1901. № 9/10. С. 103–105; Правила Библиотеки Попечительства о домах трудолюбия и работных домах. СПб., 1899. 4 с.; Библиотека состоящего под августейшим покровительством е. в. гос. имп. Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах: спец. б-ка по вопросам о призрении бедных, благотворительности, труд. помощи и о мероприятиях, направл. к улучшению условий труда и быта нуждающихся. СПб., 1902. 115 с.; Систематический каталог [Библиотеки по вопросам о призрении бедных, благотворительности, трудовой помощи и о мероприятиях, направленных к улучшению условий труда и быта нуждающихся] / Попечительство о трудовой помощи. СПб., 1913. IX, 216 с.

[94] Каталог Библиотеки и читальни имени Н. В. Стасовой Русского женского взаимно-благотворительного общества, составленный библиотечною комиссией 1910 г.: с библиогр.

указ. беллетрист. произведений и науч. ст. в гл. рус. журн. за последние 20 лет. СПб.: Тип. Северная Печатня, 1911. [2], 173 с.

[95] [Библиотека Общества Благотворения] // Исторический очерк возникновения и деятельности Общества Благотворения в память 19 февраля 1861 г. за 1901–1911 гг. / сост. Я. В. Мамаев. СПб., 1911. С. 23, 30; Каталог Библиотеки Попечительства о народной помощи. СПб., 1913. 74 с.; Bibliothek der St. Petersburgen Deutschen Bildungs und Hilfsvereins Wissenschaftliche. Werke. СПб.: Тип. Кюгельген, Глич и К°, 1913. 172 S.

[96] Протокол ревизии отчетов кассы, книг, имущества и материалов СПб. благотворительного общества врачей-гомеопатов за 1909 г., произведенной Ревизионной комиссией Общества: для докл. очеред. общ. собр. чл. С.-Петерб. благотвор. о-ва врачей-гомеопатов, 28 апр. 1910 г. СПб., [1910]. 18 с.

[97] Каталог Библиотеки 1-го Московского общества трезвости, открытой 9-го февраля 1897 г. М., 1909. 222 с.

[98] К пятидесятилетию Братолюбивого общества, [1861–1911]: ист. записка о деятельности состоящего под августейшим государыни имп. Марии Феодоровны покровительством в ведомстве Человеколюбивого о-ва Братолюбивого о-ва снабжения в Москве неимущих квартирами: [в 2 ч.] / [предисл. М. Гончарова]. М.: Тип. О-ва распростр. полез. кн., 1911. VIII, 391 с.

[99] Каталог Библиотеки СБО. М., 1871. 44 с.

[100] Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. / [с предисл. В. Аристова]. СПб., 1883. [4], 862 с.; Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1883–1893 гг. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1893. 560 с.; Каталог книг Библиотеки Киевского благотворительного общества: сост. по 1 янв. 1900 г. Киев, 1900. 49 с.

[101] От С.-Петербургского славянского благотворительного общества: [о пожертвовании рус. кн. в пользу болгар. б-к]. СПб., 1880. 1 л.

[102] Богишич В. В. Об устройстве славянской библиотеки при Одесском Славянском благотворительном обществе св. Кирилла и Мефодия. Одесса: Тип. П. Францова, 1870. 11 с.

[103] Каталог книг Библиотеки Казанского общества трезвости. Казань, 1904. 137 с.; Каталог Библиотеки Тульского общества трезвости. Тула, 1901. 32 с. и др.

[104] Каталог Библиотеки Общества попечения о народном образовании в г. Красноуфимске и его уезде. Пермь, 1911. [3], 55 с.; [Библиотека Общества] // Отчет Общества для распространения народного образования в г. Ростове и Ростовском уезде Ярославской губернии за 1910 г. Ростов-Ярославский, 1911. С. 4–7.

[105] Каталог Библиотеки выс. утв. Армянского Человеколюбивого общества. Баку, 1887. [3], 74 с.; Каталог Библиотеки Шушинского отделения Армянского благотворительного общества на Кавказе. Шуша, 1891. № 1. 1891. 80 с.; 1894. № 2. 70 с.; Каталог Библиотеки Нухинского местного управления Армянского благотворительного общества на Кавказе. Баку: Тип. Гюльбасаряна, 1897. 80, 52 с.

[106] Устав Библиотеки Серпуховского благотворительного общества. [М.], 1868. 7 с.; Устав библиотеки Серпуховского благотворительного общества // Устав Серпуховского благотворительного общества. М., 1875. С. 18–22.

[107] И. П. О товарищеских библиотеках: [б-ки кружков самообразования] // За книжкой. 1906. № 1. С. 2–4; Орлов А. В. Рабочие общества самообразования в Санкт-Петербурге: [Петерб., Нарв., Коломен. о-ва и их б-ки] // Труды 1-го Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. СПб., 1908. С. 152–163. См. также: Левин И. Д. Рабочие клубы в дореволюционном Санкт-Петербурге: из истории рабочего движения 1907–1914 гг. М.: Изд-во ВЦСПС, 1926. 178 с.

[108] Справочные сведения об Обществе востоковедения. СПб., 1903. 63 с. Данное Общество, учрежденное в 1900 г., в 1910 г. стало Императорским.

[109] Отчет о деятельности состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Великой Княгини Милицы Николаевны Общества русских ориенталистов. СПб.: Типо-лит. Н. И. Евстифеева, 1912–1916; Веревкин И. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов // Вестн. Азии. 1909. № 1. С. 272–278.

[110] Шипчинский В. Н. О направлении деятельности Архангельского общества изучения Русского Севера // Известия Архангел. о-ва изуч. Рус. Севера. 1916. № 7/8. С. 325–327; Отчеты Общества изучения Амурского края за 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. СПб.: Тип. Сибир. флот. экипажа, 1892. 70 с.; Общество изучения Белорусского края // Этногр. обозрение. 1904. № 1. С. 176; Общество исследователей Волыни // Евр. старина. 1905. № 4. С. 426–428; Малявская С. Губернские натуралисты: Калуж. о-ву изучения природы исполнилось 100 лет // Весть: газ. Калуж. обл. 2010. 27 июля, № 271; Шидловский А. Ф. Цель учреждения и ближайшие задачи Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913. 18 с.; Общество изучения Поморского края // Изв. Архангел. о-ва изуч. Рус. Севера. 1916. № 2. С. 80; Общество изучения Сибири // Вестн. Азии. Харбин, 1910. Кн. 3. С. 259; Кроль М. А. О задачах Общества изучения Сибири и улучшения ее быта: [докл., прочит. 16 февр. 1913 г. на годич. общем собр. Иркут. отд. О-ва]. Иркутск: Электротип. т-ва «М. П. Окунев и К°», 1913. [1], 18 с.

УДК 027.5(470.23-25):069.51

И. Г. Матвеева

Археологические и этнографические предметы в стенах Императорской Публичной библиотеки

Статья посвящена малоизвестным страницам истории Российской национальной библиотеки, когда в ней собирались не только книги, рукописи, эстампы, карты, но и памятники материальной культуры: картины, бюсты; археологические, этнографические, нумизматические предметы.

Ключевые слова: Российская национальная библиотека, Императорская Публичная библиотека, археология, этнография, музейные экспонаты

Irina G. Matveeva

Archaeological and ethnographic objects in Imperial Public Library

The article is devoted to the little-known stories of the National Library of Russia, where it gathered not only books, manuscripts, prints, maps, but also artifacts: paintings, busts, archaeological, ethnographic, numismatic items.

Keywords: National Library of Russia, Imperial Public Library, archeology, ethnography, museum exhibits

14 января 2014 г. исполняется 200 лет со дня открытия одной из старейших общедоступных библиотек России – Российской национальной библиотеки. В самом центре Санкт-Петербурга расположилось огромное книгохранилище, – распоряжением Екатерины созданное, державною рукою Павла утвержденное, и попечением Александра I образованное.

Всем известно, что с момента возникновения Императорская Публичная библиотека включала в свои фонды, наряду с книгами и рукописями, эстампы и карты, музыкальные произведения. И только немногие знают, что Императорская Публичная библиотека в начале XIX в. «кроме произведений печати и рукописей, по образцу западных библиотек, долгое время собирала и хранила различные памятники материальной культуры: медали, в древнюю утварь, статуи, картины и так далее»[1].

Известный историк Российской национальной библиотеки Ц. И. Грин, которая отмечала, что «следует заметить, что, в отличие от историков нового времени, осуждавших так называемый музейный уклон Публичной библиотеки в 50-е гг., сами современники относились к нему с пониманием и одобрением»[2]. Музейное и архивное начало в деятельности Императорской публичной библиотеки помогало решать насущные вопросы нашей литературы и истории, раскрывало и демонстрировало материалы опубликованных научных исследований.

Объяснение этому можно найти и в том, что директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин дорожил любым вниманием и участием к Библиотеке, старался всеми способами притягивать внимание населения. А в первые годы своего существования многих россиян нужно было разными способами привлекать к Библиотеке, хотя бы и путем возбуждения любопытства: «Любопытные посетители с удовольствием будут рассматривать означенную медаль, как несомненное Историческое свидетельство о Босфорском царстве, оказывающее при том степень тогдашнего искусства и просвещения»[3].

Археологические экспонаты передавались Библиотеке в дар поэтом и сотрудником Императорской Публичной библиотеки Николаем Ивановичем Гнедичем (1784–1833); русским историком и коллекционером Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875); горным инженером и смотрителем Бухтарминского рудника Григорием Ивановичем Спасским (1783–1864); этнографом, статистиком и библиографом, академиком Петром Ивановичем Кеппеным (1793–1864) и др.

31 мая 1813 г. А. Н. Оленин в письме к министру народного просвещения А. К. Разумовского писал: «По Высочайшему повелению Ея Императорского Величества государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны доставлен ко мне на сих днях Г. Надворным Советником Лонгиновым сделанный отставным Штабс-капитаном Г. Тургеневым список со знамени Князя Пожарского, под которым некогда Россияне стекались на спасение Отечества от их врагов. Согласно с высочайшею волею, в отношении ко мне Г. Лонгинова изъясняю, я препроводил список сей Императорской Публичной Библиотеке, где оный будет помещен в Хранилище рукописей между любопытными редкостями Отечественной истории с приличным ему украшением»[4]. В середине

XIX в. этот список «на шелковой ткани с валиком и рукояткой» находился в шкафу «В» рукописного отделения[5].

Самая крупная коллекция археологических предметов была приобретена в 1817 г. Это было собрание горного инженера, изобретателя и организатора горнозаводского производства на Алтае, начальника уральских Колывано-Воскресенских заводов (г. Змеиногорск, позже – Барнаул), томского губернатора Петра Козьмича Фролова (1775–1839). Его коллекция состояла из ста тридцати пяти различных археологических памятников «искусства разных азиатских народов, многие из которых принадлежат к весьма отдаленным от нас временам и найденные в разных местах Сибири при разрытии курганов»[6].

По воспоминаниям немецкого ученого флориста и путешественника, член-корреспондента Петербургской Академии наук Карла Христиана Фридриха (Карла Фридриховича) фон Ледебура (1785–1851), в этом собрании достопримечательностей присутствовали самые разнообразные археологические предметы: «монгольские идолы, священные сосуды ламаистов, древности из чудских и киргизских могил, богатая коллекция китайских картин»[7].

Дирекция Библиотеки не только покупала и принимала в дар самые различные музейные ценности – археологические, этнографические, нумизматические, но и неоднократно обращалась к различным учреждениям и частным лицам с просьбой о помощи в их приобретении. Так, в 1818 г. в письме к вновь назначенному Генеральным российским консулом в г. Смирне Спиридону Юрьевичу Дестунису (1782–1848) Оленин писал: «В городе, в котором вы будете <…> встречается весьма много любопытных древностей, приобретение коих было бы чрезвычайно полезным для Академии Художеств и Публичной библиотеки <…> Для Библиотеки нужно собирать древние греческие и на других языках рукописи, надписи, медали и разные камни»[8].

К 1820 г. уже было широко известно о нахождении в Императорской Публичной библиотеке некого «археологического музеума». П. В. Кеппен в своем письме, сопровождая слепки древностей в дар российскому книгохранилищу, писал: «В уверении, что Императорская Публичная Библиотека не откажется принять и самого жалованного приношения, которое может служить к усовершенствованию познаний о временах протекших, я осмеливаюсь представить сему Заведению для приобщения к прочим предметам, составляющим археологический Музеум оного, следующие слепки с некоторых древностей, найденных в Крыму при разрыхлении могил»[9]. Среди переданных им предметов особый интерес представляли слепок небольшой маски; слепок небольшого барельефа, представляющий Меркурия; небольшая статуя, изображавшая Лидийскую царевну Омфалу; четыре лампы. Первые три вещи, как сообщил даритель, были сделаны из красной жженой глины. Найдены они были при раскопках около города Керчи, а четыре лампы «черной земли» были извлечены из разрытой могилы близь крепости Еникале[10].

Среди археологических артефактов имелись предметы оружия, различные инструменты, всевозможные коробочки, образцы рыболовных принадлежностей, барельефы, лампы, множество сосудов и братин, женские украшения и др. Особую гордость Библиотеки составляла коллекция идолов.

Среди примеров всевозможного оружия хранились различные кинжалы, ножи, луки и стрелы, копья, шпаги, найденные на Алтае. Так, например, в фонде Библиотеки хранились: серебреный «наконечник от ножен кинжала с выбитыми на нем цветками» и «проволока от ножен сего же кинжала»; бронзовый нож «особенного от обыкновенных ножей вида»[11]; медные, железные (один из них из кургана близь реки Коргон[12]); кинжалы из камня «жаде»[13]; два медных ножа: одни – «вероятно служивший при совершении жертвоприношений»[14] (один из них был найден в кургане близь села Чингизское в Сибири; другой – во время пахоты близь города Сузунска Томской губернии)[15]; остатки от четырех железных стрел[16]; бронзовый «наконечник от стрел»[17]; «костяная оклейка с лука» и костяное копье, вырытые близь села Кремлево; два медных копья, найденные при раскопках близь Змеиногорского рудника (Алтайский край) и у Божьего озера в Сибири[18]; медный и железный эфесы (рукоятки) от шпаги и «тонкие листы, снятые со шпаги, выкопанные в кургане около Бухтарминского рудника[19].

Сотрудники Библиотеки особенно гордились ружейным замком «особенной конструкции, отличавшейся от употребляемого ныне тем, что огниво состоит из колесика, обращаемого к полке ключом»; замком от пищали; железными нарукавниками «с арабскими надписями серебром насеченные»[20] и остатком кольчуги из кургана близь деревни Белой и Колывановского завода.

В коллекции Императорской Публичной библиотеки хранились и рыболовные принадлежности – медные литые удила, отысканные близь Бухтарминского рудника[21]. Бóльшая их часть поступила в Библиотеку в составе коллекции Фролова.

В 1818 г. от маркшейдера Г. И. Спасского получены серебряные предметы «под позолотою и чеканной работы от конской сбруи» и три медные «разнообразные вещи от конской сбруи, некоторые чеканной работы»[22], 14 медных вещей, из которых пряжки, гвоздики и небольшая бляшка, принадлежавшие конской сбруи[23].

Из коллекции П. К. Фролова в фонд библиотеки перешли такие предметы конской сбруи, как медная литая дужка, найденная близь Бухтарминского рудника[24]; четыре медных бляшек из кургана близь Колывановского завода[25]; медная бляшка, найденная близь села Кашино и реки Алей[26]; медные литые стремена, найденные в кургане близь реки Иртыш[27] и Шульбы.

В коллекции археологических предметов Императорской Публичной библиотеки имелись лампы, трутницы, курительные трубки. Павел Алексеевич Дютрукс через П. И. Кеппена в 1820 г. подарил слепки с «лампы черной земли, отыскано <…> в могиле, разрытой близь Еникала»[28]. В 1860 г. от доктора медицины Карла Карловича Задлера была получена для средневековой залы Библиотеки старинная «огнива (огневица? трутница?)»[29]. Г. И. Спасский пополнил эту небольшую коллекцию железной курительной трубкой, обитой кожею, «поверх которой разноцветные стеклянные бусы. К ней принадлежат две железные огнива и две трутницы, сшитые из кожи и украшенные стеклярусом, а одна с медными пуговицами»[30].

Из посуды в собрании находились сосуды, бутыли и братины, в большей степени сибирские. Значительная их часть была найдена в одном из курганов Красноярского уезда. Среди них была медная братина с надписью «Чашка гостиной сотни Федора Маркова, лета 3-е году (1692) месяца мая 9»; 12 китайских сосудов из камышовых полосок с медною оправой (два из них из коллекции Фролова); битый сосуд из красной меди и обломок от него; индейский сосуд, «высеребренный, с таким же подсвечником и ковшом»; чаша из яшмы[31].

Среди бутылей особую редкость представляла итальянская глиняная бутыль «Сидящая флейтистка с птицей», датируемая 350–320 гг. до н. э. В 1854 г. она поступила в Эрмитаж[32].

Коллекция археологических предметов Императорской Публичной библиотеки была богата и предметами каменных и железных инструментов. Среди них: американский топор из камня называемого жаде[33]; два медных топора, найденные в Змеевском руднике; два старинных топора из Малороссии – один с дырою, подаренный библиотеке ротмистром Быковским из с. Белоцерковка Полтавской губернии; другой – без дыры, переданный Библиотеке губернским секретарем из с. Бригадировка Харьковской губернии; «первый лет пятьдесят уже вышел из употребления, а последний редко употребляется строителями мельниц»[34].

Из других инструментов были представлены два долото – одно из жаде[35], а другое медное[36], найденные в Петровском руднике (Змеиногорский район Алтайского края)[37]; два сопла, найденные при раскопках близь Бухтарминской крепости[38]; молот, найденный в Змеиногорском руднике[39]. А также горный клин, найденный в Гольцовском руднике близь Змеиногорска; два инструмента похожих на пестик и инструмент, похожий на долото, найденные около Божьего озера в Красноярском уезде[40]; железные и медные гвозди из кургана у Бухтарминского рудника[41]. В 1852 г. эти предметы также были переданы в Императорский Эрмитаж[42].

Хранили сотрудники Императорской Публичной библиотеки в своих фондах и различные пряжки. Одна из костяных пряжек, найденная близь реки Коргона в Сибири, была пришита на ремень жилами и пропитана маслом для большей сохранности; костяной шпенек от пряжки[43], несколько пряжек, найденных у Рудерского рудника близь рек Чарыша и Алея; бляшка «с изображенным львом внутри остатков ремня»[44].

Тридцать шесть медных бляшек были найдены при раскопках курганов южной части Томской области. Среди них одиннадцать золоченных, восемь – из белой меди[45], десять – серебряных позолоченных бляшек (одна их них – круглая[46]); серебряная бляшка с халцедонами и бирюзою, найденная близь Бухтарминского рудника; бляхи из белой меди с двумя ушками и с изображением в прорезе трех животных[47]; девять медных золоченых бляшек[48].

На сегодняшний день наибольшую ценность представляют медные и костяные пряжки и бляхи с резными изображениями разных зверей (львов, коней, тигров, лосей и др.[49]). Найдены они были на Алтае. Эрмитаж, куда они поступили из Библиотеки по распоряжению Императора, до сих пор гордится этими экспонатами. Среди них – костяная пряжка с изображением двух голов сайги (6,1 x 3,9 см); костяная бляха в виде головы тигра в фас (8 x 8,8 см); деревянная бляха с головой тигра в профиль (8 x 4,4 см); костяная бляха с изображением двух стилизованных голов лосей (6,9 x 4,9 см); семь бляшек с изображением лосей; две из которых серебряные[50]. Их изготовление относится к скифской культуре V–IV вв. до н. э.

Г. И. Спасский подарил пряжку с изображение льва и другую – с видом двух верблюдов или зебр[51].

Среди медных блях наибольший интерес представляла бляха, «чеканная в Швеции, бывшая в обороте вместо денег с надписью „Daler Sylf Mynt 1729" и с гербом провинции Далекарлии[52]», которую в 1852 г. передали в Эрмитаж[53].

По всей в Библиотеке имелись не менее ста различных изображений божеств (идолов), как в двухмерном (рисунок), так и в трехмерном (статуя, статуэтка) изображении. Семьдесят пять тибетских идолов, «чертами рисованные на золоченой бумаге с надписями на обороте на тибетском языке серебром. Сие изображения вынуты из внутренности медных идолов, выкопанных в сибирских курганах»[54]; два – «литых из белой меди»; девять тибетских медных золоченых идолов[55]; два медных (один из Сибири, а другой – «древний германский идол»[56]); один костяной идол с алеутских островов[57], деревянный американский идол из красного дерева[58] из коллекции от Фролова.

Г. И. Спасский подарил библиотеке «Бурхан[59] или Божок далайламский, сделанный из глины и позолоченный. Таким Бурханам поклоняются Калмыки и Монголы»[60] и четыре монголо-бурханских[61] Шакьямуни[62]; «один из них глиняный раскрашенный и позолоченный, а три остальных из бумаги, сделанные, кажется, в Тибете».

Кроме них, хранись каменные барельефы, изображавшие идолов из Сибири[63].

В 1852 г. 10 далайманских идолов; 84 предметов посуды, оружия и инструментов; пять сибирских зеркал шаманов, две византийские вазы (одна из них была изготовлена из меди, другая – из слоновой кости) были переданы в Новый Кабинет Эрмитажа по личному распоряжению Императора[64].

Кроме идолов среди далайманских предметов имелась часть скипетра, «главными Ламами употребляемого» во время службы[65].

Содержалась небольшая коллекция барельефов на дереве: с изображением головы дракона, найденный близь Кузнецка; представляющий лося; с тремя головками неизвестного зверя, раскопанный в кургане близь речки Катунь (левая составляющая реки Оби) и др. Все эти предметы были покрыты тонкими серебряными листами. Кроме деревянных барельефов, хранились и два костяных барельефа с головой дракона, найденных в кургане близь реки Чарыша[66].

Посетителей Библиотеки в тот период изумляла и небольшая коллекция фигурок различных животных: лошадей, собачек, птичек. Например, две фигурки лошади: одна медная, найденная близь реки Бии на Алтае[67]; другая – из железа[68]; две костяные птички в агатовой чашечке[69], которые камчадалы, проживавшие на территории современного Камчатского края, использовали при ловле птиц как символ бога охоты. Кроме них хранилась медная птица с изображением человеческого лица на груди, найденная в кургане близь Чингизского села[70]; костяная собачка[71].

Отдельное место занимала незначительная коллекция коробочек, найденных в курганах южной части Томской губернии. Среди них: коробочка с 13 медными бляшкам от конной сбруи; коробочка с девятью медными бляшкам; коробочка с 10 медными бляшками, две из которых позолоченные; коробочка с 9 медными скобочками[72]; коробочка, украшенная серебряной золоченой бляшкой с изображением лосей.

Привлекали внимание посетителей, в особенности дам, самые разнообразные женские украшения, которые составляли отдельное собрание. Здесь были колье, сережки, браслеты, гребни, кольца, перстни, разнообразные бусинки и пуговицы. Эту коллекцию составили образцы трех медных колье, откопанных в разных курганах Алтая – близь Змеиногорского рудника, у Белого озера в Красноярском уезде[73], около Бухтарминского рудника; медная литая серьга из кургана, находящегося недалеко от Салаирского рудника[74] и речки Бачат[75]; медный золоченый браслет (близь г. Кузнецка); два костяных гребня найденные близь горы Кремлевой[76] и Бухтарминского рудника[77]; два кольца, «найденные у носа похороненного»[78], пуговица[79]; «золотой перстень с вырезанными на камне кентавром; костяное ожерелье, отысканное близь Бухтазарского рудника; серебряные пуговицы разного вида»[80] и др.

Среди украшений были три подвески, тридцать пять бронзовых колец, найденных в Ольгопольском уезде Подольской губернии близь деревни Балановки[81]. В 1851 г. почти все женские украшения из археологической коллекции Императорской Публичной библиотеки были переданы в Московскую оружейную палату.

Кроме самих украшений, хранилось несколько стеклянных пестрых пронизок[82] зеленого стекла, найденные близь деревни Белая[83] и реки Бухтармы; полудрагоценные камни, использовавшиеся в украшениях – прозрачный египетский камень с резьбою, шесть корналинов (сердоликов), сарданик и агат.

Были и образцы тканей, например, шелковая ткань, найденная в 1789 г. с платьями в пещере близь реки Чарвета в Сибири[84].

Особую ценность представляли зеркала, большая часть которых поступила из коллекции П. К. Фролова[85] и от Г. И. Спассокого. Из архивных материалов известно, что одно из этих зеркал было найдено в кургане близ горы Кремлевой

и Бухтарминского рудника в Восточном Казахстане у современного села Усть-Бухтарма. Оно представляло собой «медный литой круг с изображением лосей. Сей круг был обвернут шелковой и бумажною материей, и лежал под кистью правой руки похороненного, которая, так как и левая, была простерта вдоль туловища»[86]. Другое зеркало представляло собой «медный литой круг, найденный в кургане близь города Кузнецка»[87].

Весьма интересны были медные зеркала, подаренные Г. И. Спасским. Одно из них было с изображением на обратной стороне драконов. Наибольший интерес вызывало зеркало с «рукояткою и с изображенными на другой стороне стариком и женщиной, стоящими под деревом с плодами у воды, птицею и вьючным оленем»[88]. Другое представляло медный кружок с отломленной ручкой: «На сем кружке с одной стороны изображены две человеческие фигуры, деревьев, журавль и олень. В одеяниях фигуры много сходства с китайскими. Вероятно, и сама вещь есть произведение китайского искусства, а так же другая сторона сего кружка совершенно гладкая, то, кажется, что он служил зеркалом. Как и теперь в Китае, зеркала делаются металлические, весьма похожи на этот кружок»[89].

Кроме того, были представлены в коллекции четыре медных зеркала «с изображением на одной стороне разных зверей, чудовищ и змей. В середине кружков небольшие возвышения, наподобие шляпки обойного гвоздя; с боковою скважиной. Эти кружки употреблялись шаманами»[90].

Известно, что пять сибирских шаманских зеркал были переданы в 1852 г. в 1-е Отделение и в Новый Кабинет Эрмитажа[91].

В 1830 г. была куплена «бронзовая древняя фигура Фауна в полвершины величины, найденная в в Старобельском уезде Воронежской губернии при вспахивании полей»[92]. 13 апреля 1851 г. она была передана в Эрмитаж[93].

Библиотека не чуралась обладать даже экзотическими экспонатами человеческих останков. Здесь находился «головной череп человеческий, взятый в Сибири из Чудского кургана или древней могилы»[94]; «обрывок обертки мумии[95] и даже гробик с останками польского короля Станислава I Лещинского (1677–1766).

Последний предмет поступил в Библиотеку 20 мая 1834 г.[96] по Высочайшему повелению вместе с 112 ящиками книг из Варшавского общества любителей наук. Более 20 лет он хранился в фондах Библиотеки. 4 апреля 1857 г. М. А. Корф обратился к министру Императорского двора с просьбой разрешить передать останки польского короля великого князя литовского Станислава I Лещинского (1677–1766) в Вильнюсский археологический музей. Однако Император принял иное решение – предать его тело земле в Санкт-Петербурге. Было решено захоронить останки в приходской Римско-католической церкви Св. Екатерины в Петербурге, в том же месте, где тогда покоился прах последнего польского короля Станислава II Августа Понятовского (1732–1798). Что и было сделано в присутствии митрополита Римско-Католических церквей Вацлава Жилинского (1856–1863)[97]. Во время похорон при вскрытии гроба, обитого пунцовым бархатом, в нем был найден небольшой черный жестяной ящик в виде гроба, с двух сторон которого на особых досках была надпись: «Ici repose le corps de Stanislas premier roi de pologne, Duc de Lorraine et de Bar surnomme le bienfaisant decede a Luneville le 23 Fevrier 1766»[98]. Внутри были обнаружены «кость из нижней щеки, часть украшения, по-видимому, принадлежащая к знамени, железный для поставления гробика катафалк и маленький красным бархатом обтянутый гробик, внутри которого найдены, завернутые в кусок холста кусок одежды и небольшая кость от пальца»[99].

А предыстория такова. В 1814 г. дивизионный польский генерал Михаил Сокольницкий (1760–1816), возвращаясь из Парижа, посетил город Нанси, где в церкви Спасительницы Богородицы был похоронен Станислав Лещинский. В 1814 г. там была установлена мемориальная доска. Генерал обратился с просьбой к Гражданским и духовным начальствам с просьбой «уступить ему одно из знамен, украшавших гробницу Лещинского, и частицы его бренных останков для помещения их при памятнике, воздвигнутым для него в Польше»[100]. Что и было сделано.

В период директорства М. А. Корфа в 1852 г. начался процесс передачи из Публичной библиотеки различных ценностей по повелению Императора в такие учреждения, как Эрмитаж, Оружейная палата, Румянцевский музей.

Археологические предметы были предназначены к передаче прежде всего в Эрмитаж. Так 20 марта 1852 г. начальник I Отделения Императорского Эрмитажа Флориан Антонович Жиль (1801–1864) получил информацию о том, дирекцию Императорской Публичной библиотеки обязывают передать им музейные вещи. В нем сообщалось: «Г. Генерал-Фельдмаршал Министр Императорского Двора от 18 сего Марта за № 1069 уведомил, что по всеподданнейшему докладу Его Светлости представления Г. Директора Императорской Публичной Библиотеки Государь Император изволил Высочайше повелеть хранящиеся в сей Библиотеке разные предметы художественные, археологические и этнографи-

ческие, в препровождаемых при сем шести реестрах показанные доставить в Новый Эрмитаж и выставить на Высочайшее Его Величества воззрение и распределение при чем его светлость присовокупил, что о таковой Высочайшей воли объявлено Г. Статс Секретарю Барону Корфу. Сообщая об этом Вашему Высокопревосходительству, покорнейше прошу приказать, кому следует означенные вещи принять и выставить в зале XVII Нового Эрмитажа; о последующем же меня уведомить»[101].

Директор ИПБ М. А. Корф не возражал: «В Императорской Публичной библиотеке с давних времен хранятся разные предметы художественных, археологических и этнографических, которые хотя, и служат их украшению, не входят в число существенных принадлежностей книгохранилища, могли бы найти себе более соответствующее место в коллекции Эрмитажа»[102].

В тот же год в I и II отделения, библиотеку и Минц-кабинет Эрмитажа было передано из Императорской Публичной библиотеки по разным сведениям от 154 до 188 археологических предметов[103]. Среди них наиболее ценными были двенадцать далайламских идолов; пять сибирских зеркал шаманов, византийская ваза из меди, византийская ваза из слоновой кости, различные «предметы чудские, как-то: оружие, посуда, инструменты» (84 экз.)[104] и др.

Царскосельский арсенал пополнили копией со знамени князя Пожарского, замком от пищали, десятью вещами с Курильских островов и Русской Америки, обломком головной накладки из железных колец[105].

Для пополнения китайской коллекции Гатчинского дворца передали семнадцать китайских и японских вещей[106].

При передаче археологических предметов не был обнаружен золотой венок, найденный при раскопках на Таманском полуострове недалеко от Фанагорийской крепости. В 1817 г. он был передан А. Н. Оленину для хранения в фондах Императорской Публичной библиотеки. По всей видимости, он запомнился императору, который видел его в Библиотеке, что он потребовал отыскать его. После долгих поисков А. Ф. Бычкову удалось выяснить, что «обломки лаврового венка, сделанные из самых тонких золотых и электровых[107] листов», золотые тонкие листочки этого венка затерялись уже к 1830-м гг., а к 1852 г. он весь был утрачен[108].

Одной из основных идей директора Императорской Публичной библиотек М. А. Корфа было убеждение, что просветительная задача библиотеки требует создания в ней не музея артефактов, а «возможно полного образовательного музея по истории письменности, книгопечатания и гравирования»[109]. Позже Библиотека полностью отказалась от собирания и хранения памятников материальной культуры, и уже во время директорства Д. П. Бутурлина «музейная часть Библиотеки, крайне скудная и весьма мало отвечавшая смыслу последняя, замерла на мертвой точке»[110]. Тем не менее Библиотека продолжала принимать археологические вещи в дар для дальнейшей передачи или продажи их в разные музеи до 1917 г.

Коллекция этнографических предметов в Императорской Публичной библиотеке была менее обширна и богата по сравнению с археологической, однако и в ней некоторые вещи представляли и представляют до сих пор для современных исследователей значительный интерес. Предметы этнографии, составляющие черты традиционной повседневной (бытовой) культуры народа, образующие его этнический облик, позволяли посетителям Императорской Публичной библиотеки при знакомстве с ними с большей наглядностью осваивать серьезные научные труды, знакомящие их с процессами формирования и развития различных этнических групп, формами их культурной самоорганизации, закономерностями их коллективного поведения и взаимодействия.

Зная о формировании в стенах Императорской Публичной библиотеки коллекции предметов старины, раскрывающих историю и быт многих народов, этнографы и путешественники В. Вишняков, Н. П. Румянцев, А. А. Майков, Г. И. Спасский ее пополняли путем дарения. Вещи с американских островов, острова Тан и корякские, собранные во время путешествия на шлюпке «Диана», были подаренные капитаном 1-го ранга, мореплавателем и ученым, историком и географом, экономистом и лингвистом, этнографом Василием Михайловичем Головниным (1776–1831). Среди них были «кусок дерева, вкладывавшийся в разрез нижней губы, под самым ртом женщинами»; «шесть трубочек, называемых гайквас, который собирают местные жители, отрывая их от подводных камней и украшают ими свой наряд».

Вещи, привезенные с острова Тан, были подарены Головину одним из старшин этого острова: «трубка с краскою для натирания лица»; тростниковая трубочка, украшавшая нос жителей; сережки из черепаховой кости, носимые мужчинами; «кусок черепаховой кости, вкладываемый вместо украшения в отверстие хряща между ноздрями», перо, которое старшины носили в волосах, как знак отличия (жители острова называли его Кайо).

Среди этнографических вещей коряков были предметы, употреблявшиеся во время

ловли рыбы и охоты на зверей[111]: «копье, которое сидячие коряки бьют китов (это копье насаживается обыкновенно на шест длинною 10 фут)», гарпун, «употребляемый сидячими коряками при ловле китов», курительная трубка из моржовой кости, шесть игрушек их моржовой кости, сделанных обыкновенным ножом, удило.

«7 предметов местного изготовления для домашнего обихода» с острова Мадагаскар подарил в апреле 1907 г. иезуит Мишель д'Эрбини[112].

Среди этнографических экспонатов в Библиотеке хранились образцы одежды (платья, ленты, платки) и аксессуаров (сумки, портфели, опахало), предметы посуды (ложки, вазы, рюмки) и др.

В 1816 г. от Н. П. Румянцева в дар поступил «привезенный из новой Голландии плащ, или верхнее платье на европейский образец»[113]. Отмечалось, что оно было «весьма искусно сшитое из кожи сивучей»[114]. От Г. И. Спасского поступила «лента, вытканная из пеньки и украшенная костяными обточенными кружками. Она употребляется в Сибири шаманами поверх одежды»[115]. От него же в дар в Библиотеку поступили две голубые и две оранжевые шелковые подушки[116].

В марте 1831 г. А. Н. Оленин подарил «большое опахало из слоновой кости, на котором с одной стороны находится топографическое описание Губерний Тамбовской, Рязанской и Тульской губерний, с раскрашенными гербами оных, а с другой стороны – ландкарта сих губерний с гербами городов. Карта сия сочинена в 1789 г.»[117].

В 1816 г. Библиотека получила два аксессуара с Алеутских островов. От доктора философии Б.-Г. Вихмана поступил предмет, называемый в архивных документах по-разному: «портфель», «бумажник», «записная книжка», «сумочка» женской работы, «сделанная с особенным мастерством из тамошних произведений», «выделанный разными узорами на Алеутских островах и сшитый в Камчатке»[118]. Из коллекции Фролова поступила «алеутская трубка из моржовой кости»[119].

Этнографические предметы Персии представлял талисман, «называемый Бозубен, в ящике из Сибирской яшмы», который поступил от астронома и геодезиста Викентия Карловича Вишневского (1781–1855). В 1818 г. от Г. И. Спасского был получен в дар арабский талисман из перламутра[120].

Вещи из Японии и Китая поступали от доктора философии Б.-Г. Вихмана, из коллекции П. К. Фролова[121]. Здесь были четыре кисти; камышовая трубочка, употребляемая для письма первыми китайцами в футляре[122]; китайские очки в футляре[123], «китайская или японская игра, состоящая из 120 маленьких листочков в ящике тамошней работы», визитная карточка, сделанная искусно из соломы»[124]; кокосовая чашка с «китайскими резными надписями и инкрустациями»[125]; китайская ваза «из коры без дна»[126]; «чаша из китайской яшмы с двумя ушками, составленными из ящериц, имеющая 2 вершка в поперечине и 3/4 глубины»[127].

Среди этнографических экспонатов особую ценность представляли предметы посуды – ложки, вазы, рюмки. Так в Библиотеке имелась «ложка, выработанная из китовой кости»[128] (поступила в 1815 г.), роговая ложка[129]; «стакан из слоновой кости с вырезанным кругом его барельеф, относящемся к XV в.» (приобретен в 1832 г.[130]); «резной из кости стакан без дна» (подарен Г. И. Спасским)[131]; первая, изготовленная в России, стеклянная рюмка – «первое русское изделие при Петре Великом» (подарена в 1831 г. А. А. Майковым[132]); «две столовые оловянные тарелки, бывшие в употреблении во время походов Государя Императора» с надписью «тарелка Великих Государей села Измайлова. Взята в овощной палате»[133] (куплены в 1830 г.).

В 1852 г. посуда была передана в Московскую Оружейную палату.

Большая часть этнографических предметов находилась в Библиотеке дольше археологических и нумизматических – до начала XX в. Однако начиная уже со второй половины XIX в. она не пополнялась.

Дирекция Библиотеки, находя, что подобным «предметам приличнее находиться в Этнографическом музее Академии наук», 24 мая 1907 г. передала туда большую часть этнографических предметов.

25 марта 1917 г. был образован Комиссариат для охраны художественных ценностей в составе члена Государственной думы П. А. Неклюдова, Ф. И. Шаляпина, М. Горького, А. Н. Бенуа, К. С. Петрова-Водкина, М. В. Добужинского, Н. К. Рериха и И. А. Фомина. Комиссариат принял решение о сдаче в местные ученые архивные комиссии всех находящихся в различных городах предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение. До 1930 г. еще признавалось, что Библиотека, «являясь своего рода музеем, содержала сотни экспонатов, в том числе величайшие редкости из недр Отделения Рукописей, Искусств, Старопечатных книг и т. д.»[134]. Однако уже в тот же период началось формирование мнения, что нахождение музейных ценностей в Библиотеке не соответствует идеологической функции Библиотеки и потому следует «разбивать представление о ГПБ, как

о книгохранилище-музее»[135]. И началась окончательная передача археологических и этнографических предметов в музеи.

Конечно, можно сожалеть, что музейные ценности, хранившиеся в стенах Императорской Публичной библиотеки, ныне в лучшем случае хранятся в запасниках многих русских музеев, и в большинстве своем они недоступны для обозрения. Однако мы можем испытывать гордость, что многие из этих предметов сохранились и выставляются на обозрение публики благодаря деятельности ИПБ и ее сотрудников.

Примечания

1 Пишванова В. И. Краткий обзор архивных источников по истории Публичной библиотеки за дореволюционный период, 1795–1917 / публ. И. С. Зверевой // Публичная библиотека и культура: три века истории: док., материалы, исслед. СПб., 2006. Вып. 1. С. 27.

2 Цит. по: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников, 1795–1917: хрестоматия. СПб., 1998. С. 243.

3 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1816. Д. 3. Л. 1–1 об.

4 РГИА. Ф. 733. Оп. 15. 1813. Д. 24. Л. 1–2.

5 ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 4 об.; ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. 1860. Л. 2.

6 Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1817 г. СПб., 1817. С. 47.

7 Цит. по: Бармина О. В. Опубликованные источники по истории формирования личной коллекции П. К. Фролова // Вестн. Алт. гос. пед. акад. 2007. С. 83.

8 РГИА. Ф. 789. Оп. 20. 1818. Д. 42. Л. 1–2.

9 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1820. Д. 2. Л. 11–13.

10 Ени-Кале, Еникале – крепость на берегу Керченского пролива в северо-восточной части г. Керчь (Украина), построена османцами в 1699–1706 гг. Название в переводе с турецкого языка означает «Новая Крепость».

11 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4 об.

12 Коргон – река Томской губернии, левый приток реки Чарыша.

13 Жадеит (фр. jadeite, от jade – нефрит) – минерал зеленого цвета из группы щелочных моноклинных пироксенов, силикат натрия и алюминия. Свое название получил от жада – общего названия минералов жадеита и нефрита.

14 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

15 Сузун был основан по именному указу Сенату Екатерины II от 7 ноября 1763 г. в связи с необходимостью начать чеканку монет на территории Сибири.

16 ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 12.

17 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.

18 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.

19 Там же. Л. 36, 38–40.

20 Там же. Л. 36 об.

21 Там же. Л. 38.

22 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.

23 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2 об.

24 Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 10; Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38 об.

25 Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 10.

26 Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.

27 Там же. Л. 37 об; Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 9 об; ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. 1852. Л. 2.

28 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1820. Д. 2. Л. 11.

29 Там же. 1860. Д. 3. Ч. 1. Л. 115.

30 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

31 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36.

32 Бутыль. Сидящая флейтистка. Южная Италия, Апулия. Глина; черный лак, белая, желтая и красно-коричневая накладные краски. Высота 16 см.

33 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

34 Георгиевский Г. П. А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич: новые материалы из оленин. арх. СПб., 1914. С. 113.

35 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

36 Там же. Д. 1006. Л. 2.

37 Там же. Д. 1000. Л. 37 об.

38 Бухтарминская крепость находилась при впадении реки Бухтармы в Иртыш.

39 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.

40 Там же.

41 Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

42 ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 13. Л. 2.

43 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39 об.

44 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

45 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.

46 Там же. Л. 39.

47 Там же. Д. 1006. Л. 2.

48 Там же. Л. 2 об.

49 Там же.

50 Там же. Д. 1000. Л. 38.

51 Там же. Л. 37.

52 Далекарлия (Dalekarlien, швед. Dalarne) – суровая и гористая, богатая живописными местностями область в Средней Швеции.

53 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1851. Д. 7. Л. 9; Там же. 1896. Д. 67. Л. 6.

54 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 34–40.

55 Там же. Л. 36 об.

56 Там же. Л. 37; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 9.

57 Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 9.

58 Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.

59 Бурхан – верховное в бурханизме; Бурхан-бакши («Будда-учитель») – распространенный эпитет Будды Гаутамы у монгольских буддистов.

60 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4; ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 7.

61 Монгол-бурханы – души павших монгольских воинов.

62 Шакьямуни (мудрец из рода Шакьев) – исторический Будда, известный также под именем Сиддхартха Гаутама.

63 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об.

[64] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.

[65] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37.

[66] Там же. Л. 39.

[67] Там же. Л. 38.

[68] Там же. Д. 1006. Л. 2 об.

[69] Там же. Д. 1000. Л. 37.

[70] Там же. Л. 38.

[71] ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 1.

[72] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38 об.

[73] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.

[74] Салаирский серебряный рудник находился в Кузнецком уезде Томской губернии.

[75] Бачат – левый приток Ини, впадающей в реку Обь.

[76] Курган находится близ горы Кремлевой и Бухтарминского рудника в Восточном Казахстане у современного села Усть-Бухтарма.

[77] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39 об.

[78] Там же. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 11.

[79] Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 39.

[80] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4.

[81] Там же. 1852. Д. 24. Л. 8 об.

[82] Пронизка – объемный предмет со сквозным отверстием.

[83] Деревня Белая находилась на реке Белая (правый приток реки Бухтарма) в Томской губернии.

[84] ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 13.

[85] Марсадолов Л. С. Зеркало из алтайской коллекции П. К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. [Вып.] 47. С. 30–33.

[86] Арх. ГЭ. Оп. 1, 1852 г., св. 24, Д. 13. Л. 2; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 37 об.

[87] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 38.

[88] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1818. Д. 8. Л. 4 об.

[89] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

[90] Там же.

[91] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.

[92] РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 167. 1843. Л. 185 об.

[93] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. 1851. Л. 9; Д. 67. 1896. Л. 6; ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. 1852. Л. 3–5.

[94] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1818. Л. 4.

[95] ОР РНБ. Ф. ФСРК. Д. 547. Л. 13 об.

[96] Подробнее см.: Зверева И. С. «Король в шкафу», или Посмертные путешествия Станислава Лещинского // Белорусский сборник: ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2012. Вып. 5. С. 187–191.

[97] РГИА. Ф. 472. Оп. 9. 1855. Д. 10. Л. 17.

[98] «Здесь покоится тело первого короля Польши Станислава, герцога Лотарингии по прозвищу Бар, умершего с пользой для Люневильского мира 23 февраля 1766».

[99] РГИА. Ф. 472. Оп. 9. 1855. Д. 10. Л. 17.

[100] Там же. Л. 22.

[101] ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 13. Л. 1–1 об.

[102] ОАД РНБ. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 1.

[103] РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (105/942). 1852. Д. 38. Л. 35.

[104] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1852. Д. 24. Л. 7.

[105] Там же.

[106] Там же.

[107] Сплав золота с серебром.

[108] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1851. Д. 7. Л. 1–5.

[109] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. 1914. Д. 11. Л. 144.

[110] Там же. Л. 54.

[111] ОР РНБ. Ф. 1. 000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 1–1 об.

[112] Там же. Оп. 1. Д. 76. 1907. Л. 1.

[113] Там же. 1816. Д. 3. Л. 2.

[114] Отчет в управлении императорской публичною библиотекою, представленный господину министру народного просвещения… за 1816… СПб., 1817. С. 38.

[115] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. д. 1006. Л. 2.

[116] Там же. Л. 2–2 об; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.

[117] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 7. Л. 3.

[118] Отчет в управлении императорской публичною библиотекою, представленный господину министру народного просвещения… за 1815… СПб., 1816. С. 20; ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1816. Д. 3. Л. 1.

[119] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36 об; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 1.

[120] Там же. Л. 2.

[121] Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 8.

[122] Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1000. Л. 36.

[123] Там же. Л. 36.

[124] Там же. Л. 1 об.; Там же. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.

[125] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 9. Л. 105; Отчет в управлении императорской публичною библиотекою, представленный господину министру народного просвещения… за 1816… СПб., 1817. С. 39.

[126] ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.

[127] Там же. Л. 14.

[128] Отчет в управлении императорской публичною библиотекою, представленный господину министру народного просвещения… за 1815… СПб., 1816. С. 20.

[129] ОР РНБ. Ф. НСРК. Д. 547. Л. 1.

[130] РГИА. Ф. 733. Оп. 15. 1843. Д. 167. Л. 194.

[131] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1006. Л. 2.

[132] ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1831. Д. 7. Л. 3; 1852. Д. 24. Л. 8 об.

[133] Там же. 1851. Д. 7. Л. 9; РГИА. Ф. 733. Оп. 15. Д. 167. 1843. Л. 186.

[134] Спутник читателя и посетителя Библиотеки. Л., 1930. С. 55.

[135] Ярцева А. В. Художественные произведения из Императорской Публичной библиотеки – экспонаты историко-художественной выставки русских портретов 1905 г. // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура: сб. ст. и публ. СПб., 2005. Вып. 3. С. 196.

УДК 378.18:303

А. В. Соколов

Студенты на коммуникационном распутье: результаты социологических опросов

Приведены результаты опроса гуманитарного студенчества в 2009–2013 гг. относительно использования книжной коммуникации и Интернета в практической деятельности и перспектив их развития в будущем.

Ключевые слова: книжная коммуникация, Интернет, гуманитарное студенчество, социологический опрос

Arkadiy V. Sokolov

Students at the communication crossroads: the results of sociological surveys

Results of poll of humanitarian students in 2009–2013 concerning use of book communication and the Internet in practical activities and prospects of their development in the future are given.

Keywords: book communication, Internet, humanitarian students, sociological poll

Начало XXI в. – переходный период в эволюции социальных коммуникаций: заканчивается эпоха безраздельного господства полиграфической книжности и стремительно формируются электронные каналы глобальной информационно-коммуникационной системы. Создается впечатление, что электронная коммуникация успешно вытесняет книжную коммуникацию. Цифровые фотоаппараты, кинокамеры, мобильные телефоны стали привычной приметой повседневной культуры нашего времени. На книжном рынке назревает бум ридеров (e-book). Телевидение становится цифровым, и отсюда делается вывод о **конвергенции СМИ**, о том, что в ближайшее время телевизор станет посредником доступа ко всем СМИ. Благодаря специальной приставке он может превратиться в персональный компьютер-телевизор, позволяющий смотреть телевизионные программы, читать газеты через Интернет, слушать радио и одновременно получать информацию из Интернета. Энтузиасты информатизации уверяют, что в информационном обществе культурное наследие воплотится не в архаичные библиотечные фонды, а в электронные (оцифрованные) информационные ресурсы глобального масштаба с возможностями доступа из любого места и в любое время.

Новая среда обитания не может не отразиться на мировоззрении, ценностных ориентациях, нравственных нормах граждан информационного общества. Философствующие антропологи предвидят перерождение homo legens (человека читающего) в homo informaticus (человека информационного), довольствующегося многообразными услугами всемирной сети Интернет. Воздержимся от умозрительных футурологических предположений, а будем исходить из бесспорного факта: интеллектуальная элита завтрашнего российского общества сегодня находится на студенческой скамье. Сегодняшнее студенчество поневоле оказалось на коммуникационном распутье между классической книжностью и интернетовским постмодерном, и именно ему дано право окончательного выбора. Как известно, современная молодежь заслужила репутацию «нечитающего поколения», легкомысленно предпочитающего мультимедийные презентации литературным шедеврам. Насколько оправдана эта репутация?

В 2009–2013 гг. мы провели серию социологических опросов, чтобы получить фактические данные относительно взаимодействия гуманитарного студенчества с Интернетом и книжной коммуникацией. В качестве респондентов выступили около ста пятидесяти студентов различных курсов по специальностям «прикладная информатика в социальной коммуникации», «менеджер информационных ресурсов», «аналитик информационных ресурсов», «бизнес-информатика», «реклама и связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Практиковалась методика письменного интервью, которое концентрировалось вокруг трех вопросов: зачем Вам нужен Интернет? зачем Вам нужно читать книги? каковы перспективы коммуникационной культуры? Были получены следующие результаты, несколько проясняющие вероятный образ российского homo informaticus.

1. Все студенты имеют 6–8-летний опыт общения с Интернетом и считают себя **продвинутыми пользователями**, хорошо ориентирующимися в Сети, способными скачать и установить любые программы, проводить видеоконференции, вести личные блоги и пр.

Типичны признания: «Сейчас я не могу представить своей жизни без Интернета. Каждый день начинается с того, что я включаю компьютер и проверяю почту, общаюсь с друзьями и близкими в социальных сетях, читаю новости и интернет-версии журналов»; «Для меня Интернет – нескончаемый поток актуальной, захватывающей, практичной и просто приятной информации». Время, проводимое в Интернете, обычно делится на четыре части: 1) общение с партнерами; 2) поиск информации в деловых целях и для саморазвития; 3) просмотр фильмов; 4) прослушивание музыки и игры.

2. Интернет признается одним из важнейших достижений современной цивилизации. Вот его апофеоз, сочиненный одной из поклонниц: «Сеть сетей – это не застывшая форма людской мудрости, не супербиблиотека с накопленными сокровищами книг, не мощный банк данных, не элитарный клуб интеллектуалов, а все это вместе взятое, плюс процесс познания, движение вперед и навстречу друг другу с надеждой на лучшее будущее». Другая поклонница Всемирной сети уверяет нас: «Если сейчас, в наше время Интернет еще не достиг своего апогея, то это случится в ближайшие десятилетия. Ведь самая суть Интернета: соединить все в одно целое и иметь к нему доступ с любой точки Земного шара. Тогда он и станет по-настоящему всемирным хранилищем знаний». По мнению наших студентов, Интернет в информационном обществе – это не только глобальное коммуникационное средство, но и **усилитель интеллекта** своих умелых пользователей. Он аккумулирует универсальный информационный и образовательный ресурс, содержит информацию на любой вкус и по любому вопросу. Поэтому, – считает большинство респондентов (но не все), – «сегодня нельзя считать образованным человека, не использующего Интернет», аргументируя этот вывод тем, что «основной багаж знаний сегодня все еще можно почерпнуть из книг, но наиболее новые направления мысли, наиболее свежие идеи можно оперативно узнать только с помощью Интернета».

Признавая необходимость использования информационных технологий, некоторые вдумчивые студенты замечают: «нужно помнить о главном недостатке Интернета – несистематизированности представленной в нем информации и опасности перебора излишней и ненужной информации». Другой студент добавил: «К сожалению, в Интернете нет центрального проспекта Знаний, Этики и Культуры, по которому можно было бы вальяжно шествовать, любуясь лучшим, что породило человечество, и не отвлекаться на пыльные темные тупички, трущобы и переулки. В Интернете все перемешано». Тем не менее структуру информации, содержащейся на сайтах Всемирной сети, студенты представляют достаточно четко, перечисляя: 1) персональные данные (социальные сети, форумы, сайты знакомств и поиска работы); 2) справочную и учебную информацию; 3) научную информацию, включая конференции, диссертации и пр.; 4) новости (лента.ру); 5) развлекательные порталы; 6) коммерческую информацию (интернет-магазины); 7) рекламу. Ни один студент не упомянул об официальных сайтах, сайтах вузов и фирм, электронных каталогах библиотек, видимо, не интересуясь содержанием этих ресурсов. В целом, по мнению наших респондентов, «Интернет – это всемирное хранилище знаний, которое очень сильно захламлено информационным мусором».

3. В зависимости от отношения к чтению книг гуманитарное студенчество делится на три слоя: а) библиофилы, испытывающие жажду чтения и постоянно общающиеся с книгой (на отдыхе, в транспорте и т. д.); б) деловые читатели, обращающиеся к литературе, как правило, в силу необходимости и лишь изредка из-за интереса; в) интернетоманы, удовлетворяющие свои информационные потребности с помощью Интернета и избегающие книжное чтение. Количественное соотношение между слоями можно оценить так: деловые читатели – половина студенчества, а вторая половина примерно поровну делится между библиофилами и интернетоманами. Типичная реплика делового читателя: «На данном этапе жизни я не могу сказать, что являюсь заядлым читателем, так как список читаемых мною книг в основном диктуют предметы, которые я изучаю в вузе. Но после его окончания появится возможность читать то, что действительно приходится по вкусу». Восторженные библиофилы не стыдятся высоких слов: «Книги необычайно меня обогатили. Они открыли мне новые горизонты мышления, волшебный мир прекрасных чувств, тонких переживаний, безумных фантазий. Мир книг – это необъятная Вселенная, которую я только начинаю для себя открывать»; «Литература делает человека интеллигентным, развивает не только чувство красоты, но и понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи, к другим народам, раскрывает перед нами сердца людей, делает нас мудрыми» и т. п.

Доводы сторонников электронной коммуникации просты и, казалось бы, неопровержимы: «В Интернете можно легко и быстро найти всю нужную информацию. А для хождения по библиотекам времени нет». Или так: «Имея электронную книгу, фактически носишь в кар-

мане шкаф с книгами – читай, что хочешь и где хочешь». Правда, есть и такое мнение: «Сегодня существует тенденция переходить на электронные книги – они намного компактнее и удобнее. Однако я считаю, что они не способны заменить настоящую книгу в ощущениях».

4. Никто, даже убежденные интернетоманы, не отрицают полезности чтения книг. Типичны суждения: «Чтение развивает интеллект. Оно делает человека духовно богатым. Именно в книгах мы ищем ответы на вечные вопросы о добре и зле, о жизни и смерти. С помощью книг у человека появляется собственное мнение». Есть библиоманы, сообщившие: «Без чтения немыслима моя жизнь. Я читаю с самого детства и искренне люблю это дело. Когда я долгое время ничего не читаю, возникает ощущение, будто я тупею». На вопрос «Можно ли считать личную библиотеку усилителем интеллекта?» все студенты ответили утвердительно. Характерен довод: «Если есть умение приобретать необходимые знания и пользоваться ими, то, безусловно, личная библиотека станет бездонным кладезем знаний, который будет расти и развиваться вместе с вами». Другая студентка добавила: «Когда я говорю о личной библиотеке, я подразумеваю серьезную литературу – художественную или научную. Такая литература является усилителем интеллекта, так как чтение заставляет нас думать, фантазировать, домысливать и осмысливать то, что мы прочли. Благодаря книгам, мы осознаем важные аспекты жизни, сравнивая судьбы героев и решения, принятые ими, мы учимся на их ошибках».

Зато по вопросу «Можно ли считать образованным человека, не читающего книг?» мнения разделились. Около 20 % студентов полагают, что для образования и, особенно, самообразования обращение к литературе решающего значения не имеет. Однако для большинства характерно рассуждение: «Без чтения книг человек становится „пустым“. А когда человек пустой, он не может быть образованным. Книги дают возможность мыслить, переживать эмоции, делать выводы, размышлять над поставленной проблемой и внутри себя искать ответ».

5. Большинство респондентов склоняется к мысли, что в настоящее время имеет место **сосуществование Интернета и книжной коммуникации** и предсказывают сохранение его в будущем. Например, один из студентов пришел к выводу: «Нормальный человек не будет отказываться ни от книги, ни от Интернета. Интернет и книга – взаимодополняющие элементы социальной коммуникации, имеющие присущие им достоинства и ограничения». Другой добавил: «Я считаю книги в какой-то степени живыми существами. Есть дух – идея, и есть тело – бумага, переплет. Книга – это собеседник, компания, друг. Электронный носитель, в который вкладываются „души-идеи“, представляется мне домом, населенным призраками. В нем неуютно. Хотя и интересно, может быть. Я не вижу причин, по которым в нашем обществе книга и Интернет не могли бы сосуществовать в мире и согласии».

Перечисляются следующие преимущества Интернета перед книгой: информацию в Интернете можно получить бесплатно; поиск информации в Сети быстрее и проще, чем в библиотечных фондах (хотя сопровождается большим информационным шумом); тексты в электронном виде удобно использовать в работе – редактировать, цитировать, пересылать по почте; в Интернете могут публиковаться служебные (включая конфиденциальные) документы, произведения начинающих авторов и узкоспециальные тексты, которые не могут иметь коммерческого успеха на книжном рынке; Интернет способен заменить телефон и телевизор, сообщения можно как просматривать (текст, фото, видео), так и прослушивать – в Сети вещает большое число радио- и телевизионных станций; через интернет-магазины можно покупать и продавать все, что необходимо для бизнеса или для личного потребления; Интернет обеспечивает дистанционное обучение в престижных учебных заведениях; социальные сети, форумы и чаты позволяют многотысячным аудиториям обсуждать любые интересующие их темы.

Зато у книжных публикаций есть следующие достоинства: в книгах публикуются достоверные сведения, гарантированные автором и редактором, в Интернете же много «информационного мусора» – ложной информации, порнографии, сочинений графоманов и т. п.; книжный формат привычен и удобен для хранения, транспортировки и т. д.; полиграфический текст легче читается, чем текст на экране; книга может стать произведением искусства (искусство книги); книга может сохраняться веками, в то время как информация в Интернете нестабильна – она может быть изменена или стерта. Книга почитается как «классический и традиционный источник знания», тем не менее некоторые молодые люди уверены, что в будущем предпочтение получит Интернет, а книжная культура станет уделом любителей-библиоманов, но большинство подчеркивает, что «Интернет и книги замечательно дополняют друг друга: книги дают более проверенную информацию, Интернет позволяет получить информацию оперативнее».

6. На вопрос «Кто лучше приспособлен к жизни в современном обществе: начитанный интеллигент-книжник или интеллектуал, вла-

деющий ресурсами Интернет?» подавляющее большинство студентов отдало предпочтение интеллектуалу. Доводы в пользу такого выбора просты: «уметь быстро и правильно искать в Интернете – значит экономить время, владеть достоверной и актуальной информацией, и, следовательно, делать верные выводы и принимать правильные решения». Вместе с тем почти единогласно наши респонденты сообщили, что при воспитании своих детей они будут сочетать компьютер и книгу, чтобы сделать их гармонично развитыми личностями.

Проведенный опрос имеет пилотажный характер и играет роль преамбулы к более представительным исследованиям. Тем не менее он позволяет усомниться в некоторых стереотипических образах homo informaticus. Распространено мнение, что homo informaticus – духовно деформированный новый антропологический тип, законсервированный в своем виртуальном офисе. «Такой работник, – пишет один из авторов, – буквально „растворен“ в информационной среде и целиком от нее зависит, тогда как роль социальной, привычной всем нам, среды здесь вторична. По сути, это означает **смену среды обитания** современного человека!»[1]. Предсказывается, что новая искусственная среда обитания приведет к взаимному отчуждению информатизированных членов социума, разрыву социальных связей и, в конце концов, – к распаду самого общества. Виновником трагедии человечества объявляется homo informaticus, невинная жертва высоких технологий, печальный пленник виртуального бытия, житель глобальной деревни, руководящий миром посредством «кликанья» кнопками клавиатуры компьютера.

Опасения красноречивого автора, высказанные более десяти лет назад, не подтверждаются нашими исследованиями. Явных духовных деформаций, обусловленных губительным воздействием электронной коммуникации, обнаружить не удалось. Те соображения по поводу сущности Интернета и книжной коммуникации, которые высказали наши респонденты (я цитирую не исключительные, а типовые высказывания), свидетельствуют в пользу их адаптации к условиям информационного общества, где «коммуникационные навыки личности играют решающую роль, и для приобретения такого навыка нужно не только читать книги, но и владеть ресурсами Интернета».

Некоторые вдумчивые студенты воспринимают Интернет как «новый **виртуальный мир**, существующий наряду с реальной социальной жизнью», как «игровую среду взаимодействия людей, чье поведение в Сети регулируется нормами морали, отличными от традиционно принятых в обществе». Например, общение в чате – «это реальная жизнь, проживаемая в виртуальном мире». Достоинства Всемирной сети заключаются в открытости – любой человек может стать участником информационного процесса, в отсутствии манипулятивного воздействия с чьей-либо стороны, в свободе самовыражения и широком распространении суждений (в Интернете информация не погибает), в формировании локальных сообществ единомышленников, которые самоорганизуются и самоуправляются, наконец, в психологической безопасности – человек в Сети чувствует себя свободным от общественного контроля, так как риск раскрытия его анонимности минимален. Студенты признают, что Интернет влияет как на духовный мир отдельного человека, так и на общественное сознание всей страны и мирового сообщества, но никто не намерен променять российский социум на игры в интернетовском виртуальном мире. Хотя для всех студентов Интернет стал привычным атрибутом образа жизни, никто не страдает интернет-зависимостью. Типична реплика «На современном этапе для меня Интернет – это всего лишь удобная вещь, способ найти ту информацию, которая меня интересует в данный момент».

Нигилистическое отношение к библиотекам и книжной коммуникации присутствует в среде гуманитарного студенчества, но преобладает уверенность, что «без чтения книг нельзя стать не только образованным человеком, но и просто думающим (homo mentalis)», «необходимость сохранения в век повальной информатизации модернизированного библиотечного института совершенно бесспорна», «отказаться полностью от библиотек – это варварство», «Интернет при всем его технологическом развитии и разработке технологий виртуальной реальности, никогда не сможет поменять в полной мере книгу на планшет», «роль библиотек может возрастать или уменьшаться, но новые формы библиотек никогда не прекратят свое развитие, и библиотека всегда будет оставаться значительным способом коммуникации» и т. п. Разумно звучит следующее рассуждение одного из студентов: «Интеллигент-книгочей наиболее подготовлен к решению сложных комплексных задач, требующих длительной подготовки. Интеллектуал – пользователь Сети незаменим в быстром решении оперативной задачи. Поэтому нельзя апеллировать только к одному социотипу: нужно рассматривать комплексно».

Примечания

[1] Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от Homo Faber к Homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127.

УДК 021.1

Т. Л. Бирюкова

Библиотечные функции как основа взаимосвязи документно-коммуникационных институтов

Эволюционируя от хранилища книг к институту документной коммуникации, библиотека приобрела функции, способствующие максимизации удовлетворения потребностей общества в информации и документах. Интегрирующая сущность функций современной библиотеки содействует установлению эффективных взаимосвязей в едином информационном пространстве, влияя на качество систематизации документно-информационного ресурса.

Ключевые слова: библиотека, коммуникация, документно-коммуникационный институт, библиотечные функции, документно-коммуникационная система

Tatiana L. Biryukova

The library functions as the basis of the relationship document-communication institutes

Evolving from a repository of books to the institution of documentary communication, the library acquired a function that contributes to maximize society's needs for information and documents. The integrative nature of modern library functions contributes to the establishment of effective relationships in a single information space, affecting the quality of the ordering document-information resource.

Keywords: library, communication, documentation and communication institute, library functions, documentation and communication system

Актуальность исследования современного и перспективного развития библиотечных функций в документно-коммуникационной системе в условиях информационного общества обусловлена процессами информатизации, интеграции информационно-коммуникационного пространства, распространением средств документной коммуникации, интерактивности и оперативности функционирования электронных библиотек благодаря применению инновационных технологий.

Статус библиотеки как документно-коммуникационного института (ДКИ), с присущим ей широким спектром ресурсного и сервисного потенциала и включенностью во все сферы человеческой деятельности, распространяет интеграционные свойства библиотечных функций и особенности их проявления в других институтах документной коммуникации. В условиях современного информационного общества повышается значение ДКИ, направленных на рациональное использование мирового информационного пространства и эффективного взаимодействия документно-коммуникационных структур в обществе. При этом наблюдается недостаточный уровень разработки теоретических и методических основ развития взаимосвязей функций библиотек с другими ДКИ в информационном пространстве.

Актуальность выбранной темы значительно усиливается из-за отсутствия работ в области библиотековедения, в которых были бы обоснованы комплексные научно-методические положения по современным и перспективных тенденций развития взаимосвязей библиотечных функций в документно-коммуникационной системе в условиях информационного общества.

В процессе разработки данной темы исследованы научные подходы к выявлению сущности и особенностей структуры, взаимосвязей, иерархии, целостности развития, динамики факторов и условий функционирования ДКИ.

Анализ современного состояния библиотековедческих исследований функций библиотек и их взаимосвязей с другими ДКИ, в частности Ю. Н. Столярова, А. В. Соколова, М. С. Слободяника, Т. Я. Кузнецовой, А. И. Пашина, Н. Н. Самохиной, Т. Ф. Берестовой, В. Л. Бенина, С. А. Антоненко, А. У. Андроновой, М. Б. Сороки, А. А. Серой, А. В. Сусак и др., подтверждает, что в работах отечественных и зарубежных исследователей излагаются различные подходы к изучению и классификации функций ДКИ.

Украинские реалии развития информационного общества и их особенности, которые обсуждались в научных источниках и обобщены нами, свидетельствуют о том, что многие проблемы требует осмысления на новом теоретическом уровне. В первую очередь, это касается процессов институционализации, поскольку

повышается роль институтов документной коммуникации, системообразующие элементы которых связаны с соответствующими отраслями человеческой деятельности и с соответствующими элементами других ДКИ.

Не получили должного освещения вопросы реализации функций ДКИ в информационном обществе, способствующие построению оптимальной модели взаимосвязей ДКИ, направленной на повышение эффективности использования системных элементов для удовлетворения потребностей информационного общества через интернет-коммуникации. Недостаточно исследованы современные библиотечные функции, интегрированные в информационное общество через их разновекторное проявление в составе документно-коммуникационной системы, главными продуктами которого является документ, информация и знания.

Динамические тенденции информационного общества требуют развития и обновления подходов к этому важному направлению библиотековедения.

В соответствии с этим, анализ объекта исследования, а именно, взаимосвязей функций библиотеки как ДКИ, на наш взгляд должен базироваться на системно-деятельностном и структурно-функциональном подходах.

Системно-деятельностный подход позволяет определить компонентный состав деятельности, что создает возможность комплексно исследовать деятельность ДКИ как динамических систем и специфической среды, в которой человек достигает целей, формирующихся вследствие возникновения документных потребностей.

Структурно-функциональный подход позволяет выделить в системных объектах – ДКИ – структурные элементы и определить их функции в информационном пространстве. Элементы и связи между ними создают структуру информационного пространства. Это дает возможность выявить специфические функции указанных элементов, их зависимость от системы в целом, интегрирующую сущность функций, заложенных в первооснову документно-коммуникационной деятельности еще с появлением и развитием первых документно-коммуникационных структур. Структурно-функциональный подход также предоставляет возможность исследовать содержательно-функциональную, функционально-генетическую и функционально-логическую структуру системы.

Терминологический анализ позволил определить словосочетание «документно-коммуникационный» как обеспечивающий коммуникацию, опосредованную документами[1]. Согласно этому, предложен термин «библиотечный документно-коммуникационный институт» (БДКИ) и его определение как «исторически сложившаяся устойчивая форма организации библиотечной деятельности, основанная на реализации функций, направленных на удовлетворение общественных документно-информационных потребностей»[2].

Анализ изменения содержания понятия «библиотечная функция» в связи с эволюцией библиотеки предоставляет возможность утверждать, что данный процесс зависит от представления о библиотеке в обществе, которое формируется под влиянием инновационных преобразований, изменений мотивации документно-коммуникационной деятельности. На основе этого, выделяем общие социальные функции БДКИ:

1) Предоставление доступа ко всем видам знаний – эта функция присуща в полной мере лишь БДКИ, поскольку каждый из рассматриваемых нами ДКИ дает доступ только к информации, которая входит в его компетенцию – архивной, издательской, книготорговой, журналистской, аналитической, библиографической. Эта функция определяет миссию современной библиотеки и основана на задачах библиотеки современного общества, прописанных еще в Манифесте ИФЛА/ЮНЕСКО в 1994 г.[3]

2) Документно-коммуникационная – предоставление информации, зафиксированной на носителях и осуществление коммуникации, опосредованной данной информацией. К этой функции относится обслуживание документами на традиционных и электронных носителях, а также предоставление коммуникационных услуг, связанных с поиском и передачей документов потребителю.

3) Формирование информационного ресурса общества – обработка и накопление информационного ресурса в удобной для использования форме. К этой функции относится также накопление и систематизация регионального ресурса по отраслям знаний и производства, национального ресурса, который имеет стратегическое значение и является средством повышения имиджа страны.

4) Мемориально-мнемоническая функция отвечает за сохранность документного ресурса и памяти человечества. Известна с древних времен, возложена на БДКИ, несет в себе осознание и подтверждение его важности и высочайшее доверие человечества.

5) Функция влияния на развитие мировоззрения потребителя – просветительская, так же известная с древних времен. Но и в наше время она является актуальной, поскольку просвети-

тельская работа библиотеки касается многих отраслей общественной жизни (например, популяризация здорового образа жизни). Объем выполнения этой функции зависит от типа и статуса библиотеки. Например, НБУ им. В. И. Вернадского имеет с 1992 г. в своей структуре Культурно-просветительский центр, деятельность которого направлена на осуществление информационной поддержки научно-исследовательских работ и сопровождение социальных реформ в государстве[4].

В библиотеках регионального и районного масштаба – это просветительские центры по конкретным вопросам (культуры, экологии, экономики).

6) Педагогическая – содействие получению новейших знаний. Древние библиотеки были центрами образования. После Октябрьской революции в библиотеках учились грамоте. В современных библиотеках усваивают компьютерную грамотность и углубляют знания путем усвоения программ дистанционных курсов.

7) Воспитательная функция – формирование культуры поведения, этики, эстетики потребителя начинает действовать на потребителя с первым посещением библиотеки. Здесь происходит усвоение навыков работы с книгой, культуры общения, диалога, приобщение к сокровищнице искусства, привитие навыков эстетического восприятия окружающей среды, литературных произведений и искусства.

8) Культуротворческая – влияние на формирование национальной и мировой культуры. В библиотеке формируется культура нации. Она состоит из документно-информационного фонда каждого библиотечного учреждения, набора информационных услуг, организационной культуры, отражается в коммуникационных действиях сотрудников и потребителей, в дизайне библиотеки, ее представлении в электронном виде на сайте, и из многих факторов, которые воздействуя на культурную среду города, региона, постепенно формируют общенациональные и мировые культурные ценности.

9) Функция социализации (содействие адаптации человека в обществе) в наше время приобретает особую актуальность. Современные библиотеки направлены на помощь в развитии коммуникативных качеств потребителя (кружки по интересам, мероприятия, обсуждения), предоставляют возможность консультирования специалистов (по социальной защите, юристов, психологов, политологов, экономистов, представителей служб занятости), проводят для потребителей курсы повышения квалификации.

10) Идеологическая – способствует формированию в потребительской среде мнения о том или ином политическом, социальном, культурном явлении. Эта функция отражена в информационно-массовых мероприятиях, которые библиотеки разрабатывают и проводят, привлекая соответствующих специалистов, для обсуждения актуальных событий в обществе (поселке, городе, регионе, стране).

Результаты исследования позволяют утверждать, что специфические социальные функции БДКИ имеют широкий спектр, поэтому приведем обобщенную информацию, т. е. специфические социальные функции, присущие большинству библиотечных учреждений:

– **Распространение информации (трансляция)** – копирование документов, организация тематических выставок, участие в выставках локального и широкого масштаба. В крупных библиотеках она дополняется возможностями сайта библиотеки – представление каталогов, полнотекстовых документов, ссылок на другие ресурсы, виртуальными выставками, библиографическими и Web-лиографическими пособиями.

– **Сервисная** – предоставление информационных услуг в соответствии с профилем библиотечного учреждения и в соответствии со спросом потребителей. Основными услугами библиотек являются:

- выдача литературы в отделах обслуживания и на абонемент;
- пользование справочным аппаратом библиотеки;
- получение консультаций по поиску источников информации;
- выполнение библиографических справок различной тематики;
- информационное обслуживание коллективных абонентов;
- участие в работе клубов по интересам, в проведении массовых мероприятий;
- предоставление возможности работы в оборудованных современными технологиями залах, со свободным доступом в Интернет, возможностью общения с помощью Skype (бесплатно).

– Функция **информационной поддержки деятельности** или области науки, образования, производства – целенаправленная подготовка информационных материалов, которая пользуется популярностью образовательных учреждений, ученых, владельцев малых предприятий, представителей местного самоуправления, юридических учреждений. Приведем пример информационной поддержки деятельности, используя опыт подготовки и организации комплексного информационно мероприятия, одного из многих, проводимых студентами и преподавателями кафедры документоведения

и информационной деятельности совместно с Одесской ОУНБ им. М. Грушевского. Для подготовки информационного мероприятия «Проблемы современной молодежи», в рамках которого проходила защита курсовых работ студентов по специальности «документоведение и информационная деятельность», библиотекой были предоставлены необходимые информационные ресурсы, возможность использования информационных и телекоммуникационных технических средств, помещения, привлечен широкий круг молодежи, заинтересованной этой проблемой, оказана организованная поддержка СМИ[5].

– **Познавательная** – содействие формированию навыков работы с информацией и превратить ее в знания. Данная функция имеет подфункции:

• формирование библиографической культуры (поиск, обработка, использование библиографической информации);

• формирование информационной культуры (поиск, обработка, использование информации в фонде, в информационных базах, в интернет-ресурсах);

• формирование навыков научной обработки информации (свертывание информации).

– **Досуговая** функция – организация досуга различных категорий потребителей по направлениям информационно-потребительских предпочтений (организация работы в группах, кружках по интересам, проведение тематических информационно-массовых мероприятий для широкого круга потребителей, просмотр и обсуждение фильмов, видеорепортажей с последующим обсуждением).

– **Рекламная** – рекламирование услуг, фонда, отдельных документов, связанных с этим направлений работы, спонсоров, организаций-партнеров. Функция актуальна, так как способствует созданию имиджа современных учреждений.

– **PR-функция** – работа со СМИ, общественностью с целью информирования о важных информационно-массовых мероприятиях, инновационных методах в работе и для повышения имиджа БДКИ в обществе.

Технологические функции БДКИ основаны на функционально-логическом построении структуры БДКИ. Они отвечают за последовательность выполнения тех и других процессов. Это соответственно:

1) функция комплектования фонда;

2) библиографической обработки документов (составление каталогов и картотек);

2) функция систематизации фонда в соответствии с существующими стандартами и классификационных индексов;

4) функция содействия актуализации ресурса БДКИ в документно-коммуникационной системе государства и в международном информационном пространстве;

5) функция поддержки сохранности фонда (связанная с обеспечением соответствующих режимов хранения);

6) функция поиска и отбора документов для дальнейшего использования;

7) функция технической поддержки документно-информационного обслуживания (связана с поддержкой состояния компьютерной техники и других средств автоматизации документно-коммуникационных процессов, актуализации сайта библиотеки);

8) редакторско-издательская функция (издание проспектов, буклетов, календарей для освещения деятельности библиотеки, к памятным датам, программ семинаров, курсов и конференций, которые происходят в библиотеке, сборников научных материалов, библиографической продукции).

Конечно же, уровень развития и уникальность библиотеки, обусловливают ее научный, ресурсный и технологический вклад в документно-коммуникационную систему общества.

Результаты исследования подтвердили, что в библиотеке сохранились все ее генетически первоначальные функции, но расширилось их содержание. Например, на уровне социальных функций:

– функция мемориальная приобрела большее значение и масштаб – сохранение документно-информационного ресурса как достояния человечества;

– функция распространения информации изменила свое содержание от простого копирования к проведению информационно-массовых мероприятий и других форм информационного обслуживания;

– функция формирования документного ресурса также приобрела иной смысл, поскольку библиотеки лишились ограничительных воздействий и получили возможность использовать инновационные технологии;

– образовательная функция более проявляется в поддержке системы образования и содействии самообразованию.

На технологическом уровне функции также получили новые формы проявления через инновации в библиотечных технологиях и техническом оснащении (компьютеры, программное обеспечение). В процессе институционализации к ним были добавлены и другие функции.

На основе исследования библиотеки как ДКИ, на примере изучения информационно-библиотечной деятельности Центра Европейской

информации, созданного на базе Одесской ОУНБ им. М. Грушевского, выявлены усиливающиеся тенденции функционального разграничения библиотечной деятельности, совершенствование имиджа библиотечного учреждения как информационно-коммуникационного центра[6]. А активно внедряющиеся инновации и электронные коммуникации отвечают вызовам общества и удовлетворяют насущные потребности в информации и знаниях.

Социально значимые функции библиотеки как ДКИ направляют ее на интеграцию в социальную систему и обеспечивают ее участие в интеграционном процессе с другими ДКИ.

Проведенный сравнительный анализ функций и их взаимосвязей в ДКИ (библиотеке, издательстве, книготорговли, журналистике, библиографии, информационной аналитике, архиве) предоставил возможность выявить, что функциональное разнообразие данных институтов частично дублируется, но, в общем, соответствует основным направлениям документно-коммуникационной деятельности[7]. Результаты анализа также указывают на наличие в каждом из ДКИ идентичных функций, которые являются генетически связанными с появлением первой документно-коммуникационной структуры – библиотеки. Анализ функций и взаимосвязей ДКИ предоставил информацию об инновационных возможностях взаимодействия, так как различия и наличие аналогий в процессах связывают ДКИ между собой в единую документно-коммуникационную систему. На основании обобщения теоретического материала и проведения практического исследования нами предложены перспективные направления построения модели взаимодействия ДКИ на основе библиотечных функций с применением возможностей инновационных электронных технологий. Также разработаны направления практического применения предложенной модели в деятельности конкретной библиотеки на примере Одесской универсальной областной библиотеки им. М. Грушевского.

На уровне области для предложенной модели взаимосвязей есть возможность привлечь следующие учреждения:

– областная универсальная научная библиотека;

– областной архив;

– книготорговые магазины, расположенные в области;

– издательства областного масштаба;

– областные органы периодической печати и интернет-периодики;

– информационно-аналитические центры различной тематической направленности;

– центры библиографии.

Перспективное развитие модели взаимосвязей ДКИ способствует совершенствованию систематизации национального документно-информационного ресурса и созданию базы обмена профессиональными знаниями, которая благодаря актуальности и оперативности наполнения поможет обеспечить эффективную взаимосвязь журналистики, книжной торговли, информационной аналитики, библиотечного и издательского ДКИ в едином информационном пространстве. Это, в свою очередь, существенно скажется на продолжении инновационного развития документно-коммуникационной системы Украины.

Примечания

[1] См.: Бірюкова Т. Л. Бібліотечний документно-комунікаційний інститут: до уточнення поняття // Документ, мова, соціум: теорія та практика: зб. матеріалів міжнар. наук.-практ. конф. Киев: НАКККіМ, 2013. С. 69.

[2] Там же.

[3] Манифест о публичной библиотеке, ноябрь 1994 г. / ЮНЕСКО; подгот. совместно с Междунар. федерацией библ. орг. и учреждений (ИФЛА) // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО): офиц. сайт. URL: http: // unesco. org (дата обращения: 26. 09. 2013).

[4] Культурно-просвітницький центр НБУВ // Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського: офиц. сайт. URL: http: // nbuv. gov. ua (дата обращения: 30. 09. 2013).

[5] Бирюкова Т. Л. Проблемы современной молодежи в контексте межвузовской научной и учебно-воспитательной деятельности // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования: материалы междунар. конф. / под ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 2010. С. 52–53.

[6] Бірюкова Т. Л. Особливості розвитку бібліотечно-інформаційних центрів у інформаційному просторі України // Культура та інформаційне суспільство: матеріали всеукр. наук.-теорет. конф. / під ред. проф. В. М. Шейко. Харків: Харків. держав. акад. культури, 2013. С. 260.

[7] Бірюкова Т. Л. Аналіз зв'язку мотивації документно-інформаційної діяльності та функцій документно-комунікаційних інститутів у процесі їх історичного розвитку // Вісн. Харк. держ. акад. культури: зб. наук. пр. Харків, 2012. Вип. 38. С. 180–189.

УДК 004.738.5:021

М. И. Новикова

Видеохостинги как средство продвижения услуг библиотеки

Раскрывается понятие видеохостингов и основные возможности использования их в качестве средства продвижения услуг организации. Дается сравнительная характеристика видеохостингов, наиболее популярных среди российской интернет-аудитории. Анализируется использование данных веб-сервисов российскими библиотеками.

Ключевые слова: видеохостинги, продвижение услуг, средства продвижения, веб-сервисы, библиотеки, услуги библиотек, интернет-технологии

Mariya I. Novikova

The video hosting as a means of promoting the services of the library

Disclosed the notion of video hostings and main features of their use as a means of promoting the services of the organization. The comparative characteristic of most popular in Russian internet-audience video hostings is given. Examines the use of data web-services by Russian libraries.

Keywords: video hosting, promotion of services, means of promotion, web-services, libraries, library's services, Internet-technology

Современная библиотека, являясь активной частью информационного пространства, предоставляет пользователям широкий спектр услуг. В связи с этим перед ней, как и перед любой другой организацией, стоит проблема формирования спроса на услуги, установления эффективных коммуникаций с пользователями.

Для библиотеки важно донести до своих пользователей (реальных и потенциальных) сведения о соответствии, полезности своей деятельности ожиданиям общества, т. е. заниматься организацией маркетинговых коммуникаций или продвижением. Значение маркетинговых коммуникаций постоянно возрастает вследствие большей индивидуализации информационных потребностей, насыщенности рынка информационными продуктами и услугами, усиливающейся конкуренцией библиотек и информационных служб, как между собой, так и с коммерческими фирмами, предлагающими свою продукцию на информационном рынке.

Термины «продвижение» и «маркетинговые коммуникации» используются в литературе практически как синонимы и обозначают процесс передачи информации об организации и ее услугах аудитории с целью получить обратный запланированный отклик[1].

В условиях усиления конкуренции со стороны коммерческих информационных структур и сокращения бюджетного финансирования, библиотеки вынуждены искать наиболее эффективные средства продвижения своих услуг, требующие при этом наименьших финансовых затрат. Сегодня самым выгодным в экономическом плане каналом продвижения для некоммерческих организаций (к числу которых относятся и библиотеки) является Интернет. Ни одно другое СМИ не может сравниться с ним не только по стоимости продвижения, но и по мобильности и неограниченным возможностям сегментирования и нацеливания вплоть до единичного потребителя.

Интернет-аудитория в России ежегодно увеличивается. По данным Минкомсвязи РФ, на начало 2012 г. пользователей Интернета насчитывается более 70 млн чел. По этому показателю Россия вышла на первое место в Европе, которое ранее занимала Германия и на шестое место в мире[2]. При этом, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 40 % россиян выходят в Сеть ежедневно[3].

С учетом широты, объема и активности интернет-аудитории продвижение услуг именно в интернет-среде представляется наиболее эффективным. Под продвижением в интернет-среде понимается процесс позиционирования организации в интернет-пространстве, включающий предоставление информации об организации, направлениях и формах ее деятельности, а также предоставляемых услугах и ресурсах с целью получения запланированного отклика. Продвижение услуг организации в интернет-среде осуществляется посредством использования различных интернет-технологий, спектр которых в настоящее время достаточно широк. Библиотеки, стремясь выдержать конкуренцию на рынке информационных услуг, сегодня, наря-

ду с другими организациями, все активнее используют их в своей деятельности.

В последнее время одной из ведущих тенденций интернет-пространства является повышенный интерес к видеоконтенту, представленному как на отдельных сайтах, так и в социальных сетях, блогах и специализированных ресурсах. За последние несколько лет количество пользователей, регулярно просматривающих видеоролики в Интернете, увеличилось на 66 %[4]. Особую роль в популяризации видеоконтента сыграло увеличение скоростей доступа в Интернете для конечного потребителя, а также снижение стоимости владения выделенной линией доступа в Интернете, произошедшие в последние несколько лет. Именно в связи с этим видео стало столь популярным форматом в интернет-пространстве. При этом важно понимать, что видео является не только развлекательным, но и отличным рекламным средством для продвижения организаций и предоставляемых ими услуг.

Существует множество возможностей для распространения собственного видео в Сети. Одним из наиболее удобных и эффективных способов является размещение роликов на видеохостингах. Хостинг – услуга по предоставлению дискового пространства для физического размещения информации на сервере, постоянно находящемся в Сети, и ее обслуживанию, оказываемая специализированными фирмами. Видеохостинг – веб-сервис, предоставляющий возможность размещения, хранения, просмотра и продвижения видео в интернет-пространстве.

Первым видеохостингом, получившим широкое распространение среди российской интернет-аудитории, стал YouTube. Он был основан тремя бывшими работниками электронной платежной системы Paypal в Сан-Бруно (Калифорния) в феврале 2005 г. Они использовали технологию Flash Video (flv), позволяющую получить хорошее качество записи при небольшом объеме передаваемых данных. С 2006 г. сервис является собственностью компании Google. YouTube – третий сайт в мире по количеству посетителей[5]. Ежедневное количество просмотров видео на сайте превышает 4 млрд. При этом ежедневно этим сервисом пользуется более 2 млн русскоязычных пользователей.

В настоящее время рынок видеохостинга регулярно пополняется новыми проектами. Правда, все они мало чем отличаются от YouTube, оформление его уже стало неким стандартом, которого придерживаются почти все остальные видеохостинги. Кроме того, почти все существующие подобные сайты используют одинаковую структуру услуг распространения видео, отличаясь только бизнес-моделями (использование рекламы, платность или бесплатность сервиса), рядом технических деталей и позиционированием. В связи с этим все основные возможности и сервисы видеохостингов логичнее рассмотреть на примере именно YouTube.

Для загрузки видео на данный хостинг (как, впрочем, и на другие видеохостинги) необходимо создать аккаунт, пройдя процедуру регистрации. После регистрации каждый пользователь может загружать видео размером не более 2 Гб, имеющее продолжительность не более 15 мин. При необходимости можно увеличить лимит своего аккаунта, для этого необходимо подтвердить его с помощью мобильного телефона. После увеличения лимита открывается возможность загрузки видео продолжительностью до 12 часов.

YouTube предоставляет возможность загружать как отдельные видеоролики, так и создать собственный видеоканал. Создание канала необходимо, чтобы пользователям было легче искать остальные ролики организации. Канал позволяет собрать все существующие и будущие видео организации в одном месте, таким образом, повышая шанс, что, посмотрев один ролик, пользователи сразу увидят и остальные.

Каждое загружаемое видео, помимо названия, может быть снабжено кратким описанием, ключевыми словами, отнесено к конкретной категории. Все эти элементы обеспечивают максимальную возможность поиска каждого конкретного видео как поисковыми системами, так и самим сервисом. К видео могут быть добавлены субтитры и интерактивные комментарии за счет использования возможности загрузки для ролика файла с титрами, содержащим тайм-коды.

Зарегистрированные пользователи имеют также возможность комментировать видеозаписи, размещенные другими пользователями, ставить лайки и подписываться на каналы. Интересно, что ресурс предоставляет возможность оставлять комментарии не только в текстовом формате, но и записать видеоответ, в качестве которого могут выступать запись с вебкамеры, один из уже загруженных роликов либо новое добавленное видео.

Каждое представленное на хостинге видео имеет свой рейтинг, который напрямую зависит от количества просмотров. Кроме того, на рейтинг влияет количество лайков и комментариев. Чем больше отклик пользователей, тем выше рейтинг видео. Видеоролики с высоким рейтингом имеют больше шансов попасть в список «Похожие видео». В этом списке отражаются видеоролики, тематически связанные с просматриваемым видео, схожие с ним по названию, совпадающие по ключевым словам и другим ха-

рактеристикам. Чем выше рейтинг ролика, тем больше у него шансов оказаться в начале этого списка и получить еще большее количество просмотров и пользовательских откликов.

Важной особенностью YouTube (как и других подобных видеохостингов) является максимальная интеграция с такими популярными социальными медиа как Вконтакте, Facebook, Twitter, Google+, Blogger, Myspace и другими, благодаря чему на этих сайтах может автоматически публиковаться информация о действиях пользователя на YouTube. При этом даже незарегистрированные пользователи имеют возможность размещения ссылки на понравившийся видеоролик в наиболее популярных социальных сетях.

Помимо YouTube, популярными среди российских пользователей являются такие русскоязычные видеохостинги, как RuTube, Яндекс. Видео, Smotri.com, Video@Mail.ru и Муви. Все эти сервисы, несомненно, также во многом схожи с YouTube, но при этом обладают своими особенностями.

Так, видеохостинги RuTube и Smotri.com позволяют использовать все внутренние сервисы после доступа через учетные записи в социальных сетях Vkontakte и Facebook (без процедуры дополнительной регистрации), а хостинг Видео@Mail.ru позволяет загружать видеоролики только пользователям социальной сети Мой мир. При этом ни один из перечисленных веб-сервисов, кроме YouTube, не позволяет добавлять к видео субтитры после размещения на хостинге. Перечисленные сервисы отличаются и количеством поддерживаемых видеоформатов. Большинство из них позволяет загружать видео в форматах avi, mov, flv, 3gp, mpg, mpeg, mp4, mkv. Однако некоторые сервисы поддерживают меньшее число форматов (например, Видео@Mail.ru поддерживает только mpg, wmv и avi форматы).

Следует отметить, что из рассматриваемых сервисов кроме YouTube лишь Smotri. com предоставляет возможность создания собственного канала. При этом Smotri. com и Видео@Mail. ru предоставляют возможность ведения online-трансляций, что при продвижении услуг организации также является немаловажным. Отличительной особенностью сервиса Smotri. com является и возможность скачивания видеороликов, размещенных на хостинге.

Существует разница в количестве внешних ресурсов, с которыми интегрированы видеохостинги. Так, с максимальным числом социальных медиа интегрирован Smotri.com, позволяющий размещать ссылки на таких сторонних ресурсах, как Vkontakte, Одноклассники, Google+, Facebook, Twitter, LiveJournal, Blogger, Myspace, Surfingbird, Мой мир, Я.ру, FriendFeed, Digg, Evernote, Google Buzz, Google Reader, Juick, LiveInternet, LinkedIn. А, например, видеохостинг Видео@Mail.ru действует только в рамках социальной сети Мой мир, не взаимодействуя с другими социальными медиа, но позволяет отправлять видеоролики друзьям в рамках сообществ.

Особенность такого сервиса как Яндекс. Видео заключается в том, что он не только позволяет загружать и хранить видео, но и осуществляет поиск на сторонних видеохостингах и новостных интернет-ресурсах.

Российские библиотеки для продвижения услуг и позиционирования своей деятельности сегодня уже используют видеохостинги. Чаще всего на подобных ресурсах библиотеки размещают сюжеты о различных аспектах своей деятельности, самостоятельно созданные ролики о книгах и писателях, записи с конференций и библиотечных мероприятий, интервью с сотрудниками библиотеки, новостные сюжеты, посвященные библиотечной жизни. Некоторые библиотеки создают обучающие ролики по работе с электронными каталогами, приобретенными электронными информационными ресурсами (что не только продвигает библиотечные услуги и ресурсы, но и повышает информационную культуру пользователей). Здесь же публикуются отчеты об интересных библиотечных событиях, буктрейлеры (видео-аннотации книг). На видеохостингах библиотеки могут создавать виртуальные экскурсии, галереи, размещать материалы видеоконференций. Так, отдельные видеоролики, освещающие различные направления деятельности библиотек, есть на RuTube. В основном это новостные сюжеты и интервью с сотрудниками библиотеки. На видеохостинге можно найти, например, видео Центральной библиотеки им. А. Н. Островского (г. Ржев, Тверская область), Челябинской областной юношеской библиотеки, Национальной библиотеки Республики Карелия, Детской библиотеки г. Можги. Здесь же российская ассоциация электронных библиотек (ЭЛБИ) размещает материалы видеоконференций и различных интервью.

Видео, посвященные деятельности библиотек, представлены и на таких видеохостингах, как Яндекс.Видео, Video@Mail.ru, Smotri.com, Ustream, Муви. Однако перечисленными видеохостингами библиотеки пользуются неактивно. Как отмечалось выше, данные сервисы в большинстве своем не предоставляют возможности создания самостоятельного канала. Его заменяет возможность просмотра видео, загруженных одним автором, что не слишком удобно. Немаловажным фактором при выборе хостинга является и количество пользователей веб-сервиса.

В связи с этим можно считать объективной тенденцией активное использование библиотеками именно видеохостинга YouTube. Это связано с тем, что он является наиболее удобным, предоставляет максимальное количество возможностей и, что немаловажно, позволяет создавать собственные видеоканалы. При этом аудитория YouTube, несомненно, в разы больше, чем у какого-либо другого существующего хостинга.

Сколько всего каналов российских библиотек существует сегодня на YouTube – выявить достаточно сложно. Большой популярностью пользуется, например, канал «Библиомания», созданный Центральной городской библиотекой им. А. М. Горького г. Арзамас Нижегородской области. Высокий рейтинг у видеороликов, созданных Пензенской областной библиотекой им. М. Ю. Лермонтова, Рязанской областной универсальной научной библиотекой им. М. Горького, Президентской библиотекой им. Б. Н. Ельцина, Московской областной государственной научной библиотекой им. Н. К. Крупской, Центральной универсальной научной библиотекой им. Н. А. Некрасова, Центральной городской библиотеки им. А. И. Герцена г. Екатеринбурга, Библиотекой Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Центральной районной библиотекой Краснокамского района Пермского края. Все перечисленные библиотеки создали свои каналы на видеохостинге YouTube в 2011–2012 г.

Как видно даже из этого списка, география библиотек, позиционирующих себя посредством YouTube, очень широка. Наравне с крупными библиотеками Центральной России представлены региональные научные, городские библиотеки, а также библиотеки учебных заведений.

Однако в качестве средства продвижения видеохостинги не всегда оказывается эффективным. Многие видео имеют низкое число просмотров и не вызывают пользовательского отклика (отсутствуют комментарии и лайки). Это связано не только с низким интересом пользователей к деятельности библиотек, но и с некорректным оформлением большинства видеороликов и каналов, что иногда не позволяет пользователям находить видео на хостинге. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть наиболее важные факторы внутренней оптимизации видео, которые помогут видеоролику адекватно отображаться среди результатов поиска, а значит – увеличат количество просмотров. Следовательно, и продвижение организации или услуг, представленных на видео, станет более эффективным.

Важно название ролика, которое должно отражать не только суть видео, но и быть ярким, креативным, привлекающим внимание. Желательно включить в название два-три ключевых слова, которые обязательно будут использовать потенциальные пользователи. Это повысит процент нахождения видеоролика поисковыми системами. При этом следует использовать только уникальные названия видеофайлов. Уникальность важнее наличия в названии ключевых слов. Важно постараться ограничить название 55–60 символами: в этом случае пользователь увидит название видеоролика среди результатов поиска полностью, что также делает видео более привлекательным. Важным фактором считается снабжение видео специальными тегами, под которыми понимают неконтролируемые ключевые слова, которые могут как отражать содержание, так и быть функциональными.

Каждое видео также необходимо снабжать описанием, которое должно быть не только привлекательным для пользователей, но и оформлено по всем правилам текстового контента. Длина описания может быть различной, но в свернутом состоянии будет доступно к чтению лишь двести символов. Учитывая последнее, наиболее важную информацию следует размещать в начале описания. Важно разместить здесь ссылку на сайт и упомянуть название организации, перечислить услуги, о которых идет речь в видеоролике. В этом случае эффект продвижения будет максимальным.

Размер видео тоже имеет значение. Чем длиннее ролик, тем меньше шансов, что его начнут просматривать и, тем более, досмотрят до конца. Поэтому желательно не создавать ролики длиннее 3–5 минут. Если тема слишком обширная, лучше сделать серию коротких роликов, посвященных данной теме. При этом следует установить в начале видео ссылку на предшествующую часть, а в конце – на следующую. И, конечно же, видео должно быть полезным, интересным и ярким. Скучному ролику ничто не поможет.

Определенные рекомендации можно дать и в отношении оформления видеоканала. Во-первых, стоит придумать для канала интересное, благозвучное и уникальное имя. Во-вторых, максимально полно, подробно и честно заполнить профиль своего аккаунта. Это вызовет доверие со стороны потенциальных пользователей. В-третьих, необходимо снабдить канал короткой, сжатой, но информативной аннотацией. Благодаря этому большая часть пользователей будет иметь общее представление о нем. В-четвертых, непременно нужно снабдить канал тегами и подобрать подходящее дизайнерское оформление. К сожалению, библиотеки не всег-

да соблюдают данные требования: видео зачастую не снабжаются описаниями и достаточным количеством тегов, а существующие каналы не всегда содержат полное название библиотеки с указанием местонахождения, что не позволяет идентифицировать принадлежность видео конкретной библиотеке.

Важно понимать и то, что для получения желаемого эффекта недостаточно лишь создания канала библиотеки на видеохостинге или загрузки нескольких видеороликов. Информация о предоставляемых библиотекой услугах или направлениях ее деятельности должна не только быть размещена на хостинге, но и доведена до максимального количества потенциальных пользователей с помощью различных коммуникационных каналов. С этой целью при продвижении необходимо задействовать как можно большее количество внешних ресурсов. Можно рассказать о канале или отдельных видео друзьям в социальных сетях, продвигать их при помощи запросов в поисковых системах, давать ссылки в комментариях и публиковать на тематических форумах и блогах. Также можно отправлять приглашения, создавать подписки, публиковать ссылки на сторонних ресурсах. Это позволит достичь «вирусного» эффекта. А как показывает опыт, именно «вирусная» составляющая продвижения лучше всего повышает количество просмотров.

Как уже неоднократно упоминалось, важную роль играет и отклик пользователей. Чем большее количество видеоответов и комментариев будет оставлено, тем выше будет рейтинг ролика. Чем большее количество пользователей будет подписано на канал, тем выше будет «вирусный» эффект. Поэтому необходимо активно привлекать пользователей, отвечать на публикуемые комментарии. Важную роль в продвижении играют и комментарии, оставляемые к другим видео на хостинге. Ведь каждый пост содержит ссылку на канал библиотеки, что также влияет на повышение к нему интереса со стороны интернет-аудитории.

Одновременно с продвижением канала или отдельных видеороликов библиотеки на видеохостингах происходит продвижение и самой библиотеки, оказываемых ею услуг. Чтобы эффект был максимальным, можно включать в создаваемые видео логотип, встраивать название библиотеки или адрес официального сайта на протяжении всего видеоряда. Функцию продвижения библиотеки выполняет и добавление ссылки на сайт и названия библиотеки в описание видео.

Важно помнить и об интеграции с официальным сайтом библиотеки. На нем следует разместить ссылку на канал, соединив таким образом оба ресурса.

О присутствии на видеохостингах необходимо рассказывать и пользователям библиотеки, размещая рекламные объявления, раздавая визитки, сообщая на мероприятиях, беседуя при обслуживании читателей.

Максимального эффекта можно добиться и размещая видеоматериалы на разных хостингах, что существенно расширит объем охватываемой аудитории.

Таким образом, можно выделить ряд преимуществ, которыми обладают видеохостинги как средство продвижения услуг организации:

1. Бесплатность.
2. Экономия ресурсов организации, так как загружаемый видеоконтент размещается на стороннем сайте.
3. Популярность среди интернет-аудитории.
4. Взаимосвязь с социальными медиа, что обеспечивает эффект «вирусного» маркетинга.

Есть, конечно, и недостатки, но они не столь существенны:

1. Неудобство в ряде случаев перехода на официальный сайт организации (что, несомненно, снижает количество возможных посещений официального сайта после просмотра видео).
2. Необходимость постоянной работы с размещаемым контентом и его популяризация, что требует значительного времени и трудовых затрат.

Таким образом, использование данной интернет-технологии способствует сплочению и удержанию коммуникативных и социальных связей, позиционирует библиотеку как современную организацию, способную составить конкуренцию другим информационным учреждениям.

Примечания

[1] Брежнева В. В., Гиляревский Р. С. Информационное обслуживание. СПб.: Профессия, 2012. С. 321.

[2] Статистика отрасли за 2012 г. // Минкомсвязи России: сайт. URL: http: // minsvyaz. ru (дата обращения: 16. 09. 2013).

[3] Всероссийский центр изучения общественного мнения: пресс-вып. 2012, 28 сент, № 2123: А зачем вам Интернет? // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. URL: http: // wciom. ru (дата обращения: 16. 09. 2013).

[4] Цит. по: Верник А. Г. Особенности и технологии распространения видеоконтента социальных медиа // Челябинск. гуманит. науч. журн. 2012. № 3. С. 27–31.

[5] The top 500 sites on the web // Alexa: the web information company: сайт. URL: http: // alexa. com (дата обращения: 16. 09. 2013).

УДК 09:271.2(470)"17/19"

Н. И. Медведева

Репертуар старообрядческой рукописной книги в России: XVIII–XX вв.: общий обзор

Старообрядческая рукописная книга является совершенно особым типом рукописной книги. Репертуар поздней старообрядческой книги связан с ранней старообрядческой и древнерусской православной книгой. Сам факт существования рукописной книги в России после введения книгопечатания – феномен, которому есть очень много объяснений. Но важно то, что сохраненные традиции рукописной книги живут в нашей стране и по сей день.

Ключевые слова: старообрядчество, книга, центры, репертуар, источники

Nadezhda I. Medvedeva

The repertoire of the old-believers' manuscript books in Russia: XVIII–XX century: a general overview

The old manuscript book is a special type of manuscript books. The repertoire of the later old-believers books is connected with the early old-belief and old Russian Orthodox books. The fact of existence of manuscript books in Russia after the introduction printing books was implemented, there is a phenomenon, which has a lot of explanations. But it is important that the saved tradition of manuscript books lives in our country up to this day.

Keywords: old-believers, book, centers, repertoire, sources

Старообрядческая рукописная книга является совершенно особым типом рукописной книги, опирающейся как на древнерусскую книгописную традицию, так и в не меньшей мере на традицию русского книгопечатания – как по форме, так и по содержанию. Рукописное производство старообрядческих книг самими читателями, стремление придать этим копиям статус «освященных» церковных книг являются своеобразным феноменом русской книжной культуры на пороге Нового времени. На долгие два с половиной столетия старообрядческая рукописная книга стала почти единственной формой удовлетворения духовных потребностей миллионов крестьян и ремесленников, не порвавших со «старой верой» своих предков.

Настоящая статья является результатом изучения и систематизации поздней старообрядческой рукописной книги в России. Подобная систематизация приводится впервые.

Многовековая история русского старообрядчества протекала в обособленном времени и пространстве и особое значение здесь имели центры старой веры, не только сохранявшие традиции предков, но и позволявшие им развиваться, что приводило к небывалому всплеску культуры. Типология таких центров еще не сложилась. Но уже на первый взгляд можно выделить исторические центры, определяющие становление староверческого мировоззрения. К ним можно отнести широко известные и описанные Выг, Ветку, Керженец и менее изученные так называемые брынские скиты в Калужской губернии, первые поселения на Кавказе, Новгород и его округу, а так же Суздаль. Яркая история последних прервалась на рубеже XVII–XVIII в., а свое продолжение получила значительно позднее. Поэтому они стали лишь памятными, мемориальными, местами старой веры. Многие центры Урала, Сибири, Поволжья, Бессарабии, Кубани имели в большей степени местное, региональное значение, определяя обычаи в ближайшей округе. Только в XIX столетии некоторые из них стали оказывать влияние практически на все старообрядчество России, например, с. Поим в Пензенской губернии, с. Самодуровка в Саратовской губернии.

Раскол в самом начале своего существования – это распространение сочинений в народе, что является самым действенным и надежным средством пропаганды. И их распространялось великое множество. Главной целью первых из них был патриарх Никон как обвиняемый и как подсудимый. Одним из основных авторов являлся протопоп Аввакум, написавший несколько посланий и статей, имевших огромный успех в народе и породивших даже особую секту, носящую имя протопопа. С начала XVIII в. характер сочинений изменился: все они были направлены против правительства духовного и гражданского. У раскольников появились своя книжная

торговля, лавки и библиотеки, типографии и разносчики.

На протяжении второй половины XVII в. старообрядческая книга сформировалась как идеологическое оружие русских традиционалистов – активных борцов с церковной реформой, искавших альтернативу в национальных культурных традициях и глубинных основах восточноевропейского православия. Благодаря устной и письменной пропаганде своих взглядов и преимущественно через рукописную книгу, старообрядческим идеологам удалось организовать в стране первое в ее истории широкое культурно-идеологическое движение за нравственное обновление общества под знаменем борьбы с чуждыми культурными заимствованиями.

Старообрядческая литература, возникшая в условиях не прекращавшейся ни на миг упорной борьбы с господствующей идеологией, обладает ярко выраженной, необычной для древнерусской литературы, идеологической насыщенностью и заостренностью, цельностью и органичной связью произведений, входящих в нее.

Оказавшись изолированной от духовной и общественной жизни страны на пороге нового времени, старообрядческая литература развивалась по своим законам. Самое важное, что отражали в своих произведениях писатели-старообрядцы, была эпоха, в которой они жили, со всеми ее трудностями и нестабильностью. Они противопоставили себя господствующей культуре и создали свою своеобразную культуру и литературу. Эта потаенная, запрещенная и гонимая культура низов, равно как и рукописная книга, воплощением которой она являлась, широко распространилась в народе. Старообрядческая литература своим влиянием охватила более широкий слой крестьянского населения, чем сама старообрядческая идеология, носительницей которой эта литература являлась.

Предварительно требуется определить само понятие старообрядческой книги. Возникает необходимость выработки основополагающих принципов, а также критериев выделения из всего массива старообрядческой литературы тех ее компонентов, которые могут быть квалифицированы как старообрядческие книги. Совсем недавно сам факт существования старообрядческой книги в ученом мире ставился под сомнение, а ее роль в жизни русского общества, в русской истории и культуре не осознается в полной мере и до сих пор.

«В повседневном научном обиходе понятие „старообрядческая книга" обычно распространяют не только на книгу, написанную или изданную в защиту „староверия" или на обличие „никониан", но и на книгу в той или иной мере отразившую старообрядческие догматы и установления, на книгу, переписанную или изданную старообрядцами, и даже на обычную „дониконианскую" книгу, бытовавшую в старообрядческой среде»[1].

В свою очередь, поздней рукописной книгой считается книга, написанная в период с XVIII по XX в. Так как в России в силу особенностей развития социума, даже после введения книгопечатания, рукописная книга имела превосходство над печатной весь XVI и XVII вв. Только с XVIII в. рукописная книга начинает угасать. И именно в этот период угасания светской рукописной книги на взлет идет старообрядчество со своим продолжением традиций переписывания книг. Будем честны, ведь это был единственный способ сохранения старообрядчества как элемента общероссийской культуры, так как официальные ходы в типографии для них были закрыты вплоть до начала XX в. В то же время на создание своих собственных нелегальных типографий уходило много сил и денежных средств, которых просто не хватало. Да и стоило ли затевать типографии, не зная, насколько это будет востребовано?

Старообрядческую рукописную книгу переписывали по всей стране, но основными центрами являются скиты, пустыни и монастыри. «Уход в пустыню» – мотив библейский, ветхозаветный. Пророки уходили в пустыню, чтобы слышать «глас Господень» – наедине беседовать с Богом. «Пустыня» – «пусто место», где уединение, скудное пропитание, молитва, бдение и безмолвие успокаивали все страсти, умерщвляли плоть, и только желание быть с Богом никогда не насыщалось.

Массовое бегство старообрядцев от преследования властей на окраины России способствовало созданию центров старообрядческой рукописной книжности. Среди них особое значение быстро приобрело старообрядческое «общежительство» на реке Выге и ее притоке Лексе (на территории современной Карелии). Во главе Выго-Лексинской старообрядческой общины стояли братья Андрей и Семен Денисовы. Оба были плодовитыми писателями: Андрею приписывается более двухсот сочинений, Семену – около полутораста.

В отношениях со скитами важнейшим рычагом социального управления была выговская идеология пустынножительства. В традиционном православии пустынник – это синоним отшельника, т. е. монах, полностью уединившийся для соблюдения самого строгого аскетического устава.

После закрытия скитов, сыгравших такую же роль в просвещении Печорского края, какую

играли северно-русские монастыри в средневековый период, главными хранителями рукописной старины и книжности стали начетчики, наставники. Они отличались большой грамотностью, знанием догматов и правил своего вероучения, многие из них сами занимались перепиской книг и были искусными писцами и миниатюристами. Расцвет рукописной деятельности в среде крестьянского населения Печоры приходится на вторую половину XIX – начало XX в. За этот период в Усть-Цилеме было скопировано огромное количество рукописей. По сути, это связанно с большим спросом на книжную продукцию со стороны местного крестьянства и, очевидно, наступившим книжным кризисом после прекращения деятельности книгописных мастерских в скитах. Печорские книжники за короткое время практически полностью обновили фонд местной старообрядческой библиотеки, и благодаря этому книга вошла в каждый дом, в каждую семью и стала предметом культа, особого почитания и гордости Усть-Цилема.

Взаимоотношения между рукописной и печатной книгой полностью изменились – они как бы поменялись местами. Если до сих пор, в условиях монополии церкви в типографском деле, рукописная книга удовлетворяла читательские интересы, выходившие за пределы церковной литературы, то теперь, когда в XVIII в. стала широко распространяться печатная книга светского содержания, рукописная книга начала обслуживать потребности народной оппозиции официальной Церкви.

Такова была главная предпосылка, обусловившая существование искусства рукописной книги в России XVIII–XX вв. Именно искусства, потому что старообрядческая книжность унаследовала и развила исконную, проявившуюся уже в первый век истории русской книги традицию – эстетическое восприятие книги как синтеза искусств – словесного, изобразительного, а иногда и музыкального.

Это искусство пошло на спад после революции 1905 г., когда старообрядцам было, наконец, разрешено заводить собственные типографии; до этого они осуществляли преимущественно перепечатку «дониконианских» книг в нелегальных типографиях, расположенных обычно на окраинах России. И только консервативность, являющаяся одной из основных черт старообрядческой идеологии, является причиной появления новых рукописных книг после Первой русской и Октябрьской революций. Новейшие сведения об изготовлении рукописной книги в сибирской тайге относятся к 50-м гг. XX столетия.

Значение поздней старообрядческой рукописной книги для истории русского искусства заключается в том, что она продолжила и развила многовековые традиции письма и художественного оформления русской книги. А это говорит о десяти веках искусства русской рукописной книги – беспрецедентном случае в истории книги в европейских странах.

Репертуар старообрядческой литературы состоял из церковно-полемической, религиозно-нравоучительной, историко-литературной, богослужебной и эсхатологической литературы.

Главная мысль старообрядческой книжности, объединявшая все «согласия» и «толки», была направлена против официальной Церкви и поддерживающего ее царского правительства. Авторы этих сочинений проявляли большую гибкость и незаурядную смелость. Старообрядцы считали русских царей, начиная с Петра I, «антихристами». Приведу один пример. В Российской национальной библиотеке (РНБ) хранится огромная, весом в 215 кг., рукописная книга второй половины прошлого века с текстом Апокалипсиса и некоторых памятников старообрядческой полемической антицерковной литературы. Среди ее иллюстраций есть большое и красочное изображение «вавилонской блудницы», сидящей на семиглавом «змие». Оно в точности скопировано с литографированного (разумеется, с разрешения цензуры) портрета царицы-жены императора Александра II. А там, где в тексте говорится, что «во имя апостола Петра Антихрист наречется», источник искать не приходится – изображен Петр I.

Полемические рукописи продолжают писать и переписывать вплоть до середины 50-х гг. XX в. Одно из таких сочинений – «Письмо о беззаконных попах и епископах в последнее время». Важнейшие произведения антицерковной полемики первой четверти XVIII в. – Дьяконовские и Поморские ответы. Это комплексы, призванные обосновать идейно-религиозные взгляды старообрядчества.

В XVIII в. в среде русского старообрядчества получают дальнейшее развитие проблемы, связанные с догматом о «немолении». На протяжении всего XVIII в. и даже еще в XIX в. это догмат будет служить раскольникам своеобразным символом, отражающим их оппозицию государственной власти. Догмат «немоления» означал не упоминание имени государя в службе. Кроме того, отменялись обязательные молебны в так называемые табельные дни.

Каждое старообрядческое согласие на практике самостоятельно решало вопрос о том, как не молиться за государя. Дискуссия о том велась не только межу согласиями, но и внутри согласий, между различными группами. В любом

случае догмат «немоления» означал антиправительственное настроение. Об этом свидетельствует анализ старообрядческих сочинений, обосновывающих и защищающих догмат «немоления». Примером такого рода произведений является сочинение «О полной власти царской и святительской и о цари убо помолимся богу. Яко утвердит и сохранит его и воздвигнет к добродетелем действенным купно и хранению, и справление веры и укрепит, и поспешит присно на сопротивныя. О архиерей же паки». Оно написано против практики моления за государя в поморском согласии.

С первых строк автор сочинения буквально определяет свое отношение не только к святительской, но и к светской власти. Хотя он не приводит ни одной цитаты из Священного Предания и Писания, проповедующих вечность царской власти, ее божественное происхождение, необходимость повиновения ей, но безоговорочно принимает общехристианскую точку зрения по вопросу отношения к власти. При этом автор оговаривается, что речь идет только о благочестивых царях. Так же автор считает, что обязательная молитва за всех христиан уже не может существовать. Молиться стоит только за благоверных, а за отступников, которых автор в своих рассуждениях называет антихристами, молиться не стоит.

Для большинства старообрядцев догмат «немоления» был важной составной частью их догматической системы. Они считали его неотъемлемой частью традиций, идущих от особо почитаемого ими Соловецкого монастыря.

В сочинении «О полной власти царской и сятительской…» протест против власти монарха-антихриста сформулирован не так откровенно, но это не меняет сути. Сам факт осознанного «немоления» за царствующего императора говорил о наличии в сознании антимонархического протеста.

В уникальном собрании древнерусских рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданном в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР, находится сборник, составленный из сочинений Максима Грека. Он представляет собой рукопись в большой лист, написанную на 4 + 725 листах полууставом второй половины XIX в. Более точно датировать ее началом 60-х гг. позволяет послесловие. Имеются заставки и инициалы позднепомрского стиля. Переплет – доски в коже. Расположенное на первых листах сборника обширное предисловие дает возможность заключить, что он является одним из списков собрания сочинений Максима Грека, которое было создано «в боголюбивом общежительстве Богоявленские киновии и преподобного отцу Зосимы и Саватию Соловецкого чудо в лето от сотворения мира 7227 (1721) мая в 30 день».

Сам факт возникновения Поморского собрания был наивысшим проявлением интереса и уважения к Максиму Греку и его творчеству в среде старообрядцев первой четверти XVIII в. Это был результат более чем полувековой идеологической работы виднейших деятелей старой веры по обоснованию святости и непогрешимости авторитета Максима Грека, необходимого им для полемической борьбы с православными ортодоксами.

Одновременно с этим Поморское собрание сочинений Максима Грека стало ценнейшим сводом источников самого разнообразного характера, из которого можно было почерпнуть и новые факты церковной истории, и образцы полемической, риторической и философской литературы, и многие другие документы. Поморское собрание явилось колоссальной и многогранной базой для дальнейшего освоения и использования идейно-литературного наследия Максима Грека.

Крупный шаг в развитии монашеской идеологии на Выге – появление «Слова о общем житии и слове его» на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. В «Слове о общем житии…» вместо традиционной в монашестве оппозиции выговское общежительство становится частным случаем пустынножительства. Становится ясно, что монашеская традиция для Андрея и Семена Денисовых самостоятельной ценности не представляет, а используется сугубо прагматически. Поскольку прямого идеологического воздействия проповеди было недостаточно, Андрей, а затем и Семен Денисовы наряду с уставами для общежительства начиная с 1720-х гг. создают и развивают систему уставных требований для обитателей выговских скитов. К 1720-м гг. относится и раздел об уставной деятельности Андрея Денисова в «Истории Выговской пустыни». Здесь говорится о посланиях Андрея Денисова, письменных распоряжениях из общежительства, копиях соборных постановлений. На Выге создается полный дисциплинарный устав для жителей скитов: «Объявление о благочинии пустынном». В оригинале «Выговского чиновника» находится самый ранний известный список этого текста.

Развитие жанра привело к созданию особой редакции «Объявления…», в которой под каждой статьей приводится подборка выписок из традиционной литературы на эту тему. Благодаря широкому распространению «Объявления…» его состав и сам заголовок становятся неустойчивыми. Отдельные статьи то объединяются, то дробятся, даются то в краткой форме, то в

развернутой, появляются разные варианты заглавия. «Объявление о благочинии пустынном» закрепляет очень странные отношения, которые нельзя назвать ни монашескими, ни мирскими. Модель скита, заложенного в «Объявлении…», не противоречит реальной исторической действительности.

В крестьянской старообрядческой письменности особое место занимают дисциплинарные уставы и оригинальные старообрядческие сочинения по уставным вопросам. Уставные нормы поведения отражают идеологические позиции руководства старообрядческого согласия на разных этапах его истории, ту или иную степень отхода от православного канона, вызванного требованиями жизни (несмотря на декларации верности этому дониконовскому уставному канону). Традиции, религиозная твердость и строгость порядков в старообрядческих общинах приближают реальное поведение старообрядцев к нормам, зафиксированным в уставах. Таким образом, уставы являются одновременно источниками для изучения старообрядческой идеологии и повседневного быта крестьян-старообрядцев.

К началу XIX в. в жизни старообрядцев Русского Севера столкнулись две противоположные тенденции. С одной стороны, стал прочной, уже вековой традицией скитский образ жизни и соответствующий уклад хозяйства, с другой – заметно ослабели эсхатологические настроения, усиливалось обмирщение, возрастала тяга к браку. Развитие филипповского согласия с конца XVIII в. носило альтернативный характер: по линии радикализации настроений из филипповцев выделились бегуны, по линии обмирщения и компромиссов – аароновцы. Попытки утвердить брак во многих филипповских скитах дали последний всплеск полемики вокруг идей старообрядческого пустынножительства, сформулированных на Выге братьями Денисовыми. «Утверждение пустынного жительства» логически завершает идеологическую линию поморских сочинений отказом от эсхатологии, признанием брака и уже на этой базе воспеванием старообрядческого пустынножительства.

Следующей в репертуаре старообрядческих книг является религиозно-нравоучительная литература. Она представлена значительным слоем памятников. Это выписки из Библии, Евангелия, Апостола, «Диоптра», отдельные слова Иоанна Златоуста, слово пророка Исайи, выписки из книги Иисуса Сирахова, «Многосложного свитка», выписки из правил святых апостолов, «Вопросов и ответов Афанасия Александрийского» и многое другое. В данной литературе самое важное было передать следующим поколениям главные каноны и принципы старообрядчества, чтобы поколение за поколением обучалось вероисповеданию на этих книгах. В свою очередь, религиозно-нравоучительная литература играла большую роль в старообрядческой жизни. Во-первых, она обучала молодежь как себя вести в этом мире и как надо ценить свою веру. А во-вторых, порождала связь с Древней Русью. В РНБ так же имеются рукописи такого характера: «Книга о вере» (XIX в. 30-е гг.), Ефрем Сирин – сборник слов – «Паренисис», с добавочными статьями (XVIII в.), Сборник выписок. Содержит: выписки из Священного Писания, сочинения отцов церкви, книги Максима Грека, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, из Патерика, Трактиона, Альфы и Омеги, Скрижали, Маргарита, Кормчей (конец XVIII – начало XIX в.) и многое другое.

В историко-литературных произведениях мы сталкиваемся с большим количеством повествовательной литературы, со сказаниями, переписываемыми с более старых рукописей, уходящими порой в глубину веков; иногда мы встречаемся с новыми сказаниями и повестями, возникшими XVII и XVIII вв. Эту литературу можно квалифицировать как связанную с народом и народными историко-культурными традициями России. Например, таковой является «Повесть о Идиле, Новгородском всаднике, о Бове королевиче, Повести о Варлааме и Иоасафе, Пчеле и Сибирской летописи Саввы Есипнова».

Так же в репертуар исторических старообрядческих произведений входили: Слова надгробные, Слова воспоминательные, Духовные завещания. Старообрядцы создавали свои произведения в рамках жанровой системы Древней Руси. К историко-литературным памятникам относятся так же такие произведения, как хронографы, «Казанская история», «Сказание» Авраамия Палицина, историческое повествования о Смутном времени «Иное сказание», «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Отдельным жанром среди исторической литературы являются описания жизни святых. Самые популярные: Житие Зосимы и Савватия Соловецких, Житие протопопа Аввакума, Житие Варлаама Хутынского.

Обратившись к анализу сочинений, созданных на Выгу, мы можем говорить о попытке превращения Жития в Историю жизни, а сочинения, написанного в жанре Слова надгробного, – в Слово о жизни умершего, и, наконец, популярные на Выгу Духовные завещания постепенно трансформируются в Исповедь. Обращение к поморским историческим сочинениям и фрагментам исторического повествования показывает, что для Выга характерно было бережное

отношение к памяти о жизни как выдающихся деятелей староверия, так и рядовых членов общины. «Это выразилось в создании циклов сочинений, посвященных жителям Выгореции, а иногда и определенным семьям. Внимание к конкретной личности проявлялось в стремлении зафиксировать по возможности все известные данные о каждом общежителе»[2].

Сочинение житийного типа «Описание жизни со страдательными подвигами блаженнаго отца, Выгорецкой истории писателя, Иоанна Филиповича, бывшаго Выгопустыннаго общества смиреннаго настоятеля», написанное вскоре после смерти Ивана Филиппова, отразило дальнейшее развитие выговской житийной традиции. Название сочинения подчеркивает жанровую специфику произведения. Действительно, это скорее описание жизни, чем Житие в традиционном смысле, хотя и написано в рамках житийного канона. Как и принято для сочинений такого рода, оно заканчивается описанием обретения нетленных мощей после смерти.

Новаторские тенденции в рамках выговской литературной школы прослеживаются не только в жанре Жития. Были популярны Надгробные слова. Первое сочинение такого рода – «Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выгопустыннаго общежительства екклисиарху Петру Прокопиевичу» Андрея Денисова. Он в некотором смысле задал тон, включив в Надгробное слово значительный по объему фрагмент, описывающий начало раскола в Русской православной церкви и историю создания Выговского монастыря. Кроме того, в Слове представлены также результаты генеалогических разысканий о роде князей Мышецких, к которому принадлежали как умерший, так и сам автор.

В Надгробных словах подобные вставки, которые можно охарактеризовать как фрагменты исторического повествования, обязательны. Жанр Слова предполагал изложение истории жизни умершего, а поскольку речь шла о старообрядцах, то могли быть упомянуты и события, связанные с расколом в русской церкви. Но чаще всего в Надгробных словах есть только краткие упоминания о фактах биографии умершего или событиях из истории раскола. Необычность Надгробного слова, посвященного Петру Прокопьеву, состояла в том, что Денисов уделил значительное внимание рассказу о начале раскола, и, главное, истории возникновения «Выгореции».

Андрей Денисов в этом Слове сформулировал некоторые принципы исторического повествования, которые позже станут основополагающими для выговцев. Здесь впервые была определена особая роль истории жизни конкретного человека для истории Выга. Андрей Денисов подчеркнул важность для исторического повествования как описания важнейших событий, связанных с основанием и дальнейшим существованием монастыря, так и рассказа о жизни конкретного человека.

Во время работы археографической экспедиции Ленинградского университета на Пинеге в июле 1969 г. была найдена небольшая тетрадь весьма плохой сохранности без переплета, написанная плохим полууставом XIX в., который на Пинеге называют «домашним письмом». Содержанием тетради оказалась «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» – редкое старообрядческое сочинение, принадлежащее перу одного из последователей известного выговского старца Филиппа, который отказался молиться за царя, основал особое филипповское согласие в старообрядчестве и кончил жизнь самосожжением 14 октября 1742 г.

Эта книга посвящена рассказу о возникновении разногласий между старцем Филиппом и руководителями Выга, о преследования Филиппа и злодействах выговцев; она описывает и самую «огненную» смерть в часовне, окруженной со всех сторон «монастырскими» и солдатами. Яркое описание, публицистичность замысла, связь текста с устной речевой стихией, малое количество сохранившихся источников о начале филипповского согласия и событиях 1742 г. на Выге, делают это сочинение весьма интересным памятником старообрядческой литературы середины XVIII в. Фактической основой повествования являются действительные события выговской истории.

Тенденциозность описаний «Истории» так велика, что не вполне ясными остаются обстоятельства смерти Филиппа. Из сообщения «Истории» («В то время скоро запустили огня под чесовню…») можно понять, что подожгли снаружи солдаты; такое восприятие тем более вероятно, что «посланный афицер» прямо об этом говорит: «Сожгли старца святаго…». Тенденциозность «Истории» становится еще более очевидной, если сравнить ее с выговской версией рассказа о гибели старца Филиппа. Выговская версия событий 1742 г. известна нам по пяти спискам XIX в., где она имеет следующие заглавие: «Известие о Филиппе старце, от котораго и согласие Филиппово имянуется». Этот источник сообщает целый ряд новых данных, весьма ценных для воссоздания действительной картины: о доносе, написанном с целью выманить деньги у старообрядцев, об отказе Филиппа «откупиться», о реакции власти на донос и т. д. Подробно описывает выговский автор самосожжение Филиппа и «братии», заранее приготовивших для

себя много розжига. «Известие» также не лишено тенденциозности в изложении событий: наряду с сообщением многих подробностей оно избегает упоминать имена каких-либо выговских деятелей, сопровождавших воинскую команду в скит Филиппа, дипломатично умалчивая о роли Мануила Петрова и др.

«История» по видимому должна была стать житием святого – основателя нового филипповского согласия. Но это житие было далеким от канона, житийная традиция отразилась в нем лишь в виде отдельных моментов, примечательной особенностью текста является его «историзм», ориентация автора на конкретность и документальность повествования.

Литературная необработанность текста повести о Филиппе, связь ее с конкретным историческим моментом, острая публицистическая направленность делают ее весьма примечательным литературным явлением, интересным фактом крестьянской литературы Русского Севера.

Среди обширного старообрядческого рукописного наследия особое место принадлежит памятникам древнерусской литературы. Старообрядческие книжники не только копировали их, но и перерабатывали эти сочинения, редактировали, выражая свои вкусы и отвечая потребностям читателей. «Азбука о голом и небогатом» – это небольшой по объему текст, всего три листа, и, скорее всего, «Азбука» являлась фрагментом рукописной книги, состав которой в настоящее время не представляется возможным восстановить.

Среди разнообразных по жанру и теме памятников древнерусской литературы, активно читавшихся и переписывавшихся старообрядцами, важное место занимают эсхатологические сочинения. Пользовались они большой популярностью и на низовой Печоре – в уникальном центре старообрядческой культуры, сохранившем до наших дней значительное количество рукописных книг – и древних, попавших на Печорский Север из самых разных областей Руси, и тех, что писали в XVIII–XIX вв. сами печорские крестьяне.

Переводная эсхатология представлена в усть-цилемских рукописях сочинениями, получившими широкое распространение в России и ставшими излюбленным чтением старообрядцев. Это слова, приписывающиеся Ипполиту Папе Римскому, Мефодию Патарскому, Палладию Мниху, Кириллу Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Ефрему Сирину. Так же к ним относятся такие произведения, как: «О пришествии Антихриста различные свидетельства», «Слово о антихристе» и «Поучение».

Зачастую усть-цилемские крестьяне переписывали не одно какое-то произведение, а делали подборки из различных понравившихся им сочинений о конце света, антихристе, мытарствах души после отделения ее от тела.

Одним из видных литературных деятелей старообрядчества является Исай Назарович. Открытие этого имени принадлежит сибирским исследователям. Исай Назарович являлся эсхатологом енисейского староверия – книжником часовенного согласия. Отправным моментом для пересмотра представлений о конце света послужило для него убеждение, что Антихрист совершенно не такой, как о нем говорят. При этом он не отвергает патристику полностью: в его сочинениях нередки традиционные отсылки к отцам церкви для доказательства своих умозаключений. Он считает лишь, что многие тайны нового времени, скрытые в священных текстах, оказались неправильно истолкованы, поскольку не пришло для этого время. «Старики и старухи! – взывает к старообрядческим авторитетам Исай Назарович. – Вы слыхали, нет, чего-нибудь о тайнах в Писании? Ведь в Писании есть тайны, и они до времени закрыты»[3].

Позднейшие христианские толкователи отводили первые три с половиной года завершающего человеческую историю семилетия проповеди Ильи и Еноха, которые будут посланы на землю для спасения избранных перед гибелью людского рода. Последние же три с половиной года отводились владычеству Антихриста, после того как он расправится с пророками. Затем принятый сценарий конца света предполагал решающую битву светлых сил с темными и второе пришествие Спасителя.

Эту условную схему Исай Назарович пытается заново наложить на реальную историю. Он полагает, что в ней необходимо, прежде всего, установить время прекращения «жертвы и приношения». Главной вехой в окончательном завоевании земли Антихристом, о которой говорили и писали староверы всех направлений, считалась у них русская церковная реформа 1650–1660-х гг. В основе этого представления лежала трехчастная схема отпадения мира в царство сатаны, разработанная в «Книге о вере» и популярная уже среди родоначальников старообрядчества. Разделение церкви на католическую и православную, отделение униатов и реформа патриарха Никона.

Исай Назарович, развивая это воззрение, которое в особенности исповедовала беспоповщина, сделал радикальные выводы и отнес время прекращения богослужения именно к 1666–1667 гг., когда на Церковном соборе были окончательно осуждены противники реформы. Пренебрежение к авторитетам своего согласия

было сравнимо с тем, что Исай Назарович отказался признавать давно выработанные христианским богословием представления об основных моментах завершения человеческой истории.

Ссылки на св. Андрея Кесарийского, Иоанна Златоуста и протопопа Аввакума, писавших о существовании закрытых до времени тайн, которые предусмотрительно делает Исай Назарович, не могли, конечно, закамуфлировать резкий разрыв с традиционной православной и старообрядческой апокалиптикой.

Исай Назарович ухитрился объединить оба воззрения. С одной стороны, он ссылается на мнение Иоанна Дамаскина о том, что Антихрист – это всякий, кто не исповедует Христа, а с другой – считает, что «при скончании мира» Антихрист появится и в плоти.

В соответствии со средневековой традицией 4-й истолковывается Исаем Назаровичем как Римское царство. Но Римская империя пала в 476 г. Вот на ее развалинах, рассуждает он, и возникли упомянутые Даниилом 10 рогов зверя – 10 европейских царств. Однако полной оригинальностью отличаются представления Исая Назаровича о трех рогах, или трех царях пророчества Даниила, погибших от малого, 11-го рога (его, вслед за традицией, книжник толкует как Антихриста). Это те три государства, которые титуловались как Римская империя, унаследовав, таким образом, символ власти старого Рима. К ним Исай Назарович относил империю Карла Великого, Священную Римскую империю германского народа и русскую монархию со времен Ивана Грозного, коронованного как наследник власти греческих императоров Нового Рима. Таким оригинальным способом он включает в свое сложное четвертое эсхатологическое построение популярнейшую в старообрядчестве русскую средневековую теорию о «Москве – Третьем Риме». Следуя этой теории, на русском царизме кончается все.

Однако объединяло европейские монархии в глазах Исая Назаровича не только римское наследие, но, как, ни странно, их формационная сущность. Он настойчиво подчеркивал, что все «10 рогов» – монархии феодальные. Скорее всего, Исай Назарович пользовался в своих исторических исследованиях советскими учебниками, а не Хронографом, более приличным источником древнерусской культуры для старовера. Но в 1970-е гг. учебники были намного доступнее, чем Хронографы, которых после всех карательных акций почти не осталось.

Теория Исая Назаровича встретила дружное негодование и отпор у большинства енисейских часовенных во главе со скитскими старцами. Его радикальные богословские новации слишком резко разрывали с древнерусской и старообрядческой традицией, но общая концепция человеческой истории и ее конца и у этого писателя 1970-х гг. все же традиционно ориентирована на постулаты Ветхого и Нового Заветов.

Отдельным жанром старообрядческой литературы являются видения. Это один из древнейших жанров в христианской литературе в целом и в древнерусской – в частности, но исследований, посвященных его истории в средневековой европейской литературе, немного. Итоги изучения жанра видений в древнерусской литературе на сибирских материалах подвела Е. К. Ромодановская, опиравшаяся, в свою очередь, на статьи В. О. Ключевского, М. О. Скрипиля, Н. И. Прокофьева, которые рассматривали отдельные вопросы поэтики и истории видений. Е. К. Ромодановская в целом соглашается с предложенным В. О. Ключевским определением этого жанра: «Видение – обыкновенно резкая обличительная проповедь с таинственной обстановкой, вызванная ожиданием или наступлением беды, призывающая общество к покаянию и очищению, плод встревоженного чувства и набожно возбужденного воображения» и дополняет наблюдения предшественников, утверждая, что не все видения являются «публицистичными»[4]. По ее мнению, синонимом к термину «видение» является слово «явление». По наблюдениям Е. К. Ромодановской, в рассказах о видениях сибирских крестьян чаще всего повествовалось о том, как к ним являлись те или иные представители христианского пантеона. Смысл крестьянских рассказов о видениях – «исключительно пропаганда общехристианских истин, отстаивание старой одежды и запрет табакокурения и матерной брани». В целом, как считает Е. К. Ромодановская, сюжетная структура рассказов о видениях сибирских крестьян во многом сходна с сюжетной структурой западноевропейских видений.

Старообрядческие рукописные сборники в большинстве своем были богослужебного и духовно-нравственного содержания. Они выделяются в значительный слой памятников, которые можно объединить в группу «Книги Священного писания». Это выписки из Библии, Евангелия, Апостолы. В первом периоде создавались в основном рукописи «служебного» характера для общественного и частного богослужения. Разновидностью богослужебной литературы является певческая. Именно этот тип литературы был обогащен великолепными орнаментами и так же был очень распространен среди старообрядцев. Об этом говорит то, что в Российской национальной библиотеке именно

певческая литература занимает обширный пласт среди старообрядческого собрания.

На руках у городского населения находились такие богослужебные книги, как: «Тропари», «Службы святым», «Молитвенники», «Каноны», «Псалтыри» и тому подобное.

«Проучки» – это упражнения, которые являются одним из самых характерных разделов поздних старообрядческих музыкально-теоретических руководств XVIII–XX вв. – приметой Нового времени. Можно выделить следующие формы изложения «проучек», использовавшиеся в уральских певческих азбучных сборниках:

– Таблицы, построенные по невменно-звукорядному принципу.

– «Проучки» по ступеням церковного звукоряда, традиционно изложенные крюками.

– Распетый алфавит.

– «Проучки» и система церковного звукоряда, оформленные в виде лествицы.

К «проучкам» также примыкают музыкально-текстовые иллюстрации для изучения осмогласия. Они представляют собой образцы песнопений на 8 гласов. Считается что, первой формой изложения были таблицы, построенные по невменно-звукорядному принципу.

Часто встречается тип сборников, который называется «Цветник». Заглавие книги намекает на ее содержание; по заглавию, она содержит в себе ученее о таинстве крещения и прочих благодатных преданиях. Под благодатными преданиями здесь подразумевается собрание важнейших верований старообрядцев. Каждое верование, как цветок, собрание которых и есть цветник. Составлены они, как правило, неизвестными авторами на основании свидетельств из старопечатных и раскольнических рукописных книг. Составители Цветников не полагаются на свой авторитет, от своего лица не высказывают ничего, но тенденции свои прикрывают авторитетом святых отцов и древнеправославной церкви. В массе разнородных выписок состав Цветника трудно делится на главы. Если одну главу сопоставлять с другой, предание древнее с новым, то и сопоставления не везде выдерживаются, чаще всего мнения старообрядцев всех оттенков перемешиваются, под видом древнего предания.

В рукописном отделе РНБ богослужебные книги занимают большинство. В основном это рукописи XVIII–XIX вв. Вот несколько примеров: Требник, или Евхологий, т. е. Молитвослов. Список с Московского печатного издания 1689 г. (начало XVIII в.), Тропарь Успению богородицы (XVIII в.), Церковные службы на некоторые праздники. 9 глав (XVIII в.), Чин молебна в царские дни (1761–1764 гг.) и многие другие.

Репертуар поздней старообрядческой книги, как мы видим, очень велик. Безусловно, он связан с ранней старообрядческой и древнерусской православной книгой. Сам факт существования рукописной книги в России после введения книгопечатания – феномен, которому есть очень много объяснений. Но важно то, что сохраненные традиции рукописной книги живут в нашей стране и по сей день.

Поморье и Сибирь являются основными центрами поздней старообрядческой рукописной книги, которые сыграли важнейшую роль в том, что эта культура до сих пор жива. Именно там создаются современные старообрядческие рукописи.

Примечания

[1] Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого; История о патриархе Никоне. СПб.: Рус. симфония, 2006. С. 8.

[2] Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 157.

[3] Уральский сборник: История. Культура. Религия: к 25-летию Урал. объед. археогр. экспедиции. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. С. 74.

[4] Там же. С. 167.

УДК 002.2:011(470)"1917/1921"

Г. В. Михеева

Учетно-регистрационная и издательско-книготорговая библиографическая периодика в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.)

В первое послереволюционное пятилетие, характеризующееся дестабилизацией печатного и издательского дела, была нарушена система регистрации выходившей литературы. Тем не менее продолжалось издание старейшего библиографического журнала «Книжной летописи» – основы государственной регистрации. В Берлине на страницах «Русской книги», издаваемой А. С. Ященко, печаталась «Книжная летопись» русской зарубежной печати. Одной из наиболее многочисленных групп библиографической периодики в этот период была издательско-книготорговая периодика. Небольшие по объему и непродолжительные по срокам выхода издательско-книготорговые журналы во многих случаях выполняли и рекомендательные функции. В рассматриваемый период велись поиски наиболее оптимальной структуры и программы книготроговой периодики в стране.

Ключевые слова: библиографическая периодика, журналы издательские, журналы книготорговые, учет печатной продукции в 1917–1921 гг.

Galina V. Mikheeva

Bibliographic serials of accounting, registration, publishing and book trade in Russia in the first post-revolutionary five-year period (1917–1921)

Accounting registration and publication and bookselling bibliographic periodicals in Russia in the first five years post-revolutionary (1917–1921), characterized by the destabilization of the printing and publishing industry has been broken registration system of the literature. Nevertheless, continued publication of bibliographic oldest magazine «Knizhnaja letopis» created the basis of registration. In Berlin, the pages of «Russkaja kniga» published by A. S. Yaschenko, printed «Book chronicles» of Russian foreign press. One of the largest groups of bibliographic periodicals in this period was the publishing and book-selling periodicals. Small scale and short time-bound exit publishing and book-selling magazines in many cases performed and recommendatory functions. In the period under review were searched the most optimal structure and programs of book-selling periodicals in the country.

Keywords: bibliographic periodicals, publishing, magazines, magazines of book trade, control of printed materials in the 1917–1921

Развитие книжного дела в предреволюционной России, создание крупных издательских фирм привели к стремительному росту повременных библиографических листков, бюллетеней, журналов, продолжающихся сборников рецензий и рефератов, рекомендательных библиографических периодических изданий. В пестрой разнородной массе продолжающихся библиографических изданий, большинство из которых существовало непродолжительное время, к 1917 г. наблюдалась определенная тенденция, проявившаяся в тяготении к типизации изданий, в стремлении к структурной четкости и определенности, в дифференциации по содержанию, целевому и читательскому назначению. Тем не менее к этому времени еще не сложилась строгая классификация периодических библиографических изданий, и их можно лишь условно разделить на несколько не равных по величине и значению групп. Отдельные журналы вполне обоснованно могут быть отнесены к двум и более группам, но некоторые в полной мере не входят ни в одну из перечисленных групп. В целом библиографическую периодику рассматриваемого периода можно классифицировать следующим образом[1].

Учетно-регистрационная библиографическая периодика

Учетно-регистрационная библиографическая периодика была представлена в течение всего периода журналом «Книжная летопись» издание которой Главным управлением по делам печати с июля 1907 г. стало величайшим завоеванием в области русской библиографии дореволюционного периода.

Орган текущей государственной библиографии появился в связи с настойчивыми требованиями научных, книготорговых и общественных организаций о коренном улучшении текущей регистрации новой литературы в России и был

прямым следствием Первой русской революции 1905–1907 гг. В любой период своего существования «Книжная летопись» являлась «зеркалом печати» своего времени.

Нельзя не согласиться со справедливой оценкой К. Н. Дерунова, назвавшего «Книжную летопись» «самым ценным приобретением русской новейшей (с конца 70-х гг. (XIX в. – *Г. М.*)) специальной журналистики и всей библиографии нашей вообще»[2].

«Книжная летопись» – старейший библиографический журнал страны – обладала несомненными достоинствами по сравнению с предшествующим практически неупорядоченным или эпизодическим учетом. «Летопись» отличала достаточная полнота регистрации, единообразное библиографическое описание, строгая еженедельная периодичность выхода, постоянство структуры и связанная с этим простота использования, наличие различных указателей. За предреволюционный период (1907–1917 гг.) «Книжная летопись» в целом отразила 266 тыс. названий книг и периодических изданий, опубликованных в России, тиражом свыше миллиарда экземпляров. Учитывалась литература на 85 языках[3].

Система государственной текущей библиографии опиралась на весьма пунктуально соблюдавшийся закон об обязательном экземпляре и, по оценке тогдашнего редактора А. Д. Торопова, обладала в тот период многими преимуществами по сравнению с постановкой учета в странах Западной Европы по полноте, точности, набору библиографических сведений об издании[4].

Особое значение в истории государственной общей текущей библиографии в России имеет сравнительно небольшой хронологический отрезок времени (февраль 1917 г. – 1921 г.). В этот период были не только сохранены все дореволюционные завоевания в области текущей библиографии, но произошли ее существенные изменения, связанные с важными историческими событиями в нашей стране.

Если до февраля 1917 г. текущей задачей библиографии была в первую очередь организация государственного наблюдения за книгораспространением в России, т. е. она была официальным органом цензуры, и лишь во вторую – имела информационно-библиографические функции, то затем с упразднением Главного управления по делам печати, находившегося в ведении Министерства внутренних дел[5], и учреждением Книжной палаты охранно-надзирательные функции «Книжной летописи» отпали[6].

Ряд явлений, происшедших в результате Февральской революции, носил характер общедемократических преобразований. К числу таковых следует отнести и создание 27 апреля 1917 г. Книжной палаты, продолжившей издание «Книжной летописи», начисто лишенной с этого времени охранно-надзирательных функций[7].

Сложность межреволюционного периода, государственная нестабильность, дестабилизация печатного и издательского дела в стране, постоянные сбои в работе почтовой и железнодорожной сети, наступившие еще в период Первой мировой войны, нарушали доставку обязательного экземпляра, что вызвало огромные сложности с регистрацией выходящих произведений печати. Эта ситуация не только не улучшилась, но скорее усугубилась после Октябрьской революции.

Как известно, утверждение советской власти на местах происходило не одновременно, отношение в разных частях страны к новому правительству также было неоднозначно. К существовавшим сложностям добавились контрреволюционные выступления и саботаж значительной части интеллигенции; начавшаяся Гражданская война еще более нарушала доставку обязательного экземпляра, тем самым ухудшив положение общей текущей библиографии. Из-за этих сложностей издание «Книжной летописи» временно было приостановлено. Несмотря на объявленную государственную поддержку и передачу Книжной палаты в конце ноября 1917 г. в ведение народного комиссара по просвещению, реальной практической помощи в налаживании государственной регистрации новая власть оказать в этот период не могла. Книжная палата не справлялась в полной мере с поставленными перед ней задачами.

Коренным, обусловленным Октябрьской революцией, поворотным пунктом в развитии всей библиографии в стране, в том числе и государственной регистрационной библиографии, явился декрет Совнаркома «О передаче библиографического дела в РСФСР Государственному издательству», подписанный В. И. Лениным 30 июня 1920 г. Однако с создания Российской центральной книжной палаты в Москве и передачей в ее ведение издания «Книжной летописи», действительно новый период по-настоящему государственной текущей библиографии в нашей стране, начинается не сразу. Конец 1920 г. и весь 1921 г., по сути, продолжают период становления государственной системы регистрации[8]. Лишь с 1922 г. «Книжная летопись» постепенно становится подлинно советским органом общей регистрационной библиографии. Как отметил Б. А. Семеновкер, «„Книжная летопись“ прошла испытание во время революций в 1917 г. и Гражданской войны и осталась для российского

общества одной из основ государственности и национальной культуры»[9].

Уникальная ситуация в этом отношении в рассматриваемый период сложилась в русском зарубежье. В берлинском журнале А. С. Ященко «Русская книга» («Новая русская книга») (1921–1923) имелся специальный раздел, озаглавленный «Книжная летопись». В течение трех лет этот журнал являлся своеобразным органом учетно-регистрационной библиографии русского зарубежья.

Главная задача, которую ставил перед собой А. С. Ященко, – учесть книги на русском языке, вышедшие вне Советской России за период с 1918 по 1923 г. В 23 выпусках данного раздела зарегистрировано 3066 названий книг русского зарубежья. Учитывая, что в советской «Книжной летописи» этого периода сведения о русской эмигрантской литературе вообще не приводились и не фиксировались, берлинская «Книжная летопись» Ященко, сколь бы неполной она ни была[10], является, по сути, единственной в тот период текущей библиографией русской зарубежной печати[11]. С точки зрения библиографии, это был принципиально новый для того времени подход – учет изданий, созданных уроженцами территории, которую занимает данное государство (независимо от того, где они проживают).

Материал в берлинской «Летописи» расположен по разделам, внутри разделов – по алфавиту фамилий авторов и заглавий безавторских произведений. Деление на одни и те же разделы не было четко выдержано из номера в номер: в зависимости от количества материала они были то более дробными, то объединялись. В целом прослеживается следующая схема деления на разделы (приводятся в порядке следования и в том виде, как они даны в берлинской «Летописи»):

– беллетристика, стихи и детская литература;

– политика, экономика, философия, юриспруденция, история, книги по искусству;

– естественные науки, техника, сельское хозяйство, медицина;

– учебники, справочники, смесь.

Прежде чем в эмиграции возникли первые специальные библиографические центры[12] и были созданы первые крупные библиографические труды, ретроспективно отразившие литературу русской эмиграции[13], в Берлине в течение трех лет Ященко не только призывал к сохранению единства русской культуры со страниц своего журнала, но своим изданием сам прежде всего осуществлял это единство, в частности, регистрируя русскую зарубежную литературу. Он отчетливо понимал, что «какая бы власть ни утвердилась в России… ей придется работать над воссозданием и возрождением России…»[14]. Учет литературы на страницах своего журнала он считал задачей большой культурной важности. Осознавая свою историческую ответственность перед будущей Россией, Ященко писал: «Будущий историк найдет в этих суждениях богатый материал по истории нашей эмиграции и духовных течений русского общества за годы революции. Значительнейшие силы журналистики и литературы принимали участие в зарубежной прессе. И хотя в ней много нелепого, фантастического, злобного и ошибочного, но немало в ней было сохранено и ценного, вдумчивого, результатов напряженной мысли, горячей любви к родине, большой сердечной тоски и холодных наблюдений ума»[15].

Хотелось бы присоединиться к этой оценке и добавить, что берлинская «Книжная летопись» – бесценный источник сведений о литературе русского зарубежья первого послереволюционного пятилетия.

Издательско-книготорговая библиографическая периодика

По количеству названий – это одна из наиболее значительных групп библиографической периодики в тот период.

В числе продолжавших выходить в рассматриваемый период издательско-книготорговых библиографических журналов следует назвать «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольфа» (издавались с 1897 г.) и «Книжные новости» А. С. Суворина (выходили с 1897 г.). Оба они прекратили свое существование в 1917 г. Наиболее значительный из них – торгово-библиографический журнал «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф». Наряду с коммерческими задачами, журнал давал своевременную и обширную информацию о вновь вышедших и печатавшихся книгах. Регулярно издавались «Систематические каталоги книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф», знакомившие не только с печатной продукцией самого Товарищества, но и с богатым ассортиментом его магазинов. Распространенные и популярные в широких читательских кругах «Известия» Вольфа вплоть до марта 1917 г. в течение двух десятилетий давали читающей публике возможность следить за всем, что происходило в области издательского и книжного дела в России и за рубежом.

Уже в 1918 г. созданное на основе национализированного Контрагентства А. С. Суворина Контрагентство ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предпринимает издание «Бюллетеня» своей печатной продук-

ции, который готовил информационный отдел. На втором выпуске «Бюллетень» прекратился, тем не менее это была первая попытка в организации централизованной информации о новой литературе.

Организаторами новых библиографических журналов, выходивших в 1918–1919 гг., выступили кооперативные издательства.

С 1918 г. начался выпуск журналов «Известия и труды Центросоюза» и «Книжник: известия Центрального книжного склада ВЦСПО» (вышло 8 номеров в 1918 г. и 4 номера в 1919 г.), также относящихся к числу издательской библиографической периодики.

Московское товарищество «Кооперативное издательство» в том же 1918 г. предприняло издание ежемесячного журнала «Книга», «посвященного вопросам практического книговедения и книжной торговли» (вышло 7 номеров). Издание этого журнала началось на основании решений Первого кооперативного съезда, прошедшего в Москве с 18 февраля по 5 марта 1918 г., где было решено объединить усилия кооператоров по организации Центрального книжного склада, книжного магазина и выработать единую стратегию для кооперативных издательств в сфере книжной торговли. Выход журнала «Книга» был положительно отмечен в периодике[16], на его страницах, как и в 1909 г. на Первом съезде книгопродавцев и издателей, прежде всего поднимался вопрос о создании единого книжного каталога, отражающего ассортимент книжного рынка в целом[17], но пока регулярно помещались «подвижные каталоги» Совета Всероссийских кооперативных съездов и Центрального книжного склада «Кооперативного издательства»[18]. При этом широко рекламировалась в виде списков книгоиздательская продукция других издательств: издательства Петроградского союза работников потребительских обществ, Петроградского книгоиздательства кооперативной литературы «Мысль», издательств «Народное право», «Пахарь», «Сеятель», «Творчество», «Свобода и культура», книгоиздательство «Товарищество В. В. Думнов, н[аследни]ки бр[атьев] Салаевых», книгоиздательство «Задруга» и др.

Издательская продукция культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний», специализировавшегося на выпуске книг по педагогике, школьной и внешкольной детской литературе, была представлена в «Известиях» этого товарищества, выходивших в 1918 г. (5 номеров в трех выпусках) и 1919 г. (2 номера в одном выпуске). Вместе с тем редакция «Известий» намеревалась отмечать «все более или менее отрадные события в области книжного и издательского дела»[19].

Наибольшего внимания из перечисленных заслуживают журналы «Книга» и «Книжник». По мнению Т. Ю. Лопатиной, «они в какой-то мере явились переходным звеном от дореволюционных книготорговых журналов к журналам советского времени»[20]. В журнале «Книга» освещалась не только практика книготорговли, но и некоторые исторические и теоретические вопросы книжного дела. В статьях, посвященных технике торгового дела, делались небезынтересные попытки обобщения и подведения теоретической базы (например, в указанной статье Н. П. Ложкина «Книжный каталог для практических нужд книгопродавца»). Программа журнала была обширной: предполагалось, что в нем будут публиковаться законы, циркуляры, статьи, сообщения по книжному делу, хроника, информация о появлении и ликвидации издательств и книжных магазинов. В связи с недолгим сроком существования журнала в полной мере эту программу выполнить не удалось.

В известной мере объединяющие функции по рекомендации книг, удовлетворении потребностей местных деятелей, занятых культурно-просветительной работой, взял на себя Всероссийский центральный союз потребительских обществ (ВЦСПО). В мае 1918 г. ВЦСПО начал издание журнала «Книжник: Известия Центрального книжного склада ВЦСПО», в первом номере которого охарактеризованы цели и программа журнала и выделены задачи Бюро по рекомендации книг[21]. Прежде всего сотрудниками Бюро делались «возможно широкое изучение книжного рынка» и «распространение книги (своей и выявленной на рынке. – *Г. М.)* среди клиентуры книжного склада Центросоюза»[22], т. е., как видим, эта организация преследовала исключительно книготорговые задачи. Наряду с этим Бюро по рекомендации книг занималось изучением запросов читателей, их информационных потребностей, а в одном из разделов журнала «Книжник» рецензенты-специалисты публиковали развернутые отзывы на литературу по самым разным областям знания, а также приводились целые списки изданий на ту или иную тему. Это был чисто рекомендательный раздел в рамках книготоргового периодического издания. В нем были опубликованы: «Библиотечки популярной литературы по общественно-политическим вопросам» (1918. № 1), «Экономическая библиотека кооператора» (1918. № 5/6), «Литература по искусству» (1919. № 1/2), «Кооперативные календари на 1919 г.» (1919. № 3/4).

Характерной особенностью журнала «Книжник» стала прежде всего работа с книгой на селе

и обращение в первую очередь к сельским читателям. В этом журнале также публиковались теоретические статьи и заметки, посвященные «упорядочению» книготорговой практики: А. В. Меркулова «Русская кооперативная пресса»[23], Н. Блинова «Книга и кооперация»[24], А. Эфроса «Эстетика демократической книги»[25], И. Владиславлева «О каталоге общедоступной библиотеки»[26] и др.

Эти журналы, признавая возросшую общественную роль книги, ставили своей целью активную помощь культурно-просветительным работникам и деятелям народного просвещения, стремились способствовать в меру своих возможностей и в соответствии со своим идеологическим кредо распространению печатной продукции просветительского, общедемократического плана. Далекие от социалистической идеологии, они не получали поддержки от новой власти, и к 1919 г. их издание прекратилось.

Особняком в этой группе стоят 3 журнала. Прежде всего это книготорговый журнал «Вестовой», издававшийся с 1897 по 1918 г. (в 1918 г. – «Библиографический вестник товарищества „В. А. Березовский“»), сочетавший функции издательско-книготорговой периодики, критико-библиографического журнала и органа учетно-регистрационной библиографии в области военной книги в течение длительного периода.

Еще в 1879 г. старший адъютант штаба гвардейского корпуса В. А. Березовский, основавший первое военное издательство, приступил к изданию книготорговых каталогов. С 1892 г. к этим каталогам стали издаваться ежемесячные дополнения, с 1894 г. сформировавшиеся в ежемесячный библиографический журнал «Вестовой конторы и склада В. А. Березовского». Название журнала по мере выхода в свет менялось: в 1897–1917 г. он назывался «Вестовой», затем после смерти В. А. Березовского в 1917 г. журнал в 1918 г. получил название «Библиографический вестник товарищества „В. А. Березовский“»[27]. Журнал преследовал прежде всего рекламные цели, а также информировал читателей о новых русских и иностранных военных книгах: публиковал списки статей военного содержания, помещенных в периодических изданиях, рецензии на труды военных писателей, тематические списки литературы по отдельным вопросам военного дела и другие библиографические материалы[28]. В известной мере журнал выполнял и учетно-регистрационные функции в области военной книги непрерывно в течение длительного периода (с 1894 по 1917 г.) и на долгие годы, как отмечали специалисты, «не утратил своего практического значения»[29].

Продолжалось издание этого журнала и в первые два года рассматриваемого периода. «Русская военная литература» учтена в № 237–241 за 1917 г.[30] Всего представлены сведения более чем о 170 названиях книг, брошюр, наглядных пособий за 1916–1917 гг. В каждом номере журнала имелись разделы «Вышли новые издания» и «Обзор новых изданий», в которых сообщалось о новинках литературы по военному делу. Публиковались и тематические списки по истории войн (например, «Книги о Кавказе» – по истории кавказских войн за 1886–1913 гг.[31]). Особое внимание журнал уделял литературе о продолжавшейся Первой мировой войне. В 1917–1918 гг. из номера в номер публиковались библиографические списки «Война народов 1914–1917 гг.»[32], в целом за эти два года учтены около 250 названий книг, брошюр и периодических изданий.

Другой журнал «Вестник технической литературы: библиографический справочник изданий по технической литературе» книжного магазина Г. В. Гольстена (выходил в 1900–1917 гг.) также сочетал функции издательско-книготоргового журнала и органа учетно-регистрационной библиографии в широко понимаемой области техники.

Третий журнал – «Бюллетень Научного химико-технического издательства», выходивший в Петрограде в 1917–1918 гг. (выпущено 19 номеров). Отражая продукцию определенного издательства, при этом журнал фактически представлял собой орган учета литературы по химии и химико-техническим прикладным знаниям.

В 1920 г. Госиздат предпринял попытку издания журнала «Книжный мир», в первом и единственном номере которого содержалась с подробными аннотациями издательская продукция этого издательства. На этом журнал прекратил свое существование.

Новым советским издательско-книготорговым журналом, сыгравшим большую роль в становлении советской книгоиздательской библиографии, стал «Бюллетень Госиздата», первый номер которого вышел 30 июля 1921 г. В каждом из его номеров, наряду с распоряжениями, циркулярами и другими документами, приводились списки новых изданий. Так, в приложении к № 9 за 1921 г. приведен список новых изданий, вышедших в Москве (9 названий книг и периодики), и список зарубежных изданий (92 названия иностранных книг, изданных на немецком, английском и французском языках)[33]. В 1921 г. стали появляться и бюллетени местных отделений Госиздата. Одним из первых начал выходить «Бюллетень Казанского отделения Госиздата», в первый номер которого был включен список

новых книг[34]. В дальнейшем «Бюллетень Госиздата» стал важнейшим средством книготорговой библиографической информации 1920-х гг.[35]

Годом раньше Сельскохозяйственный отдел Госиздата предпринял попытку издавать «Известия Сельскохозяйственного издательства», в 1920 г. вышло 7 номеров этих «Известий», отразивших продукцию указанного издательства, которое тогда же влилось в Госиздат. На этом издание «Известий» прекратилось, а издательская продукция сельскохозяйственного профиля теперь печаталась в «Бюллетене Госиздата».

Остальные небольшие по объему и непродолжительные по срокам выхода издательско-книготорговые библиографические журналы этого периода содержали перечни книг чаще всего одного определенного издательства или книжного магазина[36] либо родственных издательств и издательских объединений. Основной их целью было упорядочить книжное обращение, информировать читателей об ассортименте своей издательской продукции и организовать посредничество между читателем и издателем. С учетом того, что для значительной части рассматриваемого периода характерна была бесплатность распределения издательской продукции, неизмеримо возрастала информационная значимость подобных журналов, и фактически было сведено на нет их книготорговое значение. Изменение функциональной составляющей этих периодических изданий приводило к тому, что общее число издательско-книготорговой периодики в первое послереволюционное пятилетие практически не сократилось по сравнению с предшествующим периодом. Так, по данным М. В. Машковой, с 1901 по 1917 г. в России выходило 47 названий книготорговых библиографических изданий[37]. В 1917–1921 гг. подобных изданий насчитывалось не менее 15. В этот период велись интенсивные поиски наиболее оптимальной структуры и программы издательско-книготорговых журналов.

Примечания

[1] В определении понятия «библиографические журналы» автор пользуется наработками О. Л. Бугровой, которая при типизации библиографической периодики определяет ее как совокупность «полифункциональных многосферных периодических изданий, дающих библиографическую информацию в расчете на разнообразную аудиторию. <…> библиографические журналы относятся к группе информационных изданий, основным содержанием которых является вторичная информация о произведениях печати и которые предназначаются для целенаправленного управления информационными потребностями в процессе общественно-практической деятельности» (Бугрова О. Л. Становление и развитие советской библиографической журналистики в 1917–1929 гг.: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 1982. С. 8).

[2] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии: (Итоги и уроки прошлого рус. библиогр. за 200 лет) // Библиогр. изв. 1913. № 2. С. 114.

[3] «Книжная летопись» // Нива. 1917. № 3. С. 48.

[4] Материалы к истории «Книжной летописи» / публ. Л. М. Равич // Тр. / ЛГИК. 1958. Т. 4. С. 303.

[5] С февраля 1917 г. по апрель включительно (с № 9/10 по № 19 за 1917 г.) до создания Книжной палаты «Книжная летопись» выпускалась Особой комиссией по ликвидации Главного управления по делам печати и не являлась органом надзора.

[6] Об учреждениях по делам печати: постановление Врем. правительства 27 апр. 1917 г. // СУ. 1917. 15 (28) мая, № 109. Ст. 598. С. 948–950. Перепечатано многими периодическими изданиями того времени. См., например: Библиогр. изв. 1917. № 1/2. С. 76–78 (хроника).

[7] Подробно о создании Книжной палаты в Петрограде см.: Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.). СПб., 2006. Ч. 1. С. 41–46.

[8] Подробно об издании «Книжной летописи» в 1917–1921 гг. см.: Михеева Г. В. Указ. соч. С. 49–65, 166–179.

[9] Семеновкер Б. А. Государственная библиография России. XVIII–XX вв. Гл. 6. Март 1917 – июнь 1920 г. (продолжение) // Библиогр. 1999. № 1. С. 36.

[10] В рецензии на первый номер «Новой русской книги» за 1922 г. Л. К. Ильинский отмечал: «„Новая русская книга“, как книжная летопись, еще не достигла желаемой полноты. Около нее не сгруппировалась еще вся зарубежная печать» (Ильинский Л. К. [Рец. на изд.]: Новая русская книга. Ежемес. критико-библиограф. журн. под ред. проф. А. С. Ященко. № 1. Январь. 1922 г. Изд. И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922. Стр. 1–52+20 ненум. // Библиогр. листы Рус. библиол. о-ва. 1922. № 2. С. 24. Подп.: Л. И.). Указывал на отсутствие полноты сведений и сам Ященко (Рус. кн. 1921. № 1. С. 40).

[11] Сохранились некоторые сведения о попытках текущего учета в эмиграции в тот период украинских зарубежных изданий. По сведениям, приведенным М. И. Ясинским, в 1921 г. товарищество «Бистрице» начало издавать в Станиславе журнал «Книжка», в котором печатались списки новых украинских зарубежных изданий. В том же году в Видине Союз украинских издателей выпустил один номер журнала «Книга», где был напечатан список украинских изданий за 1918 г. (Ясинський М. І. Головні моменті з історії української бібліографії. Київ, 1927. Ч. 3. С. 7–8).

[12] В конце 1923 г., например, в Праге был основан Комитет русской книги. О нем см.: Варшавский С. Библиографические учреждения Праги // Славян. кн.: месячник славян. библиогр. 1925. Вып. 9. С. 151; Его же. Комитет русской книги: (очерк задач и деятельности) // Русская зарубежная книга. Прага, 1924. Ч. 1. С. 5–17.

[13] Русская зарубежная книга: изд. Ком. рус. кн. Прага, 1924. Ч. 1–2 (в этот указатель были включены сведения о 3666 книгах и 611 названиях периодических изданий, что свидетельствует о широкой издательской деятельности

русской эмиграции в этот период); Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. / сост.: М. П. Кадиш и В. А. Гольденберг. Берлин, 1924. Подробно о библиографических изданиях, учитывающих литературу русского зарубежья, см.: Kulikowski M. A neglected source…: the bibliography of Russian Emigré publications since 1917 // Solanus. N. S. 1989. Vol. 3. P. 89–102; Шаховской Д. М. Библиография Русского зарубежья // История и историки. М., 1995. Вып. 2. С. 389–410.

[14] Ященко А. С. Книга и возрождение России // Рус. кн. 1921. № 4. С. 1.

[15] Его же. Литература за пять истекших лет // Нов. рус. кн. 1922. № 11/12. С. 2.

[16] Наша Родина. 1918. 6 мая, № 6. С. 4; Свобода России. 1918. 10 мая, № 32. С. 6.

[17] См об этом: Ложкин Н. П. Книжный каталог для практических нужд книгопродавца // Книга. 1918. № 3/5. Стб. 67–70.

[18] Там же. № 1/2. Стб. 35–56; № 3/5. Стб. 99–114; № 6/7. Стб. 197–220 (в целом около 1600 названий книг).

[19] От редакции // Изв. культ.-просвет. т-ва «Начатки знаний». 1918. № 1. С. 1.

[20] Лопатина Т. Ю. Советские книготорговые журналы: (обзор) // Кн. торговля: исслед. и материалы. М., 1974. Сб. 2. С. 164.

[21] Книжник. 1918. № 1. С. 4.

[22] Там же.

[23] Там же. 1918. № 2/3. Стб. 3–8.

[24] Там же. № 7/8. Стб. 3–10.

[25] Там же. 1919. № 1/2. Стб. 2–8.

[26] Там же. Стб. 7–14.

[27] Подробнее о В. А. Березовском и его издательской и книготорговой деятельности см.: Яковкина З. В. Основоположник военной книготорговой библиографии в России: к 130-летию со дня рождения В. А. Березовского // Совет. библиогр. 1982. № 3. С. 58–65.

[28] Например, в исследуемый период в 1917–1918 гг. во многих номерах журнала «Вестовой» помещались списки «Современная русская литература» с подзаголовком «по частным сведениям», в которых были перечислены новинки по всем областям знания. В № 243 «Вестового» был опубликован обзор «Революция и книга. 26 февраля 1917 г. – 10 марта (25 февраля) 1918 г.» Н. П. Вишнякова. Вышли списки литературы по скаутизму (в № 244), список рассказов В. А. Потто по русской военной истории (в том же номере), по русским смутам (в № 245) и др.

[29] Волков Е. Т. Русская военная библиография XIX – начала XX в. // Совет. библиогр. 1959. № 3. С. 50.

[30] Вестовой. 1917. № 237. С. 15–16; № 238. С. 31–32; № 239. С. 47; № 240. С. 63–64; № 241. С. 81–82.

[31] Там же. 1918. № 244. С. 22–23.

[32] Там же. 1917. № 237. С. 8–9; № 238. С. 28; № 239. С. 37–38; № 240. С. 57–58; № 241. С. 74–75; № 242. С. 86–87; 1918. № 243. С. 11–12; № 244. С. 26; № 246. С. 56.

[33] Бюл. Глав. упр. Гос. изд-ва. 1921. № 9, прил. С. 15–18.

[34] 1921. № 1. С. 7–31. Около 400 названий книг и периодики за 1919 и 1920 гг.

[35] Подробнее о нем см.: Осипов В. Наши предшественники // Кн. торговля. 1971. № 3. С. 60.

[36] Примером подобного издательско-книготоргового журнала может стать единственный номер «Бюллетеня Книжного магазина „Задруга“», выпущенный в декабре 1921 г. и более не выходивший.

[37] Машкова М. В. История русской библиографии начала XX в. (до октября 1917 г.). М., 1969. С. 365.

УДК 001.4

А. В. Куманова

Универсальное – гуманитарное – эпистемиологическое знание (Естественная классификация. Международная библиография. Идея мирового культурного объединения)

Единая интенциональная ризома информационных кодов знания позволяет нам видеть рациональную сущность, состоящую из множества сущностей: 1) универсальное – гуманитарное, философско-научное эпистемиологическое знание (episteme) состоит из всех знаний; 2) в ряде исследований древности перед нами вновь предстает знание, являющееся давно утраченным – утерянным – lost. Принято выделять следующие виды знания: явное (формализованное, дискретное, естественное, соответствующее) – explicit (formalized, discreet, natural, common); неявное (молчаливое), подразумеваемое – implicit (tacit); научное (рациональное) – scientific (rational); скрытое (мистическое, эзотерическое, агностическое, трансцендентальное, присутственное, оккультное) – hidden (mystical, esoteric, agnostic, transcendental, presence-knowledge, knowledge by presence, occult).

Ключевые слова: эпистемиологическое знание (episteme) – техническое знание (techne) – явное (формализованное, дискретное, естественное, соответствующее) знание – неявное (молчаливое), подразумеваемое знание – научное (рациональное) знание – scientific (rational); скрытое (мистическое, эзотерическое, агностическое, трансцендентальное, присутственное, оккультное) знание – методология гуманитарного знания – понятие «антропология» – проблематика антропологии как науки (религиозное – атеистическое) – гуманитарное знание – гуманитарные науки (неестественные науки) – многомерная система знания

Alexandra V. Kumanova

Universal – humanitarian – epistemological knowledge (Natural classification. International bibliography. Idea of world-wide cultural integration)

Through the global intentional rhizome of the information codes of the knowledge is observed the rational nature, structured by many substances, differentiated on the basis of the diversification: 1) the universal – humanitarian, philosophical – scientific epistemological knowledge (episteme) is composed by all knowledge; 2) in numerous studies in the Antiquity was rediscovered a knowledge which has been quite a while ago lost. One could mark the following kinds of knowledge: explicit (formalized, discreet, natural, common); implicit (tacit); scientific (rational); hidden (mystical, esoteric, agnostic, transcendental, presence-knowledge, knowledge by presence, occult).

Keywords: epistemological knowledge (episteme) – technological knowledge (techne) – explicit (formalized, discreet, natural, common) knowledge – implicit (tacit) knowledge – scientific (rational) knowledge – hidden (mystical, esoteric, agnostic, transcendental, presence-knowledge, knowledge by presence, occult) knowledge – methodology of the humanitarian knowledge – notion anthropology – problematic of the anthropology as a science (religious – atheistic) – humanities – humanities (nonscience) – multi-dimensional system of knowledge

Знание делает человека тем, о чем он знает
Упанишады

Интенциональная ризома. Сегодня проблема нахождения определения информации превращается в ноосферическую[1], гуманитарную, когнитологическую проблему, связанную с построением интенциональной[2] ризомы[3] из ответов на вопросы, касающиеся существующих картин информационного мира (реальности и сознания) человека как биологического и социального феномена. Отношения между информационными реалиями могут быть представлены как существование множества крайних материальных и идеальных элементов (рудиментов), по-разному интерпретируемых в различных концепциях. Указанная проблема относится к выработке целостного представления о знаниях homo sapiens'a. Толкуемые фрагментарно и в различных сферах (философии, религии, науке, литературе, искусстве, «обычной» жизни), различные виды знания (явного (формализованного, дискретного, естественного, соответствующего); неявного (молчаливого), научного (рационального); скрытого (мистического, эзотерического, агностического, трансцендентального, присутственного, оккультного); утраченного) являются эпистемиологическим ключом к системе знания о человеке.

Информационные коды знания. Поскольку в процессе познания и поисков информации невозможно отделить субъект (познания) от объекта (познания), постольку познание и поиск информации являются и тем (субъектом), и другим (объектом), рассматриваемыми как диалектическое целое. Процессы информирования и поисков информации осуществляются посредством индивидуальных информационных (культурных, философских, знаниевых) кодов, порожденных системообразующим феноменом явного и неявного личного знания (М. Полани). Представление человека в современном информационном пространстве в контексте накопленных философских картин является постмодернистическим гуманным культурным когнитологическим способом показа глубинных сторон информационного поиска, проявляющегося явного и неявного личного знания, воплощенного в так называемой инкультурации (осуществляемого в недрах личности постоянного и непрерывного диалога между: эволюцией (процессом медленного, но непрестанного количественного изменения – развития человеческой популяции) и инволюцией (обратным развитием, связанным с типом культуры, формирующей жизнь каждого человеческого индивида)).

Рациональная сущность информационной ризомы. Постмодернизм провозглашает множественность (диверсификацию, дистинкцию, многообразие, конкуренцию парадигм) в ризоматике информационного моделирования, что предполагает признание многомерного образа реальности и множества типов равносущностных отношений. Здесь главным является неустранимость множественности описаний в «точках зрения» и отношения дополнительности и взаимодействия между ними. Описанные идеи, первоначально появившиеся в сфере литературы и искусства (живописи, архитектуры), сегодня приобретают общекультурный характер и для науки в целом, рассматриваемой в контексте информационного моделирования. Отдавая приоритет когнитивному плюрализму, герменевтическая проблематика и культурологофеноменологический метод, гуманитарный опыт знания (в данном случае понимание и интерпретация (интенциональность) являются ведущими моментами при преодолении господства естественнонаучных представлений в сфере установившихся бинарных оппозиций в мышлении – «или/или»), дополнительность, одновременность, гетерогенность, разноплановость, релятивизм становятся параметрами рассмотрения гуманитарного, человеческого (индивидуального, субъективного) познания в его антропологическом содержании и аспектах – как знания человеческой популяции.

Нравственно-этические движущие мотивы гуманного. Мудрость не «одного» человека, а всего человечества, всех культур, метаязык всех наук и всех видов познания на уровнях реальности и сознания – таковы, в общих чертах, нравственные движущие мотивы гуманного планетарного информационного моделирования, когда идет речь о регламентированных цепочках «обозначаемое – означающее». Они прежде всего отражают только ранимость сознания, вовлеченного в информационный вихрь Интернета, где изобилие информации зачастую оказывается эквивалентом ее отсутствия. Последовательный диалогизм, вслушивание в многоголосие концепций с целью преодоления доктринального изоляционизма и монодисциплинарности каждого творческого и информационного акта понимаются как исследование, но не столько в виде критического анализа, сколько в форме необходимого синтеза, распределенного по этажам всех уровней реальности и сознания.

Принцип духовной свободы. «Век информации» (XX в.) проторил дорогу «веку трансформации», каким обещает быть XXI в., посредством установления более короткой («минимальной»), но отфильтрованной ризоматикой информационного моделирования связи между обобщением (информацией) и сообщением (коммуникацией), соположенными по пути преобразования (семиосферы). В связи с этим растет число проявлений принципа духовной, интеллектуальной свободы и свободы мысли[4]. Данный принцип отстаивает и истинная религия (религиозная полнота, религиозная ценность)[5]. В обыденном сознании, связанном с информационно-поисковой ситуацией, понятия «информация» и «знание» часто оказываются тождественными, хотя они и не являются синонимами. В сущности, информация является «сырьем», потенциалом, ресурсом для «производства» и «конструирования» концептуальной нагрузки знаний[6].

Виды знания. Отождествление общества знания с инженерией знания[7] желательно преодолеть и представить как проявление вида знания – технического знания (знание-techne)[8] (древнегр.), сопровождаемого рядом других видов знания. Обоснованием дифференциации данных видов знания в общем классификационном поле является отражение посредством них различных аспектов реальности и сознания человека. К этим видам знания относятся: явное (формализованное, дискретное, естественное, соответствующее) – explicit (formalized, discreet, natural, common)[9] (англ.); неявное (молчаливое),

подразумеваемое – implicit (tacit)[10] (англ.); научное (рациональное) – scientific (rational)[11] (англ.); скрытое (мистическое, эзотерическое, агностическое, трансцендентальное, присутственное, оккультное) – hidden (mystical, esoteric, agnostic, transcendental, presence-knowledge, knowledge by presence, occult)[12] (англ.). В ряде исследований древности перед нами вновь предстает знание, являющееся давно утраченным – утерянным – lost[13] (англ.). Знание, которого мы достигаем посредством духовной медитации и соприкосновения с высшей природной мудростью и божественным откровением (occult)[14], о котором повествуется в некоторых из документов, отличается от соответствующего (естественного, обыкновенного) знания (knowledge by correspondence), основанного на причинно-следственных связях и называемого также знанием по соответствию. Разные виды присутственного знания являются самопознанием… Перенос знания – переносимое знание (bringing knowledge) (англ.) может существовать в любой сфере, вследствие чего данное понятие (перенос знания) трактуется как процесс, а не как вид (знание). Универсальное – гуманитарное, философско-научное эпистемиологическое знание (episteme) (древнегр.) состоит из всех знаний. Элементом каждого знания является его инструментальное выражение – техническое знание (techne) (древнегр.). Само техническое знание – как любое эпистемиологическое знание – несет также философскую нагрузку[15]. Эпистемическая логика раскрывает модальность, включающую одновременно такие (модальные) операторы, как «доказуемо», «опровержимо», что является условием для появления возможности всестороннего и целостного изучения семиосферы как единства соответствий и противоречий.

Естественная классификация знания. В самом общем виде, зафиксированном в языке этимологии, знание может быть представлено следующим образом, посредством отражения в нем различных аспектов реальности и сознания человека:

1. эпистемиологическое знание (гр.: episteme) (гр., лат., англ.: epistemologia) – теория познания (распространяемого посредством принципиальной дешифровки философской картины связей между вещами, пораждающей это знание):

1. 1. универсальное (лат., англ.: universal) – общее, всеобщее:

1. 1. 1. гуманитарно-научное (англ.: humanities, art and humanities (nonscience – в смысле: неестественные науки)) – знание о человеке;

1. 1. 2. естественнонаучное, научное (англ.: scientific) (рациональное (rational)) – знание, доказываемое посредством опыта) (см.: 2. 1. 3);

1. 1. 3. общественно-научное (англ.: social-scientific) – знание об обществе;

1. 1. 4. техническое знание (гр.: techne) – инструментальное знание (область применения: техносфера по всем видам знания через модели естественно-научного) (см.: 1. 1. 2);

2. эмпирическое (опытное знание – гр.: empeiria) – приобретенное с помощью научных экспериментов (см.: 1. 1. 2) (его распространение возможно и без дешифровки философской картины связей между вещами, пораждающей это знание):

2. 1. явное (англ.: explicit) – общеизвестное и бесспорное знание;

2. 1. 1. формализованное (англ.: formalized) знание, выраженное посредством формальных дефиниций и категорий;

2. 1. 2. дискретное (англ.: discreet) – знание, выраженное непрямым и неформальным способом;

2. 1. 3. естественное (англ.: natural) (см.: 1. 1. 2);

2. 1. 4. соответствующее (англ.: common) – общепринятое знание;

2. 2. неявное, подразумеваемое (англ.: implicit) – знание, выраженное косвенным образом;

2. 2. 1. молчаливое (лат., англ.: tacit) – традиционное (табуизированное);

2. 2. 1. 1. скрытое (англ.: hidden) – обобщенное обозначение мистического, эзотерического, агностического, трансцендентального, присутственного, оккультного (гр., лат., англ.: mystical, esoteric, agnostic, transcendental, presence-knowledge, knowledge by presence, occult);

2. 2. 1. 1. 1. мистическое (гр., лат., англ.: mystical) – знание, основывающееся на духовном опыте;

2. 2. 1. 1. 1. 1. эзотерическое (гр., лат., англ.: esoteric) – знание для посвященных в культовые ритуалы;

2. 2. 1. 1. 1. 2. агностическое (гр., лат., англ.: agnostic) – знание о трудно познаваемом;

2. 2. 1. 1. 1. 3. трансцендентальное (гр., лат., англ.: transcendental) – знание о непознаваемом духовном;

2. 2. 1. 1. 1. 4. присутственное (англ.: presence-knowledge) – мессианское знание, проистекающее из духовного присутствия свыше;

2. 2. 1. 1. 1. 5. оккультное (гр., лат., англ.: occult) – знание, основывающееся на мистериальных ритуалах;

2. 3. утраченное (англ.: lost) – исчезнувшее знание.

Методология гуманитарного знания. Методология гуманитарного знания отсылает нас к понятию «антропология» (англ.: anthropology). С середины XX в. можно наблюдать принципиальную антропологизацию всего знания[16]: проблема человека ставится во главу угла всей современной науки и всех ее разделов; значительно меняются взаимосвязи между отдельными научными дисциплинами, изучающими человека как организм и личность, явление природы и общества, предмет воспитания и т. д.; комплексное изучение природы человека предоставляет нам возможность располагать сводом знаний, накопленных каждой из существующих в нем дисциплин и подходов, решая задачу установления взаимосвязей между наиболее важными природными свойствами человека; современная наука все еще не располагает такой всеобъемлющей теорией, которая могла бы охватить все возможные аспекты изучения проблемы человека; решающим фактором приближения к созданию такой теории в условиях действующей в настоящее время философско-научной парадигмы знания являются процессы математизации, с одной стороны, и сближения естественных, технических, общественных и гуманитарных наук – с другой.

Антропология – проблематика и наука. Следует уточнить две кардинальных проблемы. Первая проблема: понятие «антропология» как проблематика. В него включают все, что касается человека. В соответствии с этим существуют два направления гуманитарного знания:

1. Религиозное, исходящее из позиции принятия Бога как высшего сверхъестественного существа, верховного объекта религиозного культа (в современных западных философских учениях имеет место или на почве посткантовского иррационализма, или на основе реставрации философских схем прошлого).

2. Атеистическое, основанное на изучении взглядов людей в философии, науке и практической жизни, отрицающих существование Бога в указанном выше смысле и утверждающих человека как высшую степень биологической эволюции, субъекта общественно-исторической деятельности и культуры (концепция Бога как проекции человека является атеистическим представлением гуманитарной проблемы с естественнонаучной точки зрения). Вторая проблема: термин «антропология» как наука в понимании восточно-европейских авторов соответствует термину «физическая антропология», под которым на Западе понимается наука о биологической стороне человека. Одновременно с этим использующийся в западной науке термин «антропология» включает в себя две области познания: этнографию (этнологию) и антропологию в понимании восточно-европейских авторов.

Терминосистема гуманитарного знания. В соответствии с динамически формирующейся современной философско-науковедческой парадигмой познания, понятие «гуманитарное знание» является более общим, чем включаемые в него «гуманитарные науки» (англ.: humanities или art and humanities (nonscience – букв.: неестественные науки)), в число которых попадают филология, литературоведение, история, философия и т. д. (в отличие от science (англ.) – естественных наук), но также социология, экономика, демография и другие социальные науки[17]. В связи с распространением ноосферического мышления принято говорить о национальных и мировых школах:

1. Англо-американской культурной антропологии, социальной антропологии, семиотике (Т. А. Себеок);

2. Философской антропологии в Германии; структурализме во Франции; семиотике в Западной Европе (Франции, Италии: У. Эко);

3. Русском космизме (В. И. Вернадский, В. П. Казначеев); семиотике, структурализме (Ю. М. Лотман).

Гуманитарно-научное знание рационально рассматривается в связи с религией, причем ударение ставится на социокультурную и природную целость человечества: Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде.

Проблемы трансформаций гуманитарного знания. Перенос отдельных терминов из различно ориентированных национальных школ наблюдается в разные исторические периоды. Характерно, что в целом гуманитарные науки направлены на решение проблем усовершенствования обучения, образования и воспитания – т. е. педагогики и социального управления. В антропологии и социологии нет оснований для разделения знания на научное и донаучное. Вместе с тем следует учитывать тот факт, что социология занимается тем же, чем занимается и этнология, но первая – в развитых обществах, а вторая – в примитивных. Так, в первой половине XX в. гуманитарные науки развиваются в рамках национальных традиций – в контексте национальной философии (Англия, Франция, Германия, США). С середины XX в. мы наблюдаем процесс формирования мирового научного сообщества в области гуманитарного знания. Это симптоматично как тенденция необходимости создания обобщенного, концентрированного универсального – гуманитарного, философско-научного эпистемиологического знания.

Многомерная система знания. Рациональ-

ное оперирование видами знания и их адекватное отражение в справочно-информационных библиотечно-библиографических платформах, обозначающих потоки документов, является признаком многомерной системы знания (универсального – гуманитарного – эпистемиологического). Следуя тенденции к постоянной трансформации и расширению, превращаясь в особый структурный элемент космоса, выраженный более социальный охват природы, характер ноосферизма (следовательно!) задается необходимостью планетарно-разумной организации взаимодействия между обществом и природой, а также – потребностью отражения многостепенности знаний в их взаимопроникновении как диалектического единства представления связей в соответствии с философско-культурными проблемами сознания[18], коренящимися в языке[19]. В ноосферически значимом контексте толкования существующая на данный момент глобальная проблема информации может быть представлена следующим образом: информация является ресурсом человечества, возникшим и используемым как «форма космогонии» (В. И. Вернадский).

Информационная ретикула семиосферы. Интересующий нас вектор анализа (социокультурное планетарное целое информации) имеет естественно-историческую, природную (в широком смысле слова – космическую) и социогуманитарную, человеческую тенденцию развития. Это порождает его соответствующее отражение в науке. Данная проблема сливается с пониманием единого динамического, многомерного, многопланового, постоянно трансформирующегося целого – инфосферы в ретикуле[20] семиосферы. Углубленный рационализм неклассической науки наших дней основан на способности разума защищать свою свободу от навязываемых обществом и властью предрассудков и ограничений. Это связано с осознанием методологических предпосылок и онтологией познания и не лишает разум права на воображение, на конструирование воображаемых – ментальных – предметов (приборов), свойств, отличающихся от свойств вещей, наблюдаемых в непосредственном опыте, что, со своей стороны, приводит к пересмотру самого понятия «реальность». Именно вследствии описанной выше ментальной феноменологии (находящейся в фокусе неклассической современной науки) сама информационная наука имеет дело с гораздо более сложной реальностью, чем протяженная и локализованная материя. Данная наука оперирует феноменологическими способностями человеческого разума, достигшего такого состояния, при котором он способен преодолеть породившую его реальность. Очевидность феномена, суть которого заключается в том, что различающиеся, дополняющие друг друга и противоречащие друг другу философские (а через них – и метасистемные) платформы связей между вещами отражают **различные секторы универсального – гуманитарного – эпистемиологического знания**, указывают на информационную ретикулу библиографической сферы[21] в ее качестве наиболее всеобъемлющего естественно сформированного слоя ноосферы, структурирующего семиосферу[22].

Международная универсальная библиография. Онтология вторичнодокументального информационного моделирования находится в историологически сформировавшейся для ноосферного знания триаде:

1) феноменологического подхода к области библиографии;

2) когнитивного плюрализма гуманитарно-научного опыта в ней;

3) герменевтической проблематики наименования ее элементов.

Ее модификация в текущих изданиях, распространяемых сегодня как принципиально различные орбиты трактовки международного и универсального – гуманитарного – эпистемиологического в инфосфере, уходит своими корнями в генезис формы ретроспективной универсальной международной библиографии. Данные публикации структурируют многообразное систематическое целое издаваемых однотипных библиографических указателей литературы по вопросам гуманитарного знания и общественных наук, имеющих международное значение… В сфере универсальной международной библиографии инфосфера представляет, транслирует магистральные направления ноосферизма, по которым мы движемся как по магистралям, ища и находя информацию. Упомянутые библиографические магистрали приводят нас к универсальному – гуманитарному – эпистемиологическому знанию.

Идея мирового эпистемиологического объединения. Идея ризоматики информационного моделирования, увенчанная универсальной международной библиографией, представляет собой идею мирового эпистемиологического объединения как культуры. Данная идея порождена взглядами космизма (космологизма) и сама является плодом естественного многообразия переплетающихся разветвлений: философского и философско-религиозного космизма (Упанишады в Индии, даосизм в Китае; философские системы мыслителей всех времен – Анаксимандра, Пифагора, Анаксагора, Платона, Аристотеля,

Плотина; Августина Блаженного, Св. Фомы Аквинского, У. Оккама; Ибн Синны (Авиценны); Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. В. Й. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж. Делеза); семиосферического (культурологического) космизма (Ю. М. Лотман, Т. А. Себеок, У. Эко); гуманитарного космизма (С. Н. Булгаков, М. М. Бахтин, Л. Н. Гумилев, Вяч. И. Иванов, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Ю. А. Шрейдер); литературно-художественного космизма (Гомер, Данте Алигьери, В. Шекспир, Хун Цзичен, И. В. Гете, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Вяч. И. Иванов, А. А. Блок, Л. Н. Андреев, М. А. Булгаков); естественнонаучного космизма (Архимед, Н. Коперник, Г. Галилей, Й. Кеплер, И. Ньютон, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, А. Эйнштейн); натуралистического космизма (А. Н. Бекетов, Н. А. Морозов, Н. А. Козырев); теоретического космизма (В. И. Вернадский, Н. А. Умов, А. Л. Чижевский, Л. А. Уайт, А. А. Любишчев, С. В. Мейен, А. И. Субетто); практического космизма (Н. И. Пирогов, А. Швейцер); научно-технического космизма (К. Э. Циолковский, С. П. Королев); библиографического космизма (Ф. Лабе, А. Тейсье, Е. Г. Пенье, Ю. Петцхольдт, Т. Бестерман, Г. Шнейдер, Л.-Н. Мальклес, К. Р. Симон); библиографоведческого космизма (Ж. Ф. Нэ деля Рошель, П. Отле; А. Лысаковский, С. Вртель-Верчиньский, Ш. Р. Ранганатан; Е. И. Шамурин, О. П. Коршунов, Р. С. Гиляревский; В. Кунц; Дж. Х. Шира, Дж. Ликлайдер, Д. Фоскетт, Б. Ушервуд, П. М. Рой; А. В. Соколов). Дерево историко-культурного развития человечества имеет три кардинальных мировых ветви: **буддистский – христианский – магометанский мир** (христианство включает в себя целиком и полностью конструктивную часть иудаизма и, следовательно, вбирает его)… «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9)…

Примечания

[1] Ноосфера (гр.: nōos, nous – разум + гр.: sphaire; лат.: sphaera; фр., англ.: sphere – шар, земной шар, небеса; область…). Kotov K., Kull K. Semioshere versus biosphere // Encyclopedia of language & linguistics. 2nd ed. Amsterdam; Boston, 2006. Vol. 11. P. 194–199.

[2] Лат.: intentio – намерение.

[3] Ризома (фр. из древнегр. и лат.: rhizome; англ.: rhizoma – корень, корневище; ствол, разветвление; перен.: род, поколение, рождение, происхождение). Deleuze G. F., Guattari F. Thousand plateaus / transl. and foreword by B. Massumi. London: Continuum, 2004. XXI, 688 p.: il.; Deleuze G. F., Guattari F. Rhizome. Paris: Minuit, 1976. 74 p.

[4] Kirsh D. Metacognition, distributed cognition and visual design // David Kirsh: site. URL: http: // adrenaline. ucsd. edu (дата обращения: 28. 05. 2013).

[5] Zeis J. Evidentialism versus Fait // Social epistemology. 2010. Vol. 24, № 1. P. 1–13.

[6] Kimmerle Cress U., Held C. The interplay between individual and collective knowledge // Knowledge management research and practice. 2010. Vol. 8, № 1. P. 33–44; Heffner M., Sharif N. Knowledge fusion for technological inovation in organizations // Ibid. 2008. Vol. 12, № 2. P. 79–93; Apostolou D., Abecker A., Mentzas G. Harmonising codification and socialisation in knowledge management // Ibid. 2007. Vol. 5, № 4. P. 271–285; Bastian D. Modes of knowledge migration: regional assimilation of knowledge and the politics of bringing knowledge into the region // European planing studies. 2006. Vol. 14, № 5. P. 601–619.

[7] Mariano S., Casey A. The process of knowledge retrival // Intern. j. of knowledge management. 2007. Vol. 37, № 3. P. 314–330; Tracey P., Lauriault D. R., Fraser T. Chapter 8: Cybercartography and the new economy // Modern cartography series. 2005. Vol. 4. P. 181–210.

[8] Денчев С., Куманова А. Знание-episteme – знание-techne: трансформатизм инфосферы (онтология информационной среды) // НТИ. Сер. 1. 2006. № 9. С. 12–18.

[9] Davies M. Knowledge (explicit and imlicit): philosophical aspects // International encyclopedia of the social & behavioral sciences. Amsterdm; New York, 2004. P. 8126–8132.

[10] Hast M., Howe C. Explicit versus // Ibid. 2010. Vol. 2, Is. 2. P. 3831–3837; Iuppa N. V., Borst T. Designing simulation stories from tacit knowledge // Iuppa N. V., Borst T. Story and simulations for serious games. Amsterdam; Boston: Elsevier, 2007. P. 53–60.

[11] Fagan M. B. Social construction revisited: epistemology and scientific practice // Philosophy of science. 2010. Vol. 77, № 1. P. 92–116; Życiński J. The structure of the metascientific revolution. Tucson: Pachart, 1988. 223 p.

[12] Медоуз К. Силата на руните: тайното знание на мъдреците / прев. от англ. А. Мусорлиева. София: Шамбала, 1998. 378 с.: ил.; Livingstone D. W., Sawchuk P. H. Hidden knowledge. Aurora (Ont.): Garamond Press, 2004. XI, 314 p.: il.; Structure analysis of soccer video with domain knowledge and hidden Markov models / Lexing Xie, Peng Xu, Shih-Fu Chang e. a. // Pattern recognition letters. 2004. Vol. 25, № 7. P. 767–775; Dunteman J., Weiskamp K. PC techniques + power tools: HAX, techniques, and hidden knowledge. New York; London: Bantam, 1992. XII, 626 p.; Halevi Z'ev ben Shimon. Kabbalah: tradition of hidden knowledge. [London]: Thames and Hudson, 1979. 96 p.: ill.

[13] Haycock D. B. The long-lost truth': Sir Isaac Newton and the Newtonian pursuit of ancient knowledge // Studies in history and philosophy of science: P. A. 2004. Vol. 35, № 3. P. 605–623; Heckman L. Lost knowledge: confronting the threat of an aging workforce // Libr. j. 2004. Vol. 129, № 17. P. 70–76.

[14] Winslade J. L. Techno-Kabbalah: the performative language of magic and the production of occult knowledge // TDR (The Drama Review): a J. of performance studies. 2000. Vol. 44, № 2. P. 84–100.

[15] Куманова А. Архитектоника на информационното пространство: идеален план (онтологично изследване). Шумен: Аксиос, [2005] 2006. 40 с.; Bosua R., Scheepers R. Towards a model to explain knowledge sharing in complex organizational environments // Knowledge management research and practice. 2007. Vol. 5, № 2. P. 93–109; Kazitz K., Kjoegaard A. Towards an integrated model of knowledge ssharing in software development // Intern. j. of knowledge management. 2007. Vol. 3, № 2. P. 91–117; Mjøset L. Theory: conceptions in the social sciences // International encyclopedia of the social & behavioral sciences. Amsterdam; New York, 2004. P. 15641–15647; Shweder R. A. Culture: contemporary views // Ibid. 2004. P. 3151–3158; Życiński J. W kręgu nauki i wiary. Kraków: Kalwaria, 1989. 226 s.

[16] Куманова А. Введение в гуманитарную библиографию [CD-ROM]: библиографоведч. исслед. [Ч. 1–2] / Гос. высш. инст. библиотековед. и информ. техн. (Болгария), С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств (Россия). София: Гутенберг, 2007. [1358 с.]; Сытых О. Л. К определению понятий: гносеология, эпистемология, познание, знание, истина, сознание, информация // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 2004. № 3/4. С. 8–14; Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / РАН, Ин-т философии; отв. ред. И. П. Меркулов. М.: Росспэн, 1996. 197 с.; Eickelman D. F. Anthropology of knowledge // International encyclopedia of the social & behavioral sciences. Amsterdam; New York, 2004. P. 8117–8120.

[17] Денчев С., Куманова А., Казански Н. Универсалност на хуманитарното знание: когнитивен библиогр. контекст на инфосферата в антропол. трансформации на времето (Постановка. Методология. Историография. Терминосистема. Структура. Обобщение) // Пета нац. науч. конф. с междунар. участие «Кирилицата в духовността на европейската информационна цивилизация», София, 1 ноем. 2007 г. София, 2008. С. 393–423; Куманова А. Хуманитарно знание – хуманитарна библиография (Порядък. Хармония. Симетрия. Синархия. Слово): докл. на IV нац. науч. конф. с междунар. участие «Държавата на духа», София, 1 ноем. 2006 г. // Държавата на духа. София, 2007. С. 519–544; Филатов В. П. Социальная эпистемология и национальный образ науки // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. 14, № 4. С. 59–62; Арнаудов И., Христов Н., Мичев С. Кратък речник на хуманитарното знание: 200 осн. термина. София: Литавра, 1994. 220 с.; Lott J. T., Benett C. Beyond racial, ethnic, and gender bias in education statistics // International encyclopedia of education. [S. l.]. 2010. P. 581–588; Wolterstorff N. Virtue epistemology: essays on epistemic virtue and responsibility // Ethics. 2003. Vol. 113, № 4. P. 876–879; Buchanan A. Social moral epistemology // Social philosophy & policy. 2002. Vol. 19, № 2. P. 126–152.

[18] Гюзелев И. Н. Светът като продукт на съзнанието: трактат върху същността на науч. знание. София, 1907. 158 с.; Regnier D. Consciousness and conscience: Mamardasvili on the common point of departure for epistemological and moral reflection // Studies in East European thought. 2006. Vol. 58, № 3. P. 141–160; Branick K. J. Norms of the mind: diss. [pdf]. Washington: Argosy Univ.; Seattle, 2005; Hipolito J. «Conscience the ground of consciousness»: the moral epistemology of Coleridge's «Aids to reflection» // J. of the history of ideas. 2004. Vol. 65, № 3. P. 455–474.

[19] Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; ред. С. Д. Кацнельсона; послесл. А. А. Реформатского. 2-е изд. М.: Аспент пресс, 2000. 351, [1] с.; Knapp H. P., Corina D. P. Sign language: psycholinguistics // Encyclopedia of language & linguistics. Amsterdam; Boston, 2006. P. 343–349; Maibom H. Philosophy of mind // Ibid. P. 337–340; Merrell F. Reference: semiotic theory // Ibid. P. 433–440; Scott S. Cognitive science and philosophy of language // Ibid. P. 552–562; Jakobson R. Essais de linguistique générale. 1. Les fondations du langage / trad. de l'anglais et préf. par Nicolas Ruwet. [Nouv. éd.]. Paris: Les Éd. de Minuit, 2003. 260 p.; Hjelmslev L. Prolégomènes à une théorie du langage: trad. du danois par une équipe de linguistes / trad. rev. par Anne-Marie Léonard. Suivi de: la Structure fondamentale du langage traduit de l'anglais par Anne-Marie Léonard. Paris: Éditions de Minuit, 1968. 231 p. Рус. пер.: Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка = Prolegomena to a theory of language / пер. с англ. В. А. Звегинцев и др. М.: URSS: КомКнига, 2005. 243 с. (Лингвистическое наследие XX в.).

[20] Ретикула (лат.: reticulum – сеточка) (см. прим. 21–22).

[21] Библиография является третьим [III] уровнем широкомасштабного информационного моделирования в едином многомерном многостепенном информационном пространстве (ноосфере): ниже: уровень фактов [I] и уровень документов [II]; выше: уровень метасистем [IV] и уровень философских картин [V].

[22] Вселенная универсальной гуманитарной библиографии отражает инфосферу как гиперинформационный объект посредством инструмента (ретикулы), имеющей мыслительное естество – структуры библиографии; они порождают информационную сеть, предназначенную для: охвата библиографированных явлений (см. прим. 21) и создания, поиска, сохранения и распространения библиографической информации. Примеров можно привести очень много. См., к примеру библиографические указатели ИНИОН.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Cultural Studies

УДК 271.22-9

Ю. А. Помпеев

Крещение Руси: к 1025-летию принятия восточного христианства на Руси

Принятие в 988 г. восточного христианства в качестве государственной религии Киевской Руси явилось переломным моментом в истории и культуре Государства Российского, ведущего отсчет от 862 г. На основе культурологического анализа исторических источников становится особенно наглядной первоначальный период перехода от язычества к православию.

Ключевые слова: Русская земля, Византия, Владимир Креститель Руси, новый тип русской государственности

Yuriy A. Pompeev

Christening of Russia: the 1025th anniversary of the adoption of Eastern Christianity in Russia

The adoption of Eastern Christianity in the year 988 as the state religion of Kiev Russia. This event became a turning point in the history and culture of the Russian state, leading to count from 862. On the basis of the cultural analysis of historical sources becomes particularly evident initial period of the transition from paganism to Orthodoxy.

Keywords: Russian land, Byzantium, Vladimir the Baptist of Russia, a new type of Russian statehood

I

У больших событий особая судьба. Часто для потомков они значат больше, чем для современников. По оценке А. С. Пушкина, **новейшая история есть история христианства**[1]. Применительно же к России – история православной веры, которая способствовала не только стремительному развитию грамотности и просвещения, но и создавала почву для расширения народного взаимодействия, народной солидарности, духовного единения.

На протяжении веков на территории, простирающейся от Черного моря до Ладоги, из разнородных племен складывалась народная общность, получившая название **Русь**. В «Повести временных лет» под 852 г. от Рождества Христова помечен **приход** Руси на Царьград (Константинополь) в правление византийского императора Михаила III (840–867). Тогда же в греческом летописании появилась **Русская земля**[2]. В июне 860 г. русские ладьи, неожиданно появившиеся перед столицей Византии, **едва не взяли Царьград на копье**.

В 862 г., по преданию, Рюрик, Синеус и Трувор – три брата, предводители варяжских дружин, были якобы призваны на Русь. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус – в Белоозере, Трувор – в Изборске. Существует мнение, что имена Синеуса и Трувора появились в результате ошибочного прочтения русским летописцем иноязычного текста. Был один Рюрик, пришедший в землю славян со своим домом (сине-хус) и верной дружиной (тру-вор)[3], чтобы в качестве военно-полицейской силы обеспечивать успешность внешней торговли.

В том же достопамятном году патриарх Фотий на Константинопольском соборе отлучил римского Папу Николая от церкви. В Византии – центре греко-славянского мира и наиболее цивилизованной стране того времени, началась эпоха независимой Македонской династии.

В начале X в. союз славянских племен был близок к распаду. Попытка восстановить его силой оружия стоило князю Игорю Рюриковичу (878–945) жизни. Его жена Ольга (890–969), ставшая правительницей при малолетнем сыне Святославе (?–972), установила **новый распорядок даней и повинностей**, получаемых от союзных племен. Был сделан новый шаг к феодальному государству, регламентированному законами. В 955 г. княгиня Ольга, самая знаменитая женщина в русской истории, по летописному свидетельству, **очень красива лицом и разумна**, пришла к Царьграду и услышала от византийского царя Константина, сына Льва: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Уразумев смысл этого обращения, Ольга ответила: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». «И крестили ее царь с патриархом, – читаем мы в „Повести временных лет“. – Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая»[4].

Языческие верования наших предков мало

известны. Как и все арийцы, восточные славяне поклонялись силам видимой природы и пращуров почитали. Это было сродни мудрости, вещему духу, доброму смыслу жизни. Н. М. Карамзин, вслед за Нестором, говорит только об идолах и жертвенниках. «Нет сомнения, что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом», – предполагал Н. М. Карамзин[5].

Но языческое миросозерцание развития не получило, внутренней крепости не обрело и легко уступало посторонним религиозным влияниям. Славяне примешивали к своим поверьям суеверия дикой чуди, волхвов и кудесников. Можно представить, как влияла христианская вера на тех из них, которые могли ее познать: потому и **внимали они учению Христа, как губка напояемая**.

Вспомним, что впервые христианство появилось в Римской империи, тоже языческом государстве. Но язычество там было иным, нежели в средневековой Руси. Отец Александр Мень в дни Тысячелетия Крещения Руси замечал: «Язычество античного мира Римской империи гордилось Парфеноном Афин и огромными храмами и пирамидами Древнего Египта. Это язычество имело Гомера, Вергилия, Платона, Аристотеля, великолепные статуи богов, великие поэмы, колоссальную многовековую, тысячелетнюю традицию, философию, легенды. Такое язычество довольно трудно было одолеть. В Древней Руси язычество было архаичным, соответствующим родовому строю, оно не имело ни высокоразвитой литературы, ни искусства, ни величественных храмов»[6].

Вершиной культуры в X в., образцом первого ранга оказался не Запад, а Восток. Константинополь, или Царьград стал **вторым Римом**, столицей византийской цивилизации восточного православного христианства. Из отечественного летописания известно, как русские послы, придя в византийский собор Святой Софии, ощутили себя **на седьмом небе**. Когда они услышали мощный голос хора и когда увидели купол Софии константинопольской, словно парящий в воздухе и как бы поддерживающий сверкающий нимб света, когда они узрели мозаики и фрески, богатые облачения, – все вокруг произвело на них впечатление неземного рая. Древним киевлянам было чему дивиться: христианство Византии к тому времени выступало во всеоружии тысячелетней культуры.

Современная культурология утвердилась во мнении, что православие определяло единство и цельность державы ромеев. Священная цель жизни византийца состояла в верности православию: это был свыше указанный путь к спасению личности, ее духовному совершенствованию. По воззрениям византийцев, император – наместник Бога на земле, его назначение – творить добро, поэтому он и называется **благодетель**. Царская святость не обеспечивалась царским престолом, а определялась требованиями праведности. Византиец был покорен власти не за страх, а за совесть; но не ради самой власти, а ради Господа, который будет судить эту власть наравне с ним самим[7].

Торговые связи с Византией облегчали для Руси знакомство с Христовой верой. Но взаимную присягу при заключении сделок до поры до времени совершали по отдельности – византийский правитель целовал крест, а киевский князь клялся своим оружием и Волосом, богом богатства. В Киеве те, кто крещен, клялись в соборной церкви Ильи Пророка над ручьем, а некрещеные воины слагали свои щиты и обнаженные мечи, золото, обручи и иное оружие к подножию холма, на котором возвышался Перун.

Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение. Торжественно славить христианского Бога новообращенным не возбранялось по причине благоразумной терпимости. Кто хотел креститься, тому не запрещали, но подсмеивались над ним.

Святая равноапостольная княгиня Ольга долгие годы правила страной: сперва по малолетству сына, потом ввиду его постоянных военных отлучек. Ее личная приверженность Православию, однако, никак не сказалась на народе в целом. Даже на родном сыне. Она не раз говорила Святославу: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь. Послушай меня, прими веру истинную и крестись, и спасен будешь». Однако эти речи, как свидетельствует летописец, были подобны попыткам сеять на воде, – князь оставался холоден и непреклонен: «Как мне одному принять иную веру? Дружина моя станет насмехаться, мои бояре и прочие сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной. И что мне будет самодержство, если из-за чужого закона все меня оставят, и я буду никому не нужен?!». Ольга любила своего сына и в ответ говорила: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне»[8].

Святослав Игоревич направил свою энергию против внешних врагов нарождавшегося государства, нейтрализовав их на востоке и на западе. В результате этих походов вершилось

объединение восточнославянских племен в единое государство. Русь контролировала торговые пути по Волге и Дону, обезопасила свои южные границы и заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы. Но неутомимый князь не думал о мире, он двинул свою дружину в окрестные земли.

Соображения политической выгоды соблазняли Святослава сменить веру, но из-за боязни потерять основы государственной независимости князь оставался язычником. Более того, он принял все меры для искоренения на Руси даже слабых ростков христианства. Успешным стал и его поход против Византии. Возвращаясь обратно, Святослав погиб в сражении с печенегами, которых византийцы предупредили о маршруте его дружины.

II

Со смертью Святослава военно-языческая партия в Киеве ослабла. Междуусобная борьба наследников престола привела к власти в 980 г. Владимира, внебрачного сына великого князя от уроженки города Любеч по имени Малуша, ключницы княгини Ольги. Наследник в обычаях язычников законный, так как многоженство у восточных славян не возбранялось, социальное происхождение определялось по отцу, династические права не ущемлялись, о чем свидетельствует и четко выраженное княжеское имя.

Мать Владимира, **вещая дева** Малуша – дочь Малка Любечанина, которого историки отождествляют с Малом, князем древлянским. Приводя к покорности восставших древлян и овладев их городами, княгиня Ольга повелела казнить Мала, за которого пытались ее сосватать после убийства Игоря, а княжеских детей, Добрыню и Малушу, увезла с собой. Добрыня вырос храбрым умелым воином, былинным героем. Обладая государственным умом, стал впоследствии хорошим помощником своему племяннику Владимиру в делах военного и государственного управления.

Малуша была крещена в Царьграде вместе с великой княгиней Ольгой, но сохранила в себе таинственность языческих древлянских лесов. Тем и полюбилась она суровому воину Святославу, который, против воли матери, сделал ее своей женой. Разгневанная Ольга отправила свою ключницу на родину – в Псковскую землю. Здесь и родился, около 960 г., мальчик, названный русским языческим именем **Володимир**, т. е. **владеющий миром, владеющий особым даром мира**. Не без борьбы и грехопадений, этот юноша станет князем Киевским Владимиром Красное Солнышко (ок. 960–1015) и первым Крестителем Руси. Крещение Руси станет первой и, пожалуй, единственной в истории успешной государственной реформой в России.

Владимир направил славян-язычников на путь истинной веры. В его честь на псковской земле названы **Владимирцем** пригород и крепость, построенная на **Володчиной** горе, откуда мальчишескому взору открывались неоглядные озерные и лесные дали божественной красоты. Прекрасен мир, похожий на чудо, сотворенный самым великим на земле художником, точно знающим, **что есть красота и почему ее обожествляют люди**[9].

Мальчик становился частью созвучия в этом гимне красоты и силы духа, желание познать истину возгоралось в его душе. Владимир с детства запомнил христианские нравы и советы блаженной бабки своей Ольги и вместе с христианами плакал над ее могилой.

Сегодня в этом уединенном уголке Псковщины, в ста километрах от губернского центра, обустраивается Свято-Введенский женский монастырь. Сказочная тишина и благостный покой богозданной красоты помогают отправлять светлые молитвы Тому единственному, Кто и есть Любовь[10].

Осознание необходимости для средневековой Руси стать страною христианской, чтобы сделаться страной вполне европейской, пришло к Владимиру позже.

Обосновавшись в Киеве, молодой князь прежде всего постарался духовно объединить славянские племена с помощью общей для всех религии. Стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редконаселенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы, – все это заставляло людей искать объединения. В отличие от предшественников, Владимир не смотрел на Россию как на постой, от которого надо двигаться дальше, используя славян как дешевую военную рать. Походы для него не были самоцелью: они обуславливались нуждами государства. Необходимость глубоких государственных реформ осознавалась им как основа спокойной и уверенной жизни подданных.

Проблему объединения союзных племен Владимир попытался решить поначалу путем уравнивания в правах всех основных племенных богов. Так в Киеве возник пантеон шести языческих богов, имевший общеславянский, объединяющий характер. Но эта дорога, уместная для патриархального строя, не меняла обычаи, право, общественное сознание и вела в тупик. К примеру, обязательным элементом языческого культа многих населявших Европу племен были человеческие жертвоприношения, совершае-

мые по разным поводам. Общество в целом переросло первобытные религиозные представления. И Владимир перестал их разделять.

В «Повести временных лет» запечатлен трагический эпизод, относящийся к 983 г., к началу княжения Владимира. Тогда после победного похода было решено принести жертву кумирам. Старцы бояре сказали: «Кинем жребий на отроков и девиц; на кого падет, того принесем в жертву богам». И тогда в языческом Киеве появились первые и последние христианские мученики. Это варяжский юноша, которому по жребию надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов, и его отец, пришедший из Греции и возмутившийся ужасным суеверием и безумием кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека.

Об участии князя в этом событии летопись не говорит ни слова, предоставляя диалог посланцев народа и варяга-отца.

> Посланцы народа:
>
> «Пал жребий на твоего сына, богам угодно взять его к себе, и мы хотим принести его им в жертву».
>
> Варяг-христианин:
>
> «У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; не едят, не пьют, не говорят, но сделаны руками человеческими из дерева; а Бог один, которому служат греки и кланяются, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле; а эти боги что сделали? Сами деланные; не дам сына своего бесам!».
>
> Посланцы народа:
>
> «Отдай сына своего богам!».
>
> Отец:
>
> «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий, а вы о чем хлопочете?»[11].

Торжественное хуление языческой веры произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор варяжского христианина и, в исступлении ярости, умертвил отца и сына. Князь Владимир этой расправы не забыл, и после святого Крещения на месте гибели мучеников за веру Христову воздвиг Богородичный храм, знаменитую Десятинную церковь, во исполнение заповеди Божией давать Господу десятину от своих имений. Церковь чтит этих мучеников святыми под именем Феодора и Иоанна.

Расправа сильно впечатлила прежде всего киевского князя и послужила началом переворота в нравственной жизни Киевской Руси. Ярость прошла, а страшные слова остались: **ваши боги – дерево; бог – один, которому кланяются греки, который сотворил все**. Религия, удовлетворявшая рассеянным, в особицу живущим племенам, не могла более соответствовать требованиям новорожденного общества Киевской Руси. Прежняя вера была окончательно поколеблена. И не только на Руси. В тогдашней Европе в купель крещения из тьмы язычества смиренно погружались верховные правители многих стран, чтобы **выйти в люди самим и вывести в люди** свои народы.

Русский историк Лев Гумилев, автор пассионарной теории этногенеза, так оценивает киевского князя: «Историческая память связывает образ Владимира не с его личными качествами и политическими успехами, а с деянием более существенным – выбором веры, одухотворившей жизнь народа. В самом деле, распространив свою власть практически на все славянорусские земли, Владимир неизбежно должен был придерживаться какой-то, как сказали бы сегодня, „общенациональной“ политической программы, которая, по условиям того времени, выражалась в религиозной форме»[12].

Его собеседник А. М. Панченко добавляет: «Реформа Владимира – не просто приращение знания, это принципиальная переоценка человека. Раньше он ощущал себя игрушкой судьбы, каких-то неведомых сил, „страшилищ“, говоря по-старинному – теперь он овладел историей»[13].

Не станем забывать, что уже многие годы в древнерусских городах существовали весьма малочисленные, но окутанные дымкой радости и оптимизма, христианские общины. Они появились во времена княжения Ольги, бабки Владимира.

При выборе веры программу молодого князя – Владимиру в 988 г. было 25 лет – поддержали старцы из числа его бояр: в их памяти еще были свежи минувшие времена блаженной Ольги. Они сказали князю: «Если бы не хорош был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей»[14].

Упоминание заветного имени решило выбор любимого ее внука, о котором столько молилась Ольга. В новгородской церкви Спаса на Нередице есть изображение Ольги с ее внуком Владимиром Святым, Крестителем Руси.

Но киевским купцам и воинам было известно, что Папа Иоанн XIII (965–972) запретил в 967 г. богослужение на **русском или славянском языке**[15].

Владимир не хотел более никого испытывать о вере и только спросил бояр своих: «Где креститься?». Старцы кратко отвечали: «Там, где тебе любо»[16].

Русский ученый, историк и богослов Антон Владимирович Карташев писал в 1938 г.

в связи с 950-летием Крещения Руси: «Грешный и буйный язычник Владимир был натурой богоизбранной. Его обращение ко Христу было подлинное, интимное, глубокое. Преображение его характера и разрыв с грехом были изумительны. Но наряду с его личным обращением у князя Владимира на видном месте стояли и мотивы государя, вождя своего народа. <…> Ему нужна была красота церковная и светская – не только вещи и сокровища, доступные и грабежу варваров, но и учителя, и художники для создания собственных знатоков и творцов наук и искусств, каких Владимир видел уже в славянской Болгарии»[17].

Можно было ориентироваться на другие мировые религии – на мусульманский Восток или хазарский каганат, но предпочтение было отдано православной Византии, с которой уже сложились достаточно тесные экономические отношения и культурные связи. Родственная Руси Болгария приняла христианство за сто лет до Киевской Руси. Просветители Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность и проповедовали новую веру на языке, понятном народу. На Западе языком богослужения и языком культуры долгие века была исключительно латынь, обеспечивавшая наднациональное единство клира. Родной язык употреблялся лишь для исповеди и проповеди.

«Владимир Святой после долгих размышлений и борьбы конкурирующих влияний, – продолжает церковный и общественный деятель А. В. Карташев, – сознательно избрал византийскую крещальную купель и в нее решительно привел и весь русский народ. Это был момент определяющий, провиденциальный для всей нашей истории. Князь Красное Солнышко, таким образом, сформировал коллективную историческую душу народа и стал истинным отцом – родителем нашей культуры, ибо без православного корня нет русской культуры»[18].

III

Обращение к Владимиру за военной помощью со стороны византийских царей Василия II и Романа в 987 г. ускорило повод к личному крещению князя. Свою военную помощь византийским царям, которая блестяще удалась, и трон царей был спасен, русский князь обусловил выдачей за него замуж византийской принцессы Анны, чтобы Русь породнилась с Царьградом.

Но обещание не выполнялось, и Владимиру пришлось добиваться руки царьградской принцессы военной силой. Он осадил и взял Корсунь (Херсонес) в Крыму, один из крупных центров восточного христианства, недалеко от теперешнего Севастополя.

Лев Толстой во время осады Севастополя в 1853 г. записал в дневнике: «Взятие Корсуни Владимиром – эпопея. Владимир мог обратить свой народ в принятую им веру потому только, что он стоял на одной степени образования с ним, хотя и выше его в общественном значении. Народ верил ему. Ни один владетель образованного государства не в состоянии сделать того же»[19].

Другой Толстой, Алексей Константинович, обладавший отменным чувством юмора, так оценил осажденных византийцев:

Увидели греки в заливе суда,
У стен уж дружина толпится,
Пошли толковать и туда и сюда:
«Настала, как есть, христианам беда,
Приехал Владимир креститься»[20].

Сохраняя интонацию А. К. Толстого, можно иронически сказать, что древнерусское войско, разбив византийцев, заставило их окрестить себя.

Ожидавший в Корсуни прибытия невесты, Владимир внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Прибывшая Анна в который раз потребовала его крещения, без чего не могло быть и речи о браке. Князь согласился, и в момент совершения таинства в купели прозрел. Телесное излечение сопровождалось и благодатной душевной переменой, плоды которой не замедлили сказаться. «Теперь увидел я Бога истинного», – воскликнул после святого крещения Владимир, получивший христианское имя Василий, т. е. **Царственный**. Обвенчавшись с царевной Анной, в качестве выкупа за невесту Владимир возвратил грекам Корсунь.

Крещение проходит действительно по сценарию Владимира, о чем написал в поэме-думе «Владимир Святый» поэт-декабрист Кондратий Рылеев:

На новый подвиг с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром;
Трепещет Греция и гордые цари!
Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел[21].

Крещенная с князем дружина спешит из Корсуня домой, в древний, прекрасный Киев: **по родине им встосковалось**.

И молвил Владимир:
«Спускайте ж ладьи, бо и ночью и днем
Я гласу немолчному внемлю:
Велит он в краю нам не мешкать чужом,
Да свет, озаряющий нас, мы внесем
Торжественно в русскую землю!».
И пал на дружину Владимира взор:
«Вам, други, доселе со мною
Стяжали победы лишь меч да топор,
Но время настало, и мы с этих пор
Сильны еще силой иною».
И на берег вышел, душой возрожден,
Владимир для новой державы,
И в Русь милосердия внес он закон –
– Дела стародавних, далеких времен,
Преданья невянущей славы[22]

Князь Владимир возвратился в Киев совсем не таким, каким он покинул город, отправляясь в поход. Изменилась его нравственная жизнь. Он распустил свои гаремы. Рогнеде, своей первой жене, послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами».

Ответ Рогнеды замечателен: «Я природная княжна, – велит она передать Владимиру. – Ужели тебе одному дорого Царствие Небесное? И я хочу быть невестой Христовою»[23].

С именем Анастасии княжна постриглась и кончила свои дни смиренной монахиней в одной из обителей. Крещение Владимира отозвалось благодатной переменой и среди людей, его окружавших.

Митрополит Иоанн (Снычев) в 1988 г., в дни Тысячелетия Крещения Руси писал: «Изучая эпоху святого равноапостольного князя Владимира, можно спорить о тех или иных подробностях, по-разному описываемых древними историками и летописцами, можно настаивать на той или иной последовательности событий, предшествовавших крещению князя. Можно предлагать свое прочтение причин, приведших святого Владимира к воцерковлению. Но одно для непредвзятого взгляда остается несомненным – в условиях, крайне неблагоприятных для Церкви, в среде народа дикого и нерасположенного к обращению, в стране, враждебной православной Византийской империи, произошло событие, не объяснимое естественным ходом вещей, – Крещение Руси»[24].

Наступило незабываемое и единственное в русской истории утро крещения киевлян в водах Днепра. Накануне Владимир объявил по городу: «Если кто не придет завтра на реку – богатый или бедный, нищий или раб – будет мне врагом»[25].

Священное желание великого князя было исполнено беспрекословно. По свидетельству летописца, «в одно время вся земля наша восславила Христа со Отцом и Святым Духом»[26].

Вопреки всему Русь не разрушилась и не потонула в пучине усобиц. Православие распространялось неимоверно быстро. Уже при жизни святого Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере – в Новгороде, Ростове, Муроме – язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, Православие безоговорочно восторжествовало. Сопротивлением языческой Руси христианству, помимо местничества, двигали материальные интересы немногочисленных жрецов: они боялись потерять свое привилегированное положение в новой системе ценностей. Народ же легко входил в новую веру, не видя в ней ничего, претящего его совести.

Великий князь весной 988 г. отправляется с супругой через Крым, Тамань, Азовские земли, входившие в состав его обширных владений. Впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и несмолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Святая Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли. Обновленная в купели Крещения Святая Русь открывалась навстречу будущему.

Православные храмы вырастали на возвышенных местах, у излучин рек, на старинном пути **из варяг в греки и сарацины** – словно путеводные знаки, светочи народной святости. Прославляя храмоздательные труды равноапостольного Владимира, автор «Слова о законе и благодати», святитель Иларион, первый митрополит Киевский из русских, восклицал: «Капища разрушаются и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являются, бесы убегают, Крест грады освящает»[27].

В конце X в. в купель святого крещения вошли племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышли из купели новым русским народом.

IV

Современный английский историк Норман Девис, автор обширной монографии «История Европы», высказываясь о князе Владимире, старается быть объективным: «Владимира Киевского часто сравнивают с Карлом Великим, считая и его создателем громадного, но недолговечного царства. Эта параллель тем более уместна, что оба стали героями позднейших национальных легенд. В то время как Карл Великий стал национальным героем рыцарского эпоса, князь

Владимир стал центральной фигурой средневековых русских былин, в которых действуют Алеша Попович, Добрыня Никитич и отважный крестьянин Илья Муромец – боевые товарищи князя Красное Солнышко. Никто бы не посмеялся больше над этим эпитетом, чем сам сомнительный святой»[28].

С последней фразой согласиться никак нельзя. Владимир Красное Солнышко правил Русским государством 37 лет, с 978 по 1015 г. Из них 28 лет прожил в святом крещении. Его действенным оружием была мирная христианская проповедь среди степных язычников.

В 1988 г., в дни празднования 1000-летия крещения Руси, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, Слово о Владимире произнес архимандрит Иоанн (Крестьянкин), старейший насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря:

> Мы видим, что лишь в X в. вдруг, как всплеск, является миру – опять первый – равноапостольный князь Владимир.
>
> Теперь мы говорим, что он святой, и теперь на Киевских горах стоит памятник ему. С крестом в руках взирает он на Русь и на плоды своих трудов. Теперь он святой! Но тогда, 1000 лет назад, князь-язычник, достигший в жизни предела всех земных наслаждений, безудержный и грубый во всем, сын ада, если мерить христианскими понятиями. Словно он один вобрал в себя все прошлое Руси. Его восхождение к вершинам власти связано с убийством родного брата. Как бы мог он сам перевоплотиться в нового человека?
>
> Но достиг его Христос. И он не стал советоваться со своей разнузданной плотью, но повернулся ко Христу и отдал Ему сердце, и всех своих позвал за собой. Жестко и решительно слово князя: «Кто не придет креститься, тот не друг мне». И пошли верные за своим князем, поверив его избранию, поняв разницу между Перуном-богом, требовавшим кровавых жертв, и Христом – Богом любви ко всем людям.
>
> Разумеется, человеческая природа сразу не могла измениться. Люди оставались людьми со всеми присущими им достоинствами и недостатками, но заповеди Божии уже звучали в них и связывали грех, еще живущий в сердцах, и вели к нравственному возрождению.
>
> Русь приняла путь Креста, путь разрыва со всем дурным, со всем тем, что приковывает к земле. А живой пример князя Владимира, в котором все увидели чудо преображения великого грешника в праведника, призвал к жизни целый великий народ. И святой князь Владимир, прославленный этим чудом, стоит у истоков христианской Руси[29].

Празднование святому равноапостольному Владимиру было установлено Александром Невским после того, как 15 мая 1240 г., помощью и заступничеством святого Владимира, была одержана знаменитая Невская победа над шведскими крестоносцами. Но церковное почитание святого князя началось на Руси значительно ранее. Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», сказанном в 1051 г., в день памяти святого Владимира у раки его в Десятинном храме, назвал князя **«во владыках апостолом»**, **«подобником»** святого Константина и сравнил его апостольское благовестие Русской Земле с благовестием святых апостолов. Фактически «Слово о законе и благодати» было острым идейным оружием в борьбе за независимость Киевской Руси. Это не осталось незамеченным в Константинополе, и в канонизации Владимира тогда было отказано.

Процесс христианизации, сопряженный с кардинальными преобразованиями древнерусского общества, распространением знаний и грамотности, протекал постепенно и, по современным оценкам, занял приблизительно 100 лет. С учетом размеров страны и ее разноплеменности это срок незначительный: крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет. Там, где священники не следуют в обозе чужеземных завоевателей, где их ведет своя национальная верхушка общества, христианизация проходит достаточно спокойно.

За время жизни двух поколений из конгломерата варварских племен на глазах изумленной Европы возникло древнерусское государство как передовая и мощная держава, ни в чем не уступающая другим. Исчезло старое деление по племенным признакам, вырастала единая древнерусская народность, из которой позже сформировались русские, украинцы, белорусы.

Древняя Русь, обладавшая в языческие времена по-своему совершенной культурой, постепенно становится государством новых, высоких духовных свершений, усваивая от Византии массу знаний – от сочинений Аристотеля до способов кладки каменного свода, – которые уже тогда стали достоянием мировой культуры. Русь устанавливает дипломатические связи с христианской Европой. Владимир-Креститель создал новый тип русской государственности – христианский, непременным идеалом которой стало распространение мира на земле, славы Божией, но не человеческой: **«не нам, не нам, но имени Твоему»**, умирение страстей, вражды и **«ненавистной розни мира сего»**, противостоя-

ние греху и пороку. Такие духовные смыслы исповедуют до сего дня лучшие русские люди.

Во второй половине X в., в уединении **пустынь** и молчаливых келий внезапно возникла и русская литература, одна из самых древних литератур Европы. Чувство значительности происходящего усиливалось великой и трагичной жизнью Христа. Но на поприще культурного творчества, талантов и групп под стягом святого Владимира всегда шло удивительно свободное состязание православных, инаковерующих и неверующих.

Русский философ и критик XIX в. И. В. Киреевский, размышляя о характере российского просвещения, замечал: «Обширная Русская земля даже во времена разделения своего на мелкие княжества всегда сознавала себя как одно живое тело и не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в творческом единстве людей разных вер, связанных между собою сочувственными нитями духовного общения. Некоторые из удельных князей XII и XIII вв. уже имели такие библиотеки, с которыми многочисленностью томов едва могла равняться первая тогда на Западе библиотека парижская»[30].

Еще одна особенность: русская государственная власть с самого начала фактически взяла на себя социальные функции, чего не знала Европа времени Владимира: там эти обязанности были переданы Церкви. Во внутреннем управлении государством князь впервые признал значение закона писанного: появляются княжеские уставы.

Любопытную оценку начального периода православия на Руси высказал в 1987 г. академик-ракетчик Б. В. Раушенбах, один из основоположников российской космонавтики: «Но, может быть, наиболее наглядно международный авторитет Киевской Руси просматривается в династических браках. Если Владимир добыл себе достойную жену силой оружия, то в период княжения Ярослава наблюдается совершенно иная картина. Сам он женат на дочери короля Швеции, его сестра – королева Польши, три дочери – соответственно королевы Венгрии, Норвегии и Франции, сын женат на сестре короля Польши, внук – на дочери короля Англии, внучка – жена германского короля и императора Священной Римской империи Генриха IV. Это ли не признак международного авторитета древнерусского государства? Вот как Владимир „вспахал", а Ярослав „засеял"!»[31].

Время княжения Владимира Красное Солнышко и его пылкое стремление властным самодержавным толчком ввести свою Русь в семью культурных наций стало эпохой в русской истории. Высказывая свое понимание роли православия для русской культуры, А. С. Пушкин писал: «Греческое исповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер: мы, русские, словно восходим к истокам своих родных ключей. У греков мы взяли евангелие и предание, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Что же касается нашей исторической ничтожности, – замечал Пушкин в полемическом письме к Чаадаеву, одновременно как бы предвосхищая недавнее замечание Нормана Девиса о недолговечности деяний Владимира Красное Солнышко, – то я решительно не могу согласиться с Вами. Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[32].

Примечания

[1] Грюнберг П. Н. Пушкин и познание истории // Pravmisl. ru: сайт. URL: http: // pravmisl. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[2] Повести Древней Руси: XI–XII вв. / сост. Н. В. Понырко. Л.: Лениздат, 1983. С. 131.

[3] Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1984. С. 729.

[4] Повести Древней Руси. С. 145–146.

[5] Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 84–85.

[6] Мень А. Сущность христианства: лекция, 11 апр. 1989 г., ДК им. Горького // Мень А. Радостная весть: сб. лекций. М.: Вита-Центр, 1992. URL: http: // alexandrmen. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[7] Скотникова Г. В. Византийская культурная традиция в русском самосознании: автореф. дис. … д-ра культурологии. СПб., 2003. С. 17.

[8] Повести Древней Руси. С. 147.

[9] Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 254.

[10] Псков. правда. 2008. 16 июля. URL: http: // pravdapskov. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[11] Повести Древней Руси. С. 157–158.

[12] Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этн. истории. СПб.: Юна, 1992. С. 55.

[13] Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла: диалог. Л.: Совет. писатель, 1990. С. 63.

[14] Повести Древней Руси. С. 162.

[15] Гумилев Л., Панченко А. Указ. соч. С. 52.

[16] Повести Древней Руси. С. 162.

[17] Карташев А. В. Св. Великий Князь Владимир – отец русской культуры: 950-летие Крещения Руси, 988–1938. С. 9–10 // Электронная библиотека Одинцовского благо-

чиния Московской епархии: сайт. URL: http: // odinblago. ru (дата обращениия: 20. 09. 2013).

[18] Там же.

[19] Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 21: Дневники, 1847–1894. С. 104.

[20] Толстой А. К. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1: Стихотворения. С. 164.

[21] Рылеев К. Думы. Дополнения: Думы, не вошедшие в отдельное издание. 1. Владимир Святый // Собрание классики «Библиотеки Мошкова» (Lib. ru / Классика): электрон. б-ка. URL: http: // az. lib. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[22] Там же.

[23] Бестужев-Рюмин К. Н. О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и монастыре Печерском. СПб., 1888. С. 18.

[24] Иоанн, митр. (Снычев И. М.). О князе Владимире и его эпохе // Иоанн, митр. (Снычев И. М.). Самодержавие духа: очерки рус. самосознания / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. С. 42–43.

[25] Повести Древней Руси. С. 164.

[26] Там же. С. 165.

[27] Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красноречие Древней Руси: XI–XVII вв. М.: Совет. Россия, 1987. С. 53.

[28] Дэвис Н. История Европы / пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Аст, 2006. С. 239.

[29] Крестьянкин И., архим. Слово на 1000-летие Крещения Руси // Московская епархия Русской православной церкви: сайт. М., 2001–2013. URL: http: // mepar. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[30] Киреевский И. В. Россия и запад: о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России: письмо к графу Е. Е. Комаровскому // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 275. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).

[31] Раушенбах Б. В. Пристрастие. Гл. Тысячелетие Крещения Руси. М.: Аграф, 1997 // Православная беседа: сайт. URL: http: // pravbeseda. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

[32] Чаадаев П. Я. Статьи и письма / вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Современник, 1987. С. 26–27.

УДК 32.001:001.4

С. Н. Артановский

Патриоты, космополиты, националисты: историческая эволюция терминов

Статья содержит обзор терминов «патриотизм», «космополитизм», «национализм» в их исторической эволюции. Показано, как со временем и под влиянием каких обстоятельств менялся смысл этих терминов.

Ключевые слова: патриотизм, космополитизм, национализм, гегелевская концепция нации, эволюция понятия «национализм», национализм и современность, национально-государственная идея РФ

Sergey N. Artanovsky

Patriots, cosmopolitans, nationalists: historical evolution of terms

Article contains the review of terms «patriotism», «cosmopolitism», «nationalism» in their historical evolution. It is shown, how in due course and under what influence of circumstances the sense of these terms had changed.

Keywords: patriotism, cosmopolitanism, nationalism, Hegel's conception of the nation, the evolution of the concept of «nationalism», nationalism and modernity, national-state idea of Russian Federation

Окончив филологический факультет Ленинградского университета, пишущий эти строки заинтересовался разделом философской науки, которая посвящена семантическому анализу слов и терминов. Он называется философской семантикой. С этой точки зрения мы и собираемся взглянуть на понятия, указанные в заглавии, избегая развернутых дискуссий по указанным темам.

Слово **патриот** очень давнего происхождения. Оно одного корня с patria, отечество, «земля отцов». Народ, населявший определенную территорию, обрабатывавший ее, строивший на ней дома и растивший в них детей, называл ее Родиной. Люди, жившие на одной родной земле, называли друг друга соотечественниками или, в греко-латинском варианте **патриотами.** Слово **патриот** относилось к месту рождения и проживания, к происхождению человека. Оно первоначально не имело отношения к гражданству, патриотом мог быть свободный, раб и, как ни покажется нам парадоксальным, даже зверь. Но по мере движения к цивилизации термин **патриот** стал насыщаться гражданским содержанием. Патриотом теперь называли человека не только любящего свою Родину, но и сознающего свои обязанности по отношению к своим соотечественникам и к своему государству. Впрочем, чувство локтя было изначальным. Слово патриот не исчезло, но стало обозначать гражданина, лояльного к своему Отечеству.

Если происхождение слова «патриот» относится к временам древним, то слово «космополит» гораздо более позднего происхождения. Словом **космополис** древние греки называли большой город эллинистического периода, в котором жили представители различных народов. Такой многонациональный состав городского населения был новым явлением в истории, которое и потребовало новой идеологии. Античный космополитизм был исторически первой формой идеи мирового единства, зародившейся в европейском пространстве. «Мир нам всем единый прародитель», – сказал Сенека. Но в античном обществе все еще господствовало узкоэтническое самосознание, представление о единстве мира принадлежало небольшой группе философов и просвещенных аристократов, далеких от массы народа.

Однако идеи греческих философов проникли в раннее христианство, и в противовес этнической ориентации иудаизма христианство выдвинуло тезис о том, что «все народы равны перед Богом». «Нет ни эллинов, ни иудеев, есть обрезанные и необрезанные», – писал апостол Павел, понимая в духе времени под обрезанными христиан.

Эту вторую в истории идею мирового единства можно назвать **христианским универсализмом**. Эта идея получила широкое распространение благодаря усилиям Церкви, но практически она мало что изменила в поведении средневекового человека.

Начиная с XVI в., и в особенности в XVIII в., возникла новая форма мировой идеи – **просветительский космополитизм**. Он был создан рядом философов, в особенности французских, и в годы Французской революции конца XVIII в. стал действенной силой. В советское время его называли буржуазным космополитизмом, что более или менее верно, ибо новый вариант космополитизма был связан с приходом к власти

буржуазии. Просветительский космополитизм распространился в широких кругах образованного европейского общества, но лишь временами становился реальной политической силой. В произведениях таких философов, как Дени Дидро, Моро де Сен-Мери, Георга Форстера и других, космополитизм XVIII–XIX вв. остался интеллигентской утопией, мировоззрением поэтов. Характерно высказывание Иоганна Вольфганга Гете, описанное в биографическом очерке Н. А. Холодковского. Разговор Гете и Эккермана представлен биографом в следующей трактовке: «Отвращение Гете к политике послужило, как мы уже знаем, поводом к обвинению его в отсутствии патриотизма. Если под патриотизмом понимать не только любовь к отечеству, но и национальную ненависть, то Гете, конечно, был плохим патриотом, так как расовая ненависть была совершенно чужда душе его. „Между нами, – говорит он Эккерману, – я никогда не ненавидел французов, хотя и радехонек был, что мы от них избавились. Да и как бы я, для которого важны только культура или варварство, мог ненавидеть нацию, чуть ли не самую цивилизованную на свете, которой я и сам обязан значительной долей моего развития?“»[1].

Однако к концу XIX – началу XX в. космополитизм стал все больше превращаться в лицемерную болтовню, которую в корыстных целях использовали буржуазные политики. Он стал ширмой, которая прикрывала колониальные захваты и прочие неблаговидные дела. Потом этот термин приобрел расхожий смысл беспорядочной смеси своего, национального и чужого.

В этом значение он стал использоваться советской пропагандой в середине 40-х гг. XX столетия. Началась «борьба с космополитизмом», имевшая политическую подоплеку. Об этом уже имеются исчерпывающие работы, поэтому мы об этом говорить не станем. Упомянем только два имени, которые непрерывно фигурировали в писаниях советских идеологов. Это Александр Веселовский и его брат Алексей. Оба они были крупные ученые, основатели компаративного литературоведения. Как пионерам в этом деле, им были свойственны некоторые погрешности методологического характера. Так, в своей нашумевшей книге об иностранных влияниях в новой русской литературе Алексей Веселовский правильно отметил наличие многих иностранных влияний в творчестве русских писателей, но в силу своей позитивистской методологии, не позволяющей ученому выходить за узкие рамки своего предмета, полностью игнорировал творческое освоение этих влияний в русской словесности. Книга Алексея Веселовского, вышедшая несколькими изданиями на рубеже XIX–XX в., вызвала уже тогда обвинения в антипатриотизме, которые, кстати, автор тогда же отверг. Сознательно игнорируя то, что компаративизм середины XX столетия далеко ушел от своих истоков, советская пропаганда приписала грехи его зачинателей современным ученым, и это стало предлогом увольнения многих из них из научных учреждений. Однако бесконечное повторение имени Веселовских и выражения «безродные космополиты» набило оскомину российской публике, и о космополитизме стали вспоминать все реже и реже.

Так или иначе, к середине XX в. и позже в научном обиходе термин «космополитизм» стал вытесняться другими терминами, например, «мондиализм», но новые термины не получили широкого распространения.

К концу XX в. появился термин **глобализм**, ставший как бы преемником космополитизма, но на деле своей политической агрессивностью резко отличавшийся от своего предшественника.

Космополитизм был вызван к жизни необходимостью теоретического осмысления растущего международного общения, диалога народов посредством культуры, обмена культурными ценностями. Но, несмотря на успехи этого исторического процесса, остается верным, что всемирная история есть история народов («История христианского мира есть, в сущности, история новых народов» (Н. Н. Страхов))[2]. История каждого народа есть особая глава всеобщей истории. Каждый народ, большой или малый, есть своеобразный культурно-исторический организм, имеющий свой путь исторического развития. Это немаловажное обстоятельство тоже требует осмысления, национальной идеологии, ею претендовала стать доктрина **национализма**.

Национализм появился в самом начале XIX в., его идеи были впервые изложены в сочинениях Фихте и, в меньшей степени, Гегеля. Фихте высказал свои взгляды впервые в Берлине в тот момент, когда зашаталась Наполеоновская империя и французы в оккупированной ими Европе были настроены особенно зло и беспощадно. Фихте выступил с лекциями в Берлинском университете, в которых он призвал немцев сплотиться воедино для отпора иноземным захватчикам. Это было небезопасное дело. Только что французские жандармы расстреляли книгопродавца Пальма, распространявшего брошюры антинаполеоновского содержания. Но Фихте сумел дочитать свои лекции до конца. Позже он издал их в виде книги под названием «Речи к германской нации». В военной сутолоке того времени жена Фихте заболела сыпным

тифом, Фихте самозабвенно ухаживал за ней, но заразился сам и умер. Жена поправилась. Таков был романтический конец этого неуживчивого и страстного человека. Здесь нет места разобрать его сложную и во многом противоречивую книгу. Скажем только, что в ней были изложены идеи национализма, вскоре получившие развитие в трудах Гегеля.

Гегель высказал мысль, что каждая нация должна иметь свое государство и что это государство, национальное государство, есть высший субъект международного права. Выше национального государства, утверждал Гегель, находится только Бог. Эта идея легла в основу современного международного права. Правда, она постоянно нарушалась, сильные государства без зазрения совести попирали суверенитет слабых. Сегодня возникла и соответствующая теория, оправдывающая насилие сильных над слабыми. Это концепция «десуверенизации» государств. Но это уже другая тема.

Национализм XIX в. можно назвать **романтическим национализмом**. Он был связан с протестом народных масс против засилия монархических империй, построенных в результате захватов и династических браков. Монархи распоряжались государством как своей вотчиной, делили ее между сыновьями, дарили, объединяли государства женитьбой наследников престола на иноземных принцессах. Конечно, в XVIII в. это уже уходило в прошлое, но пережитки еще были очень сильны. Национально-освободительные движения, во главе которых стояли такие замечательные люди, как Кошут и Гарибальди, проходили под знаком национализма. Некоторые ученые считают, что именно эти движения создали европейские нации. Мне кажется, что это преувеличение, нации возникли уже в недрах абсолютистских государств, но роль национальных революций в укреплении нации несомненна.

Романтический национализм XIX в. был противоречивым явлением. Горячность патриота, любовь к Родине, революционный пафос иногда переплетались в нем с национальным высокомерием. Что же касается чрезмерного упоения своим национальным, характерен образ Рихарда Вагнера. Это был очень одаренный человек с широким интеллектуальным кругозором, большой музыкант и театральный деятель. Но свои таланты он употребил не всегда к добру. Не без его влияния в Европе после Первой мировой войны появилась новая разновидность национализма, высокомерная и нередко чреватая насилием. Мы склонны назвать ее **ультранационализмом**.

Но вернемся назад, к более гуманной форме национализма. Она зародилась под влиянием позитивизма, пришедшего на смену романтической эпохе. Этот национализм возник во Франции после ее поражения во франко-прусской войне 1870 г. Многие во Франции мечтали о реванше. В обстановке таких настроений была прочитана и опубликована лекция философа Эрнеста Ренана «Что такое нация?». Она явилась во многом переломным моментом в истории национализма. В ней Ренан отказался от господствовавшей в романтизме идеи нации как некоего родового сообщества, несколько подточенного наступившей цивилизацией. Обращаясь к фольклору, художественному творчеству, к мифам, романтизм пытался возродить это родство. Вместо этого Ренан выдвинул тезис: «Нация есть духовное сообщество». Это означало, что человек принадлежит к той национальности, к которой он сам себя причесляет, язык и исторические традиции которой он разделяет. Не «кровь», а духовная близость сплачивают соотечественников, их объединяет любовь к Родине и готовность ее защищать. Так были заложены основы современного понимания нации.

Идеи Ренана получили развитие в работах ряда европейских мыслителей, из которых мы назовем только одного – французского социолога, наиболее известного в первой четверти XX столетия, Алена Турэна. Его понимание национализма отличается четкостью и ясностью. Национализм, писал Ален Турэн, имеет четыре принципа. Во-первых, это включение человека в определенное этническое сообщество, и исключение его из чужого («я – русский, значит, не француз»). Во-вторых, нация есть духовное сообщество. В-третьих, существование полноценной нации невозможно без крепкого государства. Нам идеи Турэна представляются относящимися скорее к нации, чем к национализму. И, может быть, даже к национальному государству. Соображения французского социолога как бы подводят итог эволюции западного национализма XIX в. В XX в. национализм в Западной Европе стал еще более пестрым и многозначным, чем раньше. Ультранационализм приобрел крайне агрессивные формы, но рядом с ним продолжал существовать национализм вполне гуманного толка. Неоромантическое стремление художественно разукрасить национальную идею было не только попыткой преодолеть некоторую сухость позитивистского определения нации, возобладавшее в европейской социологии начиная с последней трети XIX столетия. Оно преследовало цель подчеркнуть эмоциональный элемент национальной стихии, оттенить национальную гордость, присущую большинству народов мира, больших и малых, древних и новых. В этом от-

ношении характерно высказывание немецкого писателя Эрнста Юнгера, который считал себя националистом, но в годы гитлеровского режима не примкнул к национал-социализму и обрек себя на творческое молчание. «Национализм, – сказал он, – это слово, которое дорого тем, кто **верит**». Тем самым нация становилась не только средством идентификации личности, формирование ее самосознания, но и предметом веры.

Но мы оставим европейские пространства и перейдем к России.

Основы русского национального мировоззрения были заложены в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона в XI в. В этой книге были сформулированы три принципа русского исторического бытия: христианская вера, княжеская власть, русская земля. Под «русской землей» Иларион имел в виду не территорию расселения русской нации, которая находилась в это время в состоянии нежного младенчества, а скорее то, что на современном языке мы называем геополитическим пространством. Прозорливый старец как бы предвидел, что на этом пространстве образуется бытие и развитие русского народа – вместе с окружающим его народами. Таким образом, путем гениального прозрения было обрисовано стратегическое единство союза русского народа с другими народами будущей России, ставшее заслоном на пути многовекового крестового похода западных экспансионистов против арабских народов и России.

В своем труде по истории русской культуры П. Н. Милюков описал историю русской мысли XIX в. как борьбу европеизма с национализмом, под которым он разумел славянофильство и почвенничество. Но, насколько мне известно, представители этих направлений себя националистами не называли, да, пожалуй, ими не были, и поэтому им нет места в нашем философско-семантическом очерке. А вот романтиками они, безусловно, были. История термина «национализм» началась в русской мысли прямо с его жесткой критики в произведениях Владимира Соловьева. Он не только написал на эту тему целую книгу «Национальный вопрос в России», но и насытил все дореволюционные русские энциклопедии своими статьями против национализма. Сам он был сторонником «русской идеи», в которой, однако, было мало русского, зато много сумбурного космополитизма вперемежку с мессианизмом. Россия, убеждал всех Соловьев, спасет мир, выстроит Вселенскую церковь и т. д. Соловьевская критика национализма была подхвачена леворадикальной интеллигенцией, а оттуда перешла в советскую идеологию. В ней национализм как абсолютное зло буржуазного происхождения противопоставлялся «пролетарскому интернационализму». Национализм был приравнен к шовинизму, ксенофобии и прочим антимарксистским ересям.

После перестройки положение не изменилось, остались даже репрессии, которые теперь называются наказанием за «разжигание национальной розни». Одна из немногих попыток пересмотреть семантику слов «патриотизм и национализм» была сделана Валентином Распутиным в начале 1990-х гг., но она оказалась мало убедительной и не вызвала откликов.

На этом наше повествование можно было бы и закончить. Но автор не может отказаться от соблазна сделать несколько замечаний от собственного лица. Национализм, как уже было сказано, может становиться реакционным, превращаясь в то, что мы назвали ультранационализмом. Но это происходит далеко не всегда. «Я националист, но я уважаю другие народы», – писал в конце прошлого столетия бывший генеральный секретарь ЮНЕСКО Федерико Майор. Он не единственный в таком понимании национализма. Но национализм имеет одну серьезную «ахиллесову пяту». В любом варианте национализм – концепция самодостаточности нации. Это не лишено некоторого основания, ибо ни один народ не может развиваться, не опираясь на собственные силы. Иностранные влияния могут помочь ему, могут и повредить, но в любом случае это имеет второстепенное значение. Но в нашу эпоху глобализации, интенсивных культурных контактов и единого информационного поля идея самодостаточности нации хромает.

Сегодня обмен культурными ценностями обогащает культуры народов мира, хотя процесс этот не лишен противоречий. Народы сорятся и воюют, сильные вмешиваются во внутренние дела слабых, непослушных подвергают «гуманитарным» бомбардировкам. Вместе с тем идет диалог народов посредством культуры, возникает некий международный культурный фонд. В таком противоречивом, полном соблазнов и угроз мире легко ли быть самодостаточным? Но я обещал не выходить за пределы определения терминов. И все же еще одно замечание, на этот раз последнее. Почему бы не отказаться вообще от слова национализм, заменив его патриотизмом? Но, увы, это не одно и то же. Патриотизм – дело вечное, но это принадлежность массового сознания, и как это сознание в целом, подвержен непрерывным колебаниям. Его смысл не всегда ясен. Национализм более

устойчив. А Российская Федерация нуждается в твердой национальной идеологии. Ею будет, конечно, не национализм, а национально-государственная идея Федерации. Российская Федерация есть единство народов, каждый из которых сохраняет свое национальное своеобразие, но которые живут, трудятся и защищают свою Родину вместе. Каждый народ РФ участвует в общей государственности и вносит в нее свою волю жить вместе с другими народами нашей страны.

Сегодня националистами называют себя многие люди, недовольные существующими порядками, въездом трудовых мигрантов из-за рубежа, бурной глобализацией. Но до национализма как продуманной любви к Родине им, как правило, далеко.

Примечания

[1] Холодковский Н. А. Вольфганг Гете: его жизнь и лит. деятельность. Гл. 8. Гете как человек и деятель. СПб.: Изд-во Ф. Ф. Павленкова, 1891. («Жизнь замечательных людей) // «Собрание классики» Библиотеки Мошкова (Lib. ru / Классика): электрон. б-ка. URL: http: // az. lib. ru (дата обращения: 20. 09. 2013.

[2] Страхов Н. Н. Наша культура и всемирное единство. Гл. 5. Объединители // Литература и жизнь: сайт / А. М. Возлядовская, М. В. Гуминенко. 2008. URL: http: // dugward. ru (дата обращения: 20. 09. 2013).

УДК 003:2-264

С. Т. Махлина

Семиотика животных в мифах Древнего Ближнего Востока

В статье показано, что одни и те же животные существовали в разных регионах, что и отразилось на их использовании в мифах шумеров, вавилонян, ассирийцев, в Ханаане. Многие их представления получили отражение в хеттских мифах. Все вместе они легли в основу древнееврейских мифов. В облике животных предстают боги, их помощники. Общение с животными помогает выстраивать сюжеты, нередко часть животного становится знаковым элементом того или иного мифического персонажа. Однако одни и те же животные получают разное семантическое осмысление в зависимости от общих установок и идеологических предпочтений в том или ином регионе.

Ключевые слова: лев, львица, кошка, корова, бык, газель, птицы, орел, сокол, ласточка, ворон, голубь, осел, козленок, змея, жук-скарабей, ибис, павиан, шакал, баран, крокодил, гиппопотам

Svetlana T. Makhlina

Semiotics of animals in the mythological systems of the Ancient Middle East

The paper shows that the same animals existed in different regions and were used in the myths of Sumer, Babylon, Assyria and Canaan. Their ideas were also reflected in the Hittite mythology. The ideas all together became the basis of Hebraic mythology. Gods and their helpers were often appeared in the animal form and communication with animals helped to create the mythological plots. Quite often a part of animal became the sign of one or another mythical character. However the same animals receive different semantic meanings depending on the common attitudes and ideological preferences of one or another region.

Keywords: lion, lioness, cat, cow, bull, gazelle, birds, eagle, falcon, swallow, raven, pigeon, donkey, kid, snake, scarab, ibis, baboon, jackal, ram, crocodile, hippopotamus.

Животные – важная часть действительности, окружающая человека. Уже в первые этапы становления человеческой культуры животные занимали огромную сферу внимания людей, ибо от того, насколько освоен мир животных, зависело существование сообщества. Неслучайно поэтому во всех мифах народов мира присутствуют животные. Есть они, конечно, и в мифологии Ближнего Востока. Однако в разных регионах они интерпретировались по-разному, семантика их была различной.

«Миф – это продукт человеческого воображения, порождаемый определенной ситуацией и предназначенный для какой-то цели»[1].

Наиболее древние мифы, повлиявшие во многом на мифы Древнего Востока – это **шумерские** мифы. В них много персонификаций животных. Птица грома Имдугуд идентифицируется с изначальным обличием бога, лишенного человеческих черт[2]. Первоначально внешний облик Нингурсу представлялся «как грозовая туча, которая рисовалась мифотворческому восприятию громадной птицей, парящей в небе с распростертыми крыльями. Так как громовые раскаты могли исходить не иначе как из львиной пасти, птица издревле была наделена головой льва»[3].

В снах Гудеа, правителя Лагаша, записанных в шумерских клинописных текстах, множество животных, имеющих семиотическое значение: львы, птицы Тибу, молодой осел, бык, козленок[4].

Миф о потопе существует у многих народов. В связи с этим мифом ассиролог-самоучка Джордж Смит (работал гравером и изготовлял медные доски с иллюстративными таблицами) первым разобрал в поврежденной клинописной табличке о всемирном потопе, который очень напоминал библейский: «так для человечества вновь был открыт эпос о Гильгамеше»[5].

В шумерской мифологии боги создали людей для того, чтобы они возделывали землю и освободили богов от необходимости добывать себе трудом пропитание. У шумеров богини создали людей из глины, находящейся над «бездной», у вавилонян – из крови мятежника Кингу, но люди не оправдывают ожидания богов и тогда боги решают уничтожить человечество с помощью потопа. Однако Энки сообщает благочестивому царю Шуруппака Зиусидре, как построить ковчег, и тем самым спасает людей и животных.

У **вавилонян** эта версия мифа получает более объемные формы. Здесь уже Эйя, а не Энки, рассказал Утнапиштиму, как построить ковчег, в котором должно поместиться все живое. После бури ковчег остановился у горы Ницар. Подождав 7 дней, Утнапиштим выпустил

сначала голубя, который вернулся, не найдя пристанища, затем ласточку, которая тоже возвращается. И лишь когда он послал ворона, тот нашел пищу и не возвратился. Сравним с Библией, где совсем иная последовательность и иные семиотические значения этих пернатых.

Вавилонский эквивалент Зиусидры – Утнапиштим, получивший за спасение человечества бессмертие, рассказывает Гильгамешу о растении, которое может омолодить старика. Это растение Гильгамеш сумел достать. Но на обратном пути в Урук, когда он остановился у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, змея утащила чудодейственное растение. С тех пор змея сбрасывает кожу и может обновляться.

Так, в мифе об Этане и орле Этана – царь, которому боги передали знаки царской власти. Но для того, чтобы обеспечить преемственность царской власти, ему нужен был наследник, которого не было. Шамаш велел Этану перейти через гору, где он найдет плененного орла. Освобожденный орел покажет ему траву рождения. Оказывается, с начала времен змея и орел договорились о том, что будут охранять и снабжать пищей детенышей друг друга. Но по прошествии времени орел затаил обиду на змею. Когда она была на охоте, орел пожрал ее детенышей. Шамаш – бог правосудия и блюститель порядка научил змею, как обломать орлу крылья, заманив орла в яму и там оставить. Конец вполне оказывается оптимистичным. Все получают то, чего хотели.

В **ассирийской** мифологии голубь почитался как священная птица. Как известно, Ассирия славилась своей жестокостью: привычными были сдирание кожи с пленных, отрубание рук, ног, выдавливание глаз и т. п. Неслучайно запечатлевали они на рельефах сцены охоты на животных, со всеми подробностями мучительной агонии зверей[6]. Интересно, что австрийский этнолог Конрад Лоренц «считал голубей одними из самых жестоких представителей животного мира»[7]. (Сравним эту семантику голубя с христианской традицией!)

Древнеегипетские мифы отличаются от месопотамских, так как здесь совсем другие условия жизни, более комфортные и приятные для людей. И все же в них много общего: «Между египетской и шумеро-аккадской мифологиями имеется известное сходство, однако гораздо важнее их бросающееся в глаза различие… Обе страны расположены в долинах рек… Но, как конфигурации великой египетской реки, так и ее поведение кардинально отличают ее от речной системы Тигр–Евфрат»[8]. Да и в самом Египте юг и север отличаются друг от друга. «Различие между этими «двумя землями», как их называют египтяне, достаточно велико, чтобы оказать значительное влияние на мифологическую и человеческую историю страны»[9].

Правда, здесь много змей. Скорпион, укусы которых смертельны. Поэтому защищают от них священные зверьки – еж и мангуст, а также Хемсут и Ка – «воплощение покровительства и спасения от бед»[10].

Несомненно, что в египетских мифах множество животных, ибо без них человек не может существовать. При этом надо помнить, что человек, по представлениям древних египтян имел двойника «Ка» и «Ба», который, по мнению А. Л. Вассоевича, представляет собой «душу»[11]. Эту душу древние египтяне изображали в виде птицы с головой человека, так как по их представлениям, душа – это то, что вылетает из человека[12]. Ка – это, по мнению Ю. Я. Перепелкина – полнота жизненных сил. Поэтому это «ка» – могучий бык[13]. При этом указывает Ю. Я. Перепелкин: «Боги могли обратиться друг в друга или оказаться частью тела или „именем“ один другого»[14]. У Солнца «Ба» – черный бык, а у вечернего Солнца – сфинкс. А. Л. Вассоевич сетует о неопубликованном суждении Ю. Я. Перепелкина о том, что все всевозможные гибриды египетского пантеона – человекольвы, человеколошади, и т. п. – плод измененного состояния в условиях длительной изоляции человека[15]. Кроме «Ка» и «Ба», у богов и людей есть другие души-сущности. «Рен» – имя. «Ах» – сияние (Просветленный, Блаженный) – изображался в виде хохлатого ибиса. Кроме того, были еще «Шуит» – тень и «Сах» – тело. Связанные с ними обряды и верования практически неизвестны[16].

Сами боги могли быть в облике животных, причем «один и тот же бог мог представать в разных обличьях. Его изображали то в виде животного, то в виде человека со звериной головой, либо просто ставили символ-иероглиф. У некоторых богов имена менялись согласно время суток. Так, утреннее солнце воплощал бог Хепра: он принимал облик жука-скарабея и катил солнечный диск до зенита. Дневное солнце воплощал бог Ра – человек с головой сокола. А вечернее, «умирающее» солнце – бог Атум»[17]. В долгих боях с исчадиями мрака бог Ра состарился. Силы его стали убывать, ум притупился. Люди, смертные, узнав об этом, решили свергнуть его с престола и самим управлять миром. Совет богов решил, что с бунтовщиками расправится богиня Хатхор, дочь Ра. Она превратилась в львицу Сохмет и стала пожирать людей. Тогда боги быстро растолкли красный камень диди в порошок, насыпали его в крепкое пиво и разлили в долине. Львица Сохмет приняла жидкость за кровь и стала ее лакать. Захмелев, она крепко

заснула. Проснулась она в образе Хатхор – богини любви, которую изображали в облике юной девушки с короной в виде золотого диска и коровьих рогов[18]. Но у египтян «Хатхор сливается с образом львицы Сохмет, а иногда с ними обеими отождествляется львица-Тефнут»[19]. Баст – богиня-кошка, дочь Ра и помощница в борьбе с Апопом. Кроме того, она богиня веселья и любви[20]. Бог-крокодил Себека покровительствовал охоте и рыбной ловле[21]. Бык Апис – душа Ка мемфисского Птаха, олицетворение плодородия. Многим богам сопутствовали животные. Так, ибис – священная птица Тота. И. В. Рак приводит развернутый указатель имен и их семантическое наполнение в своей книге[22].

Когда роженица начинает рожать, ей на помощь спешат Хатхор, Исида и Мешенит. У этой Мешенит в облике молодой красивой женщины в уборе из разноцветных перьев есть мохнатые уродцы-карлики Бэсы и их жены – Бэсит – женщина с головой львицы и Таурт – беременная самка гиппопотама с женскими грудями, руками и волосами и с зубами крокодила[23].

Богиня справедливости Маат окружила мир высокими горами, поддерживавшими небесную реку. Для плавания по ней она построила две ладьи – Манджет – дневную, Мектет – ночную. Дневная ладья перевозила Солнце с востока на запад, ночная доставляла Ра по подземной реке через царство мертвых Дуат обратно на восток. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедливости. Крылатый Гор в образе сокола летит впереди Ладьи. Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари пытаются напасть на Ладью врасплох. Увидев приближающуюся ладью, павианы поют:

Великий Ра!
Ты сотворил птиц, зверей и растения,
Мы воздаем тебе хвалу!
Мы услаждаем твой слух
Мелодичным пением
И пляшем для тебя…[24]

Когда ладья приближается к каменным воротам подземного царства, все перемещаются в новую ладью Месектет. К ним присоединяется змей Нехен, грозный Акер, Нехебкау. Этот Нехебкау имеет человеческое тело и змеиную голову. Вместе с богом-волком Упуауту они являются привратниками и охраняют Загробный Мир. Кроме того, только Упуат знает тайные заклинания и поэтому этого бога-волка называют «Открывателем Путей»[25].

В мифах об Апопе, враге Ра, повествуется о его низвержении и полном уничтожении. Апоп предстает в мифе в виде змея, символизирующего «мрак, который солнце ежедневно побеждает, начиная путь по небу в своей божественной ладье, и особенно в утро Нового года»[26]. Он иногда одерживает победу над Ра. Тогда на Египет налетает буря. Иногда Апоп ухитряется проглотить небесную ладью – тогда на земле наступает затмение. В Подземном Дуате Апоп опять напал на Ра. Но Ра обратился в кошку[27] и, вооружившись мечом, отсек голову Апопу, который проглотил подземную реку и таким образом образовал мель, на которой застряла ладья. Вылившаяся вода дает возможность продолжить путь. В конце концов, Апоп обращается в бегство, потому его заклинания в прозе, а вдохновенный гимны Маат – богини справедливости – имеют большую силу[28].

В додинастический период Тот был богом нома ибиса, затем он стал богом Луны, замещающим бога Ра в подземном мире. А ибис таким образом оказался символом Тота. Тот помогал Осирису в его делах. Он дал людям письменность, научил их знаниям в области астрономии, медицины, математики. В некоторых мифах Тот обращается в павиана, сумев обуздать лестью своенравную богиню Тефнут, превратившуюся из дикой львицы в кроткую газель, увидевшую красоту страны, о которой ей рассказывал Тот[29]. Омыв свое тело в озере священного острова, она превратилась в прекрасную девушку. Тефнут стала богиней добра и зла. На голове у нее диадема – круг со змеей – символом божественного ока – Уджат[30]. Покровительницей севера была богиня-кобра – Уаджет, что соответствовало слову «зеленая» (по цвету папируса)[31].

Бог ночи – Анубис – с головой шакала. Он – неумолимый страж загробного мира, навлекающий ужас на осквернителей могил.

В целом весь мир представал для древнего египтянина множеством символов животных. Так, богиня Неба представлялось в виде коровы. Гор – сын Исиды и Осириса – в виде сокола или человека с головой сокола. Когда Сет вырвал глаза Гора и тот ослеп, Хатхор подоила газель и, влив в незрячие глаза свежее молоко, вернула зрение Гору. Разъяренный Сет превратился в гиппопотама, но победить Гора даже в таком облике не сумел. Исида, защищая Гора, превращается в коршуна. Но чаще всего она изображается в головном уборе с коровьими рогами, между которыми помещается солнечный диск.

Людей же сотворили боги. Первых людей бараноголовый бог Хнум вылепил из глины. По другой легенде бог Ра от радости, что так прекрасно сотворил мир, заплакал, и слезы, упавшие на землю, превратились в людей.

В **Угаритской** мифологии, представляющей собой промежуточный регион между цивили-

зациями Вавилона и Египта – в районе Ханаана, где люди говорили на семитских языках, мифы и легенды делятся на три группы. Самая большая группа – о приключениях и деяниях бога Баала и его отношениях с другими представителями пантеона. Вторая группа посвящена царю Хубура, Керету. Третья – Акхату, сыну Даниэля, легендарного царя.

Высший бог угаритской мифологии – Эл, часто именуемый Бык Эл. Он – отец богов, обитает в поле у источника рек. Его сын Баал, бог плодородия. С ним враждует бог морей и рек Йам-Нахар – любимец Эла. Бог ремесленников Котар-и-Хасис, богиня солнца Шапаш (как похоже на бога солнца Шамаша в аккадской мифологии!). Жена Эла – Ашторет, мать богов, повелительница моря – Ашера, ее сын Аштар, для которого она добивается трона Баала, бога молнии и грома, сестра Баала – Анат.

В некоторых сказаниях Угарита грифы – символы бесплодия земли.

Баал убивает грифов и их мать Сумул.

В целом в угаритской мифологии явно ощущается влияние вавилонской и египетской мифологии. Доминирующей становится вавилонская мифология. Однако для нас важно, что ханаанская, т. е. угаритская мифология оставила заметные следы в еврейской мифологии.

Интересен миф о боге Телепине, сыне бога грозы, повествующий о возвращении исчезнувшего бога. Телепин ушел, так как оказался в ярости – из-за отсутствия табличек, отчего это произошло – неизвестно. Но, уйдя в степь, Телепин остается там и засыпает. В его отсутствие страну покрывает туман, наступает засуха, голод и многие другие несчастья. Естественно, что отец, бог грозы, начинает поиски сына. Он посылает быстрокрылого орла, но он возвращается ни с чем. Богиня Ханнаханна посылает Пчелу, которая должна ужалить Телепина и смазать ему воском глаза и ноги и привести к богам. Пчела выполняет все повеления богини, но Телепин еще больше рассвирепел, пробужденный от сна. Богиня Камрусепа производит обряд очищения и Телепин возвращается на крыле орла. Камрусепа укрощает гнев Телепина. И его гнев изгнан в преисподнюю.

Хетты по-иному относились к своим божествам, нежели, скажем, вавилоняне. Одно из главных животных в **хеттской** мифологии – Лев. Однако по сравнению с вавилонскими шеду или быками их изображение проигрывает в изяществе и реализме. Среди мифологических животных – орел бога Солнца. Здесь богам противостоит дракон Иллуянку. Таким образом, и в хеттских мифах мы видим большое влияние вавилонских мифов. Но при этом многое из хеттских мифов восходит к греческому и европейскому фольклору.

Говоря о **древнееврейской** словесности, следует иметь в виду, что Ветхий Завет в изобилии содержит мифологический материал. В Книге Бытия можно проследить традицию двух ранних переселений народа в Ханаан. Первые поселенцы во главе с Авраамом появились в Ханаане из Ура Халдейского примерно в середине XVIII в. до н. э. и осели в окрестностях Хеврона. Позднее кочевые и полукочевые переселенцы арамейских племен пришли во главе с Иаковом и поселились вокруг Сихема. Третья волна евреев в конце XIII в. вышла из рабства в Египте в Ханаан, где жили семиты, как и они, но занимались земледелием, а пришельцы были скотоводами. Так как Ветхий Завет – продукт многовековой работы редакторов, то здесь можно найти разночтения. Сложно выявлять источники и первоначальные формы мифов, здесь содержащихся, изменения, внесенные еврейскими авторами, их собственные мифы. Как утверждает С. Г. Хук, «в окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала собрана в первых одиннадцати главах Книги Бытия, а другие мифы разбросаны в фрагментарных формах по еврейским сказаниям и поэзии…»[32]. Он считает, что основой здесь служит палестинская, выражающая раннеханаанейские представления, а не месопотамская или египетская мифологии, хотя источник, которым пользовались палестинские мифы – месопотамский[33].

Представление о рае в Книге Бытия, где первый человек наделен мудростью и способностью слышать советы Бога, очень близко представлению о божественном саде шумерских мифов, где нет болезней, смерти и дикие звери не охотятся друг на друга. Это описание рая можно найти в шумерской поэме. Крамер назвал ее Эпосом об Энмеркаре.

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.
Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.
Там лев не бьет.
Волк ягненка не рвет.
Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.
Там свинья зерна не пожирает.
Вдова на крыше солод не расстилает,
Птица небесная тот солод не склевывает.
Там голубь головою не вертит
Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.
Там старый «я старый» не говорит.
Там девушка не умывается, водой из океана не плещется.
Там перевозчик «навались» не кричит.
Там страж вокруг зубцов не кружит.
Там певец песнопений не распевает,
Плачей за городом не заводит[34].

Как видим, здесь в рае нет воды. А вот в семитском варианте шумерских мифов место Дильмун, место рая, располагалось в устье Персидского залива. В шумерском мифе богиня-мать Нинхурсаг посадила в саду богов 8 растений. Но Энки, проголодавшись, съел их все. Нинхурсаг, разгневавшись, прокляла его и ниспослала на него смерть. Энки заболел и стал умирать. Никто не мог ему помочь, даже Энлиль. Боги заставили Нинхурсаг исправить положение. Она создала 8 богинь-целительниц. Одной из них была богиня, созданная из ребра Энки, и она получила имя Нинти, что означает «госпожа ребра». При этом шумерское слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». И в древнееврейском мифе женщина была создана из ребра Адама, и имя ее Ева означает «жизнь». Близость этих мифов обусловлена и тем, что и там, и здесь, тема смерти и болезней, поиски бессмертия стали основой мифов о рае, творении, потопе, ставшие традиционными в мифах народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры.

Как верно пишет С. Г. Хук, «такие образы и символы мифа, как убиение дракона, сад, древо познания добра и зла, змий, стали языком, дающим возможность выразить то, что иным путем выразить невозможно»[35].

Один из важных мифов – миф о Каине и Авеле. Оба они – дети Адама и Евы. Рождены они были после изгнания родителей из рая. Каин – земледелец. Авель – скотовод. Оба приносят жертвы богу Яхве, но жертвы Каина отвергнуты. Охваченный завистью Каин убивает Авеля. Это было выражение вражды между оседлыми земледельцами и скотоводческими полукочевыми народами.

Любопытно, что еврейский Новый год праздновался в течение 7 дней и в какой-то мере напоминал вавилонский новогодний праздник и в целом новогодние торжества в городах Месопотамии с древних времен, а также афинский ритуал Буфония.

Во время вавилонских новогодних празднеств, связанных с земледелием, жрец, приносивший жертвоприношение, и заклинатель, изгонявший зло, забивали овцу, ее кровью обмазывали стены храма и затем убегали в пустыню. В еврейском празднике Судного Дня забивают козла, но вместо людей в пустыню отпускают второго козла, «козла отпущения» грехов. Считается, что бегство Каина сначала имело ритуальное значение. После убийства, которое, вероятно, было ритуальным, и Каин, по всей видимости, относился к священному сословию. Если у египтян не было мифа о потопе, хотя и существовал миф об уничтожении человечества, у вавилонян причина потопа – люди слишком шумели и мешали богам. Можно сравнить с индейскими верованиями, где также люди мешали богам своим топотом и шумом. Для еврейских авторов потоп стал предзнаменованием катастрофы, вызванной бунтом человека против Бога. Ясно прослеживается связь между библейским потопом и его месопотамском происхождении. Как отмечает С. Г. Хук, «процесс трансформации носил гораздо более радикальный характер, и мифы приобретали более глубокий религиозный подтекст…»[36].

Надо подчеркнуть, что мифы об уничтожении человечества по-разному претворялись в Египте, Месопотамии. В Книге Бытия к этому сюжету примыкает история о разрушении Содома и Гоморры и спасении Лота. Разрушение этих городов было сделано ниспосланным с небес дождем из серы и огня. Причина – порочность жителей этих городов. Так же потоп был ниспослан богами из-за порочности людей. Интересно отметить, что, описывая разрушение порочных городов, автор использует слово «ниспровергнуть». На иврите это слово обозначает последствия землетрясения.

Еврейские пророки пользовались вавилонскими мифологическими образами для описания освобождения еврейского народа из Египта. В их описаниях Египет превратился в дракона, которого Яхве мощной дланью поверг мечом. Таких обращений к семиотике животных мы немало находим в еврейской мифологии.

После совершения древнего ритуала рассечения заколотых животных, Авраам видит, как Яхве проходит между рассеченными животными в виде «дыма, как бы из печи и пламени огня»[37]. Миф стал формой мышления символами. Так, Дракон, поверженный Яхве, чтобы привнести в порядок хаос, потом снова будет им повержен, чтобы восстановить порядок.

При завоевании Иерихона воинство Израиля несло перед Ковчегом Завета 7 юбилейных труб из бараньих рогов. После 7 дней жители должны были протрубить в бараний рог, народ должен был закричать при этом, и стены Иерихона должны были пасть. После того, как народ Израиля сделал золотого тельца, Моисей разбил первые каменные скрижали откровения, Яхве повелел сделать деревянный ковчег, куда надо было положить вторые скрижали. Ковчег этот возили из одного города в другой. После 7 месяцев бедствий, жрецы и прорицатели велели отправить Ковчег «в свое место» с искупительной жертвой. Ковчег поставили на колесницу, запряженную двумя первородившими коровами. Если коровы повезут колесницу в верном направлении, это будет знак того, что филистимляне будут поражены рукой Бога Израиля. Коровы пошли в правильном направлении. Этот миф прославлял

неприкосновенность и святость Ковчега Завета.

В шестой главе Четвертой книги Царств рассказывается о том, что Давид перевозил Ковчег в Иерусалим на колеснице, запряженной волами. Когда волы оступились, один из сопровождавших, желая поддержать Ковчег, чтобы он не опрокинулся, протянул руку. Немедленно он был повержен, что вызвало печаль окружающих.

В мифах об Илии Елисее также присутствует множество животных, имеющих символическое значение. Так, Илия сооружает алтарь Яхвею из 12 камней – по числу колен Израилевых. На дрова он кладет тушу убитого тельца и велит вылить на жертву 12 кувшинов воды. Яхве, после взываний Илии, посылает с небес пламя, которое поглотило и жертву, и дрова, и камни алтаря, и даже воду. После этого народ признал Яхве свои Господом. Слуга Илии Елисей отправляется со своим господином в Вефиль. Здесь Илия совершил множество чудес – оживил сына сонаминянки, малое количество елея у вдовы по воле Илии преумножилось, его кости в гробу оживили умершего[38].

В целом древнееврейские авторы черпали мифологический материал из месопотамских и ханаанейских источников, обогащая их из персидских источников.

В книге пророка Даниила мы опять встречаем семиотическое значение животных. Когда Навуходоносор за гордыню был на 7 лет отлучен от людей, он питался «наподобие быка, травою». Когда Дарий повелел бросить Даниила в ров со львами, по мнению Даниила, Бог послал ангела и загородил пасть львам. Тогда Дарий велел поднять Даниила изо рва и бросить туда с женами и детьми тех, кто донес на Даниила.

Резюмируя, следует отметить общность использования животных в мифах, ибо одни и те же животные существовали в разных регионах, что и отразилось на их использовании. В облике животных предстают боги, их помощники, общение с животными помогает выстраивать сюжеты мифов. Нередко часть животного становится знаковым элементом того или иного мифического персонажа. Однако одни и те же животные получают разное семантическое осмысление в зависимости от общих установок и идеологических предпочтений в том или ином регионе.

Примечания

[1] Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока / пер. с англ. В. А. Якобсон. М.: Наука, 1991. С. 4. (По следам исчезнувших цивилизаций).

[2] Якобсен Т. Сокровища тьмы: история месопотам. религии. М.: Вост. лит., 1995. С. 29.

[3] Там же. С. 150.

[4] Вассоевич А. Л. Духовный мир народов классического Востока: ист.-психол. метод в ист.-филос. исслед. СПб.: Алетейя, 1998. С. 199–217.

[5] Там же. С. 220.

[6] Овчинникова А. Легенды и мифы Древнего Востока. Ростов н/Д: Феникс; СПб.: Северо-Запад, 2006. С. 327.

[7] Там же. С. 307.

[8] Хук С. Г. Указ. соч. С. 55.

[9] Moret A. The Nile and Egyptian Civilization. London, 1927. P. 27.

[10] Рак И. В. Мифы Древнего Египта. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 156–157.

[11] Вассоевич А. Л. Указ. соч. С. 175.

[12] Там же. С. 177.

[13] Перепелкин Ю. Я. Древний Египет // История Древнего Востока: зарождение древнейших классов о-ва и первые шаги рабовладел. цивилизации. М.: Наука, 1988. Ч. 2: Передняя Азия, Египет. С. 9.

[14] Там же. С. 379.

[15] Вассоевич А. Л. Указ. соч. С. 254.

[16] Рак И. В. Указ. соч. С. 153.

[17] Мифы и сказки Древнего Египта / сост. Г. А Мачинцев. СПб.: ОЮ–92, 1993. С. 5.

[18] Там же. С. 37.

[19] Овчинникова А. Указ. соч. С. 27.

[20] Рак И. В. Указ. соч. С. 160.

[21] Там же. С. 160.

[22] Там же. С. 187-240.

[23] Там же. С. 145.

[24] Мифы и сказки Древнего Египта. С. 46-47.

[25] Там же. С. 47.

[26] Хук С. Г. Указ. соч. С. 64.

[27] Кошка – священное животное, поэтому кошки пользовались особенным почетом и уважением в Древнем Египте. Они считались самыми красивыми животными, и красавицы стремились перенимать их грациозные движения. Современные ученые даже обнаружили священный город, где жили несколько тысяч кошек, за которыми ухаживали специальные слуги.

[28] Овчинникова А. Указ. соч. С. 35.

[29] Мифы и сказки Древнего Египта. С. 30.

[30] Там же. С. 30,31.

[31] Там же. С. 32.

[32] Хук С. Г. Указ. соч. С. 92-93.

[33] Там же. С. 98,99.

[34] Цит. по: Там же. С. 101-102.

[35] Там же. С. 104.

[36] Там же. С. 127.

[37] Книга Бытия. 15:17.

[38] Четвертая книга Царств. 13:21.

УДК 784.3(47+57)"1940/1980"

В. В. Лелеко

Мифопоэтический образ Родины в советской песне 1940–1980-х гг.

В статье раскрываются разные грани одного из основных образов советской эпохи – мифопоэтического образа Родины и его воплощении в массовой и эстрадной песне 1940–1980-х гг.

Ключевые слова: советская песня, мифопоэтика, образ Родины-матери, русская ментальность, простор, широта и раздолье русской земли, образ дерева, образ цветка, образ певчей птицы, Родина – космос, Родина – малая Родина, дом, путь

Vera V. Leleko

Mifopoetical image of the Homeland in the Soviet song in 1940–1980's

The article contents different sides of one of the main images of the Soviet era – a mifopoetical image of the Homeland and its embodiment in the mass and variety song of the 1940th – reveal the 1980th years.

Keywords: Soviet song, mifopoetika, image of the Motherland, Russian mentality, scope, width and expanse of Russian land, image of tree, image of flower, image of songbird, the Homeland – space, the Homeland – the small Homeland, house, a way

Среди песен патриотической тематики выделяются песни о Родине, которые отличаются значительным разнообразием идейного, поэтического и музыкального содержания. Скажем вначале о тех из них, которые имели характер торжественного славления и были предназначены для исполнения на официальных праздничных мероприятиях, т. е. представляли официальную советскую мифопоэтику. Прежде всего следует назвать «Гимн СССР» А. В. Александрова – С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана (1944). Известно, что после XX съезда КПСС он исполнялся в инструментальной версии, без слов, так как в первой версии гимна упоминался Сталин и армия. Новые слова появились к 50-летию Октябрьской революции, в 1977 г. В новой редакции текста гимна как заклинание повторялось слово «свобода». Оно звучало во всех куплетах и два раза – в припеве. Республики, Отечество были «свободными», «солнце свободы» «сияло нам» «сквозь грозы». СССР пелась здравица, Отечество прославлялось. Не были забыты «дружба народов», нерушимость союза «республик свободных», партия Ленина, ведущая нас «к торжеству коммунизма» по пути, который «озарил» «Ленин великий». Упоминалось и Красное знамя как один из государственных символов, и наша «беззаветная верность» ему. Налицо комплекс основных советских символов и образов-мифологем.

Песни, славящие Россию, Родину, герой которых признается в самоотверженной и преданной любви к ней, песни, звучавшие в праздничных официальных концертах, в большом количестве писал С. Туликов – один из самых «придворных» композиторов советской эпохи. Их музыка в основном гимнического склада, а слова – патриотического характера: **«Родина, тебе я славу пою! / Родина, я верю в мудрость твою! / Все твои дороги, все твои тревоги / Я делю с тобой, земля моя!»** («Родина» сл. Ю. Полухина (1960)). **«Славься страна гордой мечты!»** («Тост о Родине» сл. Г. Ходосова (1967). **«Родина моя, / Что будет и что было, – / Все я пополам / С тобою разделю / Вовсе не затем, / Чтоб ты меня любила, / Просто потому, / Что я тебя люблю!»** (сл. М. Танича (1965)[1]. Этим песням близки по поэтическому содержанию и характеру музыки «Моя Родина» А. Долуханяна – М. Лисянского (1960-е гг.), «Россия» Д. Тухманова – М. Ножкина (1967) и др.

В советской песне широко представлен близкий обрисованному, но более интимный, с одной стороны, и «архетипический», с другой, **образ Родины-матери**. В годы Великой Отечественной войны, когда во весь рост встает вопрос о защите родной земли, образ Родины-матери вызывается из глубин народной памяти, становится жизненно необходимым, используется официальной культурой. Достаточно вспомнить знаменитый плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» Но и раньше, до войны, в своего рода гимне Родине – песне «Широка страна моя родная» И. Дунаевского – В. Лебедева-Кумача (1935), утверждается: **«Как невесту Родину мы любим, / Бережем как ласковую мать».** Этот образ продолжал быть актуальным для официальной советской культуры, в том числе для массовой песни, и в послевоенные годы. Примером тому могут служить: «Артековский вальс» Д. Кабалевского – В. Викторова (1961)): **«Родина милая, родина-мать, / Как же спасибо тебе не сказать / За крымскую сказку, заботу и ласку, / Как же спасибо тебе не сказать!»;** «Ты позови

меня, Россия» В. Левашова – В. Харитонова (1970), где поется о сыновьем отношении к России как к матери; «Ты, Россия моя» С. Туликова – С. Острового (1960).

Подчеркнем еще раз архаичность и архетипичность образа Родины-матери, который, учитывая это, можно считать мифологемой. Для русского крестьянина образ родной земли и образ Родины сливались в единое целое, а земля также была связана с началом материнским и святым. Ориентируясь на традиционную русскую ментальность, о России, ее женской природе много и глубоко писали в свое время русские религиозные философы конца XIX – начала XX в: Н. Бердяев, Н. Лосский, в советское время – Д. С. Лихачев и другие[2]. Можно вспомнить строки из блоковского «На поле Куликовом»: «О, Русь моя! Жена моя!..» Этот образ, мифологический в своей основе, нередко встречается и в советских песнях: **«У моей России очи голубые, / Очи голубые, русая коса»** («Ты цвети, Россия» В. Левашова – Н. Палькина) или в популярной песне «Гляжу в озера синие» Е. Птичкина – И. Шаферана (1972): **«Гляжу в озера синие, / В полях ромашки рву, / Зову тебя Россиею, / Единственной зову. / Не знаю счастья большего, / Чем жить одной судьбой, / Грустить с тобой, / Земля моя, / И праздновать с тобой»**. Мотив земли-матери, кормилицы – у А. Пахмутовой и Е. Долматовского: **«В земле наша правда, в земле наши корни, / И силы в плечах – от лугов и полей. / Земля и оденет, земля и накормит, / Ты только себя для нее не жалей. / … / Зови меня дочкой, зови меня сыном, / А я тебя матерью с детства зову»**. («В земле наши корни» (1971)).

Среди песен о Родине особо выделяется «Родина моя» Д. Тухманова –Р. Рождественского (1972)). Это великолепный образец эстрадной песни, рассчитанной на профессиональное исполнение. Успех песни и ее массовую популярность обеспечили прежде всего яркая и оригинальная, остро современная музыка, сочетающая речитативное скандирование с его мощным жизнеутверждающим радостным напором, темпом, ритмом и распевный мелодизм. Поэтический текст Р. Рождественского также неординарно раскрывает традиционный образ необъятных просторов России – им придается космический масштаб – и официальную идеологему о дружной семье народов страны, которая подается не абстрактно, но как это было в жизни – как будто через личные контакты жителей огромной страны, поющих песни на родных языках. Это сказочно-мифологическая страна без начала и конца, обласканная солнцем, с «солнечной судьбой», «необъятными реками», общий дом для советских людей: **«Я, ты, он, она, / Вместе – целая страна. / Вместе – дружная семья, / В слове „мы" – сто тысяч „я" / Большеглазых, озорных, / Черных, рыжих и льняных, / Грустных и веселых / В городах и селах»**. В песне раскрыт еще один из важных аспектов образа Родины – ее широты и необъятности ее просторов, красоты полей, лесов, озер и рек, ее трав, цветов и деревьев, пения ее птиц. Этот аспект является одним из основных в советской песне вообще и песне 60–70-х гг., в частности. Конечно, музыкально-поэтическую высоту песне придавало и вдохновенное исполнение песни Софией Ротару, ее сильный, красивый, большого диапазона, красивого тембра голос.

Таким образом, образ Родины является одним из базовых, мифопоэтических и архетипических в русской культуре и русской ментальности. Советская культура приняла его, придала ему новые смысловые оттенки, включила в советский идеологический контекст. Широко использованный официальной культурой, он оказался принятым народом благодаря укорененности в его ментальности. Песня же, особенно лирическая, давая эмоционально-образное, мифопоэтически-музыкальное его воплощение, смогла сделать его близким, своим.

Прежде чем перейти к анализу песен, сделаем небольшое отступление о значении ландшафта для России. Важность места обитания народа, окружающих его природных условий отмечали еще в XVIII и XIX вв. представители географического детерминизма: Ш. Монтескье, Г. Бокль, Ф. Ратцель и др.[3] О «месторазвитии» и его значении для культуры России писали отечественные «евразийцы» – Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский[4]. Из русских историков В. Ключевский начинал историю России с описания ее территории, особенностей климата и их предположительного психологического воздействия на народ[5]. Из философов значимость фактора пространства для формирования русской ментальности отмечал Н. А. Бердяев, посвятив этому специальный очерк «О власти пространства над русской душой» в цикле очерков «Судьба России»[6]. Из современных отечественных ученых наиболее известны идеи и работы Л. Н. Гумилева[7]. Небольшой очерк о просторе и пространстве в русской культуре написал Д. С. Лихачев, который уже в русских былинах находит слова о широте, безграничности пространства русской земли. Например, в «Былине про Соловья Будимировича»: «Широко раздолье по всей земли…». Завершая очерк, автор резюмирует: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека… Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине, потому, что она пришлась им по душе?»[8]. Народное самосознание зафиксировало такое представление и в песнях: «Ах ты, степь широкая», «Родина («Вижу чудное приволье») и др. Образ огромности пространства страны представлен и в советской песне.

Начало было положено «Песней о Родине» И. Дунаевского – В. Лебедева-Кумача (1935), где не только поется о широте территории, но и обозначаются ее южные и северные пределы: **«Широка страна моя родная / Много в ней лесов, полей и**

рек» и дальше: **«От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей / Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей»**. Для героя песни «Дума о Родине» С. Туликова – В. Малкова (1970) Россия – «страна великих расстояний». За широту и красоту Россию любят: **«За твою широту, за твою красоту / Я люблю тебя, Родина светлая!»** («Мать-Россия моя» С. Туликов – С. Островой). **«Ты размахом необъятна, / Нет ни в чем тебе конца»**, – констатирует герой песни «Россия» Д. Тухманова – М. Ножкина (1967). В современный гимн России С. Михалков включил в его текст этот традиционный образ России: **«От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля»**[9].

«Привольные просторы» Родины заполнены «любимыми лесами, полями и горами», «зелеными лугами», «широкими реками» («Чайка крыльями машет» А. Лепина – С. Михалкова (1950)). И каждый из элементов ландшафта, упомянутого в этой пионерской песне, любовно описан и пропет в советской песенной лирике, которая рисует прекрасную пейзажную картину родной земли.

Самым распространенным в песнях является мифопоэтический образ дерева. Хотя в советской песне, особенно в 1970–1980-е гг., встречаются образы разных деревьев: дуба, клена, ели, сосны, ивы, березы, рябины, тополя, бесспорным фаворитом по количеству обращений, глубине поэтической и музыкальной разработки образа является береза. Образ березы многослоен, он вобрал в себя всю ментальную глубину отечественной культуры[10].

Кроме березы флореальный образ России, ее полей представляют полевые цветы, прежде всего васильки и ромашки: («Цветы России» Е. Птичкина – В. Бутенко): **«Цветы России – скромные цветы, / Не раз от встречи с ними сердце пело. / Я узнаю страны своей черты / В небесном васильке, в ромашке белой. / Иду я чистым полем, не спеша, / И в сердце даль в цветах неповторимая. / Цветы, цветы – в них Родины душа / И красота необъяснимая»**. В «Васильках» (П. Аедоницкого – Я. Халецького), с их красивой лирической мелодией и легким современным танцевальным ритмом, эти полевые цветы успешно конкурируют с традиционной розой как цветы любви: **«Словно песня без слов, / Говорят про любовь / Голубые огни васильков…»**. Герой песни считает васильки самыми красивыми цветами, они напоминают ему о голубых глазах любимой. Васильки отвечают взаимностью: **«И куда ни взгляни / Улыбаются людям они»**. В «Ромашковой Руси» (Ю. Чичкова – М. Пляцковского) каждый из трех куплетов песни заканчивается словами «ромашковая Русь», которая и **«в речке отражается»**, и на «ау!» откликается, и простирается **«на все четыре стороны»**. Ромашкой может быть и любимая, как в песне «Если б гармошка умела» А. Лепина – А. Фатьянова из к/ф «Солдат Иван Бровкин» (1955): **«Русая девушка в кофточке белой / Где ты, ромашка моя?»**.

Наряду с идентификацией России с ее ландшафтом, с ее травами, цветами, деревьями, встречается также связь образа России с ее певчими птицами – соловьями и дроздами. Одной из жемчужин советской песенной лирики может считаться песня «Дрозды» (В. Шаинского – С. Острового (1972)). Изобилующая широкими секстовыми и октавными ходами, мелодическими распевами, типичными для русских народных песен, и великолепно исполненная вокалистом группы «Песняры», эта песня покорила сердца слушателей и на долгие годы была одной из самых популярных.

У создателей «Соловьиной рощи» (Д. Тухманова – А. Поперечного) была непростая задача: создать песню, которая была бы не только продолжением, но и развитием образа соловья в отечественной песенной лирике. В современном репертуаре эстрады сохранился такой шедевр как «Соловей» А. Алябьева. На слуху у старшего поколения – «Соловьи» В. Соловьева-Седого – А. Фатьянова (1942)).

«Соловьиная роща» дает современную интерпретацию соловьиной темы. Красивая распевная мелодия сочетается с синкопированным танцевальным ритмом, что характерно для танцевальной песни – жанра, востребованного в 70-е гг. Пение соловья, **«российского славного птаха»**, **«маленького волшебника белой рощи»**, изгоняет печаль и тревогу из души, открывает перед героем радужную жизненную перспективу: **«Из полей уносится печаль / Из души уходит прочь тревога / Впереди у жизни только даль / Полная надежд людских дорога / И земля становится родней / И сердцам понять друг друга проще»**. Обаяние песне придает и задушевно-лирический баритон Льва Лещенко, звезда которого взошла в 1970-е гг.

Тема Родины и земли с конца 1950-х гг. обрела еще одно, новое, космическое измерение в связи с началом освоения космоса, в котором у СССР первоначально был приоритет: запуск первого искусственного спутника земли (1957) и первый полет Ю. Гагарина вокруг Земли (1962). **Космическая тема**, **тема освоения космоса** стала одной из важнейших составляющих идеологической пропаганды и широко разрабатывающейся темой искусства, в том числе – песни. В общественное сознание активно внедрялся образ земли, какой она выглядит с околоземной орбиты: **«Земля, Земля, расстались мы с тобой / Плывет внизу зеленый дом родной. / Земля, Земля, мы слышим голос твой. <…> Волшебный шар в зеленом ореоле»** («Земля, земля», А. Бабаева – В. Семернина). Но вообще-то из космоса земля выглядит голубой, синей («Планета у нас голубая» С. Соснина – К. Ибряева).

Выход в космос дал человечеству новое измерение собственной жизни и новое понимание места Земли во Вселенной. Но люди по-прежнему ощущали себя прежде всего детьми Земли, притяжение которой для них было первостепенным и которая воплощалась в привязанности к родной природе, к деревне и городу, друзьям и любимым,

жизненному пути, дороге, по которой можно было еще пройти. Естественно, что Земля оставалась при этом архаической матерью: **«Спят у матери-планеты / Дети на руках… / … / У кормилицы-планеты / Дети на руках…»** («Песня о матери-планете» А. Пахмутовой – Н. Добронравова (1986)). Близкий этому образ – в одной из замечательных песен Д. Тухманова и Р. Рождественского «Притяжение земли» (1978): **«Как безмерно оно – притяженье Земли, / Притяженье полей и печальных ракит, / Всех дорог, по которым мы в детстве прошли, / И дорог, по которым пройти предстоит. <…> Мы – дети Галактики, / Но самое главное, – / Мы дети твои, дорогая Земля!»**. Сыновьи чувства к Земле испытывают герои песни «Трава у дома» В. Мигули – А. Поперечного (1983): **«Земля в иллюминаторе видна / Как сын грустит о матери / Грустим мы о Земле – она одна». А снится им «не рокот космодрома», а «зеленая трава у дома»**. В исполнении ансамбля «Земляне» музыка песни звучит в духе новой музыкальной рок-стилистики, развивающейся в рок-ансамблях и ВИА с середины 1960-х гг. В песнях озвучивался и важный как для идеологии, так и для общественного сознания мотив первенства в космосе. О нем, в частности, поется в популярной песне 1960 г. «Я верю друзья» (О. Фельцмана – В. Войновича): **«Когда-нибудь с годами припомним мы с друзьями, / Как по дорогам звездным вели мы первый путь, / Как первыми сумели достичь заветной цели / И на родную Землю со стороны взглянуть»**.

Расширившись до космических пространств, Родина продолжает сохранять связь с «малой Родиной». Эта тема просто и проникновенно прозвучала в песне «С чего начинается Родина» (В. Баснера – М. Матусовского (1968)) из телесериала «Семнадцать мгновений весны». И фильм, и песня обрели невероятную популярность, пользовались всенародной любовью. Слушателей подкупало и то, что разговор о Родине был простым и строился вокруг житейских, бытовых, понятных каждому вещей. Доверительным характером, задушевностью отличалась и мелодия песни, красивая, с широкими мелодическим ходами и вальсообразным ритмом.

Малая Родина – это «уголок России» в одноименной песне В. Шаинского – Е. Шевелевой (1976), где находится родительский дом, о которой герой вспоминает с нежностью и любовью. Любовь к родному краю, к отчему дому проявляются через любование красотой русской природы. Здесь и традиционный русский простор, и березки, и «немного грустные глаза и песни русские». Мелодия припева, несущая основное образно-эмоциональное содержание песни, отличается широким дыханием, распевностью, что роднит ее с традиционной русской песней.

Дому как неотъемлемому элементу национальной картины мира посвящено немалое количество песен. В русской ментальности **концепт «дом»** имел в прошлом и сохраняет в настоящее время приоритетное значение. Как пишет Н. Л. Чулкина, изучившая современное языковое сознание россиян, «дом» входит в ядро языкового сознания русских и занимает вторую позицию, в то время как у испанцев – десятую, у англичан – двадцать вторую[11]. Неудивительно, что концепт «дом», дом как феномен культуры, прежде всего русской культуры, активно исследуется в последние годы фольклористами, культурологами, лингвистами. Наряду с монографическими исследованиями маститых ученых к нему обращаются и молодые авторы[12].

Анализ работ, посвященных феномену и концепту «дом», дает основания утверждать, что в современной языковой картине русских достаточно актуальны некоторые его древние, «ядерные» смысловые пласты. Во-первых, дом может пониматься как вся территория хозяйственной и всякой иной совместной деятельности сообщества людей, хозяйственно и ментально освоенный ареал их обитания. При таком понимании домом может быть вся страна, континент, планета в целом. Во-вторых, дом – прежде всего люди, живущие вместе, объединенные общими условиями существования и интересами. В первую очередь – это семья, дети и родители. Исследователи отмечают, что для русской языковой картины мира наиболее важные ассоциации концепта «дом» – это семья, родители, дети, уют, очаг; дом – родной, теплый, светлый. Главенствующее место среди них занимает «семья»[13]. Посмотрим, насколько и как представлены эти и, возможно, другие смыслы и смысловые обертоны концепта «дом» в текстах массовой советской песни 1970–1980-х гг.

Ощущение единого, общего дома-страны, родственного и близкого в любой точке необъятного пространства СССР, запечатлено в песне «Мой адрес – Советский Союз» (Д. Тухманова – В. Харитонова (1972)). Герой песни – строитель «светлого будущего», переезжающий из одного места «великой стройки» коммунизма в другое, номера телефонов которого **«разбросаны по городам»**, связан с близкими и друзьями **«колесами вагонными»** и **«телефонными номерами»**. Он вправе петь: **«Мой адрес – не дом и не улица, / Мой адрес – Советский Союз»**.

В песнях дом – это свое, обжитое, близкое, родное, знакомое, стабильное, пространство. Прежде всего – это дом детства, родительский, отчий дом. («Родительский дом» В. Шаинского – М. Рябинина; «Отчий дом» Е. Мартынова – А. Дементьева (1973)), который согрет душевным теплом и любовью матери, неразрывно связан с образом матери: **«Радость или грусть нас ждут потом, / Но всему начало – отчий дом. / Там у колыбели матери нам пели / Песню любви»**. Этот дом и его образ идет с человеком по жизни как место самых дорогих событий и воспоминаний. Оно постоянно притягивает, «зовет» к себе, согревает даже в воспоминаниях царившей в нем любовью. **«Первый шаг от порога родного / начинает дорогу домой»**

(«Дорога домой» С. Касторского – Е. Звонцова) (вторая половина 1960-х гг.). Герой песни «Родительский дом» (В. Шаинского – М. Рябинина (1981)) уверен: **«Где бы ни были мы, но по-прежнему / Неизменно уверены в том, / Что нас встретит с любовью и нежностью / Наша пристань – родительский дом. / Родительский дом – начало начал, / Ты в жизни моей надежный причал…»**.

Уход, отъезд, бегство из дома, а затем – тоска по дому, возвращение домой – мотивы, многократно разработанные в мифах, литературе и широко представленные в текстах песен. **«Мир полон радости и счастья…» Но «край родной милей всего. / И так прекрасно возвращаться / Под крышу дома своего»** (Ю. Антонов – М. Пляцковский «Под крышей дома своего» (1983)). В сериале «Семнадцать мгновений весны», который собирал у телевизоров в начале 1970-х гг. бо́льшую часть населения страны, герой вспоминает о Родине, за кадром звучит песня: **«Я прошу, хоть ненадолго / Грусть моя, ты покинь меня, / Облаком, сизым облаком, / Ты полети к родному дому, / Отсюда к родному дому»**. («Песня о далекой Родине» М. Таривердиева – Р. Рождественского (1972))[14].

Знаком открытости, доброжелательности, гостеприимства являются открытые двери дома и свет в окнах. Героя песни «Отчий дом» Е. Мартынова – А. Дементьева ждет **«…наш домик в три окна. / Близко ли, далеко – свет родимых окон / Вечно не померкнет для меня»**. В «Отчем доме» С. Пожлакова – Л. Лучкина нежная лирическая мелодия, ласковый и проникновенный голос исполнительницы О. Вардашевой утешают оставленный героиней дом, обращаясь к нему как к живому существу: **«Не печалься, мы уходим не напрасно, мы придем»**. Условие возвращения – **«пусть в твоем окне огонь не гаснет, / отчий дом, отчий дом»**. Героиня популярной рок-оперы «Юнона и Авось» А. Рыбникова – А. Вознесенского (1981) Кончита мысленно обращается к возлюбленному со словами: **«Чтобы в пути тебе было светло / Я свечу оставляю в окне»**.

Итак, образ дома оказывается неразрывно связан с уходом, дорогой, ведущей в большой мир, и возвратом домой. А тема пути-дороги, будучи распространенной в традиционной культуре, фольклоре, широко представлена и в советской культуре.

Примечания

[1] См. также: «Россия моя, золотые края» (сл. С. Острового); «Родина – весна моя!» (сл. Н. Добронравова (1983)); «Родина любимая моя» (сл. А. Досталя (1957)); «Сын России» (сл. В. Харитонова (1973)); «Дума о Родине» (сл. В. Малкова (1970)); «Родина» (сл. Ю. Полухина (1960)); «Россия – буря» (сл. В. Харитонова (1970)); «Я о Родине пою» (сл. Н. Доризо (1981)).

[2] Бердяев Н. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 41, 65; Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Республика, 1991. С. 236–366; Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. 64 с.; Его же. О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 3–6.

[3] Географический детерминизм // География: соврем. иллюстр. энцикл. / под ред. проф. А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. URL: http: // dic. academic. ru (дата обращения: 20. 10. 2010).

[4] См.: Евразийство: ключ. идеи, ценности, полит. приоритеты / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. 243 с.

[5] Ключевский В. О. Курс русской истории: в 3 т. М.: Ист. лит., 2002. Т. 1. 298 с.

[6] Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 62 и далее. См. об этом также: Степанов Ю. Константы: слов. рус. культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. С. 172–174. О природе как факторе культуре России писал И. В. Кондаков в заключительном разделе «Российская цивилизация как целое» книги «Культурология: история культуры России» (М.: Омега-Л: Высш. шк., 2003. С. 493–501).

[7] См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Аст: Астрель, 2005. 512 с.; и др.

[8] Лихачев Д. С. Простор и пространство // Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Совет. Россия, 1984. С. 12.

[9] Текст Государственного гимна Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ № 2110 от 30 дек. 2000 г. / сл. С. Михалкова. URL: http: // gov. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[10] См.: Лелеко В. В. Образ березы в советской массовой песне 1960–1980-х гг. // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: аспирант. тетр.: науч. журн. 2009. № 101. С. 335–339.

[11] Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурол. описание. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004. С. 133.

[12] Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.; Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. 619 с.; Мазалова Н. Е. Человек и дом: тождество рус. представлений // Сб. Музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Т. 47. С. 101–110; Ли Ли. Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «дом» с позиции носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10. 02. 01. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2006. 20 с.; Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы науч. конф., 20–21 окт. 1999 г. СПб., 1999. С. 59–61; и др.

[13] Ли Ли. Указ. соч.; Чулкина Н. Л. Указ. соч. С. 134–135.

[14] О том, как создавалась музыка к фильму, о его огромном успехе, в том числе и музыки, о первых премиях, которые получили обе песни (кроме указанной, – «Мгновения») на телефестивале «Песня–72» см.: Таривердиев М. Я просто живу. М.: Вагриус, 1997. С. 104–110.

УДК 316.723(477)

В. А. Радзиевский

Основные резонансные субкультуры в культурном пространстве Украины: кросскультурный анализ

Анализируется проблема субкультур в культурологической рефлексии, поднимаются актуальные вопросы теории субкультур (субкультурологии), приводится анализ основных резонансных субкультур в культурном пространстве Украины. Вопросы теории и истории субкультур стали актуальными в связи с изменением ментальной парадигмы, с общественными трансформациями и социокультурными изменениями в условиях постсоветской Украины.

Ключевые слова: культура, субкультура, культурология, стратификация, резонансные субкультуры, история, культурное пространство Украины

Vitaliy A. Radziyevskyy

The main resonance subcultures in the cultural space of Ukraine: crosscultural analysis

The problem of subculture in the culture reflection is analyzed; the topical issues of the theory of subculture (subculturology) are raized; analysis of the main resonance subcultures in the cultural space of Ukraine is made. The issues of theoretical and historical aspects of subcultures have become topical after the changes in the mental paradigm as well as the social transformations and sociocultural shifts in the conditions of postsoviet Ukraine.

Keywords: culture, subculture, culturology, stratification, resonance subcultures, history, the cultural space of Ukraine

В научном дискурсе украинской культурологии в начале XXI в. особенное место занимает тема субкультур, в том числе в контексте развития национальной культуры в мультикультурном пространстве страны. Культура Украины очень богата, разнообразна, многомерна, колоритна, неоднородна, даже, отчасти, мозаична. В ней сочетаются немало специфических, своеобразных национальных и интернациональных субкультур, многообразие которых усугубляется существенными внутренними расслоениями (социальными, национальными, географическими, религиозными, языковыми и т. п.). Особо ощутимы российские и европейские культурные влияния.

Цель статьи – определение значения инокультурных влияний на основные массовые резонансные украинские субкультуры начала XXI в., их разделение на проевропейские и пророссийские.

Связанные с субкультурами вопросы изучали многие украинские и российские исследователи: В. Анисимков, Ю. Антонян, Д. Выговский, А. Воронцова, В. Горкина, В. Дремин, А. Костенко, О. Мухин, В. Пирожков, Н. Полянин, Д. Совичко, О. Старков, В. Тулегенов, В. Шемякина и др.

Термин «субкультура» стал распространяться на Украине в 80-х гг. XX в. Сначала речь шла о возрастных (детской, молодежной и т. д.) и профессиональных (юридическая, бухгалтерская и т. п.) субкультурах, со временем начали писать и о других субкультурах. На заре XXI в. популярностью начинают пользоваться особо выделяемые, знаковые для нашего времени, вызывающие общественный резонанс и большую реакцию резонансные субкультуры. Часть из них имеет массовый характер.

На Украине насчитывают до десятка резонансных субкультур. К ним, в первую очередь, относят такие массовые субкультуры интернациональной направленности, как криминальная и бедности в их разных проявлениях (субкультуры воров, мошенников, нищих, бездомных, бомжей и др.).

При феодализме и социализме миллионы людей жили бедно, но не ощущали себя обездоленными, отщепенцами и изгоями. Диаметральной противоположностью субкультуры бедности (или бедных) является слаборазвитая субкультура богатства (или богатых). Субкультура современных богатых проевропейская: олигархи – в основном, люди европейского менталитета, чуждые традиционным украинским ценностям. Субкультура бедных – тоже проевропейская современная субкультура. Это не просто материальные проблемы (их в Европе меньше, чем у нас), а психологические сложности, утрата перспектив и надежд, культурное оскудение, личностная опустошенность, внутренняя деградация, отрешенность и потерянность.

По мнению профессора Р. Михайловой[1],

еще в Киевской Руси были такие своеобразные массовые субкультуры, как культово-религиозная, княжеско-боярская, военно-дружинная и народно-низовая (городская и сельская). Своеобразие современных субкультур (в т. ч. и резонансных) формировалось на Украине длительное время и сопровождалось иностранными (русскими, польскими и др.) заимствованиями; при этом они сохраняли местную уникальность и территориальную особенность. В украинской литературе описываются национальноориентированные субкультуры (от последователей хлопоманов до радикальных скинхедов). Но, несмотря на два с лишних десятилетия Независимости, в культурной конфигурации Украины еще доминируют поликультурализм и разные субкультуры интернациональной направленности.

Смена ментальной парадигмы, обусловленная отказом от модели построения коммунизма и существенными социокультурными трансформациями, не привела Украину к искаженной этнонациологии, к экстрополяции шароварщины на все и вся, к примитивной схеме с узконационалистическим, этноцентричным, монокультурным вариантом развития, – с противостоянием инонациональным достижениям и конструктивному мультикультурализму. Правда, с конца 2012 г., после парламентских выборов, на которых более 10 % получило националистическое объединение «Свобода», тема национальной культуры приобретает новое измерение. Усиливается риторика украинской (в т. ч. и культурной) «особенности» и «избранности», а Адам и Ева в этой вариантности «превращаются» в украинцев.

Среди социальных субкультур преимущественно средний класс является основным носителем базисных ценностей национальной культуры. Среднеобеспеченные граждане традиционно выступают хранителями и распространителями культурных достижений украинского народа. Все большее место в изучении культур начинают занимать субкультуры (в т. ч. резонансные), поэтому в культурологии получает развитие субкультурология[2].

Криминальная субкультура на Украине со временем стала рассматриваться и в более широком варианте, – объединенная с более «мягкими» делинквенциями, – как субкультура беззакония (аномии)[3]. Популярные песни («Мурка», «Владимирский централ» и др.), татуировки (бабочки, перстни и т. д.) и русскоязычный сленг дают основания считать криминальную субкультуру русифицированной. Вместо великой русской культуры и могучего русского языка часть населения (особенно молодежь) осваивает русскоязычные суррогаты и далекие от шедевров русского искусства криминальные образы.

Проблема осмысления основных массовых резонансных субкультур интернациональной направленности в культурном пространстве Украины в контексте кросскультурного анализа, разных влияний, диалогов и приоритетов культур России и Европы нуждается в изучении и анализе. Для этого необходимы, как минимум, всесторонние объективные культурологические, исторические, философские, филологические и искусствоведческие дискурсы и экскурсы.

Украина известна уникальными культурыми ценностями. Среди них Киево-Печерская Лавра, София Киевская, церковь Спаса на Берестове, где в 1157 г. был похоронен великий князь Киевский Юрий Долгорукий, основатель Москвы и многие другие древнерусские шедевры.

Культура Украины неразрывно связана с Россией, без нее она теряет целостность и глубину, цельность и завершенность. В имперской России украинцев считали субэтносом (частью общерусского этноса) – вспомним произведение Н. Костомарова «Две русские народности». Со временем из двух субэтносов и субкультур развились два народа и две великие культуры. В резолюции Пленума ЦК КП(б)У (2–6 июня 1926 г.) о результатах украинизации, в частности, отмечалось: «За последний год… мы имеем величайшие достижения в области украинизации. В государственном аппарате процент делводства, который проводится на украинском языке, доходит 65, тогда как в начале прошлого года он составлял 20… Несмотря на все трудности, прессу украинизировано на 60 %»[4].

Московские правители расширяли и преобразовывали территорию Украины. Даже такие великие и славные города, как Киев и Житомир, Винница и Львов (как и тысячи поселений) стали украинскими, а точнее – российскими (перейдя от Польши, Крымского ханства и т. д.) благодаря русскому оружию и/или дипломатии. В. Ленин дал Украине территории от Одесской до Луганской области включительно. И. Сталин присоединил Западную Украину, Северную Буковину и Закарпатье. Н. Хрущев в 1954 г. передал Украине Крым.

Петра I и Екатерину II часто изображают как душителей украинской самобытности и идентичности. Так, например, по мнению многих украинских культурологов и историков, Петр I якобы строил Санкт-Петербург «на костях украинских казаков», обидел «украинского патриота» Мазепу и ограничивал украинские вольности[5], а Екатерина II и вовсе ликвидировала Запорожскую Сечь да еще и закрепостила многих крестьян[6]. Да, многие деяния Петра I и Екатерины II

способствовали централизации и унификации Российской империи, были направлены на ограничение «вольностей» окраин и регионов, да и отдельные нравы и пристрастия Петра I и Екатерины II не радовали подданных.

Однако стоит вспомнить и определенные блага, которые сделали русские самодержцы для Украины. Петр I утихомирил турецко-татарские набеги, которые столетиями совершали на Украину ее воинственные южные соседи иногда во главе с самим крымским ханом и уводя в плен десятки тысяч (!) украинцев. Победоносные русско-турецкие войны Екатерины II окончательно ликвидировали практику продаж восточных славян на невольничьих рынках Крыма, Азии и Африки и дали возможность миллионам жителям Российской империи (особенно ее южных, малороссийских пределов) навсегда забыть о перспективе стать рабом на турецких галерах или невольником на знойных африканских плантациях. В. Матвеев культурософически приводит мысль Н. Бердяева, что «Россия призвана быть освободительницей народов»[7], а справедливость связанных с этой миссией задач «предопределена… духовными силами истории»[8] и, добавим, культуры.

Культуротворческая, донорская миссия России видна на примерах не только с «фронтирными» реципиентами. При вос(при)соединении Украины в 1654 г. у Москвы не было «колониальных расчетов» – «напротив, она несла огромные экономические издержки»[9]. Практически длительное военное противостояние с мощной Речью Посполитой за славные и святые, но обескровленные и изможденные украинские земли подрывало и без того ослабленное расколом и смутами Русское царство и оправдывалось только спасением единоверных и единокровных братьев. В СССР к юбилею вос(при)соединения (1954) это освобождение украинцев как единоверных и единокровных, подтверждаемое архивными документами, «противоречило официальной концепции… при ЦК КПСС создается специальная идеологическая комиссия (отдел) во главе с академиком А. В. Лихолатом, призванная следить, чтобы выявленные в архивах факты не просочились на страницы печати»[10].

Комплексный анализ историко-культурных событий может свидетельствовать, что трансляции русской культуры стали культурообразующим фоном для многих народов и народностей, но вместе с культурой привносились и субкультуры.

Успехи русских войск и дипломатов способствовали увеличению территории современной Украины и развитию малороссийской (украинской) культуры. Конечно, быть крепостным у помещика – не радостная перспектива, но лучшая, чем беспросветное рабство за тысячи верст от родного дома. Екатерина II, осуществляя разделы Речи Посполитой (и что особенно важно для Украины – передел самой Польши), подорвала польскую экспансию (в т. ч. и многовековое культурное ущемление, переходящее иногда даже в активную агрессию!) на украинских землях. Екатерина II, несмотря на всероссийскую унификацию, создавала благоприятные условия для развития малороссийской самобытности и местных традиций (отсюда и такой небывалый, не имеющий аналогов до конца XVIII в. интерес местной, южнорусской элиты к своему прошлому). Екатерина II ликвидировала институт гетманства, но возродила интерес тысяч украинских аристократов к своим генеалогическим древам, дала возможность малороссам реализовать себя на великом, имперском, общероссийском культурном и государственном поприще. Отсталая периферия, ранее угнетаемая многовековым инокультурным, иноверным и инородным (татарским, турецким и польским) игом, развивалась, становясь имперским и европейским культурным центром. Это хорошо видно на примере построенной Одессы, освоенных степей с десятками новых городов, преобразованного Крыма и возрожденного Киева. На месте «Дикого поля» строились поселения, развивалась инфраструктура юга. Возрождался после более, чем четырех столетий упадка древний стольный град Киев – наша «старая столица», «второй Константинополь», «Мекка славянства», «град апостола Андрея», «творенье князя Кия», «колыбель России». Возможно, если бы императрица Елизавета Петровна перенесла столицу в Киев, то мировая история пошла бы в другом направлении и Российская империя с древней столицей отвоевала бы больше земель у Османской империи, присоединив Царьград (Стамбул). Это повлияло бы и на историю украинской, евразийской и мировой культур.

По мере трансформации Руси совершенствовалась, развивалась и модернизировалась культура, видоизменялись и субкультуры. В течение тысячелетия у восточных славян возникали, развивались, умирали и иногда возрождались многие субкультуры (дворян, купцов, религиозных общностей и т. д.). Еще единая, общая древнерусская культура X–XIII вв. впитала в себя региональные и периферийные субкультуры восточнославянских племен[11]. Без братского единства восточных славян не было бы сегодняшней Украины, ее великой национальной культуры и всевозможных (в т. ч. и резонансных) субкультур, а территориальные субкультурные особенности на Руси были второстепенными.

Сотни деятелей малороссийской (ныне украинской) культуры XIX в. считали себя неразрывной частью общерусской культуры и единого русского этноса (восточнославянского суперэтноса). По мнению И. Бутенко, «украины» государства Российского составляли с ним единое целое. Как «украины» Московской Руси в разных ее государственных актах упомянуты «Слободская… Псковская, Смоленская, Татарская, Мордовская» и иные «украины»[12]. При проведении в Российской империи переписи в 1897 г. была общая рубрика «русские», причем, «украинцы и белорусы статистически не выделялись»[13]. Прав был русский гуманист Н. Рерих, который в 1935 г. писал, что когда-нибудь «будет написана справедливая, обоснованная история… как много в разное время Россия помогала различным народам, причем помощь эта не была своекорыстна, а наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия»[14]. Из польской колонии и территории турецко-татарских промыслов и набегов, Украина становилась русской Италией и славянской культурной святыней. Русские шли в Киев и Чернигов, Переяслав и Житомир как в свои исконные земли, к древним праотцовским истокам, на свою историческую и культурную Родину.

В монархической России культура Украины (точнее Малороссии или даже юго-западной части империи) рассматривалась как часть общерусской культуры. Считалось, что был общерусский этнос с тремя ответвлениями (субэтносами) – великороссы, малороссы и белорусы (стойкие белорусы до сих пор сохраняют свое историческое имя). В XX в. у трех великих славянских субэтносов были свои (по существу не столько особые духовные и ментальные, сколько лишь региональные, территориальные) субкультуры, которые, как ручейки в одну реку, впадали в единое море общерусской культуры. Украина была, а украинцы, если и были, то, подобно сибирякам, новгородцам или москвичам, как территориальная – а не инородная, иноверная, нерусская – общность. Нельзя топонимы путать с этнонимами.

В XX в. Украина территориально выросла, культурно возмужала и родилась политически. Она воспитала выдающихся деятелей культуры (Б. Олейник, П. Загребельный, П. Толочко и другие). Киев, бывший, по словам древнерусского князя Олега, «матерью городов русских», а, по выражению императора Александра III, «Иерусалимом земли русской», в 1991 г. стал столицей новой европейской державы – Украины. Но даже последний главный идеолог ЦК КПУ и первый Президент независимой Украины – Л. Кравчук – накануне III Всемирного форума украинцев (август 2001 г.) заявил: «Украинская нация, к сожалению, доныне еще не сформирована… У нас нет даже теоретических оснований политического видения украинской нации»[15]. У большинства граждан нет солидарности и единомыслия, национальной идеи, четких ориентиров, модусов и векторов развития. Это создает благодатную почву для рассмотрения разнонаправленных перспектив, ретроспекций и культуротипов, в т. ч. резонансных субкультур ненациональной, космополитической и – с противоположной стороны – крайней националистической ориентации.

Можно констатировать, что немало сделано в культурном пространстве Украины при изучении специфики различных субкультур и субискусств, создан мощный потенциал для развития украинских субкультурологии и субискусствоведения[16]. Но обычно изменения в культурной жизни (великий украинский народ талантлив не только песнями, кулинарией и танцами) опережают процессы и результаты их изучения в научной литературе.

За годы советской власти были уничтожены многие бесценные шедевры отечественной культуры, начиная еще со времен Киевской Руси. В начале XXI в. новая «оранжевая» власть во главе с В. А. Ющенко сделала попытку уничтожить в культурном пространстве Украины памятники «тоталитарных» режимов: «очистить» украинскую культуру от более, чем 350-летнего «московско-питерского» влияния. Если довести эту логику до абсурда, то надо было бы уничтожить больше, чем уничтожили фашистские захватчики – огромную часть того, что есть в современной Украине, так как оно связано с тем периодом.

В теории субкультур есть разные классификации субкультур: позитивные, нейтральные и негативные; классические и инновационные; резонансные и нерезонансные; высшие и низшие; национальные и интернациональные; профессиональные, возрастные, территориальные и т. д. Интересным представляется разделение субкультур на прорусские и проевропейские, но не столько территориальное, сколько духовное, культурообразующее (европейский образ жизни, идеалы, ценности и т. п.).

В конце XX в. вследствие социальных катаклизм множество граждан оказалось у черты бедности. Со временем стала распространяться и изучаться субкультура бедности (бедных)[17]. Субкультура бедных – это нетрадиционная для Украины субкультура западного образца. Говоря о субкультурах, упомянем «спорные» субкультуры (В. Щур, А. Кравченко, И. Трухин и др.)[18], включая и теорию «субкультуры больных»[19].

В контексте развития фитокультурологии есть смысл обсуждать и проблематичную субкультуру вегетарианства на Украине как особый образ жизни, стиль поведения и т. д., а не только употребление растительной пищи[20]. Перспективу имеют новые субкультуры тел и телесности, имеющие европейские истоки: от культуристов до революционных трансформаторов тел – на пути к постчеловеку и постчеловечеству, чему способствуют трансгуманизм, экстропизм и иные радикальные новации постмодернизма. Уже не просто вживляют имплантанты, чипы и делают пластические операции, а существенно меняют функциональные возможности плоти (переосмысливают сам концепт «тело»), происходят немыслимые до XXI в. модернизации, – разрабатывают технолюдей, технических киборгов и мутантов, забывают традиционные моральные императивы и максимы.

Отдельные резонансные субкультуры напоминают об опасности легитимизации негативных субкультур в виде контркультур, паракультур и антикультур[21]. Они, – при перманентных аксиологических колебаниях общественного сознания, деградации и аморализации масс, – могут вести к популяризации и небывалому распространению квазикультур, что может привести к «культурным» революциям и войнам деструктивного характера. Деструктивные субкультурные агрессии XXI в. могут стать опасной формой информационных войн, оружием влияния на массовое сознание.

Деление субкультур на проевропейские и пророссийские является не просто территориальным, а цивилизационным, ментальным. В начале XXI в. мы выделяем на Украине криминальную субкультуру как основную резонансную пророссийскую субкультуру, а субкультуры бедности и богатства как наиболее массовые резонансные проевропейские. Любой кросскультурный анализ сегодняшних реалий, в т. ч. субкультур, является неполным без осмысления культурно-исторических причин, истоков, условий и основ современных культурных процессов и поликультурных контуров. Доминирующими на Украине являются резонансные субкультуры интернациональной направленности с поликультурными рефлексиями. При этом не следует забывать то позитивное культурное влияние России на культурное пространство Украины, которое она оказывала на протяжении многих столетий.

Примечания

[1] Михайлова Р. Д. Художня культура Галицько-Волинської Русі: автореф. дис. … д-ра мистецтвознавства: 26. 00. 01. Киев, 2009. 36 с.

[2] Радзієвський В. О. Про теорію та історію субкультур: нариси до субкультурології: моногр. Киев: Логос, 2013. С. 4–12.

[3] Радзієвський В. О. Нотатки з субкультури аномії: моногр. Киев: Логос, 2012. 368 с.

[4] Історія України: Док. Матеріали. Посібник / уклад., комент. В. Ю. Короля. Киев: Академія, 2002. С. 299.

[5] Король В. Ю. Історія України: навч. посіб., 2-ге вид., доп. Киев: Академія, 2008. 496 с.

[6] Там же. С. 157–166.

[7] Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе, вторая половина XIX в. – 1917 г.: историография, источники, методология. Ростов н/Д: ЮФУ, 2012. С. 57.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 90.

[10] Там же.

[11] Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная? Киев: Адеф-Украина, 2010. 300 с.: ил.

[12] Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах // Свобод. слово Карпат. Руси. 1971. № 7/8 (151/152). С. 2.

[13] Матвеев В. А. Указ. соч. С. 175.

[14] Рерих Н. К. По лицу земли // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: в 2 ч. М., 1994. Ч. 2. С. 206.

[15] Кремень В. Г. Філософія національної ідеї: Людина. Освіта. Соціум. Киев: Грамота, 2007. С. 45.

[16] Радзиевский В. А. Избранные произведения: к 1025-летию Крещения Руси. Киев: Логос, 2013. С. 38–152.

[17] Голосенко И. А. Нищенство как социальная проблема // Социол. исслед. 1996. № 7. С. 27–28; Філь Г. В. Специфіка культури і субкультури бідних // Вісник: Соціологія та профспілковий рух. 2009. № 5. С. 25–31.

[18] Трухин И. А. Прихотливые тропы современной морали: моногр. Киев: ЦУЛ, 2007. 464 с.

[19] Дюкова С. В. Духовные ценности субкультуры тяжелобольных: дис. … канд. социол. наук: 22. 00. 06. Тамбов, 2011. 191 с.: ил.

[20] Радзієвський В. О. Фітокультура та антианомія як елемент субкультури в ритуалах Середньовічної Русі: нотатки до фітокультурології та юридикокультурології: моногр. / Національна акад. керівних кадрів культури і мистецтв. Киев: НАКККіМ, 2011. 228 с.

[21] Радзієвський В. О. Про теорію та історію субкультур: нариси до субкультурології: моногр. Киев: Логос, 2013. С. 258–273.

УДК 7:069.02(470+410):615.8

А. К. Филякова

Арт-терапевтическая практика в художественных музеях России и Великобритании

Арт-терапия является одним из наиболее эффективных средств психологической адаптации. В конце XX – начале XXI в. в мире намечается тенденция к внедрению арт-терапевтических практик в музейное пространство. Данная статья посвящена сравнению методик проведения арт-терапевтических занятий в художественных музеях Великобритании и России.

Ключевые слова: арт-терапия, импрессивная арт-терапия, экспрессивная арт-терапия, психологическая адаптация, Русский музей, галерея Тейт Британ

Aleksandra K. Filyakova

The art therapy practice in the art museums of Russia and United Kingdom

The art therapy is playing a significant role in the psychological adjustment of people with different mental problems. At the turn of the century there is a trend to inoculate the art therapy practices to the museum space. This article is devoted to the methods of conducting the art therapy sessions in the art museums of Great Britain and Russia.

Keywords: art therapy, impressive art therapy, expressive art therapy, psychological adjustment, the Russian museum, Tate Britain gallery

Искусство как «факт проявления внутренней, творческой интенции человека»[1] рассматривается как источник исцеления с древних времен. Однако в самостоятельное научное направление арт-терапия выделилась лишь в 40-е гг. XX в. в Великобритании, благодаря исследованиям Адриана Хилла. Но, несмотря на сравнительную молодость, сегодня арт-терапия занимает важные позиции в числе терапевтических практик по всему миру, в том числе практик музейных.

Методы арт-терапии позволяют оказывать помощь в психологической адаптации людям с очень обширным спектром проблем, таких как тяжелые психические заболевания, различные нарушения развития, острые или хронические стрессы, психические зависимости, биполярные расстройства личности, семейные кризисы, кризисы личностного роста и т. д. Конечно, мы не можем говорить о полном выздоровлении благодаря использованию методов одной только арт-терапии, особенно, если речь идет о людях с тяжелыми нарушениями, но тем не менее возможен ряд позитивных изменений, ведущих к эволюции личности на психологическом уровне. Такие как, например, переход от отрицания – к принятию, от деморализации – к обретению чувства собственного достоинства, от одиночества – к сотрудничеству, от замыкания внутри каких-то узких сдерживающих рамок – к свободе творческого выбора и самовыражения.

На сегодняшний день становится очевидным необходимость активного использования арт-терапии как эффективного современного средства психологической адаптации к агрессивной внешней среде. Поскольку специалисты Великобритании стояли у истоков арт-терапевтических практик, то их опыт в данной сфере кажется нам наиболее интересным и необходимым для рассмотрения. Поэтому в данной статье мы бы хотели сравнить опыт арт-терапевтической работы в музеях Великобритании и России.

Существуют разные подходы к определению понятия «арт-терапия». В англоязычной литературе оно обозначается как вид терапии, основанный на занятиях изобразительным искусством[2]. В России само определение арт-терапии включает более широкий контекст, поскольку данное понятие трактуется здесь как «один из методов психологической работы, использующий возможности искусства для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии человека»[3], т. е. речь идет о взаимодействии со всеми средствами искусства: музыкой, движением, рисованием, лепкой, театральной драматизацией, работой по восприятию художественных произведений.

Разница в трактовке термина явилась определяющей и для разницы в подходах в осуществлении арт-терапии с акцентами на **экспрессивной**[4] и **импрессивной**[5] методиках.

В России оформились два основных подхода к арт-терапии: медицинский и музейный. Медицинский подход к арт-терапии предполагает основательные профессиональные знания в области психоанализа, а также подразумевает длительные психотерапевтические консультации пациентов. В музеях же сложился инновационный подход использования искусства как средства психологической поддержки.

Активное развитие музейной терапевтической практики пришлось на начало 90-х гг. XX в., когда впервые в центре музейной педагогики Государственного Русского музея возник инновационный долгосрочный проект «Шаг навстречу», который включил различные форматы взаимодействия с детьми с особыми потребностями[6].

Сегодня программы арт-терапии существуют во многих художественных музеях России: в Государственном Эрмитаже, в Государственной Третьяковской галерее, в Саратовском художественном музее им. А. Радищева, работа с посетителями с ограниченными возможностями ведется в художественном музее Карелии и др.

Однако особого внимания заслуживают программы Государственного Русского музея, где данное направление динамично развивается. Сегодня в музее существует собственный курс подготовки будущих арт-терапевтов, построенный по модели британского Голдсмит-колледжа. Проект «Шаг навстречу» так же получил активное развитие, и сегодня в рамках него существует уже огромное количество авторских программ арт-терапии, предназначенных для различных категорий посетителей.

Одной из таких программ является программа «Мир искусства». Программа представляет собой цикл занятий, проводимых в течение года, в процессе которых участники программы знакомятся на экспозиции с произведениями русского искусства, обсуждают их с педагогом, делая акценты на эмоции и ощущения, вызванные данными произведениями, после чего участники имеют возможность создать свое произведение под воздействием полученных впечатлений. Поскольку занятия проводятся для групп с определенными ментальными проблемами, то здесь важную роль играет способность группы воспринимать предложенные произведения. Так, например, можно отметить, что активную эмоциональную реакцию вызывают те полотна, где ведущие роли играют различные символы, свет и яркие цвета, такие как, например, «Древний ужас» Л. Бакста и «Небесный бой» Н. К. Рериха. Так же положительно воспринимается «образ природы» в картинах, который оценивается как своеобразный «парадиз», место, где можно спрятаться от мира. Гораздо сложнее идет восприятие «сюжетных» картин, таких как, например работы И. Е. Репина, поскольку они рассчитаны на то, что зритель самостоятельно выстроит историю, фрагмент из которой изобразил художник, но для групп с ментальными проблемами это может оказаться тяжело в силу проблем с концентрацией внимания.

В процессе знакомства с произведением искусства зритель воспринимает не только его визуальные характеристики, но и мироощущение, и психологическое состояние его автора. Однако в некоторых случаях способность человека рефлексировать произведение искусства напрямую связана с его психоэмоциональным состоянием, поэтому реакция двух разных людей на одну и ту же картину может отличаться. Так, в упомянутом выше произведении Н. К. Рериха одни участники видят победу света над тьмой, а другие наоборот. Главная задача педагога в таких ситуациях способствовать развитию совместного обсуждения впечатлений между участниками программы. Поэтому в ходе занятия педагог применяет не только традиционный метод показа и рассказа, но и активно взаимодействует с аудиторией, задавая вопросы, обсуждая возникшие проблемные ситуации, создавая среду психологически комфортную для активного диалога.

После знакомства с произведениями на экспозиции музея у участников есть возможность выразить свои эмоциональные переживания, а также полученные в ходе сеанса впечатления в процессе создания собственной художественной работы.

Таким образом, данная программа представляет собой сбалансированную интеграцию элементов импрессивной и экспрессивной арт-терапии.

В Соединенном Королевстве Великобритании ситуация сложилась иначе, и большую популярность получила экспрессивная арт-терапия, когда процесс терапии происходит путем творческого самовыражения через непосредственное художественное творчество в присутствии профессионального арт-терапевта. Как правило, данный процесс никак не связан с музеями, поскольку встречи пациентов с арт-терапевтами происходят в специально оборудованных арт-терапевтических центрах и не подразумевают использование каких-либо музейных средств.

Однако в последние годы в Великобритании наметились тенденции к внедрению арт-терапевтических методик в музейное пространство. Одним из таких проектов стала реализованная в 2007 г. на базе галереи Тейт программа, направленная на оказание психологической помощи людям, работающим сиделками или являющимися опекунами и осуществляющими уход за больными родственниками[7]. Эта программа имела важную социальную значимость, поскольку часто стрессовые ситуации, которыми наполнена жизнь этих людей, не позволяют выразить их беспокойства и страхи словами, что ведет к нервным срывам, изоляции и отчуждению, и сеансы терапии необходимы этим людям не меньше, чем их подопечным.

Программа состояла из двух частей. На первом этапе был создан специальный маршрут по экспозиции галереи, в который были включены работы, способные, по ожиданию терапевтов, создать определенный эмоциональный резонанс, который затем можно было обсудить. Руководили процессом обсуждения и направляли его в нужное русло присутствующие на экспозиции арт-терапевт и сотрудник галереи. Вторая часть заключалась в обсуждении участниками проекта работ, созданных лично ими, под руководством арт-терапевта. В данном проекте так же важную роль сыграли выбранные специалистами произведения. Так, например, одним из произведений, использованным в процессе программы, стала картина Люка Филдеса «Доктор». Сцена, изображенная в данном произведении, близка многим участникам, поскольку на картине мы видим доктора, сидящего у постели больного ребенка, т. е. ситуация, с которой в той или иной форме многие в группе неоднократно сталкивались. Поэтому встретившись с этим сюжетом во время сеанса арт-терапии, участники автоматически перенесли его на себя, что привело к открытому обсуждению многих проблем и страхов, которые раньше каждый из них держал в себе[8]. Присутствие опыта совместной работы есть основное отличие музейной арт-терапии от клинической практики. Обсуждение в группе дает бóльшую терапевтическую ценность, чем просто осознание проблемы внутри себя.

Это правило сработало и во время второй части программы, когда участники обсуждали уже свои собственные работы. Поскольку часто участники не могут сами четко сформулировать, почему они изображают ту или иную деталь, используют определенные цвета, особое, иногда абсолютно непривычное, расположение объекта в плоскости рисунка, то функция арт-терапевта состоит в том, чтобы создать связь между обсуждаемым изображением, личным опытом понимания данного изображения и контекстом встречи, что способствует активному обсуждению проблемы в группе и поиску ее решения.

После прохождения такой музейной арт-терапии бóльшая часть участников программы сказала, что полученный опыт группового общения был очень полезен и оказал положительное влияние на выстраивание коммуникационных процессов с их подопечными. Многие из участников хотели бы в будущем снова поучаствовать в подобных проектах[9].

Подводя итог, можно отметить, что методы музейной арт-терапии имеют особое значение для занятий с людьми, страдающими различными видами стрессов и деменций, в силу того что они: 1) предоставляют возможность справиться с агрессией и научиться выражать эмоции согласно социальноприемлемым нормам; 2) дают основания для интерпретации и диагностики в процессе терапии; 3) позволяют выявить те мысли и чувства, которые кажутся непреодолимыми, и целенаправленно проводить терапевтическую работу с конкретными страхами и тревогами; 4) способствуют развитию взаимоотношений в группе. Очень часто совпадения вкусов в художественном творчестве среди членов группы приводят к развитию положительных чувств друг к другу; 5) способствуют осознанию собственной личностной ценности.

Сопоставляя методики арт-терапевтических занятий в музеях России и Великобритании, можно констатировать, что, несмотря на четкое проявление общей структуры построения арт-терапевтических занятий в России и Великобритании, британская модель имеет ряд особенностей, которые играют существенную роль в процессе самой терапии. В первую очередь в процессе разработки арт-терапевтических программ сделан акцент на присутствии квалифицированного арт-терапевта, который умеет грамотно интерпретировать образы, выстраивать коммуникационные связи, создавать условия для побуждения к самовыражению и изменению отношения к себе и другим. Именно поэтому британская идея о присутствии во время сеанса музейной арт-терапии двух специалистов, один из которых сотрудник музея, а другой профессиональный арт-терапевт является наиболее оптимальной.

Еще одна особенность – это необходимость активного группового обсуждения тех работ, которые участники создают в процессе

сеансов арт-терапии. Конечно, сам по себе акт творчества уже имеет терапевтический эффект, но, если позволить человеку «озвучить» то, что его беспокоит, этот эффект многократно усиливается. В программах Государственного Русского музея этот аспект, к сожалению, отсутствует, и процесс ограничивается лишь созданием участниками своих работ под руководством педагога.

Следует рассмотреть возможность использования опыта британских специалистов в арт-терапевтических программах Русского музея с целью повышения их эффективности и дальнейшего совершенствования.

Примечания

[1] Жвитиашвили Н. Арттерапия в музее // 60 параллель: журн. о культ. политике и гуманит. практиках / Центр культурных инициатив г. Сургута. 2007. № 2 (25), июнь. URL: http: // journal. 60parallel. org (дата обращения: 30. 09. 2013).

[2] Там же.

[3] Платонова О. В. Арттерапия в художественном музее. СПб.: СпецЛит, 2000. С. 4.

[4] От англ. «expression» – выражение. Методика активной арт-терапии, построенная на самовыражении через самостоятельное творчество.

[5] От англ. «impression» – впечатление. Методика воздействия на человека через художественные произведения великих мастеров.

[6] Платонова О. В. Указ. соч. С. 43.

[7] Shaer D. The role of art therapy in a pilot for art-based information prescriptions at Tate Britain // Intern. j. of art therapy. 2008. Vol. 13, № 1. P. 26.

[8] Ibid. P. 28.

[9] Ibid. P. 31.

УДК 069.2:72

А. В. Чугунова

«Дом» для музея: к вопросу о функциях музейной архитектуры

На примере музея «Мир воды Санкт-Петербурга», расположенного в старинной водонапорной башне Главной водопроводной станции города, автор статьи рассматривает функции архитектуры музейного здания. Изучается роль архитектурного сооружения в реализации основных социокультурных функций музея, его участие в процессе музейной коммуникации.

Ключевые слова: музей, музейная архитектура, музейная коммуникация, музейная реконструкция

Anastasia V. Chugunova

«Home» for a museum: to the question of museum architecture functions

By example of the museum «Water World of St. Petersburg», which is situated in the former water tower of the Main waterworks of the city, the author examines the functions of museum's building architecture. The role of architectural edifice in realization of the basic sociocultural functions of the museum and its participation in the process of museum communication are explored.

Keywords: museum, museum architecture, museum communication, museum reconstruction

Как известно, музеи могут располагаться либо в специально построенных строениях, либо в приспособленных, занимая их частично или полностью. По данным ЮНЕСКО, более 80 % музеев размещаются в помещениях, первоначально служивших другим целям – в замках, дворцах, церквах, соборах, монастырях, усадьбах, общественных зданиях, хозяйственных постройках и т. д. Многие из этих зданий являются памятниками истории, культуры, архитектуры, и организация в них музеев преследует двоякую цель: сохранение архитектурного наследия и его современное использование[1].

Однозначного ответа, какое здание – специально построенное или приспособленное – следует признать наиболее подходящим для работы музея, вероятно, не существует. В каждом конкретном случае данный вопрос решается индивидуально. Многое зависит от профиля музея: мемориальные музеи обычно требуют исторических зданий, связанных с мемориируемой личностью. К примеру, известно очень мало случаев строительства специальных зданий для литературных музеев, большинство из которых являются монографическими, т. е. посвященными жизни и творчеству какого-либо писателя. Для таких музеев наиболее подходящим чаще всего признается не специально возведенное, а именно мемориальное здание, непосредственно связанное с жизнью определенного человека, так как необходимым компонентом мемориального музея является подлинность места.

Но при превращении жилого здания или помещения в музей могут возникнуть серьезные трудности. В мемориальном здании не всегда есть возможность создать оптимальные условия для нахождения и перемещения посетителей, работы научных сотрудников, хранения и экспонирования музейных предметов. Являясь сотрудником музея «Мир воды Санкт-Петербурга», расположенном в старинной водонапорной башне, автор не может не признать, что архитектура этого здания создает для работы музея некоторые неудобства: тесные проходы, мало места для гардеробов, недостаточно вместительный кассовый холл, запах машинного масла в экспозиционных помещениях. В то же время водонапорная башня сама по себе является важным предметом показа и изучения и чуть ли не единственным подлинным экспонатом, которым располагает музей. Знакомство с внутренней структурой сооружения помогает лучше понять, по какому принципу было устроено городское централизованное водоснабжение в XIX в., а внешний вид и эстетические качества башни говорят о том значении, какое приписывалось факту появления в нашем городе централизованного водопровода и техническому прогрессу в целом. Таким образом, архитектура здания значительно расширяет возможности с точки зрения музейной коммуникации. В данном случае здание выполняет двоякую роль – вместилища для экспонатов и одновременно одного из экспонатов, обладающего определенным информационным потенциалом и расширяющего смысловое поле экспозиции.

По нашему мнению, в понятие музейной

архитектуры могут быть включены не только сооружения, которые изначально были спроектированы и возведены для музеев, но также и некоторые случаи реконструкции музейных зданий (специально построенных или приспособленных), когда существенно видоизменяется их внутренний и внешний облик. Реконструкция промышленных зданий и других памятников культурного наследия превратилась сегодня в одно из актуальных направлений музейной архитектуры. Само по себе приспособление недвижимых памятников культурного наследия под музейные нужды является весьма традиционным и распространенным способом их сохранения, при котором решается важная задача их современного использования, включения в жизнь общества. Однако в настоящее время при подобных превращениях речь часто идет не о простом приспособлении здания под музей и не о полном подчинении целям сохранения первоначального вида сооружения, а об активном преобразовании памятника, причем иногда достаточно радикальном. Переустройство сооружений осуществляется с целью их адаптации к современным социокультурным условиям и ревалоризации, т. е. возвращения историко-культурным объектам ценности, утраченной под воздействием времени или других разрушительных факторов.

Данная тенденция наметилась на рубеже XX–XXI столетий и стала одной из примет современного этапа в развитии культуры, характеризующегося поисками диалогического контакта традиций и новаторства. Различные мероприятия по сохранению памятников культурного наследия (консервация, музеефикация, ревитализация) сегодня часто сочетаются с их реконструкцией, т. е. частичным архитектурным переустройством, которое может включать в себя перепланировку и увеличение высоты помещений, усиление, частичную разборку и замену конструкций, а также надстройку, пристройку и изменение фасадов зданий. В результате реконструкции первоначальный образ сооружения трансформируется, что делает его более современным, понятным и притягательным как для местного населения, так и для туристов.

Наиболее безболезненно происходит приспособление и реконструкция памятников промышленной архитектуры, так как в глазах общественности они не имеют большой эстетической ценности и потому могут быть существенно преобразованы. Одним из первых примеров реализации подобной стратегии в нашей стране стала реконструкция водонапорной башни в Санкт-Петербурге и ее приспособление для музея, посвященного истории петербургского водопровода. Решение о проведении реставрации и реконструкции водонапорной башни, построенной в 1857–1861 гг., было продиктовано стремлением руководства ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» сохранить ее как памятник промышленной архитектуры и как корпоративный символ в связи с реальной угрозой ее сноса. Автор проекта реконструкции Евгений Подгорнов (студия «Интерколумниум») сумел найти удачное решение, соединив эстетику XIX и XXI вв. Со стороны города башня выглядит нетронутой и хорошо отреставрированной. Интерьеры здания также были максимально сохранены, что целиком отвечает установке на консервацию исторического наследия. Зато вид со стороны Невы был существенно изменен за счет пристройки стеклянной шахты лифта, словно удвоившей краснокирпичный объем здания. Именно эта стеклянная пристройка стала основным акцентом реконструкции, являясь одновременно функциональной и рождающей ассоциации, связанные с темой музея, а также несущей в себе образ современной архитектуры.

По мнению британской исследовательницы М. Гибельхаузен, музей и его архитектура в каком-то смысле тождественны, и именно архитектурная форма придает музею значение, так как она физически и концептуально формирует условия его восприятия. Она также отмечает, что в сознании большинства людей музей представляется именно как здание, специально приспособленное для того, чтобы хранить и выставлять памятники культуры в соответствии с изменяющимися запросами общества[2]. Благодаря этому архитектурно-художественный образ музейного здания активно используется при реализации музеем своих маркетинговых стратегий. Например, стилизованные изображения водонапорной башни с ее стеклянной пристройкой встречаются на многих образцах сувенирной продукции музейного комплекса «Вселенная воды». Кроме того, это здание зачастую воспринимается как символ всего петербургского Водоканала и как атрибут его бизнес-активности, так как ни один важный документ с партнерами предприятия не подписывается без ее посещения.

Таким образом, музейная архитектура представляет собой многофункциональный инструмент, который используется для достижения различных целей. В системе музея архитектурное сооружение играет несколько

ролей: с одной стороны, здание выполняет утилитарную функцию, служит вместилищем для музейного собрания, местом для выставления экспонатов и работы персонала; но столь же реальна и коммуникативная функция архитектуры, позволяющая ей включаться и в процесс реализации образовательно-воспитательной функции музея. Здание музея является существенной частью его экспозиционного ансамбля и, следовательно, одним из инструментов музейной коммуникации, с помощью которого музей «общается» со своими посетителями, а также с городом, стремится выстроить с ними диалог. Стоит также отметить значение архитектуры в получении посетителями эмоциональных впечатлений и эстетического наслаждения, что служит выполнению музеем его досуговой функции.

Примечания

[1] Майстровская М. Т. Архитектура музейная // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М.: Прогресс: Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 50.

[2] Giebelhausen M. The architecture is the museum // New museum theory and practice: an introduction / ed. by J. Marstine. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. S. l. P. 41–42.

ФИЛОЛОГИЯ

Philology

УДК 821.161.1(091)”18”Достоевский

С. В. Белов

Роман Ф. М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия

В статье предлагаются некоторые аспекты восприятия романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в культурно-историческом движении России 1860-х гг.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Нечаевское дело», разрыв с И. С. Тургеневым, главный герой «Бесов» – трагическая личность, Николай Ставрогин, мелкие бесы романа – духовные дети Ставрогина, Степан Трофимович Верховенский – чистый идеалист 1840-х гг., «Бесы» – великий христианский роман, гимн Христу и Его бессмертному делу

Sergey V. Belov

«Demons» by Fyedor M. Dostoyevsky: some aspects of perception

The article presents some aspects of the perception of the novel «Demons» by Fyedor M. Dostoyevsky in the cultural-historical movement of Russia of the 1860's.

Keywords: Fyedor M. Dostoevsky, political process «Nechaev's criminal case», rupture of relations with Ivan S. Turgenev, main character in «Devils» as a tragic personality, Nikolay Stavrogin, small devils of the novel – spiritual children by Nikolay Stavrogin, Stepan Timofeevich Verkhovenskiy – pure idealist 1840's, «Demons» as a great Christian novel, hymn to Christ and His immortal deeds

Нечаевский процесс вдохновил Достоевского на написание романа-памфлета «Бесы». Вероятно, Достоевскому были известны составленные С. Г. Нечаевым анархистские «Общие правила организации», так как действия Петра Верховенского – фанатическое следование нечаевским «правилам», хотя, если сравнить роман с его историческими прототипами, то по степени гротескности нечаевщина и вся связанная с ней полоса подпольной борьбы намного превосходит свое литературное изображение.

В «Бесах» нашли также отражение два биографических факта из жизни Достоевского за границей: окончательный разрыв с И. С. Тургеневым в Баден-Бадене в 1867 г. и посещение Достоевским в Женеве в том же году Первого конгресса Лиги мира и свободы.

Разрыв Достоевского с И. С. Тургеневым подготавливался уже давно, но причиной его была не личная антипатия, а столкновение на почве глубоких идейных разногласий двух людей, исповедующих диаметрально противоположные взгляды и убеждения. И. С. Тургенев – убежденный западник, сторонник введения парламентских форм правления в России. Достоевский – после каторги и ссылки – пламенный христианин, убежденный монархист, яростный противник европейской буржуазной цивилизации.

В образе «великого писателя» Кармазинова в «Бесах» Достоевский заклеймил в лице И. С. Тургенева ненавистный ему тип либерала-западника, которого он считал виновником появления в России С. Г. Нечаева, Д. В. Каракозова и им подобных. Это убеждение еще больше окрепло в Достоевском, когда 29 августа (10 сентября) 1867 г. он посетил в Женеве заседание Первого конгресса Лиги мира и свободы. Писатель был поражен тем, что с трибуны перед многотысячной аудиторией открыто провозгласили истребление христианской веры, уничтожение монархий, частной собственности, чтобы «все было общее, по приказу». «А главное, – писал Достоевский своей племяннице С. А. Ивановой, – огонь и меч, и после того, как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир»[1].

Страшный теоретик разрушения в «Бесах» «длинноухий» Шигалев полностью наследует женевские впечатления Достоевского от Первого конгресса Лиги мира и свободы, а Ставрогин и Петр Верховенский разделяют впечатления Достоевского от общения тогда же, в Женеве, с главным вождем анархизма М. А. Бакуниным, который не только был вице-президентом конгресса, но и произнес на конгрессе чрезвычайно эффектную провокационную речь с требованием уничтожить русскую империю и вообще все централизованные государства.

Однако постепенно в процессе творческой работы роман-памфлет с главным героем Петром Верховенским – С. Г. Нечаевым вырастает в большой трагический роман с другим главным героем, подлинно трагической личностью – Николаем Ставрогиным. «…Это другое лицо (Николай Ставрогин) – тоже мрачное лицо, тоже злодей, – писал Достоевский 8 (20) сентября 1870 г.

М. Н. Каткову, издателю журнала „Русский вестник", где должен был печататься роман „Бесы", – но мне кажется, что это лицо трагическое, хотя многие, наверное, скажут по прочтении: „Что это такое?". Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его. Мне очень, очень будет грустно, если оно у меня не удастся. Еще грустнее будет, если услышу приговор, что лицо ходульное. Я из сердца взял его»[2].

Достоевский действительно «из сердца взял его». Ставрогин как бы завершает многолетние размышления писателя над демонической, «сильной личностью».

«Главному бесу» Николаю Ставрогину в романе должен был противостоять монах Тихон. В том же письме к Каткову Достоевский сообщал: «Но не все будут мрачные лица: будут и светлые… В первый раз хочу прикоснуться к одному разряду лиц еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже святитель, живущий на спокое в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героев романа. Боюсь очень: никогда не пробовал; но в этом мире я кое-что знаю»[3].

Однако «положительно-прекрасному» человеку – монаху Тихону – не суждено было войти в роман, и столкновение между атеистом Ставрогиным и верующим Тихоном не состоялось. М. Н. Катков не пропустил главу «У Тихона», испугавшись за нравственность читателей своего журнала. Межу тем выброшенная глава «У Тихона» – замечательное художественное создание писателя. Именно в этой главе борьба веры с неверием достигает предельного напряжения, здесь Ставрогин терпит окончательное и сокрушительное поражение.

Появление С. Г. Нечаева Достоевский связывает прежде всего и главным образом с безверием. Вот почему писатель намечает в романе «Бесы» идейную связь между нечаевцами и петрашевцами и, переживая появление С. Г. Нечаева в России и как свою личную трагедию, считает себя – бывшего петрашевца – тоже ответственным за распространение атеизма.

Весь смысл поразительных по откровенности слов Достоевского из «Дневника писателя» за 1873 г. о том, что он мог бы сделаться нечаевцем в дни своей юности, стал понятен только после смерти писателя из рассказа его друга, поэта А. Н. Майкова[4]. Оказывается, чтобы подготовить народ к восстанию, петрашевцы Достоевский, П. Н. Филиппов, Н. А. Спешнев, Н. А. Мордвинов, В. А. Милютин, Н. А. Момбелли и Н. П. Григорьев решили завести тайную типографию и выбрать комитет из пяти членов для непосредственного руководства, причем для соблюдения тайны «должно включить в одном из параграфов приема угрозу наказания смертью за измену; угроза будет еще более скреплять тайну, обеспечивая ее».

Знакомые строки, весьма напоминающие дисциплину в пятерке Петра Верховенского в «Бесах» и в пятерке его прототипа С. Г. Нечаева. Но в центре романа «Бесы» стоит не Петр Верховенский – он слишком мелок для этого, он лишь исполнитель с претензией на верховодство. В центре – главный бес, Николай Ставрогин. В черновой тетради к роману есть запись: «Ставрогин все»[5]. Прообразом Ставрогина мог послужить петрашевец Николай Александрович Спешнев (даже имя у них одинаковое) – холодный, неприступный, загадочный, таинственный, еще до петрашевцев, за границей, думавший о создании тайного общества (в бумагах Спешнева, захваченных при его аресте, сохранился составленный им черновой проект обязательной подписки для вступления в «Русское тайное общество»).

«Меня зовут психологом, – отмечал Достоевский в одной из записных книжек, – неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой»[6]. Только почувствовав этот высший пласт поэтики Достоевского, мы поймем, что «Бесы» – роман не о С. Г. Нечаеве и нечаевцах, что исключение из него святителя Тихона нисколько не изменило его общего духовного смысла. «Бесы» – великий христианский роман о бессмертии Христа и его дела.

Н. А. Бердяев точно определил подход Достоевского к человеку: «Достоевский берет человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, выпавшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе, открывает неотвратимые результаты путей свободы»[7].

Человеку для его существования абсолютно необходима свобода. В этом основной пафос «Записок из подполья», «Записок из Мертвого дома» и «Бесов». Христианство – религия свободы. Но на путях свободы человека подстерегает опасность своеволия, когда в результате столкновения самых противоположных сил, борющихся в нем, он лишается способности окончательного выбора. Вот в чем основной смысл образа Ставрогина.

На путях свободы есть и другая опасность, другой соблазн, когда свободный человек может попасть под власть свободно выбранной им идеи. Собственно говоря, бесовщина – это и есть одержимость идеей, отъединяющей человека от реальной, иррациональной жизни. Петр Верховенский, поверивший исступленно в Ивана-Царевича-Ставрогина, Кириллов, решивший доказать истинность своей идеи путем самоубийства,

и даже Шатов, фанатически проповедующий Ставрогину свою веру в богоносность русского народа, – все они становятся рабами своей идеи.

Но ведь и Петр Верховенский, и Шатов, и Кириллов и все остальные мелкие бесы романа – духовные дети Ставрогина, который может совмещать в себе и проповедовать самые противоположные начала: и веру в Бога, и безверие. Недаром Шатов говорит Ставрогину: «В то же самое время, когда вы насаждали в моем сердце Бога и родину, в то же самое время, даже, может быть, в те же самые дни, вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка Кириллова ядом… Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до исступления».

И фактически весь роман «Бесы» посвящен разгадке тайны Ставрогина, так как душевная смута главного героя, его духовная раздвоенность захватывают сначала несколько его учеников, затем целые кружки и, наконец, весь город, и распад его личности символизирует для Достоевского религиозный кризис, переживаемый Россией.

Писатель умело концентрирует все действие «Бесов» вокруг личности главного героя: экспозиция – Степан Трофимович Верховенский – духовный отец Ставрогина, четыре женщины – Лиза Тушина, Даша, Марья Тимофеевна, жена Шатова – все они часть его трагической судьбы; четверо мужчин – Шатов, Кириллов, Петр Верховенский, Шигалев – это идеи Ставрогина, начавшие собственную жизнь, и, наконец, мелкие бесы – Виргинские, Липутин, Лебядкин, Эркель, Лямшин – их тоже породил Ставрогин.

На примере различных действующих лиц Достоевский показывает, как духовное борение Ставрогина воплощается в революционных заговорах, бунтах, пожарах, убийствах и самоубийствах. Теперь оказывается, что преступление, совершенное бесами в провинциальном русском городке, в сто крат страшнее злодеяния Раскольникова или разврата Свидригайлова, ибо ничего нет страшнее, по-Достоевскому, чем принадлежность к подпольному коллективу, оправдывающему пролитие крови ни в чем не повинных людей (он познал это на собственном опыте, когда в молодости мог стать нечаевцем, а потом раскаивался всю жизнь).

В этом и есть смысл замечательных по точности и глубине слов В. В. Розанова: «Достоевский… вцепился в „сволочь“ на Руси и стал пророком ее. Пророком „завтрашнего“»[8]. Конечно, В. В. Розанов имел в виду прежде всего и главным образом подпольных революционеров. Он не относит к ним Ставрогина и Кириллова, которые, греховно самоутверждаясь, все же не утратили своих личностей. У них есть еще свое, единственное, неповторимое, пусть и греховное, лицо, а у Петра Верховенского и у шайки бездарных дураков-бесов, которых он для надежности сплотил в революционное подполье кровью неповинного человека, не лица, а личины, они все из хаоса, нечисть, плесень, мечтающие о хаосе, т. е. появлении антихриста – «Ивана-Царевича».

Можно сказать так: русские ницшеанцы – Ставрогин, Кириллов (а еще раньше Раскольников и сам Достоевский-петрашевец, предвосхитившие Ф. Ницше) были только одержимыми, а революционеры-подпольщики стали уже бесами. Вот почему наивными кажутся попытки Петра Верховенского уговорить Ставрогина возглавить русскую революцию, стать «Иваном-Царевичем», так как Ставрогин глубже и сложнее всех, вместе взятых, социалистических идей – убогих, плотских и ничтожных. Ставрогин, Кириллов, Раскольников, Иван Карамазов, Свидригайлов хотят заменить бессмертный, сияющий в душе каждого человека от рождения лик богочеловека личиной человекобога, сверхчеловека, которому все позволено.

Однако Достоевский не зря проводит границу между теми, кто поглощен идеей, и идеалистами, живущими призраками идеализма, который, по Достоевскому, неизбежно ведет к злу. Идеалист не видит зла, и поэтому зло в конечном счете порабощает его. Так, либерал-идеалист Степан Трофимович Верховенский, комический гибрид А. И. Герцена с Т. Н. Грановским, казалось бы, своей невинной болтовней никому не причиняет вреда. Но именно из идеализма Степана Трофимовича рождается «бесовство» его сына Петра, революционера и убийцы.

Достоевский редко создавал одномерные портреты героев (может, только революционеров-подпольщиков, задумавших свергнуть самодержавие), для него жизнь всегда – иррациональное, необъяснимое, загадочное, божественное чудо. Недаром, например, в «Преступлении и наказании», когда Раскольников, в котором всегда был «Шиллер живуч», называет свою юношескую любовь к хозяйкиной дочери «бредом весенним», Дуня вдохновенно возражает: «Нет, тут не один бред весенний». В образе Степана Трофимовича Верховенского, этого чистого идеалиста 1840-х гг., есть какая-то теплота жизни, есть и внутренняя правдивость: видно, что Достоевский вверяет ему некоторые дорогие ему мысли и убеждения.

Именно Степан Трофимович смело заявляет, что «сапоги ниже Пушкина», и бесстрашно говорит нигилистам на празднике: «А я объявляю, что Шекспир и Рафаэль выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализ-

ма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты, уже достигнутая; без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь… Без хлеба можно прожить человечеству, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут!.. Не уступлю!..»

Но Степан Трофимович, устами которого Достоевский эстетически обличает бесов, неизбежно должен потерпеть духовное поражение, так как именно он, проповедуя счастье всего человечества, играет в карты на своего крепостного Федьку. И этот практический аморализм и породил в конечном итоге нигилистов-шестидесятников, бесов.

Сочетание эстетизма в теории с безнравственностью на практике порождает прежде всего главного беса – Ставрогина. Н. А. Бердяев справедливо пишет: «Ставрогин – солнце, вокруг которого все вращается. И вокруг Ставрогина поднимается вихрь, который переходит в беснование. Все тянется к нему, как к солнцу, все исходит от него и возвращается к нему, все есть лишь его судьба. Шатов, П. Верховенский, Кириллов лишь части распавшейся личности Ставрогина, лишь эманация этой необыкновенной личности, в которой она истощается. Загадка Ставрогина, тайна Ставрогина – единственная тема „Бесов“. Единственное „дело“, которым все поглощены, есть „дело“ о Ставрогине. Революционное беснование есть лишь момент судьбы Ставрогина, ознаменование внутренней действительности Ставрогина, его своеволия»[9].

Главный порок Ставрогина, вследствие которого он оторвался от Бога и людей, – это его безмерная гордость. Недаром в своем завещании, в своем последнем слове, в речи об А. С. Пушкине, сказанном за полгода до смерти, Достоевский специально подчеркивал: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость»[10].

Тайна Ставрогина запечатлена на его лице: «Волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы, как жемчужины, губы, как коралловые, – казалось бы, писаный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску».

Каждая новая сцена романа усиливает наше впечатление от роковой раздвоенности Ставрогина, заключающейся в сочетании двух слов, определяющих его внешность, его облик, его лицо: «отвратительная красота». Сверхчеловеческая сила Ставрогина – и в то же время его полное бессилие, жажда веры – и в то же время поразительное безверие, постоянные поиски Ставрогиным своего «бремени» – и одновременно абсолютное его духовное омертвение.

Раздвоение Ставрогина достигает своей кульминации в сцене с Дашей, которой он признается, что его посещает бес (эта сцена осталась только в журнальной публикации романа в «Русском вестнике», в последующих изданиях она была исключена в связи с выпадением главы «У Тихона»):

> Я знаю, что это я сам в разных видах, двоюсь и говорю сам с собой. Но все-таки он очень злится, ему ужасно хочется быть самостоятельным бесом и чтобы я в него уверовал в самом деле. Он смеялся вчера и уверял, что атеизм тому не мешает.
>
> – В ту минуту, как вы уверуете в него, вы погибли!.. – с болью в сердце вскричала Даша.
>
> – Знаете его вчерашнюю тему? Он всю ночь утверждал, что я фокусничаю, ищу бремени и неудобоносимых трудов, а сам в них не верую…
>
> Он вдруг захохотал, и это было ужасно нелепо. Дарья Павловна вздрогнула и отшатнулась от него.
>
> – Бесов было ужасно много вчера! – вскричал он, хохоча, – ужасно много! Из всех болот налезли[11].

Ставрогина поражает смертный грех гордыни, грех утверждения себя вне Бога, ибо, по Достоевскому, если нет Бога, то я – Бог. Однако неверие совсем не мешает быть суеверным, наоборот, Достоевский считал, что атеизм неизбежно приведет к суеверию, которое является верой в дьявола, в беса и их приспешников. На насмешливый вопрос Ставрогина: «А можно ли веровать в беса, не веруя совсем в Бога?» – Тихон отвечает: «О, очень можно, сплошь и рядом».

Все, что делает Ставрогин в романе, – это агония сверхчеловека. От рождения ему было предназначено высокое призвание, но он предал самое святое и дорогое – отрекся от Бога. Самоубийство Ставрогина ничего не меняет, так как еще при жизни его постигла самая страшная кара – духовная смерть. Душа его разлагается, и ее гниение порождает духовных детей Ставрогина: Шатова, Кириллова, Петра Верховенского, Шигалева, а те в свою очередь порождают более мелких бесов и т. д. – бесовщина завертелась, закружилась в России (сам же бес Ставрогина превратился в черта Ивана Карамазова).

Духовные ученики Ставрогина воплоща-

ют в себе все противоречия его души. Они по-разному относятся к своему учителю, но все они вышли из его гордыни и своеволия, из его безверия, из его неспособности верить в Бога.

Духовное раздвоение Ставрогина превращается у Шатова в личную трагедию. Достоевский определяет Шатова как «одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уж развалившим их камнем».

Шатова раздавила русская мессианская идея, но тлетворное влияние Ставрогина сказалось в том, что сам носитель этой идеи о русском народе-богоносце, Шатов, не верит в Бога. Шатов вдохновенно произносит замечательный монолог о религиозном призвании русского народа – несомненно, что это Достоевский вверяет ему свои самые сокровенные мысли, но Ставрогин, которого уже ничто не волнует, довольно холодно спрашивает:

…я хотел лишь узнать: веруете ли вы сами в Бога или нет?

– Я верую в Россию, я верую в ее православие… Я верую в тело Христово… Я верую, что новое пришествие совершится в России… Я верую… – залепетал в исступлении Шатов.

– А в Бога? В Бога?

– Я… я буду веровать в Бога.

Раздвоение между верой и неверием обрекает Шатова на гибель, так же как другого ученика Ставрогина, Кириллова, раздвоение ума и сердца обрекает на самоубийство. Кириллова тоже придавила идея. Недаром Петр Верховенский насмешливо говорит ему: «Знаю, что не вы съели идею, а вас съела идея».

Умом Кириллов доходит до отрицания Бога, но сердцем чувствует, что без Бога жить невозможно. Но как «жить с такими двумя мыслями?» Кириллов находит, как ему кажется, выход в идее человекобога. Диалог Кириллова со своим духовным учителем – кульминация его личной трагедии. «Кто научит, что все хороши, тот мир закончит», – говорит Кириллов. Но Ставрогин возражает: «Кто учил, того распяли». Кириллов уточняет: «Он придет, и имя Ему будет человекобог». Но Ставрогин переспрашивает: «Богочеловек?» Кириллов настаивает: «Человекобог, в этом разница».

Кириллов абсолютно точен: Христа он подменяет Антихристом. «Если нет Бога, то я Бог… Если Бог есть, то вся воля Его, и без воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие… Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому…»

Роковая раздвоенность Ставрогина воплощается в личную трагедию Кириллова: «Бог необходим, а потому должен быть, но я знаю, что Бога нет и не может быть, – нельзя с такими двумя мыслями жить».

Но пути человекобожества, т. е. человеческого своеволия, не исчерпываются образом Кириллова. Достоевский идет дальше и глубже. Он создает зловещий образ Петра Верховенского. Из формулы «Если Бога нет, то все позволено», являющейся неизбежным следствием раздвоенности и распада Ставрогина, его ученик Петр Верховенский полностью усвоил ее вторую часть – «все позволено».

Достоевский понял диалектику развития безбожной идеи революционного социализма, ведущей в конечном результате к бесчеловечности, идея «все во имя человека» приводит к истреблению человека. Для Петра Верховенского уже нет человека, потому что он сам уже не человек. И неслучайно убийца по ремеслу Федька Каторжный награждает пощечинами убийцу по убеждению Петра Верховенского, кровавого организатора безбожной революции. Федька Каторжный, несмотря на все свои великие грехи, вопреки усилиям Петра Верховенского, так и не стал революционером, а остался верующим в Бога.

И здесь можно вспомнить духовный путь самого Достоевского, который в лице Петра Верховенского казнит свою революционность и атеизм периода петрашевцев. Именно простые каторжники – униженные и оскорбленные, отверженные, убийцы по ремеслу – вернули писателю снова истинный образ Христа.

К С. Г. Нечаеву как прототипу Петра Верховенского и к нечаевскому делу Достоевский подходит с религиозных позиций. Для писателя социализм и революция всегда естественные и неизбежные следствия атеизма, ибо если Бога нет, то все позволено.

Принцип вседозволенности ведет к полной аморальности и в политике (нравственная аморальность Ставрогина порождает политическую аморальность его ученика), и Петр Верховенский становится вдохновенным поэтом хаоса, смуты, разрушения беспредела:

…Мы сначала пустим смуту… Мы проникнем в самый народ… Мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим в младенче-

стве… Мы провозгласим разрушение… Мы пустим пожары… Мы пустим легенды… Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь…

Из этого страшного монолога неизбежно вырастает шигалевщина. И неслучайно в процессе работы над романом из Петра Верховенского выделился его дополнительный образ – Шигалев, создатель новой системы «устройства мира». «Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия, все это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого, – излагает Шигалев на заседании „У наших" свою теорию общественного устройства. – Но так как будущая общественная форма необходима именно теперь, когда все мы наконец собираемся действовать, чтоб уже более не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства мира… Объявляю заранее, что система моя не окончена… Я запутался в собственных данных; и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».

Итак, по Достоевскому, революционно-атеистические идеи неизбежно ведут к шигалевщине, земному раю, когда весь народ превратится в послушное стадо, которым управляют избранные, одна десятая человечества. «Но тирания эта, неслыханная в истории мира, – отмечает Н. А. Бердяев, – будет основана на всеобщем принудительном уравнении. Шигалевщина и есть исступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия»[12].

Теоретик Шигалев порождает зловещую фигуру Великого Инквизитора, который уже на практике реализовал «безграничный деспотизм». Но в «Братьях Карамазовых» Великому Инквизитору противостоит Христос, а Ивану Карамазову – Зосима и Алеша. Исключение же из «Бесов» главы «У Тихона» сделало этот роман на первый взгляд безысходной трагедией. Но это абсолютно неверное впечатление.

Конечно, роман «Бесы» – грозное пророчество писателя о надвигающихся на мир катастрофах – это роман-предупреждение, призыв к бдительности людей. Достоевский был единственным человеком, кто из нечаевского дела вывел заключение: на мир надвигаются нечаевы и ему подобные бесы-революционеры, которые будут шагать по трупам для достижения своих целей, для которых всегда цель оправдывает средства и которые даже не замечают, как постепенно средства становятся самоцелью[13].

Однако роман «Бесы» вовсе не безысходная трагедия, иначе Достоевский включил бы выброшенную М. Н. Катковым из журнальной публикации главу «У Тихона» в отдельное издание «Бесов» 1873 г. Но он этого не сделал, ибо прекрасно понимал, что и без этой главы «Бесы» остаются великим христианским романом, гимном Христу и Его бессмертному делу.

Прежде всего, и без святителя есть в романе одно лицо, противостоящее бесам и их темным делам и замыслам. Это юродивая во Христе, ясновидящая хромоножка Марья Тимофеевна Лебядкина, живущая в миру отшельницей. Именно ей, первой разоблачившей главного беса – Ставрогина, Достоевский доверяет произнести самые сокровенные слова о Матери-Земле:

А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» – «Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на поларшина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, таково, говорит, есть пророчество…» Уйду я, бывало, на берег к озеру: с одной стороны наш монастырь, а с другой – наша Острая гора, так и зовут ее горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицом к востоку, припаду к земле, плачу и не помню, сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего.

Этот радостный плач Марьи Тимофеевны, в котором через символ Матери-Богородицы и Матери-Земли открывалось Божественное начало мира, и является верой в победу Христа над бесами.

Но и без Марьи Тимофеевны христианский смысл романа не изменился бы. У Достоевского всегда «свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Используя евангельскую притчу об исцелении Христом бесновавшего человека, Достоевский верит, что Россия и мир в конечном итоге излечатся от бесов-революционеров. Исключение же главы «У Тихона» из окончательного текста романа привело к тому, что его смысл стал заключать в себе «доказательство от противного». Все, что устраивают «бесы» в маленьком губернском городке, и является убийственным приговором их делу.

Мировоззрение Достоевского выражено в заключенной в его произведениях символике Добра, и эта символика Добра, т. е. диа-

лектический результат целого, вырастает при полном учете всех логических сопоставлений и контрастов, при полном учете всех идей – образов, которые венчаются идеей Добра. Только учитывая эту символику Добра, можно понять христианский смысл «Бесов», понять «Легенду о Великом Инквизиторе», понять молчание Христа перед Великим Инквизитором, как и, кстати, молчание Христа перед Пилатом. Они не понимали, что молчание Христа и есть лучшее опровержение их аргументов, ибо то, что делают бесы и Великий Инквизитор настолько явно противоречит Христу и его учению, что даже не нуждается ни в каком особом опровержении.

Христианство учит, что всякая человеческая личность есть верховная святыня, она священна и неприкосновенна, даже самый падший человек сохраняет образ и подобие Божье; для бесов же, отрицающих нравственный закон, человек является лишь средством для достижения их целей. Правда, бесы любят оправдывать отрицание ими Бога существованием зла в мире. Но весь роман «Бесы» и является лучшим ответом на это возражение. «Бог именно потому и есть, что есть зло и страдания в мире, – справедливо пишет Н. А. Бердяев, – существование зла есть доказательство бытия Божьего. Если бы мир был исключительно добрым и благим, то Бог был бы не нужен, то мир был бы уже богом. Бог есть потому, что есть зло. Это значит, что Бог есть потому, что есть свобода»[14].

Но победа зла, победа бесов может быть только призрачной, временной, недолговечной. Роман «Бесы» заканчивается светлым пророчеством о России, когда книгоноша Софья Матвеевна читает Степану Трофимовичу Верховенскому на постоялом дворе евангельский рассказ об исцелении бесноватого. «Эти бесы, – произнес Степан Трофимович в большом волнении… – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся в великом и малом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы. Вся нечистота… Но больной исцелится и „сядет у ног Иисусовых“… и будут все глядеть с изумлением…»

С верой в христианский путь России Степан Трофимович снова обретает веру в идею бессмертия:

> Мое бессмертье уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшийся к нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви людей – возможно ли, чтоб Он погасил и меня, и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то я бессмертен!

В этих словах и заключается великий христианский смысл романа «Бесы», ибо вся человеческая судьба полностью определяется идеей бессмертия, а если есть бессмертие, то бесы всегда обречены.

Примечания

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 2. С. 224.

[2] Там же. 1986. Т. 29, кн. 1. С. 142.

[3] Там же.

[4] См.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. М.: Пг., 1922. [Кн. 1]. С. 268–270.

[5] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 11. С. 207.

[6] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., 1883. С. 373.

[7] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 42–43.

[8] Розанов В. В. Опавшие листья. СПб., 1913. С. 362.

[9] Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 39–40.

[10] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 139.

[11] Там же. Л., 1975. Т. 12. С. 141.

[12] Бердяев Н. А. Духи русской революции. Пг., 1918. С. 24.

[13] Об этом хорошо сказано у Юрия Трифонова в статье «Загадки и провидение Достоевского» (Новый мир. 1981. № 11).

[14] Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. С. 86.

УДК 821.161.1-2(091"19"Андреев

Е. С. Панкова

– По существу? – «По веществу!»: о текстологической ошибке в изданиях пьесы Л. Андреева «К звездам»

Автор статьи выявляет текстологическую ошибку, допущенную первыми издателями пьесы Леонида Андреева «К звездам» (1906), напечатавшими в поэтической вставке «хотя по существу в нем стоимости мало» и доказывает неопровержимость выражения «хотя по веществу в нем стоимости мало».

Ключевые слова: текст, текстология, вещество, перевод, реминисценция, оригинал, первоисточник, вселенная, гелиоцентрическая система мироздания, параллактический инструмент

Ekaterina S. Pankova

– To be essentially? – «Substance!»: the error in the editions of the play «To the stars» by Leonid Andreev

The author of the article reveals the error in the editions of the first publishers of the play «To the stars» (1906) by Leonid Andreev. It was printed in poetic inserting «though in fact it cost a little» and proves cogency of the expression «though substance in it cost a little».

Keywords: text, textual studies, substance, translation, reminiscence, the original, primary source, cosmos, the heliocentric system of the universe, paralactic tool

Пьеса Леонида Андреева «К звездам» (авторская дата завершения – 3 ноября 1905 г.) к настоящему времени исследована достаточно полно, в разных аспектах (работы и отдельные статьи андреееведов: Л. Н. Афонина, А. Л. Дымшица, К. Д. Муратовой, Ю. В. Бабичевой, Л. А. Иезуитовой, В. А. Келдыша, Ю. Н. Чирвы, А. В. Богданова, Б. С. Бугрова, А. Руднева, В. Н. Чувакова, Л. Н. Кен).

Значительный пласт пьесы связан с именем выдающегося филолога – академика Ф. Е. Корша. В его «замечательном по красоте и верности переводе»[1] с латинского на русский было опубликовано стихотворение датского астронома и поэта Тихо Браге, написанное как благодарный ответ на врученный ему параллактический инструмент, который был изготовлен собственноручно Николаем Коперником[2].

Стихотворение включил в свою научную статью «Коперник и Тихо Браге» профессор Московского университета, астроном В. К. Цераский. В 1901 г. ученый лично побывал там, где трудился Коперник, осмотрел комнату, в которой обитал создатель гелиоцентрической системы мироздания; профессору из России подарили копию портрета Коперника. Подготовленную статью В. К. Цераский опубликовал в популярно-научном иллюстрированном журнале «Научное слово»[3].

Как известно, в ту пору Л. Андреев по окончании Московского университета работал в газете «Курьер». Наряду с журналистскими обязанностями он развивал в себе навыки писателя.

В период формирования собственного творческого почерка Л. Андреев старался быть в курсе событий московской литературной жизни. Неудивительно, что он не прошел мимо упомянутого журнала[4], задержав внимание на статье В. Цераского. Данная статья наряду с книгой Г. Клейна «Астрономические вечера»[5] послужила Л. Андрееву одним из стимулов к созданию пьесы, которую он по завершении назовет «К звездам»[6].

При чтении статьи Л. Андреев обратил внимание на поэтическую вставку в строго научном тексте – стихотворение Тихо Браге о Копернике и изобретенном им параллактическом инструменте. Возможно, эта вставка побудила Л. Андреева ввести фигуру датского астронома и его гимн Копернику в задуманную им пьесу[7].

Тихо Браге сочинил хвалебное стихотворение на латинском языке. В качестве достойного переводчика на русский язык редакцией журнала был приглашен Ф. Е. Корш[8]. Будучи к тому времени в звании академика (АН, Петербург, 1900), Корш не ограничил себя изучением только латинского стихотворного текста. Ученый вникал и в родной для Браге датский язык, пользуясь рекомендациями датского консула, латиниста и слависта Копенгагенского университета Т. И. Ланге[9].

Поэтическая вставка в переводе Ф. Е. Корша впечатлила Л. Андреева и он

решил ввести ее в качестве реминисценции в текст задуманной пьесы.

По каким-то соображениям Л. Андреев опустил первые шесть строк стихотворения:

Тот муж, подобного которому веками
Рождает к доблестям ревнивая земля,
Какого для себя родить чуть могут сами
Светила, хоть они небесные поля
Чрез столько полюсов и центров пробегают
Кругами без числа и устали не знают[10].

Он предпочел сразу представить читателю героя строками следующего абзаца:

Тот, солнцу кто сказал:
Сойди с небес и стой!

Остальной текст поэтической вставки Тихо Браге, включая и три заключительные строчки, Л. Андреев оставил без изменения в версии переводчика:

Хотя **по веществу** в нем стоимости мало,
Но золото само, когда б имело ум,
Такому дереву завидовать бы стало
(выделено мною. – *Е. П.*)[11].

Под «веществом» имелся в виду тот ходовой, не самого высокого сорта, древесный материал, из которого был изготовлен инструмент[12]. Сочинитель оды неторопливо подводил читателя к осмыслению этой существенной подробности, постепенно вводя три вида сосновых обрезков: «палочки», «кусочки дерева», «тоненькие жерди». В том и состояло чудо изобретения, что при малой стоимости **вещества** мастер-изготовитель Николай Коперник сумел добиться высочайшей эффективности действия прибора (выделено мною. – *Е. П.).*

Три года спустя у журнала «Научное слово» объявился оппонент в лице товарищества «Знание». Это издательство, впервые целиком напечатав пьесу «К звездам»[13], без всяких оснований фразу Тихо Браге «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» подменило другой: «Хотя **по существу** в нем стоимости мало»[14] (выделено мною. – *Е. П.).* Существо изобретения Коперника было и остается огромным, оно заключается в скрытых внутри конструктивных особенностях прибора, позволивших Копернику убедительно доказать двойное движение Земли.

В словаре Д. Н. Ушакова слово «существо» трактуется как обозначение «сущности», т. е. крайне важной для чего-нибудь составляющей по своей принципиальности, первостепенности»[15].

Именно существом своим, т. е. техническими достоинствами, изобретение Коперника способствовало стремительному прорыву в познании устройства Вселенной, открытию вращения планеты Земля вокруг своей оси и вокруг Солнца.

Вещество же, из которого сделан инструмент, повторим: «палочки», «кусочки дерева», «тоненькие жерди» – сами по себе не обладали ни большой стоимостью, ни такой силой, чтобы Коперник мог «раскрутить Землю и остановить Солнце».

Сборник товарищества «Знание» издан без комментариев, в нем нет ссылки на первоисточник поэтической вставки Тихо Браге, не указан автор ее перевода на русский язык. Издатели пренебрегли требованием обязательного сличения текста, предназначенного к публикации, с авторским вариантом. В данном случае полноправными авторами реминисцентного вкрапления в андреевской пьесе являются Тихо Браге и Ф. Е. Корш. Их версия («Хотя по веществу в нем стоимости мало») опубликована за три года до сборника «Знание», она заключает в себе истинно верный, адекватный смысл. Ф. Е. Корш уже тогда пользовался большим авторитетом, он был не только переводчиком, но и крупным ученым, автором солидных трудов по разным аспектам филологической науки (сравнительно-историческое языкознание, стихосложение, тюркология, орфоэпия)[16].

При своей чрезмерной загруженности Ф. Е. Корш, возможно, не смог прочитать опубликованный вариант пьесы «К звездам» в сборнике «Знание». Тогда бы он пресек дальнейшее тиражирование выражения **«по существу»**.

Допущенная «Знанием» нелепость перекочевала в издание товарищества А. Ф. Маркс (1913)[17], которое также не снабжено комментариями.

После смерти Ф. Е. Корша (1915) не нашлось энтузиастов, чтобы восстановить в правах его вариант перевода Тихо Браге. Массовому читателю предлагалась неверная версия поэтической вставки, что отрицательно сказывалось на понимании ее в контексте всей пьесы.

Сам Л. Андреев также не проявил должной бдительности. Знакомясь с четвертым томом Полного собрания своих сочинений[18], писатель не придал значения редакционному замечанию о том, что текст пьесы «К звездам» сверен с первой публикацией в сборнике «Знание». Но ведь в нем и была допущена текстологическая ошибка, которую не обнаружил Л. Андреев.

Относительно всей пьесы вставка из Тихо Браге является чужим текстом, введенным Л. Андреевым. Ему как автору надлежало проследить, соответствует ли текст реминисценции источнику заимствования – статье профессора В. Цераского «Коперник и Тихо Браге», напечатанной в журнале «Научное слово»[19]. Этого не было сделано.

После очередного выпуска Собрания сочинений Л. Андреева[20], где не была устранена подмена должного выражения **«по веществу»** на неверное **«по существу»**, наступил длительный период, когда произведения писателя не издавались. Умолчание было нарушено в 1959 г. выпуском однотомника пьес[21] с вступительной статьей А. Л. Дымшица[22] и примечаниями В. Н. Чувакова[23].

Вставка из Тихо Браге напечатана без первых шести строк[24]; здесь издатели учли волю автора пьесы. Зато они, вопреки варианту Тихо Браге, продублировали неприемлемую строчку: «Хотя **по существу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. В. Н. Чуваков сообщил читателям, что пьеса печатается по тексту издания товарищества А. Ф. Маркс (СПб., 1913), сверенному с первой публикацией в сборнике «Знание»[25]. Это разъяснение нельзя считать обоснованием правомерности выражения **«по существу»**. Автор комментариев умолчал о том, что стихотворение Тихо Браге в переводе Ф. Е. Корша впервые было напечатано тремя годами ранее сборника «Знание» в варианте, адекватном переводу Ф. Е. Корша, в частности: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*.

В 1989 г. вышло двухтомное издание драматических произведений Л. Андреева[26]. Составитель, автор вступительной статьи и примечаний Ю. Н. Чирва сопроводил выпуск обстоятельным рассмотрением семнадцати пьес Л. Андреева, высветив особенности драматургического мастерства писателя. Свои наблюдения и размышления исследователь завершил обобщающим выводом о неповторимой художественной природе творчества Л. Андреева[27].

В местах, связанных с поэтической вставкой Тихо Браге, снова не обошлось без неточностей. По инерции повторена абсурдная фраза «Хотя **по существу** в нем стоимости мало»[28] (выделено мною. – *Е. П.)*.

Русский ученый с мировым именем академик Ф. Е. Корш перевел первую из трех заключительных строк оды правильно: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. Это не только зафиксировано при первой публикации в журнале «Научное слово», но и закреплено в опубликованных работах специалистов-астрономов: В. К. Цераского[29], С. Н. Блажко[30], К. Л. Баева[31] Ю. А. Белого[32], И. Н. Веселовского и Ю. Белого[33].

В примечаниях Ю. Н. Чирвы сказано: «**Отрывок** из стихотворения Тихо Браге, посвященного параллактическому инструменту Коперника, Андреев приводит в переводе Ф. Е. Корша»[34]. Учитывая, что все стихотворение состоит из 34 строк, а персонаж – Сергей Терновский читает сыну Пете в полный голос, без пропусков, 28 строк, то слово «отрывок» можно посчитать невольной оговоркой комментатора.

В 1990 г. было предпринято издание Собрания сочинений Л. Андреева в шести томах[35]. Составитель Е. М. Жезлова при подготовке текста к печати не учла первой публикации стихотворения Тихо Браге в переводе Ф. Е. Корша со строкой: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. В результате несоблюдения правил текстологии и в этом издании напечатана абсурдная строка: «Хотя **по существу** в нем стоимости мало…» (выделено мною. – *Е. П.)*.

Автор комментариев А. В. Богданов[36] не придал значения ошибочной фразе: «хотя **по существу** <…>», более того, он оставил без внимания целиком четвертое действие пьесы.

Последний на данный момент выпуск пьес Л. Андреева[37] подготовил профессор Б. С. Бугров[38]. При достаточно обширном научном сопровождении тома в тексте оды Тихо Браге исследователь не исключил укоренившуюся ошибку и повторил нелепый вариант: «Хотя **по существу** в нем стоимости мало…»[39] (выделено мною. – *Е. П.)*. Тем самым автор вступительной статьи поддержал абсурдную трактовку, согласно которой в изобретении Коперника стоимости мало в самом существенном достоинстве, т. е. в его конструктивных, научно выверенных особенностях.

В следовании примелькавшейся фразе «**по существу** в нем стоимости мало» без критического ее осмысления сказывается пренебрежение основным принципом текстологии, согласно которому при каждом переиздании «текст должен быть изучен целиком, безо всяких пропусков»[40]. В данном случае подготовленный к изданию текст стихотворения Тихо Браге не был сверен с его первой публикацией, осуществленной специалистом-астрономом В. Цераским[41].

Издательства, внедрявшие в сознание читателей словесную формулу «**по существу** в нем стоимости мало», не мотивировали выбор данного варианта, игнорировали ис-

точники, в которых было правильно напечатано: «…**по веществу** в нем стоимости мало».

В процессе подготовки к изданию находится Полное собрание сочинений Л. Н. Андреева в 23 томах. Велик соблазн убедить себя в том, что поэтическая вставка Тихо Браге в четвертом действии пьесы Андреева «К звездам» обретет тот подлинный смысл, который был вложен в нее автором Тихо Браге и переводчиком Ф. Е. Коршем, а строка «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» займет положенное ей место.

Предвидим возражение: «<…> рукопись <…> хранится ныне в Архиве Гуверовского института»[42]. Позволим себе ответить контрдоводом. Автор данной статьи не ставит под сомнение весь текст пьесы «К звездам». Речь идет о фрагменте: «хотя **по существу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)* – как искаженном варианте автора – Тихо Браге, как переиначенной версии перевода Ф. Е. Корша и как абсурдном по смыслу утверждении, требующем восстановления единственно верного словесного оборота: «хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. Так это было переведено Ф. Е. Коршем и напечатано в журнале «Научное слово», откуда Л. Андреев заимствовал данный фрагмент и ввел в пьесу «К звездам».

Кроме высказанных доводов в пользу исключения из текста андреевской пьесы абсурдного выражения «хотя **по существу** в нем стоимости мало» и замены его истинно правомерным «хотя **по веществу** в нем стоимости мало», сошлемся на труды группы ученых, специалистов-астрономов.

Ни один из тех, с чьими научными исследованиями мы имели возможность ознакомиться, при цитировании оды Тихо Браге не привел выражение: «хотя **по существу**…», все, как один, следуют версии Ф. Е. Корша, зафиксированной в статье профессора-астронома В. Цераского: «хотя **по веществу** в нем стоимости мало…».

С. Н. Блажко (1870–1956) – директор обсерватории Московского университета (1918–1931), член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.), ученый-практик – в 1926 г. издал написанную им книгу «Коперник»[43], в которой воспроизвел оду Тихо Браге, включая фрагмент «хотя **по веществу** в нем стоимости мало»[44] со ссылкой на журнал «Научное слово».

К. Л. Баев (1881–1953) – доктор физико-математических наук, профессор – в книге «Коперник»[45] на страницах 59–60 воспроизвел полностью 34 строки поэтической вставки Тихо Браге, включая выражение «хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. Спустя некоторое время К. Л. Баев значительно расширил круг энтузиастов, посвятивших себя изучению астрономических проблем, опубликовал исследование «Создатели новой астрономии»[46]. На странице 24 издания 1948 г. приведена интересующая нас фраза: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало» (выделено мною. – *Е. П.)*. В 1955 г., после смерти автора, вышло второе издание данного исследования[47], где сохранено правильное выражение «хотя **по веществу** в нем стоимости мало»[48] (выделено мною. – *Е. П.)*.

К 500-летию со дня рождения Николая Коперника издательство «Наука» выпустило исследование И. Н. Веселовского и Ю. А. Белого «Николай Коперник»[49]. В работе дано описание параллактического прибора, затем приведен текст оды Тихо Браге в переводе Ф. Е. Корша с интересующей нас строкой: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало»[50] (выделено мною. – *Е. П.)*.

В 1982 г., также в издательстве «Наука», вышло специальное исследование Ю. А. Белого о Тихо Браге[51]. Автор научного труда приводит полностью текст оды Тихо Браге, включая и важную для нас строку: «Хотя **по веществу** в нем стоимости мало…»[52] (выделено мною. – *Е. П.)*.

В стихотворении Тихо Браге есть две ключевые фразы: «весь перевернув порядок мировой» и «законы наложил на весь небес простор», выражающие масштабность научного подвига Коперника.

Римско-католическая церковь обрушила свой гнев на гениального ученого за то, что Коперник со всей смелостью и дерзостью отверг глубоко ошибочный взгляд на Землю как на устойчивый центр Вселенной, вокруг которого движутся Солнце и все планеты. Он отменил противопоставление Неба и Земли, доказал действие общих законов для всех планет. В этом – **существо открытий** Коперника, которые нанесли удар по религиозным догмам служителей церкви.

Ф. Е. Корш был первоклассным поэтом и переводчиком; он переводил не только со славянских языков, но и с персидского, венгерского, датского, итальянского, польского, сербского и других. Его перевод стихотворения Тихо Браге о Копернике вписывался в круг свойственных Коршу широких языковых и литературоведческих интересов.

Хотя по веществу в нем стоимости мало,
Но золото само, когда б имело ум,
Такому дереву завидовать бы стало, –

таковы заключительные строки стихотворения Тихо Браге в переводе Ф. Е. Корша – «ученого с мировым филологическим горизонтом»[53], который не может и не должен считаться автором абсурдного варианта перевода: «Хотя **по существу** в нем стоимости мало».

Можно лишь посетовать на то, что более ста лет текстологическая ошибка кочевала из одного издания в другое. Остается гадать, какие обстоятельства могли помешать издателям обратиться к доступному первоисточнику – журналу «Научное слово», из которого Л. Андреев взял текст стихотворения Тихо Браге в переводе Ф. Е. Корша и включил в пьесу «К звездам». Посредством этого приема автор давал читателю возможность осознать непрерывность процесса познания человечеством тайн Вселенной.

Примечания

[1] Научное слово: популяр.-науч. иллюстр. журн. / под ред. проф. Н. А. Умова. М., 1903. Кн. 1. С. 35–36.

[2] Тихо де Браге. «Тот муж, подобного которому веками…» / пер. с лат. Ф. Е. Корша // Науч. слово. 1903. Кн. 1. С. 35–36.

[3] Цераский В. К. Коперник и Тихо Браге: отзыв о пер. Ф. Е. Корша стихотворения Тихо де Браге «Тот муж, подобного которому веками…» // Там же. С. 27–39. Данная публикация отмечена в издании «Николай Коперник: к 500-летию со дня рождения» (М.: Наука, 1973. С. 207), что говорит о ее значимости.

[4] Науч. слово. 1903. Кн. 1.

[5] Клейн Г. И. Астрономические вечера: очерки ист. астрономии: солнечный мир, звезды, туманности. 3-е изд. СПб.: Т-во «Знание», 1900.

[6] См.: Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: Коста, 2010. С. 148.

[7] См.: Дымшиц А. Л. О пьесах Леонида Андреева // Андреев Л. Н. Пьесы / вступ. ст. А. Дымшица; сост. подгот. текста и примеч. В. Чувакова. М.: Искусство, 1959. С. 5–21.

[8] Большая российская энциклопедия: в 30 т. М.: Наука, 2010. Т. 15: Конго–Крещение. С. 401.

[9] См.: Баскаков Н. А., Баскаков Ник. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. М.: Наука, 1989. С. 9, 63–84.

[10] Науч. слово. 1903. Кн. 1. С. 35.

[11] Там же. С. 36. Пер. Ф. Корша.

[12] Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 2007. Т. 1. С. 268.

[13] Андреев Л. Н. К звездам // Сборник товарищества «Знание» за 1906 г. СПб., 1906. Кн. 10. С. 1–127.

[14] Там же. С. 112.

[15] Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 2007. Т. 4. С. 606.

[16] Большая российская энциклопедия. Т. 15. С. 401; Дмитриев Н. К. Ф. Е. Корш. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 6–34.

[17] Андреев Л. Н. Полн. собр. соч.: [в 8 т.] СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. Т. 4. С. 235.

[18] Андреев Л. Н. Полн. собр. соч.: с портр. авт. Т. 1–8. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. 8 т.: портр. на отд. л. Изд. вышло в 17 кн. Беспл. прил. к журн. «Нива» на 1913 г. № 1–17.

[19] Науч. слово. 1903. Кн. 1. С. 27–39.

[20] Андреев Л. Н. Собр. соч.: [в 17 т.] / с портр. авт. и вступ. ст. проф. М. А. Рейснера. Т. [1]–16. СПб.: Просвещение, 1911–1916. 13 т.: портр. на отд. л.

[21] Андреев Л. Н. Пьесы / вступ. ст. А. Дымшица; сост. подгот. текста и примеч. В. Чувакова. М.: Искусство, 1959. 591 с.

[22] Дымшиц А. Л. О пьесах Леонида Андреева // Андреев Л. Н. Пьесы. С. 5–21.

[23] Чуваков В. Н. Примечания // Андреев Л. Н. Пьесы. С. 557–590.

[24] Андреев Л. Н. Пьесы. С. 79.

[25] Чирва Ю. Н. О пьесах Леонида Андреева // Андреев Л. Н. Драматические произведения: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 562.

[26] Андреев Л. Н. Драматические произведения: в 2 т. Л.: Искусство, 1989.

[27] См.: Чирва Ю. Н. О пьесах Леонида Андреева // Там же. Т. 1. С. 43.

[28] Андреев Л. Н. Драматические произведения: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 91.

[29] Цераский В. К. Коперник и Тихо Браге // Науч. слово. 1903. Кн. 1.

[30] Блажко С. Н. Коперник. М.; Л.: Госиздат, 1926. (Биографическая библиотека).

[31] Баев К. Л. Коперник. М.: Жургаз. объединение, 1935. (ЖЗЛ); Его же. Создатели новой астрономии: Коперник, Бруно, Кеплер, Галилей. М.: Учпедгиз, 1948; То же. 2-е изд. 1955.

[32] Белый Ю. А. Тихо Браге, 1546–1601. М.: Наука, 1982.

[33] Веселовский И. Н., Белый Ю. А. Николай Коперник. М.: Наука, 1974.

[34] Андреев Л. Н. Драматические произведения: в 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 484.

[35] Его же. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2.

[36] Богданов А. В. Комментарии // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2.

[37] Андреев Л. Н. Пьесы / сост., текстол. подгот., вступ. ст., коммент. Б. С. Бугрова; худож. М. Гуров. М.: Совет. писатель, 1991.

[38] См.: Бугров Б. С. «Мятежная душа»: вступ. ст. // Андреев Л. Н. Пьесы. М.: Совет. писатель, 1991. С. 3–38.

[39] Андреев Л. Н. Пьесы. М.: Совет. писатель, 1991. С. 82.

[40] Лихачев Д. С. Текстология / при участии А. А. Алексеева, А. Г. Боброва. 3-е изд. СПб.: Алтейя, 2003. С. 29.

[41] Из профессиональных заслуг В. Цераского особо

выделяются два существенных вклада в развитие астрономии: ученый открыл «серебристые» облака и первым ввел в практику астрономических наблюдений приемы фотометрии.

[42] Гуверовский институт войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) Стенфордского университета, г. Стенфорд, штат Калифорния, США; Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2; Белый Ю. А. Тихо Браге. С. 543.

[43] Блажко С. Н. Коперник. М.; Л.: Госиздат, 1926. (Биографическая библиотека).

[44] Там же. С. 50–51.

[45] Баев К. Л. Коперник. М.: Жургаз. объединение, 1935. 214 с. (ЖЗЛ. сер. биогр. / под ред. М. Горького, М. Кользова, А. Титова; вып. 7 (55)).

[46] Баев К. Л. Создатели новой астрономии: Коперник, Бруно, Кеплер, Галилей. М.: Учпедгиз, 1948. 116 с.

[47] Его же. То же. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1955. 125 с.

[48] Там же. С. 33.

[49] Веселовский И. Н., Белый Ю. А. Николай Коперник. М.: Наука, 1974. 456 с.

[50] Там же. С. 163.

[51] Белый Ю. А. Тихо Браге, 1546–1601. М.: Наука, 1982.

[52] Там же. С. 127.

[53] Гребеников Е. А. Николай Коперник. М.: Наука, 1973; То же. 2-е изд. 1982. С. 11.

УДК 821.161.1(091"19"Набоков

Е. Р. Пономарев

Прочь от России: парабола В. В. Набокова

Статья рассматривает тему России в русскоязычном творчестве В. В. Набокова как единую идейную линию, связанную с размышлениями о месте русских изгнанников в мире. В движении текстовых масс от «Машеньки» к «Дару» и «Приглашению на казнь» Россия перестает быть главной «недостачей» эмиграции и превращается в тайный клад души главного героя. Тема России как бы рассасывается в творчестве писателя, освобождая героя от обреченности всему русскому, делая его гражданином мира.

Ключевые слова: Набоков, Россия, тема России, «Машенька», «Подвиг», «Защита Лужина», «Дар», «Приглашение на казнь», растворение России

Evgeny R. Ponomarev

Escape from Russia: Vladimir V. Nabokov: parabolic way

The article deals with the subject of Russia in the russophone activity of Vladimir Nabokov. It is considered as an important thematical line from «Mashen'ka» to «Dar» («The Gift») and «Priglashenije na kazn» («Invitation to a beheading»), connected with the thoughts about the role of the Russian exiles in the world history. In the dynamics of the text masses Russia stops to be the main shortfall of Russian emigration and turnes to the mysterical gift given to the main character. Liberation of Russia allows the Russian character of Nabokov feel free in the free world. Russia dissolves in the creative activity of the writer; and Nabokov's main character feels as a citizen of the world.

Keywords: Nabokov, Russia, subject of Russia, «Mashen'ka», «Glory», «Luzhin Defence», «The Gift», «Invitation to a beheading», dissloving of Russia

Творческий путь В. В. Набокова – обещание новой России, России Западной. Он уже не русский культурный атташе в столице мира, как в XIX столетии Тургенев, он русский созидатель метатекста западной культуры – не человек XX (как Чехов или Блок), а предвестник XXI в. К этой роли Набоков движется на протяжении двух десятилетий, проведенных в кругу литературы русской эмиграции. Но если путь Блока принято сравнивать с прямой, то для Набокова более подходит парабола, разрывающая границы круга эмигрантской культуры, – это движение из бесконечности национальной к бесконечности всемирной.

Отвергнув почетное звание «великого писателя земли русской», практически поднесенного ему эмиграцией, Набоков предпочел быть «писателем мира», выйти за пределы русской культурной провинциальности, которую он ощущал особенно остро и в силу европейского воспитания, полученного в детстве, и в силу исключительной узости тем и интересов эмигрантской литературы («литературного курятника», по выражению Г. Н. Кузнецовой). Набоков, тем самым, – писатель-глобалист, европеизирующий культуру Толстого и Достоевского, приносящий ее в западный мир не как экзотическую «ам слав», а как составную часть европейского (трансатлантического) мироощущения. Набоков одновременно и главное оправдание русской эмиграции, и главный упрек ей, свидетельство потенций и энергии, потраченной на «внутреннее сгорание». Восторженное почитание ранним Набоковым И. А. Бунина и все более расширяющийся конфликт с ним в дальнейшем показателен для набоковского пути: это центробежная сила отталкивания от (эмигрантской) русской культуры во имя культуры всемирной. Эта сила создает во время чтения Набокова ощущение абсолютной свободы, полета, непривязанности к городам, странам и эпохам, где разворачивается действие.

С другой стороны, Набоков внутренне целен, постоянно пишет о своем, личном и бесконечно возвращается к нему от текста к тексту. Это характерное стремление русского писателя «мысль разрешить», «двадцать тысяч лье вокруг самого себя». Вопросы, которые пытаются разрешить его герои (равно актуальные для С. Кубрика, Р.-В. Фассбиндера или М. Горрис[1]), кажутся насквозь русскими и родными то ли за счет узнаваемости набоковского Петербурга, то ли за счет генетической близости Серебряному веку. Центростремительная сила набоковского текста всегда или почти всегда приводит героя в собственное детство, где кроется разгадка его судьбы, почвы и вообще тайны бытия. Эта сила на протяжении всего чтения заставляет чувствовать повторяемость судеб, роковую привязанность человека к тому, что определяет его

жизнь, – а это не только воспоминания детства, но и каждая мелочь интерьера, как в «Защите Лужина», каждая случайная вещь, как палка в «Отчаянии».

Органически соединяя в сознании своего русского героя европейский культурный контекст и личную мифологию детства, Набоков предпринимает то, к чему была исторически призвана вся русская эмиграция, – ревизию русской культуры, творческое слияние национальной традиции с европейско-американской культурной жизнью. Поэтому столь актуален Набоков сегодня, в момент вхождения России в единое пространство мировой культуры. Его герой, медленно просматривая все вынесенное из России, пытается понять, что из культурного багажа понадобится ему дальше. Россия – главная тема эмигрантской литературы – делится в восприятии набоковского героя на разные семантические поля, которые частью отбрасываются за ненужностью, частью актуализируются, частью творчески переосмысляются. Эта расчлененность единого и неделимого для прочих эмигрантов понятия «Россия» иронико-полемически выставлена напоказ в «Других берегах»: «Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству»[2]. В маленьком «лишь» – эпатирующее сужение темы. «Детство» можно понимать и в культурологическом плане. Это то ядро национальной культуры, которое и делает нас примечательными в море «взрослой жизни», культуры мировой.

В первом романе Набокова «Машенька» (1926) главный герой – русский эмигрант, относящийся к утерянной родине по-набоковски. Россия для него – исходная вечность. Один из персонажей, Алферов, назовет жизнь в России «довременной» (1, 52), это обычный мотив эмигрантской культуры. Столь же довременны отношения героя с героиней: Машенька оказывается образом из воспоминания-вечности. Воплотившимся дважды: в прошлой жизни под Петербургом, которая, в свою очередь, полусмутна, и в Берлине, в сознании Ганина. Воспоминание о Машеньке как бы соединяет Петербург и Берлин. От еще не успевших начаться воспоминаний петербургской девятилетней давности переход к современному Берлину – в центре абзаца: «В конце концов это было просто юношеское предчувствие, сладкие туманы, но Ганину теперь казалось, что никогда такого рода предчувствие не оправдывалось так совершенно. И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе, и его воспоминание непрерывно летело вперед, как апрельские облака по нежному берлинскому небу» (1, 58). Первое предложение («юношеское предчувствие») характеризует как состояние Ганина тогда, так и ощущения Ганина теперь, в Берлине. Второе предложение, кажется, возвращает к эмигрантской яви. Однако власть воспоминания сохраняется, оно уносится вперед – прошлое и будущее меняются местами. Воспоминание о Машеньке разрывает монотонную берлинскую жизнь героя, вытесняет из сознания опостылевшую любовницу Людмилу, с которой ранее никак не получалось расстаться. Порвав с Людмилой, «Ганин почувствовал, что свободен» (1, 56). Свободен не столько от надоевшей женщины, сколько от одноплановости эмигрантской судьбы (которая не позволяет сделать ни одного самостоятельного шага и навязывает случайных женщин, встреченных на чужбине, – искусственная близость, ограждающая от невыносимого одиночества).

На берлинских улицах Ганин ведет себя как петербургский влюбленный юноша. Вечером, прощаясь с поэтом Подтягиным, соседом по пансиону, Ганин говорит:

«– Знаете что, Антон Сергеевич? У меня начался чудеснейший роман. Я сейчас иду к ней. Я очень счастлив» (1, 65). Тут же, через границу главы (снимается еще одна временная и текстовая граница) – продолжение воспоминания, появление Машеньки (тогда, под Петербургом). В словах Ганина Подтягину можно усмотреть игру, подобную той, что он ведет, например, с Кларой. Интересная игра задумана им и с Алферовым: увести у него жену из-под носа. Эта пансионная игра роднит Ганина с будущим Годуновым-Чердынцевым: тот живет в одной квартире-пансионе с возлюбленной, но их отношения дома строго официальны. Однако за фразой «Я сейчас иду к ней», предваряющей воспоминание, стоит и другое – по выражению Алферова, «метемпсихоза»: воспоминание вливается в жизнь, или жизнь засасывается в воспоминание. Прежние отношения с Машенькой становятся важнее, истиннее реальностей берлинской жизни: «Это было не просто воспоминание, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо „интенсивнее“ – как пишут в газетах (газета – воплощение линейной истории, культурной замкнутости и потому она награждается иронией. – *Е. П.)*, – чем жизнь его берлинской тени. Это был удивительный роман, развивавшийся с подлинной, нежной осторожностью» (1, 73).

Несостоявшаяся близость Ганина и Машеньки – некий трафарет, который будет наложен на многих героев Набокова, вплоть до Гумберта

Гумберта и Анабеллы. Этот мотив из детства неуклонно предопределяет расставание набоковских героев. За фразой Ганина «Мне все кажется, что кто-то идет» (1, 86), произнесенной когда-то под Петербургом и определившей отношения с Машенькой навсегда, стоит «нежная осторожность» влюбленного (воспитанного на культуре русского символизма) – нежелание окончательного воплощения идеального образа. Любовь Ганина и Машеньки состоит из калейдоскопических кусочков, она то разгорается, то остывает, но тлеет где-то в глубине души: «В этот странный, осторожно-темнеющий вечер <…> Ганин, за один недолгий час, полюбил ее острее прежнего и разлюбил ее как будто навсегда» (1, 85). Вся пламенность любви скрывается за разговорным «как будто». С этим соотносится и впечатление от последней встречи, расстановкой персонажей напоминающей бунинскую «Несрочную весну»: «<…> чем дальше она отходила, тем яснее ему становилось, что он никогда не разлюбит ее» (1, 87). Последняя встреча с Машенькой – последнее воспоминание о России. Еще ранее, в предшествующую разлуку появляется знак равенства между героиней и родиной: «Судьба в этот последний августовский день дала ему наперед отведать будущей разлуки с Машенькой, разлуки с Россией» (1, 83). Любовь к России и любовь к Машеньке тесно переплетаются в душе Ганина. Это заставляет разные отрывки текста прозвучать единым русским аккордом. Например, процитированные выше слова от повествователя «никогда не разлюбит ее» и слова Подтягина, обращенные к любящей Ганина Кларе: «Россию надо любить. Без нашей эмигрантской любви России крышка» (1, 72). Алферов же, муж Машеньки, Россию не любит. Он математик, воплощение «россиянина-зубра»:

> – А главное, – все тараторил Алферов, – ведь с Россией – кончено. Смыли ее, как вот знаете, если мокрой губкой мазнуть по черной доске, по нарисованной роже…
>
> – Однако… – усмехнулся Ганин (1, 46).

Алферов по-своему прав: Россия детства, их Россия, исчезла (недаром затронута гимназическая ассоциация). Но усмешка Ганина – указание на неполноту, линейность высказанной точки зрения. Ганин знает, что Россия тлеет в нем, а значит, бессмертна и бесконечна. Берлинский облик Машеньки (на фотографиях, разбудивших воспоминание) появится после очередной тирады Алферова о том, что «<…> наша родина, стало быть, навсегда погибла» (1, 52).

Россия, вслед за Машенькой, становится идеальным образом, который может, но не должен воплотиться. Апофеоз берлинского романа повторяет апофеоз романа петербургского: это тот же отказ, нежелание воплощения Галатеи. Отъезд Ганина «на юг земли» (1, 88) – на юг Франции, в Прованс (этот порыв Ганина позднее повторит Мартын Эдельвейс) – освобождение от линейности бытия (попадание в его конечную точку), от груза времени, а вместе с тем от эмигрантского груза России. Так же, как и Машенька, Россия-воспоминание много «действительнее» и «интенсивнее» ее реальной тени, оставшейся в мутной мгле за Вержболовым (последняя встреча с Машенькой происходит в 1917 г. на Варшавской железной дороге). Отъезд Ганина из Берлина, финал платонического романа с Машенькой неожиданно сопровождается воспоминанием о последнем объяснении с Людмилой. Людмила, отторгнутая образом Машеньки, теперь практически слилась с нею, в представляемом, воспоминаемом Машенькином облике есть «<…> что-то робкое, чужое <…>», как и в последнюю встречу[3]: роман кончен, флер очарования сдернут. «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, – эти четыре дня были быть может счастливейшей порой его жизни» (1, 111). Воспоминание исчерпывается, изживается. Вновь пережив прошлое, Ганин переосмысляет и отбрасывает его. Трудно представить Машеньку в Берлине, в смертельно-затхлом воздухе маленького пансиона, разве что полностью изменившуюся и раздавленную войной. Таково воплощение старой России – известный поэт Подтягин, бросивший писать стихи о березовых рощах и пишущий только ходатайства о разрешении ему выезда в Париж. Эмигрантская Россия растекается по Европе, повторяя извечную линию эмигрантской судьбы. Герой Набокова стремится в другом направлении: отъезд на юг Франции означает романтический побег от прошлого, начало жизни с чистого листа. Ганин сбрасывает с себя, как старое пальто, русскую культуру – интеллигентскую расслабленность и никчемность. Он оставляет Россию в пансионе, вместе с воспоминанием о Машеньке. Решение не встречать Машеньку приходит внезапно, когда по пути на вокзал Ганин смотрит на рабочего, строящего крышу: тот «<…> двигался по самому хребту, легко и вольно, как будто собирался улететь» (1, 111).

Герою (ближе к концу романа мы узнаем, что Ганин – не настоящая его фамилия), в отличие от Подтягина, не нужна французская виза: обретенная свобода от своего прошлого, свобода от времени есть одновременно и свобода пространственных перемещений. Отбросив все

прежние ценности, он приобретает невиданные возможности: его следующий шаг ничем не предопределен и поэтому может быть любым.

В «Защите Лужина» (1929–1930) герой с самого начала отклонен от обычных эмигрантских путей. Лужин уехал в Европу еще перед войной, он свободен от России и не тяготится связью с нею. Он еще глубже, чем Ганин, зарывается в воспоминание, точнее (что сродни воспоминанию) в символическую жизнь, воплощенную на шахматной доске. Чем дольше живет Лужин, тем более осознает, что время и пространство – фикции. Показателен эпизод, когда, готовый играть с Турати, он выходит из гостиничного номера в коридор и недоумевает, где шахматный стол. «Он быстро отпер дверь и в недоумении остановился. По его представлению, тут сразу должен был находиться шахматный зал, и его столик, и ожидающий Турати. Вместо этого был пустой коридор, и дальше – лестница. <…> „Убрали, – кисло сказал Лужин, указав тростью на пустой коридор. – Я не мог знать, что все передвинулось“» (2, 78). Сам текст отрицает пространственно-временные границы. Основной временной прыжок на 16 лет, отделяющий Лужина-ребенка от Лужина-известного шахматиста, совершен внутри абзаца – точно так же, как в «Машеньке» происходил переход от воспоминания петербургского пригорода к берлинским улицам. Здесь временной скачок поддержан единством места:

«Когда он выздоровел (повторение сюжетной канвы «Машеньки», выздоровление – пограничное состояние души. – *Е. П.*), его, похудевшего и **выросшего**[4] (начало временного перехода. – *Е. П.*), увезли за границу, сперва на берег Адриатического моря, <…> затем – в немецкий курорт, где отец водил его гулять по тропинкам, огороженным затейливыми буковыми перилами. Шестнадцать лет спустя, снова посетив этот курорт, он узнал глиняных бородатых карл между клумб <…>» (2, 38).

Сделан особый акцент на то, что ни мировая война, ни русская революция не оказали никакого влияния на судьбу и мироощущение героя. Об этом (текстовая ирония) размышляет писатель, Лужин-отец, собирающийся писать книгу о сыне: «Теперь, почти через пятнадцать лет (напоминание о временном скачке. – *Е. П.*), эти годы войны оказались раздражительной помехой, это было какое-то посягательство на свободу творчества, ибо во всякой книге, где описывалось **постепенное развитие** определенной человеческой личности (скрытая ирония. – *Е. П.*), следовало как-то упомянуть о войне, и даже смерть героя в юных летах не могла быть выходом из положения (ирония выходит из подполья. – *Е. П.*). <…> С революцией было и того хуже. По общему мнению, она повлияла на ход жизни всякого русского; через нее нельзя было пропустить (игра на многозначности глагола. – *Е. П.*) героя, не обжигая его, избежать ее было невозможно. Это было уже подлинное насилие над волей писателя. Меж тем, как могла революция задеть его сына?» (2, 44). Набоков разрушает канон, столь подробно описанный его коллегой, Лужиным-старшим. Шахматист Лужин проходит сквозь войну и революцию, не замечая их. На Лужине нет пальто русского интеллигента, которое Ганин снимал с себя на протяжении всего первого романа, он как бы вне любых национальных культур. Заперев себя в пространстве шахматной доски, Лужин нашел широчайшие возможности приложения мысли. Знаменательно, что «постепенному развитию» человека, погруженного в историю и полностью зависящего от истории, противопоставлена не знающая пространства и времени сфера шахматной игры. Отказавшись от многих интересов человеческого бытия (внешне он иногда выглядит как недочеловек, приобщенный к цивилизации неандерталец), Лужин едва ли не один в Европе остался человеком в то время, когда остальные убивали себе подобных.

Его реальность – таинственные силы бытия, символически воплощенные в шахматных партиях. Герой чувствует их могущество и «тайную недоброжелательность». Героиня романа (не имеющая имени) смутно ощущает их значительность и важность. Она противополагает игру Лужина той пародирующей Толстого («след смутных и извращенных реминисценций из „Войны и мира“» (2, 59)) салонной игре мнений, которой занимаются все ее знакомые. Игре мнений, в сфере которой не подвергается сомнению важность войны и революции: «„Ну что? Как?“ – спросила она. „Оформится во время игры, – сказал Лужин. – Просто-напросто намечаю некоторые возможности“. У нее было чувство, что она ошиблась дверью, попала не туда, куда метила, но в этом неожиданном мире было хорошо, и не хотелось переходить в тот, где играют в мнения» (2, 62). Точно так же представляют «мир мнений» и эмигрантские и «потусторонние» (метафора – преддверие игры в Зоорландию из «Подвига»), т. е. советские газеты, от которых и вовсе веет «<…> холодом гробовой бухгалтерии <…>» (2, 132). Над газетной приземленностью иронизирует теперь не повествователь и не герой, а сам сюжет: Лужин, воспользовавшись тем, что жена читает вслух, решает, отрешившись от суетных слов, шахматные задачи – воплощение «роскоши» мысли: подчиненных человеческому сознанию, препарированных таинственных сил.

Именно эти таинственные силы связывают Лужина с его невестой. Еще в «Машеньке» важную роль играли некоторые странные совпадения в судьбах героев. Например, в одном из писем времен Гражданской войны Машенька списала стихотворение Подтягина; Ганин оказался под одной крышей с Подтягиным в Берлине. Здесь совпадений много больше, все они – из детства, ибо и герою, и героине дана «<…> таинственная способность души воспринимать в жизни только то, что когда-то привлекало и мучило в детстве, в ту пору, когда нюх у души безошибочен <…>» (2, 60). Именно в этих совпадениях и сквозит оставленная Россия. Между строк выясняется, что у героев был один и тот же учитель географии, преподававший в мужской и женской гимназиях, – большой любитель шахмат. Героиня в детстве читала книжки отца Лужина: она случайно вспомнит сюжет, но так и не вспомнит фамилии автора. Кроме того, роковая петербургская тетя, познакомившая Лужина с шахматами, имеет общих знакомых с родителями его невесты. Приехавшая в гости «знакомая из Ленинграда» рассказывает о петербургской тете. Таинственная сеть совпадений завлекает героя и героиню, решение о браке принимается как неотвратимое влечение судьбы: «<…> она старалась остановиться, ухватиться за все его недостатки и странности, сказать себе раз навсегда, что этот человек ей не пара, – и в то же время совершенно отчетливо беспокоилась о том, как это он будет держаться в церкви, как он будет выглядеть во фраке» (2, 63).

России детства, России-судьбе главных героев противостоит размалеванная Россия эмигрантского салона, созданного тещей и тестем Лужина. Это новое лицо «россиянина-зубра»: «Ее родители, снова разбогатев, решили зажить в строгом русском вкусе, как-то сопряженном со славянской вязью, с открытками, изображающими пригорюнившихся боярышень, с лакированными шкатулками, на которых красочно выжжена тройка или жар-птица <…>» (1, 59). Лужина не трогает российский колорит, но однажды сахарница в «русском доме» напомнит ему детство: «<…> сахарница была точь-в-точь такая же, как та, из которой он черпал сахарную пудру на веранде, в летний малиновый вечер, много лет тому назад» (1, 76). В «русском доме» лжет все, кроме одной вещи, и ее достаточно, чтобы вспомнить о подлинной России, сохранившейся в душе.

Ведь главная причина всех происходящих событий – бесконечное повторение некоего жизненного круга, заданного в детстве – прошлой вечности. Побег Лужина со станции перед отъездом в гимназию повторится во время партии с Турати (он так же пойдет через лес, будет искать дом и чердак) и в финале при возвращении Валентинова. Защита, которую вырабатывает Лужин против натиска Турати, превратится в защиту от натиска «мира мнений», а затем и таинственных сил судьбы. Линия судьбы замкнулась в круг бытия, судьбы, рока. Герой чувствует свою беспомощность перед ним. И так же, как Ганин, пытается круг разорвать.

Ему предлагают рецепт Ганина – отъезд, движение по географической карте, на которой Лужин (как и во всем остальном) пытается отыскать свой таинственный (шахматный) смысл, лежащий вне национальных границ: «„Но в общем все это можно было бы устроить пикантнее, – говорил он, показывая на карту мира. – Нет тут идеи, нет пуанты“. И он даже немного сердился, что не может найти значения всех этих сложных очертаний, и долго искал возможность, как искал ее в детстве (показатель подлинности. – *Е. П.)*, пройти из Северного моря в Средиземное по лабиринтам рек или проследить какой-нибудь разумный узор в распределении горных цепей» (2, 108–109). В «Машеньке» примерно так же интерпретировал карту Европы математик Алферов, но сопрягая физическую географию с национальной идеей: «Я советую вам здесь (в Германии. – *Е. П.)* остаться. <…> Это, так сказать, прямая линия. Франция скорее зигзаг, а Россия наша, та – просто загогулина» (1, 44). Интересно, что некая «чета Алферовых», в напоминание о «Машеньке», посещает берлинскую квартиру родителей героини (2, 74). Разница между Алферовым и Лужиным в том, что первому более всего нравится прямота линий, второй же ценит роскошные комбинации, непрямые пути.

Подлинное ощущение свободы Лужин находит в смерти, в «выходе из игры», за пределы жизненного круга. Лужин вообще временами напоминает идеального символиста (более мотивированно устремленного в вечность, чем, скажем, лирический герой «Стихов о Прекрасной Даме»). Слышен здесь и отголосок бунинских тем – Память, выход из Цепи, «освобождение» (творческое тяготение-отталкивание Набокова и Бунина до сих пор намечено лишь пунктиром и требует специального исследования). Однако вечность Лужина оказывается однобокой и узкой, как русский символизм или шахматная доска. Перегруженный задачами судьбы, милый и наивный Лужин убегает в вечность от культуры как таковой – почти что из «русского дома» (от опекающей его жены, из созданной ею квартиры), от людей, имена которых иронически напоминают о (европейском) марксизме (Турати и Валентинов). Интересно, что, если Ганин конспиративно терял имя в финале, перед побегом

через границу, растворяясь во всемирности, то Лужин, напротив, уходя в вечность, обретает имя: в последней строке романа мы узнаем, как его зовут.

Жизненный путь, подобный лужинскому, совершает Мартын Эдельвейс в романе «Подвиг» (1931–1932). Мартын – это Лужин за чертой романного финала, преодолевший еще одну, главную текстовую границу. Однажды он сравнит себя с разбуженным лунатиком, «<…> который видит вдруг и карниз, на котором висит, и свою задравшуюся рубашку, и толпу на панели, глядящую вверх, и каски пожарных» (2, 256).

Если Лужин находится в уникальном внекультурном положении, то Мартын изначально, с детства, вписан в контекст именно культуры европейской: «<…> ему (Мартыну. – *Е. П.)* не приходилось жалеть, что не Еруcланом, а западным братом Еруслана было в детстве разбужено его воображение. Да и не все ли равно, откуда приходит нежный толчок, от которого трогается и катится душа, **обреченная** после сего никогда не прекращать движения» (2, 157). Мать Мартына, Софья Дмитриевна пытается таким образом избегнуть в воспитании сына «сюсюкающих слов» и «нравоучительства» – всей той сусальной аляповатости, что не только заполняет «русский дом» родителей невесты Лужина, но и вообще свойственна русской культуре. Параллельность европейских и русских легенд создает в сознании Мартына метатекст, где параллельно развиваются похожие друг на друга текстовые пласты. Детали и имена не важны, ибо Тристан – родной брат Еруслана, как швейцарский дядюшка Генрих – родной брат отца Мартына. Главное – толчок, побуждающий душу к движению, воплощенному в тропинке на картине, висящей над кроватью Мартына: «<…> не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь» (2, 158). Изображенные на картине «<…> густой лес и уходящая вглубь витая тропинка» (2, 157) – напоминает детскую «защиту» Лужина, его побег в усадьбу через лес, который станет, как и здесь, моделью всей жизни. Интересно, что в раннем стихотворении Набокова («Лес», 1920) путь через темный и страшный лес выводил странника на русские просторы.

Так же, как у Лужина, Россия живет у Мартына много глубже, чем в воспоминаниях войны и революции. Годы революции подернуты для него счастливым детским флером сказочного Крыма и омрачены лишь смертью отца[5]. Русскость Мартына пробуждается во время учебы в Кембридже: «Встречаясь с англичанами-студентами, он, **дивясь**, отмечал свое несомненное русское **нутро**» (2, 191). Россию он изучает из-за границы, у профессора Арчибальда Муна, относящемуся к России по-эмигрантски, как к мертвой цивилизации – Вавилону. «Гражданская война представлялась ему нелепой: одни бьются за призрак прошлого, другие за призрак будущего, – меж тем как Россию потихоньку украл Арчибальд Мун и запер у себя в кабинете» (2, 198). Афористическое определение Гражданской войны (с изъятым из временной цепочки настоящим – собственно жизнью) заключено в «саркофаг» профессора Муна. Так изменяется «россиянин-зубр»: у Муна нет коммерческих интересов в России, но он претендует на монопольное владение русской культурой и потому бальзамирует ее. Мартын повторит афористическое определение, рисуясь перед Соней. В позициях обеих воюющих в России сторон есть тоскливая узость, воплощаемая общественным деятелем Иоголевичем: «Было очевидно, что единственное, чего он полон, единственное, что занимает его и волнует, – это беда России, и Мартын с содроганием представлял себе, что было бы, если б взять да перебить его бурную, напряженную речь анекдотом о студенте и кузине» (2, 215–216). «Анекдот о студенте и кузине» – это именно живая жизнь, пульсирующая в отношениях Мартына, Сони и Дарвина. Но столь же узко и музейное восприятие России профессором Муном (с напудренным носом), изгнанным меняющимся Мартыном из своей жизни и Набоковым со страниц романа: «И впервые Мартын почувствовал нечто для себя оскорбительное в том, что Мун относится к России как к мертвому предмету роскоши. <…> Порою он невольно любовался мастерством его лекций, но тотчас же, почти воочию, видел, как Мун уносит к себе саркофаг с мумией России. В конце концов Мартын от него совсем отделался (соединение словарного значения со „слэнговыми" значениями, которых Мун не знает и потому не выносит[6]. – *Е. П.)* взяв кое-что, но претворив это в собственность, и уже в полной чистоте зазвучали русские музы» (2, 221).

Живая Россия прорастает видениями в заграничной жизни Мартына. Россия, ее дух сущность, появляется вдруг посреди Европы – в Англии, в Швейцарии, в Греции. Например, во время катания по английской речке друг Мартына Вадим точно определит запах: «<…> сказал: „пахнет Крымом", что было совершенно верно» (2, 202). Катание на лыжах в Швейцарии на минуту напоминает Петербург: «Лыжи ему понравились, на мгновение всплыл занесенный снегом Крестовский остров <…>. Да, он опять попал в Россию» (2, 205). Точно так же герой стихотворе-

ния Набокова «Сон на Акрополе» (1919) видел русское село и луговой простор, поднявшись (почти по Арчибальду Муну) на афинский Акрополь.

Все эти видения – из детства. Рядом с ними – детские сны, где Мартын видит себя изгнанником, воплотившиеся потом (сейчас) в русском Берлине (и вновь стихотворная параллель – тема странника очень похоже развивается в стихотворении «Возвращение», 1920[7]). В том же ряду воспоминание о французском поезде, детском заглядывании в тайну – за ночное окно, рифмующемся с темной тропинкой над кроваткой. Поезд, как и тропинка, превращается в символ жизненного пути: «Он подумал, – какая странная, странная выдалась жизнь, – ему показалось, что он никогда не выходил из экспресса, а просто слонялся из одного вагона в другой <…>. А тут, в этом спальном вагоне, тут ехало, должно быть, детство его <…>» (2, 262). Здесь же, в поезде едет и видение Зоорландии, мифической выдуманной им и Соней страны, рядом черт отождествляемой с покинутой таинственной Россией. «Двери некоторых отделений были открыты, в одном голубые солдаты шумно играли в карты» (2, 262). Это те самые зоорландские солдаты, что послужили причиной сумасшествия Ирины: «<…> когда, уже в другом вагоне, поближе к Москве, солдаты – на полном ходу – вытискивали в окно ее (матери Ирины. – *Е. П.)* толстого мужа <…>. Да, он был очень толст и истерически смеялся, так как застрял в окне, но наконец напиравшие густо ухнули, и он исчез, и мимо пустого окна мчался слепой снег. <…> Зоорландская ночь показалась еще темней, дебри ее лесов еще глубже, и Мартын уже знал, что никто и ничто не может ему помешать **вольным странником** пробраться в эти леса (с картины над кроватью. – *Е. П.)*, где в сумраке мучат толстых детей и пахнет гарью и тленом» (2, 257–258). Именно Ирина единственная чувствует, что Мартын собрался в Россию-Зоорландию.

Ряд абсурдных черт Зоорландии, с одной стороны, пародирует идею страны всеобщего равенства, с другой – подчеркивает ее сказочную рукотворность: «„<…> вот, например, вышел там закон, что всем жителям надо брить головы, и потому теперь самые важные, самые такие влиятельные люди – парикмахеры“. „Равенство голов“, – сказал Мартын (намечена будущая прозрачность героев „Приглашения на казнь“. – *Е. П.)*. <…> ветер признан был благой силой, ибо, ратуя за равенство, не терпел башен и высоких деревьев, а сам был только выразителем социальных стремлений воздушных слоев (ирония над советским значением слова. – *Е. П.)*, прилежно следящих, чтобы вот тут не было жарче, чем вот там. И, конечно, искусства и науки объявлены были вне закона <…>» (2, 256). С другой стороны, Зоорландия актуализирует мир волшебной сказки с ее темными лесами, тайнами и чудовищами. Наконец, Зоорландия есть загробная страна, куда уходят насовсем, откуда никто не возвращался: «<…> вот есть на свете страна, куда вход простым смертным запрещен» (2, 255). Она ужасна и прекрасна одновременно.

Неведомая Зоорландия напоминает Россию многочисленных эмигрантских текстов 1920-х гг. Они пародируются в сознании Мартына, единственно молчащего (как Лужин в «русском доме») у известного писателя Бубнова: «<…> очередное стихотворение о тоске по родине или о Петербурге (с обязательным присутствием Медного всадника <…>» (2, 251) – и столь же обязательным отзывом самого Бубнова: «Только, знаете, слишком у вас Петербург портативный» (2, 251). Бубнов (с иронически большевистской фамилией), между прочим, украдет у Мартына его Зоорландию, напечатает о ней фельетон в газете. Отчасти сам набоковский текст напоминает «возвращения в Россию», характерные для эмигрантской литературы 1920–1930-х гг. – прежде всего, утопию П. Н. Краснова «За чертополохом», где в неведомую Россию нет дороги, путь туда опасен и труден. Красновский мотив «голос родины» у Набокова уходит в почву, причем по параболическим законам российской «загогулины» (родственной французскому «зигзагу») любовь к русской земле особенно остро ощущается Мартыном, батрачащим на земле Прованса: «Ведь есть еще – как бы сказать – любовь, нежность к земле, тысячи чувств, довольно таинственных» (2, 261).

Однако основу тяги в Зоорландию составляет все то же стремление вернуться в детство, в исходную вечность. Недаром Зоорландия (попытки конспирации, сокрытие самой большой тайны – своего происхождения) начинается для Мартына на юге Франции, обетованной земле детства, где когда-то из окна поезда он увидел ту же тропинку, что висела, как икона, в Петербурге у него над головой. Летя в поезде на юг, Мартын думает о том, как будет ехать на север – линейность пространства отменена, Франция и Россия слились воедино: «И вот так я буду ехать на север, вот так, – в вагоне, который нельзя остановить <…>» (2, 261). Роковое «нельзя остановить» и есть бесконечность движения по параболе, начавшегося в раннем детстве. И все, что остается после подвига Мартына, – это все та же таинственная тропинка через лес: «<…> темная тропа вилась между стволов, живописно и таинственно» (2, 296).

В романе «Дар» (1937–1938) герою возвра-

щен ряд черт Ганина. При этом Федор Константинович Годунов-Чердынцев – поэт и писатель. Порой кажется, что автор нарочно приближает к себе героя в чем-то одном (Мартыну, например, передан ряд автобиографических черт), чтобы абсолютно разойтись с ним в прочих проявлениях человеческой личности. Первый сборник стихов Годунова-Чердынцева целиком посвящен впечатлениям детства, которые оказывают на него, как и на всех набоковских персонажей, огромное влияние. Эти стихотворения – «<…> модели <…> будущих романов» (3, 65). Черпая вдохновение в «прошлой вечности», Годунов-Чердынцев вспоминает сюжеты своих произведений: «Это странно, я как будто помню свои будущие вещи, хотя даже не знаю, о чем будут они. Вспомню окончательно и напишу» (3, 174). Герой-писатель стремится ретроспективно заглянуть в исходную вечность – «обратное ничто» (3, 12). И затем, по параболе, сознание движется обратно: «<…> туманное состояние младенца мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, удалением от изначального небытия <…>» (3, 12). По наследству от Ганина герою достается «выздоровление», отдающее символистским «младенчеством», от (национального) детства и свойство воспринимать мир непосредственно, как только что сотворенный (вымытая дождем, блестящая берлинская мостовая становится осязаемым остранением).

Временные сдвиги, которые с мучительным напряжением создает Ганин, для Годунова-Чердынцева, обогащенного шахматным опытом Лужина, не представляют никакого труда: они естественны и очевидны. Он живет одновременно в нескольких временах – в Берлине, в Петербурге, на Памире. Время для него не линейно: оно многослойно, как складки ковра. Выпрыгнув из одного трамвая и перейдя в другой (как Ганин, вспоминая, переходил из одного берлинского кафе в другое), отказавшись от прозы эмигрантских будней – приносящего хлеб урока, герой размыкает жизненный круг. Точно так же, параболически, он ездит по Берлину, выигрывая у неизвестного ему автора трамвайных правил – прямолинейной судьбы: «Он <…> выскочил (из трамвая. – *Е. П.)* и зашагал через скользкую площадь к другой трамвайной линии, по которой обманным образом мог вернуться в свой район с тем же билетом, – годным на одну пересадку, а отнюдь не на обратный путь, но честный казенный расчет, что пассажир будет ехать только в одном направлении, подрывался в некоторых случаях тем, что при знании маршрутов, можно было **прямой путь незаметно обратить в дугу**, загибающуюся к отправной точке» (3, 76). То недостижимое, зачем Ганин стремился в Прованс, а Мартын Эдельвейс – в Советскую Россию, Годунов-Чердынцев легко находит прямо на берлинской улице.

Свою внутреннюю свободу он стремится уложить в границы художественного текста – и намечается метатекст XXI столетия: «Да, я мечтаю когда-нибудь произвести такую прозу, где бы „мысль и музыка сошлись, как во сне складки жизни“» (3, 65). Текст, создаваемый Годуновым-Чердынцевым на протяжении романа, имеет ту же функцию, что и воспоминание Ганина, – это попытка преодолеть всевластие прошлого, национальную замкнутость, ограниченность отдельной личности. Постепенно появляются три сюжета для нового произведения, составляющие единый метасюжет. Это самоубийство Яши Чернышевского, жизнь отца героя, знаменитого ученого, и наконец, жизнь и творчество Николая Гавриловича Чернышевского. Все три темы историко-биографические, что чрезвычайно характерно для эмиграции 1930-х[8]. Все три темы взаимосвязаны. Окончательно воплощается последняя тема, она оказывается наиболее яркой проекцией пульсирующей в подтексте темы России.

Тема России пробивается впервые в стихотворении, сочиняемом ночью на берлинской улице, как бы вложенном в его автора таинственными силами: «Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха» (3, 51). Поэт-медиум ведет диалог с Россией:

<…> сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет… (3, 52).

Это стихотворение заканчивает эссе о самоубийстве Яши. Музыка России естественно прорастет в повествование об отце, в котором смещены все возможные временные планы. Отец героя – путешественник, «вольный странник» – предстает всесторонне одаренной, ренессансной личностью, поэтому в теме отца неожиданно проступает постоянная для русской интеллигенции пушкинская тема. Шутка брата наводит Годунова-Чердынцева на мысль, что Пушкин, пощади его пуля Дантеса, вполне мог быть современником отца. В театральной ложе появляется «<…> желтая рука, сжимающая маленький дамский бинокль <…>» (3, 91). Это одновременно рука некоего неизвестного господина, рука погибшего отца и рука безвременно ушедшего Пушкина. Которая – в силу метонимических смещений – написала «Анчар», «Графа Нулина», «Египетские ночи». Так создают-

ся складки ковра времени, когда одна далекая эпоха соприкасается с другой, недавней, и одна и та же рука с легкостью принадлежит трем разным людям. Полнота отцовской жизни отождествлена с пушкинской полнотой и в едва уловимой сфере ритма: «От прозы Пушкина он перешел к его жизни, так что вначале ритм пушкинского века мешался с ритмом жизни отца» (3, 88).

Пушкинская полнота жизни противостоит линейной узости шестидесятничества, подчеркиваемой в Николае Чернышевском. В четвертой главе смакуются подробности вымученного материализма революционера – «<…> любовь к вещественности без взаимности» (3, 202): «Вот какая страшная отвлеченность получилась в конечном счете из „материализма"! Чернышевский не отличал плуга от сохи; путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял „общей мыслью", добавляя с убеждением невежды, что „они (цветы сибирской тайги) все те же самые, какие цветут по всей России". Какое-то тайное возмездие было в том, что он, строивший свою философию на познании мира, которого сам не познал (каламбур, воплотивший суть полемики. – *Е. П.)*, теперь очутился, наг и одинок, среди дремучей, своеобразно роскошной, до конца еще не описанной природы северо-восточной Сибири: стихийная, мифологическая кара, не входившая в расчет его человеческих судей» (3, 219). Сосланный Чернышевский как бы прошел сквозь складки времени и пространства, метатекст человеческой жизни, но так ничего и не понял, остался линейным и одноплановым. Отец героя, описывая природу Сибири (мотив творчества как «воссоздания мира», восходящий к Ганину), напротив, как бы всматривается вглубь материи: «Он рассказывал о невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов <…> и словно **придумана** забавником-живописцем как раз ради **умных** глаз человека <…>» (3, 100).

Эссе об отце заканчивается «ботанической» характеристикой революции, в которой и сгинул отец: «На вокзале была мерзкая, животная суета: это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь подрос. Россия заселена подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый глупый цветок» (3, 138). Трагедия России воплощается в зарослях подсолнуха, напоминающих чертополох Краснова, отделивший Россию от Европы. Пушкин и отец героя-писателя воплощают всемирность русской культуры, Чернышевский – революционную узость интересов, как общественный деятель Иоголевич в «Подвиге».

Поворот к размышлениям о Н. Г. Чернышевском происходит как бы случайно – при помощи шахматного журнала, отголоска «Защиты Лужина». Рассуждение героя развивается одновременно в нескольких планах бытия, созидая метатекст каждой фразы: «Добросовестные, ученические упражнения молодых советских композиторов (вводится музыкальная тема, сопровождающая шахматную. – *Е. П.)* были не столько „задачи", сколько „задания": в них громоздко трактовалась та или иная механическая **тема** <…> без всякой поэзии; это были шахматные лубки, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали свое неуклюжее дело с пролетарской серьезностью, мирясь с побочными решениями в вялых вариантах и нагромождением милицейских пешек» (3, 156). Подсолнух перенесен на шахматную доску и оказывается начисто лишенным вдохновения. Политика и стиль мышления неразделимо соединены.

Отсюда – переход к российской истории: «Вдруг ему стало обидно – отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться? Или в старом стремлении „к свету" таился роковой порок, который по мере естественного продвижения к цели становился все виднее, пока не обнаружилось, что этот „свет" горит в окне тюремного надзирателя, только и всего? Когда началась эта странная зависимость между обострением жажды и замутнением источника? В сороковых годах? В шестидесятых?» (3, 157).

Набоковский герой включается в эмигрантскую дискуссию об истоках большевизма, начатую Г. П. Федотовым в 1920-е гг., что крайне не характерно для набоковского героя, изначально стоявшего в стороне от эмигрантских интересов. Ему близка сама идея пересмотра интеллигентских традиций. Однако подход Годунова-Чердынцева значительно шире позиции Федотова. Ревизия русской культуры, предпринятая Г. П. Федотовым, Н. А. Бердяевым и другими философами религиозно-либерального толка, имела целью освобождение от коммунистической скверны и возвращение русской мысли на праведный путь. Годунов-Чердынцев стремится отбросить любую узость интеллигентской традиции и прежде всего ее стержень – революционную борьбу за/против самодержавного государства, ничего не дающего ни для органического развития культуры, ни для всестороннего развития образованного человека. Н. Г. Чернышевский – знамя интеллиген-

ции, остающийся и знаменем эмиграции как олицетворение борьбы за идею.

Федотов в «Письмах о русской культуре» сближает Чернышевского и Ленина, стирая его нимб свободолюбца: «В известном смысле можно сказать, что большевизм был возвращением к традициям 60-х гг. Конечно, в нравственном смысле нельзя и сравнивать Ленина с Чернышевским. Но умственный склад их был сходен, недаром Чернышевский вошел в творимую легенду революции как предтеча большевизма»[9]. Н. А. Бердяев, анализируя эпоху 1860-х, ставит иной акцент: религиозное горение русской интеллигенции привело к оскудению культуры. «Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой людей 40-х гг. В нем было безвкусие, принесенное семинаристами и разночинцами»[10]. Годунов-Чердынцев отбрасывает любые философские оговорки и футуристически эпатажно делает из безвкусицы доминанту личности революционера. Полное непонимание искусства свидетельствует о его полной несостоятельности и во всех других вопросах культуры. Например, ущербность эстетики Чернышевского всецело замешана на ущербности в любви: «Смело можно сказать, что в те минуты, когда он льнул к витрине, полностью создалась его нехитрая диссертация „Эстетические отношения искусства к действительности“ (неудивительно, что он ее впоследствии написал прямо набело, сплеча, в три ночи; удивительнее то, что он за нее, хоть и с шестилетним опозданием, так-таки получил магистра)» (3, 201).

«В антиэстетизме Чернышевского был сильный аскетический мотив, – пишет Бердяев о магистерской диссертации. – Он уже хотел того типа культуры, который восторжествовал в коммунизме, хотя часто в карикатурной форме, – господство естественных и экономических наук, отрицание религии и метафизики, социальный заказ в литературе и искусстве, мораль социального утилитаризма, подчинение внутренней жизни личности интересам и директивам общества»[11]. Годунов-Чердынцев педалирует лишь один момент этой характеристики, отметая все другие: «Таким образом, борясь с чистым искусством, шестидесятники, и за ними хорошие русские люди вплоть до 90-х гг., боролись, по неведению своему, с собственным ложным понятием о нем, <…> – так и Чернышевский, будучи лишен малейшего понятия об истинной сущности искусства, видел его венец в искусстве условном, прилизанном (т. е. в антиискусстве), с которым и воевал, поражая пустоту» (3, 213).

Столь же жестко поступает Годунов-Чердынцев и с другим лагерем шестидесятников, предельно эпатируя читателя. Тургенев оказывается лишь чуть более тонким в понимании искусства, чем Чернышевский: «<…> Дружинин с его педантизмом и дурного тона небесностью, Тургенев с его чересчур стройными видениями и злоупотреблениями Италией, – часто давал врагу как раз ту вербную халву, которую легко было хаять» (3, 213). В один котел безвкусных шестидесятых швыряет набоковский герой и третью силу – правительство, вновь соприкасаясь с либеральной мыслью. Почти повторяя Федотова, назвавшего в «Трагедии интеллигенции» монархию Николая I «первым опытом реакционного народничества»[12], Годунов-Чердынцев пишет: «Действительно, у Чернышевского, так же, как у Николая I или Белинского, высшая похвала литератору была: дельно» (3, 229). Цель Годунова-Чердынцева – полное развенчание шестидесятых, эпохи, сделавшей русскую культуру предельно провинциальной, замкнувшей русскую мысль в круг революции.

Непонимание пушкинской стихии в русской культуре (которую тот же Федотов считает единственной, способной противостать коммунистической культуре; неслучайно Бердяев вовсе не упоминает Пушкина в «Истоках и смысле русского коммунизма») стало трагедией шестидесятых. Рассуждая о материалистах XIX столетия (от Белинского до Михайловского), Годунов-Чердынцев полемизирует с предисловием к «Что делать?»: «плохое владение языком» для него прямое следствие провинциального убожества мысли. Он выписывает из сочинений «материалистов» наиболее заковыристые фразы и добавляет: «А какими метафизическими монстрами оборачивались иной раз самые трезвые суждения этих материалистов <…>, точно слово мстило им за пренебрежение к нему» (3, 180). Эта месть настигает и Чернышевского. Сначала за отзыв о Пушкине, цитата из Дудышкина: «Поэзия для вас – главы политической экономии, переложенные на стихи» (3, 225). Годунов-Чердынцев в эссе о Чернышевском продолжит метафорическую игру и переложит на стихи политэкономию Маркса: «Перевожу стихами, чтобы не было так скучно» (3, 220). «Чтобы не было так скучно», Годунов-Чердынцев закруглит и весь свой текст о Чернышевском, замкнув линию его жизни в круг судьбы.

Этот круг отдает непонимающего, беззащитного героя в полную власть таинственных сил: «„Я прочел его отвратительную книгу (диссертацию), – пишет последний (Тургенев. – *Е. П.)* в письме к товарищам по насмешке. – Рака! Рака! Рака! Вы знаете, что ужаснее этого еврейского проклятия нет ничего на свете“. Из этого „рака“, –

суеверно замечает биограф, – получился семь лет спустя *Ракеев* (жандармский полковник, арестовавший проклятого) <…>» (3, 224). В дальнейшем «словесная» месть судьбы разрастается, как снежный ком, и подкрепляется местью (мета)текста, написанного Годуновым-Чердынцевым: в сочинение Чернышевского прорывается вставка из «Египетских ночей», после (гражданской) казни тело казнимого оживает и отправляется в долгую бесславную ссылку. Силы судьбы, терзавшие Лужина, набрасываются на Чернышевского. А вместе с ним – подтекстовый ход мысли, ведущий за пределы эссе, в текст третьей главы – и на Россию: «Он живо чувствовал некий государственный обман в действиях „Царя-освободителя", которому вся эта история с дарованием свобод очень скоро надоела; царская скука и была главным оттенком реакции. После манифеста стреляли в народ на станции Бездна, – и эпиграмматическую жилку в Федоре Константиновиче щекотал безвкусный соблазн дальнейшую судьбу правительственной России рассматривать, как перегон между станциями Бездна и Дно» (3, 183). Эпиграмма, как и прочие метатекстовые приемы Годунова-Чердынцева, изгибает прямую истории.

Годунов-Чердынцев начинает писать о Чернышевском, ибо недоумевает: «<…> его так поразило и развеселило допущение, что автор с таким умственным и словесным стилем, мог как-либо повлиять на литературную судьбу России <…>» (3, 175). Изучая творчество писателя, он убеждается, что это роковое стечение обстоятельств и одновременно ирония истории, когда человек, не приспособленный к героическому, оказался в роли героя. В этом черта эпохи, проглядевшей Пушкина. В этом – объяснение культурному оскудению России. «Эту значительность в тайной жизни страны он приобрел неизбежно, с согласия своего века, семейное сходство с которым он сам в себе ощущал» (3, 236). «Роковой изъян» губит и Чернышевского, и всю Россию – это «смесь невежественности и рассудительности» (3, 195).

Развенчивая Чернышевского и шестидесятые, Годунов-Чердынцев отбрасывает от себя всю традицию «проклятых вопросов», казавшихся вопросами невероятной важности, но не стоившими и выеденного яйца. Это вяжущее мысль российское наследство, которое не нужно в Европе. Это груз, привязанный к ногам, не позволяющий сделать ни одного самостоятельного шага, обрекающий на умственное прозябание вдали от бурлящей идеями всемирной культуры. Здесь Годунов-Чердынцев, как ранее Ганин, один противостоит всей эмигрантской среде.

«Невежественность и рассудительность» пронизывают критические отзывы о сочинении Годунова-Чердынцева: все эмигранты как один встают на защиту, пользуясь выражением Федотова, «хранимых заветов» шестидесятничества. Революция ничему не научила русское общество. Другой яркой иллюстрацией кружкового умствования становится описание собрания Общества Русских Литераторов в Германии (Годунов-Чердынцев, как в подобных ситуациях Лужин и Мартын, наблюдает интеллигенцию со стороны). И, наконец, свидетельство жизненности хранимых традиций – история Яши Чернышевского, по иронии судьбы и Набокова, однофамильца шестидесятника.

Произошедшая «драма» разыгрывается в среде экзальтированной молодежи, изучающей в немецком университете отвлеченные дисциплины. Яша занимается философией, его подруга Оля – искусствоведением: «Оля занималась искусствоведением (что в рассуждении эпохи звучит, как и весь тон данной драмы, нестерпимо типичной нотой) <…>» (3, 41). Типичной для всей интеллигентской традиции (начиная с Рудина или Веры Павловны). «Драма» не стоит выеденного яйца, смешна, но имеет трагический конец: самоубийство Яши, горе его родителей. Любовный треугольник подменен в ней «треугольником, вписанным в круг» сложных «метафизических» отношений. Усложненность треугольника в том, что Яша «<…> влюблен в душу Рудольфа» (3, 40). Федор Константинович видит два источника этой влюбленности – один чувственный, другой идейный, причем идейный на первом месте: «Можно понять брезгливость Рудольфа, – но с другой стороны… мне иногда кажется, что не так уж ненормальна была Яшина страсть, – что его волнение было в конце концов весьма сходно с волнением не одного русского юноши **середины прошлого века**, трепетавшего от счастья, когда, вскинув шелковые ресницы (чувственный элемент. – *Е. П.)*, наставник с матовым челом, будущий вождь, будущий мученик, обращался к нему <…>» (3, 40). То же сказано в эссе о саратовских учениках Николая Чернышевского: «Но саратовские гимназисты постарше увлекались им; иные из них впоследствии привязались к нему с той восторженной страстью, с которой в эту **дидактическую эпоху** люди льнули к наставнику, вот-вот готовому стать вождем <…>» (3, 209). Трагедия в Берлине происходит оттого, что будущий вождь Рудольф еще менее, чем Николай Чернышевский, в состоянии быть вождем: «<…> если бы только Рудольф был в малейшей степени учителем, мучеником и вождем, – ибо на самом деле это был что называется „бурш", – правда, бурш с легким заскоком <…>» (3, 40).

Для Годунова-Чердынцева, подчинившего себе время, нет никакого секрета и в таинственных силах судьбы. К эпиграмме о станциях Бездна и Дно подключается буерак под Берлином, где покончил с собой Яша Чернышевский. Дело в том, что «<…> если вообще представить себе возвращение в былое с контрабандой настоящего, как же дико было бы там встретить в неожиданных местах такие молодые и свежие, в каком-то ясном безумии не узнающие нас, прообразы сегодняшних знакомых; так женщина, которую, скажем, со вчерашнего дня люблю, девочкой, оказывается, стояла почти рядом со мной в переполненном поезде (отзвук «Машеньки»? – *Е. П.)*, а прохожий, пятнадцать лет назад спросивший у меня дорогу, ныне служит в одной конторе со мной» (3, 39). Время, свернувшееся ковром, позволяет разгадывать загадки судьбы и истории.

После смерти Яши романтическая экзальтированность перекидывается на Яшину мать, отец же Яши начинает ощущать «сквозняки из иных миров», но, как и положено русскому интеллигенту с фамилией Чернышевский, в них не верит. Его кончина знаменательна – это еще одна ирония (или месть) судьбы:

> Он вздохнул, прислушался к плеску и журчанию за окном и повторил необыкновенно отчетливо: „Ничего нет. Это так же ясно, как то, что идет дождь“.
>
> А между тем за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчанием стекала вниз (3, 279).

История Яши тем не менее (по параболе) соединяется с историей отца Годунова-Чердынцева, ибо утрата родителей Яши и утрата самого героя (его отец не вернулся из последней экспедиции) одинаково тяжки: «И идя через могильно-роскошный сад, мимо жирных **клумб**, где в блаженном успении цвели басисто-**багряные** георгины <…>, Федор Константинович тревожно думал о том, что несчастье Чернышевских является как бы издевательской вариацией на тему его собственного, пронзенного надеждой горя, – и лишь гораздо позднее он понял все изящество короллария и всю безупречную композиционную стройность, с которой включалось в его жизнь это побочное звучание» (3, 83). Издевка вариации еще и в том, что в течение мыслей «побочно» попадают реминисценции из «Красного цветка» – дело происходит в саду психиатрической лечебницы. Сам Гаршин в эссе о Чернышевском отнесен к числу «хороших русских людей», имевших ложное представление об искусстве (3, 213).

Традиция русской интеллигенции – «могильная роскошь», та самая, которую Лужин находил в шахматных задачах. Это упрощенная модель бытия, подменяющая самое жизнь. Однако Годунов-Чердынцев увидит в багряных цветах Гаршина то «изящество короллария» (в котором зарифмован и «колор»), которое находил его отец в окраске бабочек, не объяснимой простой логикой мимикрии. Оказывается, все три российских сюжета таинственно связаны с движением жизни самого автора. Они живут в душе главного героя, а он – в своих сюжетах.

Родина в форме риторического вопроса уходит в глубь души героя, скрывается от посторонних глаз: «И „что делать“ теперь? (Эмигрантская ирония над революционером Чернышевским. – *Е. П.)* Не следует ли раз навсегда отказаться от всякой тоски по родине, от всякой родины, кроме той, которая со мной, во мне, пристала как серебро морского песка к коже подошв (не грузом, а легким касанием. – *Е. П.)*, живет в глазах, в крови, придает глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды?» (3, 157). Именно Россия, наряду с жизнью, оказывается для Годунова-Чердынцева тем божественным **даром**, который позволяет жить свободно, не привязанно к деталям. Первоначальный вариант стихотворения о России звучит так: «Благодарю тебя, отчизна, за чистый и какой-то дар» (3, 28). Потерянная родина (скрытая в складках метатекста) и дает эту внутреннюю свободу, ощущение полноты жизни. Годунов-Чердынцев – воскресший Ганин, преодолевший сам себя. Его Зина, в отличие от Машеньки, уже не олицетворяет Россию, она такой же **дар** судьбы, как и вся остальная жизнь героя: «Куда мне девать все эти **подарки**, которыми летнее утро награждает меня – и только меня? <…> Употребить немедленно для составления практического руководства: „Как быть Счастливым?“ Или глубже, дотошнее: понять, *что* скрывается за всем этим, за игрой, за блеском, за жирным, зеленым гримом листвы (пришедшим на смену могильным багряным георгинам, но не утратившим „изящества короллария“. – *Е. П.)*? А что-то ведь есть, что-то есть! (Годунов-Чердынцев противопоставляет это „есть“ последним словам эмигранта Чернышевского: „ничего нет“. – *Е. П.)* И хочется благодарить, а благодарить некого. Список уже поступивших пожертвований: 10 000 дней – от Неизвестного» (3, 294–295).

Оборотная сторона «поступивших пожертвований» показана в романе «Приглашение на казнь» (1935–1936), вышедшем чуть раньше «Дара». Тема России здесь кажется совершен-

но выветрившейся из текста, она сохраняется лишь намеками в ряде русских имен (смутно напоминающих тех или иных героев русской литературы – Родион, Пьер, Марфинька), в русском языке, на котором говорят герои (4, 8), а также в описании политического режима, царящего в неведомом городе неведомой страны, – по аналогии с бердяевской «диктатурой миросозерцания», «душевной диктатурой» из «Истоков и смысла русского коммунизма». Это мир, в который ушел Мартын Эдельвейс, ожившая Зоорландия. Это ложная вечность, в которую по ошибке попал Лужин: Цинциннат вспомнит, что когда-то в исходной вечности детства шагнул вниз из окна (некоторые детали, вплоть до «задравшейся рубашки» совпадают здесь с «лунатиком» Мартыном, некоторые – стыд и тоска, нежелание присоединиться к играющим детям – с гимназическими годами Лужина (4, 54–55)). В числе отчаянных метафор, созданных героем для своего положения, есть и такой вопль с характерной русской «игрушечной» деталью. Его вполне мог бы прокричать Мартын Эдельвейс: «Ошибкой попал я сюда – не именно в темницу, а вообще в этот страшный, полосатый мир <…> и вот обрушил на меня свой деревянный молот исполинский резной медведь» (4, 51). Одна из крошечных деталей размалеванного «русского дома» разрослась до грандиозной фигуры палача в неведомой «нарисованной жизни» (4, 52). И эмигрантская узость и советская узость одинаково узки и линейны для набоковского героя.

Цинциннат Ц. (герой «Приглашения на казнь», как и герой «Дара», с самого начала имеет имя – имя благородное, «роскошное») совершил «гносеологическое» преступление: он непроницаем. В то время как все остальные граждане пропускают «чужие лучи», прозрачны друг для друга[13]. Он – живой пережиток прошлого, ибо жалеет о какой-то былой жизни, от которой почти ничего не осталось: «Да, вещество постарело, устало, мало что уцелело от легендарных времен, – две-три машины, два-три фонтана, – и никому не было жаль прошлого, да и само понятие „прошлого“ сделалось другим» (4, 28). «Новое» изменяет основу жизни – понятия, а также, вслед за тем, человеческую природу. Цинцинната обвиняют в том, в чем он не волен, что досталось ему от рождения (как сословная принадлежность).

Абсурдность процедуры вынесения приговора, подготовки казни и самой казни тоже находится в ряду «диктатуры миросозерцания». Все приготовления нацелены на то, что сам Цинциннат должен осознать необходимость своего уничтожения. Смертника призывают ко всяческому сотрудничеству с властями, приговоренный должен подружиться с палачом и т. д. Все эти подробности напоминают рассказ Тэффи «Гильотина», комический эффект которого построен на том, что казнимые петербуржцы высших классов возмущены чем угодно, кроме самой казни: они сознательно спешат «гильотинироваться».

В отличие от героев Тэффи, Цинциннат относится к предстоящей смерти серьезно. Тема смерти выходит в этом романе на первый план, она становится «гносеологическим» наказанием для «гносеологического преступления» рождения. Цинциннат Ц. живет в тюрьме в ожидании казни, но срок казни ему не сообщают: «Я хочу знать когда – вот почему: смертный приговор возмещается точным знанием смертного часа. Роскошь большая, но заслуженная. Меня же оставляют в том неведении, которое могут выносить только живущие на воле» (4, 8). Это та «роскошь» препарированной судьбы, которой наслаждался Лужин, решая шахматные задачи. В них все абсолютно ясно: через определенное количество ходов приходит мат.

Директор тюрьмы принесет календарь, но повешен он будет в комнате палача, круглолицего от пошлости м-сье Пьера, ожившего Чичикова. Интересно, что, приготовляя знакомство осужденного с палачом, в камеру внесут «<…> хрустальную вазу со щекастыми пионами из директорского садика <…>» (4, 44), а затем унесут, вслед за м-сье Пьером. Это те самые мордастые подсолнухи, воспоминание о которых вынес из Советской России Годунов-Чердынцев, в соединении с багряными (гаршинско-интеллигентскими) георгинами из могильного сада психиатрической клиники. Плотные на ощупь привидения не зря носят имена героев русской литературы: Цинциннат очутился внутри утопии – в том решетчатом окошке тюремного надзирателя, свет которого, по остроумному предположению Годунова-Чердынцева, озарял крестный путь русской интеллигенции.

Положение героя символично: в таком же положении (незнания даты казни) живет каждый человек. С момента осознания онтологического аспекта темы начинает разворачиваться метатекст: «<…> там время складывается по желанию, как узорчатый ковер, складки которого можно так собрать, чтобы соприкоснулись любые два узора на нем <…>» (4, 53), – записывает Цинциннат, слово в слово повторяя Годунова-Чердынцева. Чем больше герой думает о смерти, тем отчетливее различим в его записях голос позднего Толстого, размышлявшего о вещах, актуальных не только для русского интеллигента, но для человека вообще. Сначала появляется геометрическая формула человеческой

жизни: «<…> вероятность будущего уменьшается в обратной зависимости от его умозримого удаления» (4, 50). Далее ночной ужас пришедшей смерти (арзамасский ужас Толстого), освобождение от телесных оболочек, завершающееся нахождением светлой точки, увиденной перед смертью Иваном Ильичом: «На меня этой ночью, – и случается так не впервые, – **нашло** особенное: я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец… <…> я дохожу путем постепенного разоблачения („гносеологический“ каламбур. – *Е. П.)* до последней, неделимой, твердой, сияющей точки, и эта точка говорит: я есмь! (примерно к тому же выводу, подводя итоги философии русской интеллигенции, пришел в „Даре“ и Годунов-Чердынцев. – *Е. П.)* <…> о мое верное, мое вечное… и мне довольно этой точки, – собственно, больше ничего и не надо» (4, 50). Отличие лишь в том, что Иван Ильич увидел свет впереди, Цинциннат же – внутри себя, нашел в себе душу, которая, возможно, и была причиной его непрозрачности.

Именно непроницаемость позволяет Цинциннату освободиться от казни-смерти. Он догадывается, что живет в мнимом мире, населенном призраками (4, 38–39). Он осознает, что мыслит и чувствует в другом измерении, чем осудившие его. Отказываясь вести себя по законам мира призраков, он совершает прыжок из одного уровня метатекста в другой (как Годунов-Чердынцев из трамвая в трамвай, из сюжета в сюжет) – из «сделанного» мира в мир свободной человеческой мысли. Прыжок разрушает «сделанный» мир. Казнь оказывается невозможной, ибо смерти нет. Не случайно Цинциннат, в отличие от Лужина, выигрывает в шахматы у м-сье Пьера – воплощения судьбы.

«Приглашение на казнь» кажется наиболее похожим на «Защиту Лужина», как две симметричные точки параболы. Цинциннат, как Лужин, на протяжении всей книги ищет защиту от неумолимых сил судьбы. Как Лужин, он блуждает повторяющимися кругами: пытаясь найти выход из тюрьмы, постоянно возвращается к своей камере: «И только тогда Цинциннат сообразил, что коленья коридора никуда не уводили его, а составляли широкий многоугольник, – ибо теперь, завернув за угол, он увидел в глубине свою дверь <…>» (4, 43). Выйти из своего житейского круга он тщетно умоляет не слышащую его жену: «Марфинька, в каком-то таком кругу мы с тобой вращаемся, – о, если бы ты могла вырваться на миг <…>» (4, 81). Подробное, замедленное описание движений Цинцинната на эшафоте (вплоть до осознания его иллюзорности) в соотнесении со сложными просовываниями Лужина в раму окна (не так же ли ускользнул из Зоорландии отец Ирины?) создает особый ритм финала: вглядывание в вечность («<…> какая именно вечность <…> раскинулась перед ним» (2, 152)) – новую, незнакомую, не имеющую отношения ни к детству, ни к России.

Набоковский мир движется по параболе от исходной вечности, вечности-России к будущей вечности, вечности-загадке. Сначала Россия помещается в воспоминание, затем воспоминание освобождается от навязчивого мотива: Россия перестает быть главной темой, становится фоном, уходит в душу персонажа. Россия остается в массе мелочей, но они перестают быть существенными, блекнут на фоне тех космических событий, что происходят с героями. Например, в «Лолите» русский герой появится мельком, в фарсовом обличье: по-прежнему не имеющий имени (над его «смехотворной» фамилией Гумберт все больше издевается по мере развертывания текста, пока не сделает вид, что вспомнил, – Максимович (5, 25–27) «<…> коренастый русак, бывший полковник Белой Армии, пышноусый, остриженный ежиком» (5, 25). К нему уходит Валерия, первая жена Гумберта. Русский герой отметится только тем, что из «русской мещанской вежливости» (5, 27) не спустит воду в туалете. Его имя всплывает именно в тот момент, когда Гумберт замечает «лужу захожей урины» (5, 27). Одновременно выяснится, что и Валерия – русская: у нее «<…> дурацкий Нансенский паспорт <…>» (5, 24).

Вставший с эшафота Цинциннат идет за картон, к незнакомым ему людям, но похожим на него, истинным, непроницаемым, не пустым. Так же уходит Набоков (несущий Россию, как морской песок на подошвах) к европейскому читателю, разрывая порочный круг русской культуры, по-прежнему, на протяжении всего двадцатого столетия, вращающийся вокруг банальных вопросов революционного переустройства обыденной жизни. Переход на английский язык – эсперанто, понятный всему миру, – станет для Набокова выражением зрелости мысли и одновременно приближением к истине (абстрактной по природе), способом показать обнаженную пульсирующую мысль. Но самое главное – это возможность диалога с мировой культурой, закрытая для довоенного Набокова, Набокова-эмигранта. Сам Набоков в предисловии к русскому варианту «Других берегов» объяснит переход на английский язык так: «Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого – или Иванова, няни, русской публицистики – словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия» (4, 133). То же самое писа-

тель повторит в середине третьей главы: родина человека – весь мир, Россия для него – детство.

«Взрослости» не хватает и современной России, по-прежнему заимствующей западные культурные формы и гиперболизирующей философские концепции западных философов. Случай Набокова показывает, что Запад (вопреки сложившемуся в России мифу) готов к диалогу с Россией, это мы не готовы к нему.

Примечания

[1] Marleen Gorris – режиссер кинофильма «Защита Лужина» («The Luzhin Defence», 2000).

[2] Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1–4. М.: Правда, 1990; Т. 5, доп. [М.]: Экопрос, 1992. Т. 4. С. 169–170. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

[3] Чуждость Машеньки и в том, что она уже принадлежала другому. Этот эротический момент подчеркивает описание ее шеи в момент первого объяснения и в последнюю встречу: «Они так много целовались в эти первые дни их любви, что у Машеньки распухали губы и на шее, такой всегда горячей под узлом косы, появлялись нежные подтеки» (1, 76). Эти подтеки, но куда более грубые, Ганин заметит во время разговора в поезде: «И на нежной шее были лиловатые кровоподтеки, теневое ожерелье, очень шедшее к ней» (1, 87).

[4] Здесь и далее жирным шрифтом дано выделенное мною, курсивом – выделенное автором цитируемого текста.

[5] Эта автобиографическая тема предваряет медленное погружение в жизнь и сознание отца, предпринятое Годуновым-Чердынцевым. Мартын чувствует отца растворенным в солнечной красоте Крыма: «<…> все было насыщено мучительным блаженством, и Мартыну казалось, что в распределении этих теней и блеска тайным образом участвует его отец» (2, 161).

[6] Этот мотив раскроется в романе «Дар», когда речь пойдет о неумении русских материалистов XIX столетия пользоваться материей родного языка. Узость мысли выражается в ущербности речи.

[7] Как Мартын, осознавший «русское нутро» только за границей, герои стихотворения узнают Россию в изгнании: «<…> и в дальних городах мы, странники, учились / отчизну чистую любить и понимать» (Набоков В. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991. С. 135).

[8] Подробнее см.: Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности: жанр житийной биогр. в лит. рус. эмиграции // Вопр. лит. 2004. № 1. С. 84–111.

[9] Федотов Г. П. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: София, 1991–1992. Т. 2. С. 209.

[10] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 42.

[11] Там же. С. 44.

[12] Федотов Г. П. Указ. соч. Т. 1. С. 84.

[13] Интересно, что в «Даре» мотив прозрачности был факультативным в семантической сфере творчества: «<…> он старался, как везде и всегда, вообразить внутреннее **прозрачное движение другого человека**, осторожно садясь в собеседника, как в кресло, так чтобы локти того служили ему подлокотниками, и душа бы влегла в чужую душу <…>» (3, 33).

УДК 821.161.1-4(091"19"Солоухин

С. Н. Артановский

Эссеистика Владимира Солоухина

Статья содержит обзор очерков Владимира Солоухина в хронологической и тематической последовательности. В отличие от большинства критических произведений 80-х гг. XX столетия, критика существовавших тогда порядков дана в этих очерках не с точки зрения либеральных идей, а в духе консервативно-православного мировоззрения. Солоухин также чужд марксистской идеологии, что делает его одним из предшественников немарксистских «перестроечных» авторов. Солоухина можно характеризовать как патриотического деятеля нашего времени.

Ключевые слова: Солоухин-очеркист, упадок патриотизма в 1920-е гг., возрождение патриотизма, «Прекрасная Адыгене», критика модернизма в искусстве, Михаил Врубель, крестьянская тема, старинные иконы, Гавриил Державин, Сергей Аксаков, Константин Аксаков, Святой Георгий как защитник Руси, Солоухин-консерватор, судьбы православия

Sergey N. Artanovsky

Essays by Vladimir Soloukhin

Article contains the review of sketches of Soloukhin in the chronological order and the critical analysis of these sketches. Soloukhin's outlook is characterized as conservatively-orthodox, 80th years XX of a century resisting the Russian liberalism, though also distant from official marxist ideology.

Keywords: essays by Vladimir Soloukhin, the decline of patriotism in the 1920's, the revival of patriotism, «Beautiful Adygene», criticism of modernism in art, Mikhail Vrubel, the peasant theme, ancient icons, Gavriil Derzhavin, Sergey Aksakov, Konstantin Aksakov, Saint George as a defender of Russia, Soloukhin-conservative, the fate of Orthodoxy

Первые три десятилетия большевистского господства советская идеология находилась во власти интернационализма в его самых крайних проявлениях, без религиозности, модернизма и экспериментаторства в искусстве, рационализма и урбанизма. Суть большевистского интернационализма хорошо сформулировал Владимир Маяковский в своем известном стихотворении «Товарищу Нетте – пароходу и человеку»:

…это –
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.

Это было написано в 1926 г. Но к середине 30-х гг. стала меняться международная ситуация и вместе с ней – большевистская идеология. Перспектива Второй мировой войны становилась все более реальной. Коминтерновская интервенция в Испании провалилась. Во властные структуры пришли новые люди из провинциальных городов и деревни. И патриотизм стал вновь входить в моду. Точнее, он был введен в моду решениями официальных органов. Но это не был патриотизм сердца, это не была любовь к Родине, искренняя и непосредственная. Это был государственный патриотизм, который так и стал называться советским патриотизмом. И лишь в 1960-х гг., после XX съезда КПСС в обстановке либерализации большевистского режима стало возможным выражение искренних патриотических чувств. Одним из первых, кто озвучил эти чувства, был Вадим Кожанов, публицист и литературный критик. Кожанов впоследствии вспоминал, как недоброжелательно принимали его в советской литературной среде. За спиной произносили слово «Славянофил».

Кожанов написал несколько работ по истории России нового времени, богатых интересными мыслями, а иногда парадоксальных. Так, он старался реабилетировать так называемую «черную сотню», которую либералы и большевики считали бандой погромщиков. Согласно Кожанову, это было движение консервативной интеллигенции, желавшей направить развитие России в мирное русло. Академические историки отнеслись к работам Кожанова скептически. Кто был прав, сказать трудно, но Кожанов усиленно пытался проводить линию на восстановление национальной традиции. Позже Кожанов выпустил книгу о Пушкине, в которой он показал шаткость концепции убийства Пушкина как результат чисто личных неурядиц. На самом деле

это было политическое убийство, для осуществления которого прибегли к коварным личным схемам. Его заказчиком были австрийские дипломаты, часть из которых была представителями Австро-Венгерской монархии, а другая часть, как ни странно, находились в самом царском правительстве. Так, австрийский подданный Лазарь Нессельроде был министром иностранных дел Николая I.

Немного раньше на горизонте появились патриоты из мира музыки, Георгий Свиридов, Валерий Гаврилин, Владислав Чернушенко. Они развивали пушкинские темы, возрождали русский фольклор и использовали его музыкальное звучание. Несколько позднее возникла деревенская литература. Это были Федор Абрамов, Василий Шукшин и самый крупный из них – Валентин Распутин. Повесть Распутина «Живи и помни» войдет в классику русской литературы. Остается упомянуть поэта Николая Рубцова, самобытного русского стихотворца, от стихов которого, как говорится, «русью пахнет». Мы не можем удержаться, чтобы ни процитировать стихотворение Рубцова:

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог…

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть…
– Филя, что молчаливый?
– А о чем говорить?

Мы не будем продолжать перечень деятелей культуры – патриотов, таковые были и среди ученых. Добавим к нему имена философов В. П. Тугаринова и Арсения Гулыги. В более поздний период деятельность этой группы, стремившейся к восстановлению русских национальных традиций, продолжил Владимир Солоухин.

Владимир Солоухин является автором как художественных произведений, так и многочисленных очерков, и книг, составленных из этих очерков. С ранней молодости он работал очеркистом, много путешествовал по стране, зорким глазом наблюдая жизнь нашего народа. Писать о Солоухине легко и в то же время тяжело. У Солоухина нет психологических прозрений, нет философской концепции. Он не написал своего «Искушения Святого Антония», как это сделал Флобер. Читая Солоухина, разгадывать нечего, остается только любоваться наблюдательностью автора, легкостью его стиля, четкой направленностью его идей. Главный смысл эссеистики Солоухина заключается в стремлении сохранить и продолжить русскую национальную традицию, собрать то, что уцелело от прошлого, и на этой основе продолжить развитие нашей культуры. Мы начнем рассмотрение очерков Солоухина с его произведения, устремленного как бы в будущее, посвященного нашей молодежи, ее мужеству, выносливости, стремлению к победе. В нем показаны юноши и девушки, готовые потратить время и силы, чтобы полюбоваться красотой природы и проверить свою способность побеждать трудности. В этом отношении «Прекрасная Адыгене» в чем-то соприкасается с основным течением советской литературы, хотя и отличается от нее своей искренностью. «Прекрасная Адыгене» – произведение известное, и мы напомним о его содержании читателю.

Я давно уже прочел все произведения Солоухина, включая его экологический трактат «Трава». Но один из моих приятелей как-то сказал мне: «Все-таки, лучшее произведение Солоухина – его книга об альпинистах». И тут вдруг выяснилось, что этой-то книги я не читал. Я скорее достал книгу, прочел ее и убедился, что мой друг был прав.

Мне очень не хотелось бы излагать ее содержание, ибо прочесть эту книгу должен каждый. Она написана просто, увлекательно и содержит в себе нечто важное: юношеский оптимизм. Это история о том, как писатель в сопровождении своей четырнадцатилетней дочери Наташи поддался уговорам приятеля отправиться с ним в альплагерь и взобрался с группой альпинистов на высокую гору Адыгене. В этом произведении есть много деталей, касающихся техники альпинизма, которые я как человек далекий от спорта преодолевал с трудом. Но не в этом смысл книги. Эта книга о героическом подвиге, который совершила Наташа. Мама очень не хотела отпускать дочь, которую, ко всему прочему, недавно прооперировали. Уже провожая дочь в аэропорт, она подняла два пальца – это означало, что больше двух килограммов девушке поднимать нельзя. Ну и альпинист, которому приходится нести груз в два килограмма!

Но Наташа преодолела все трудности. Она спала в палатке, где под спальные мешки были подосланы хвойные ветки, она шла в одной цепи

с гораздо более взрослыми и опытными туристами, она отказывалась от льгот, она только и мечтала о покорении вершины. Но, как говорится, все мы люди, все мы человеки, и потому и у Наташи, как когда-то у самого Христа, когда он был человеком, была минута слабости. На одном из привалов два бородатых самодеятельных альпиниста вытащили из своих сумок разные вкусные вещи. Наташа крепилась, пока не услышала запаха кофе. Тут она не выдержала и тихо сказала отцу: «Хочу кофе!». Один из бородачей услышал ее слова и без объяснений налил ей чашку горячего кофе. Мир не без добрых людей.

Но у Солоухина этот эпизод имеет и более конкретный смысл. Самодеятельные путешественники имели отличное снаряжение, красивые спортивные костюмы и, как мы уже сказали неплохой рацион в багаже. В отличие от этого, отряд был скудно снаряжен и неважно экипирован. Узнав о самодеятельных туристах, начальство альплагеря приказало отправить их назад, в случае необходимости – силой. Но отряд отказался это сделать.

Тем не менее скрытый антагонизм был на лицо. Так жило все советское общество. Бородачи имели и кое-что сверх того. Это уже надвигалось нечто новое. Все же дело не доходило до открытой вражды. Чашка кофе была связующим звеном между организованными и самодеятельными альпинистами, они принадлежали к одному народу, к русскому народу. Повторяю, альпинистская повесть Солоухина – книга о подвиге, в котором раскрылись молодые дремлющие силы. И о победе над стихией, победе, по силе духа равной той, которую одержали участники Великой Отечественной войны. Хотя, конечно, далеко не столь масштабной. Заключительные страницы повести рассказывают о том, как отряд стоял на вершине Адыгене, наслаждаясь прекрасным видом. Но главное, может быть, было в том, что трудности закалили Наташу, и из хрупкой девочки она сделалась героиней.

Владимир Солоухин родился в сельской местности и, хотя жил и работал в Москве, поддерживал связь с деревней и душой был привязан к русской деревне и к русскому крестьянству. Одна из первых книг Владимира Солоухина «Владимирские проселки» считается едва ли не первым произведением «деревенской литературы» 60-х и последующих годов. Горы, альпинизм – все это хорошо, но стихией Солоухина была русская равнина, широко раскинувшаяся по просторам Евразии. Именно здесь сложился русский народ, впитавший в себя кровь финских племен, живших еще до славян на просторах этой равнины, потом распространивший область своего расселения на значительно бо́льшую территорию, но сохранивший своей подлинной Родиной равнинные просторы Владимиро-Суздальской, Киевской и Северо-Западной Руси. Вдоль этого пути основывались малые княжества, которые в течение нескольких столетий сплотились в единый русский народ. Иное дело – Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток. Лишь позже там поселилось много русских, и сказалось цементирующее влияние русской культуры.

Россия издавна была сельскохозяйственной страной, русское крестьянство издревле отличалось трудолюбием, сметливостью, выносливостью, мужеством в защите своих границ, чувством собственного достоинства. Достоинства русского крестьянства составляли основу крепости и могущества Российского государства. В статье «Читая Ленина», увидевшей свет, естественно уже после перестройки, Солоухин с ужасом и отвращением пишет о том, как большевики в революционные и впервые послереволюционные годы натравливали рабочих на крестьян и подрывали жизнеустойчивость народа, лишали его собственного лица. Подвергались преследованию духовные устои его жизни, в центре которых стояло православие. Индустриализация высасывала соки из деревни, люди уходили в города, деревни пустели. Путешествие Солоухина в поисках старины, прежде всего икон и церковной утвари, имело целью спасти из старинной православной культуры то, что еще можно было спасти.

Две самые крупные книги Владимира Солоухина – «Черные доски» и «Время собирать камни» посвящены поездкам писателя по глухим уголкам страны и описанию того, что еще сохранилось из старых духовных богатств, из родной природы и родных нравов. Однако Солоухин писал не только о деревне. Его книга «Письма из Русского музея» была посвящена русскому искусству XVIII–XX вв. Это не была систематическая история искусства того периода, это были отдельные эпизоды этой истории, служившие автору для иллюстрации своих идей. Солоухин возмущался той фальсификации русского искусства, которой подвергли его леворадикальные критики вроде Стасова. Так картина «Свежий кавалер» или «Утро чиновника, получившего первый крест» трактовалась Стасовым как инвектива против николаевского чиновничества вообще. В интерпретации Стасова, чиновник выглядел прямо-таки кровопийцей. Это совершенно не соответствовало замыслу художника П. А. Федотова, который с тонкой иронией изобразил получателя ордена добродушным стариком в домашнем халате, показывающим орден своей кухарке.

Солоухин терпеть не мог модернистское

искусство, всех этих Малевичей, Шагалов, показывая, что их творчество было по сути дела штукарством. Побывав в Париже в Гранд Опера, Солоухин увидел на потолке роспись Шагала с характерными для художника местечковыми темами, вывезенными художником из России. Это были летающие коровы и прочее изощрение, удивительно не гармонировавшие с классицистическими образами большого зала театра, где все напоминало об эпохе королей Людовиков XIV, XV и XVI. Величественные очертания потолка и стен были в прямом контрасте с живописью Марка Шагала. Солоухин был вынужден уйти до окончания спектакля, ибо у него было назначено свидание, которое он не мог пропустить. В гардеробе, когда он одевался, было пусто, и он был не в состоянии удержаться от того, чтобы не пожаловаться пожилой женщине – гардеробщице на это несоответствие. Она вся встрепенулась: «То, что вы говорите, бесспорно, но вы первый, кто сказал мне об этом». Но не все суждения Солоухина были бесспорны. В частности, мы решительно возражаем против уничижительной оценки творчества Врубеля. На этом вопросе надо остановиться подробнее.

В перечень различной модернистской мелюзги Солоухин включает также Врубеля. С этим мы не можем согласиться. По нашему глубокому убеждению, Врубель – выдающийся русский художник, один из представителей новой русской живописной школы, появившейся на Руси в начале XVIII в., процветавшей даже в тяжелые годы господства тоталитарной идеологии и готовой выйти на авансцену дальнейшего развития в наше время. Врубель – художник гуманист. Им его делает постоянное обращение художника к крупным человеческим темам, его тесная связь с русской классикой, в частности с Лермонтовым. Владимир Солоухин утверждает, что «Демон» Врубеля не имеет ничего общего с лермонтовским. На это могут быть два возражения.

Во-первых, за полтора столетия, прошедших со дня опубликования бессмертного произведения Лермонтова, появился, по крайней мере, десяток различных, часто далеких друг от друга, интерпретаций образа Демона. Здесь не место перечислять всех их. Но очевидно, что Врубель как художник имел право дать свое истолкование этого грандиозного образа.

Во-вторых, врубелевский Демон достаточно близок к лермонтовскому. В обоих случаях это не фигура Князя Тьмы, повелителя всякой нечестии на земном шаре. Это Демон так сказать человеческого измерения со слабостями, настроениями, разочарованиями свойственными человеческому роду. Врубелевский Демон похож на лермонтовского своей злободневностью, своим касанием нашим страстям и переживаниям. Другое дело, что Врубель – сын своего века, века поиска новой морали, нового поля человеческих страстей и человеческого поведения. Это конец XIX и начало XX в., когда литература, называвшаяся тогда декаденской, искала новых путей человеческой психики. К этому надо прибавить особенности психики Врубеля. Сохранился анекдотический рассказ об одном из эпизодов пребывания Солоухина на Украине, где он работал одно время в компании других художников на пленэре. Однажды Врубель явился к обеду с носом, запачканным зеленой краской, ему об этом сказали, но он ничего не ответил. На следующий день Врубель явился к обеду художнической братии с носом, аккуратно выкрашенным зеленой краской. На удивленные вопросы коллег Врубель ответил: «Кто знает, может быть в будущем будут ходить с носами, выкрашенными в зеленый цвет». Но это внешнее, шутка, за ней кроется напряженное стремление преодолеть обыденность и выйти в область оригинального и героического, и глубоко художественного.

Модернистской мазне Солоухин противопоставлял русское искусство, наполненное высокой духовностью. В «Письмах из Русского музея» Солоухин рассказывает о выставке старинной русской фрески (копий), Дионисия, Рублева и других в стенах Русского музея. Публики было немного, но пришедшие отнеслись к фрескам с восторгом – за малыми исключениями. Но высокое начальство косо смотрело на выставку, ходили слухи, что ее вот-вот закроют, буклетов почти не было, экскурсии, если таковые вообще были, незаметны. Писатель говорит, что в эти же дни в Москве была выставка архитектуры США, там была толпа посетителей, американские гиды энергично просвещали публику, расписывая достижения американской архитектуры. Выводы читатель может сделать сам. Конечно, с тех пор в нашей стране многое изменилось. Восстановлен Храм Христа Спасителя, там идут молебны и литургии, восстановлены многие другие церкви, уже в советские годы началась публикация книг о старинных православных храмах. Начиная с 90-х гг. она стала значительно интенсивней. Многое восстановлено, но еще больше предстоит реставрировать и, главное, воссоздать. Ибо обращение к старине имеет смысл лишь в том случае, если это может духовно обогатить нас и включить православную русскую традицию в современную российскую культуру.

Однако в годы, когда была написана книга «Письма из Русского музея», не все еще можно было сказать открыто. Вскоре новыми возможностями воспользовались представители

модернистских направлений. Владимир Солоухин не принадлежал к ним. В те годы нельзя еще было сказать, что ты православный верующий и даже монархист. Владимир Солоухин мог только намекнуть на это. Однако уже тем, что он написал, был сделан большой вклад в восстановление православной культурной традиции, нарушенной в 20-е гг. и позже большевиками. Родившись в селе, Солоухин стал жителем большого современного города. Но он остался верен русской почве, складу русского ума, русской любви к православной духовности.

В книге «Время собирать камни» Вл. Солоухин значительно расширяет диапазон своего исследования российского общества, рассказывает о своей поездке по Руси, посещении усадеб Державина и Сергея Аксакова. Позволим себе сделать небольшое отступление, в котором речь пойдет о Гаврииле Державине. Имя Державина как поэта достаточно хорошо известно, но обращения к его творчеству очень редки. В школьные годы нам рассказывали об оде к «Филице», часто цитируют печальную афористическую строку: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Известны также пушкинские строки:

Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил.

Приведем небольшое стихотворение Державина:

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо,
В шуме их – надежд я полн.
Кто из туч бегущий пламень
Гасит над моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челн заводит мой?
Ты, Творец, Господь всесильный,
Без Которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!
Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух Тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил, –
Будь средь них мой Вождь и Щит.

Но продолжим наш рассказ о поездке Солоухина по старинным дворянским усадьбам.

К крестьянской теме прибавляются размышления о старинных барских усадьбах и всей совокупности сословий старой России. Расширение тематики достигается в книге посредством рассказа о поездке Солоухина по заброшенным усадьбам и общим выводам, которые он делает из своих наблюдений. Ему пришлось преодолеть немало препятствий, изъездить много неведомых дорог, прежде чем он добрался до этих мест. Невеселая картина представилась его взору. Помещичьи дома, принадлежавшие ранее русским писателям, заброшены, смутные тени великих предков уныло бродят в одичавших садах.

А ведь мы многим обязаны первому великому поэту новой России – Гавриилу Державину, а также автору прекрасных книг «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» Сергею Тимофеевичу Аксакову. Об уродливой перестройке бывшей усадьбы Аксаковых читатель и сам сможет прочесть в книге Солоухина. Мы же дадим два отрывка из одного справочного издания, характеризующих отца и сына Аксаковых, одного как автора книг, другого – как становящуюся личность. Это тем более необходимо, что в современной интеллигентской публике Аксаковых путают друг с другом.

Страстный рыболов, он захотел вспомнить старые годы, прежние, тихие радости, а вследствие в высшей степени общительного нрава он захотел передать их, объяснить их другим, – и написалась книга… Это были «Записки об уженье рыбы» (1847). В 1848–1851 гг. были написаны «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», в которых еще ярче проявилась вера Аксакова в телесную и нравственную целительность природы.

Главное место в наследии Аксакова занимает автобиографическая художественная проза, целиком основанная на «воспоминаниях прежней жизни» и семейных преданиях. Аксаков-художник отвергал всякое насилие, произвол и пробуждал любовь к жизни, к людям, к природе в ее традиционном, извечном аспекте, поэтизировал усадебный быт, крепость семейных устоев. Так появилась «Семейная хроника». Частная хроника трех поколений Багровых воссоздана на основе широкой панорамы помещичьего быта конца XVIII в.

Продолжением «Семейной хроники» стала автобиографическая повесть «Детские годы Багрова-внука» (1858). Книга не только о детстве, но и сознательно написанная для детей.

Сергей Тимофеевич не был чужд модного тогда среди российской дворянской интеллигенции увлечения славянофильством. Но его сын Константин Сергеевич преуспел в этом гораздо больше, став одним из видных деятелей славянофильского движения. Константин Сергеевич Аксаков родился 29 марта 1817 г. в с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии. Публицист, критик, поэт, историк. Сын С. Т. Аксакова. Детские годы провел в от-

цовских имениях в селе Надежино, патриархальный уклад которого со временем стал для него идеалом социального устройства и воспитал в нем «русское чувство». Уже в раннем возрасте обнаружил все те задатки, которые потом развились в так называемой «славянофильской системе». С 1826 г. его домашнее воспитание продолжалось в Москве[1].

Ограничимся этими двумя отрывками, характеризующими Сергея Тимофеевича как писателя, а его сына как созревающую личность.

Из очерка «Аксаковские места» (1976) мы приведем лишь один эпизод, но зато полностью, не сокращая текста:

> …Я стоял у окна в проходе вагона и смотрел на бегущие мимо холмы и долы. Между прочим, все еще стояла осень, все еще не слышалось прямого и откровенного дыхания зимы, но поезд (дальний, карагандинский) пришел к станции Бугуруслан с заснеженными подножками, и снег этот уже не таял. Через золотые осенние земли западного Оренбуржья так и везли мы на подножках поезда в Москву мелкий въедливый снежок карагандинских степей.
>
> Тут рядом со мной около другого окна остановился пассажир-попутчик. (Тут он рассказал одну историю, связанную с Аксаковскими местами).
>
> – Пара лебедей завелась было на пруде в Аксакове. Прилетели весной и остались здесь выводить птенцов. Что уж их сюда привело? Может, дальняя память, какая. Через эти… гены что-нибудь передалось? Может, их предки водились когда-нибудь здесь, а в крови у потомков и проснулась память об этом месте. А ведь если бы они вывели птенцов, то птенцы уж прилетели бы сюда на другой год как на родину. Обязательно прилетели бы. Так, глядишь, и прижились бы здесь лебеди. Украсили бы пруд и вообще, так сказать, пейзаж. Это же красота, если по пруду плавают дикие лебеди! И Аксакову тоже бы вроде памяти было, как ценителю и певцу природы.
>
> Собеседник замолчал, и я осмелился спросить у него через минуту-другую:
>
> – Что же, лебеди? Почему не прижились?
>
> – Почему, почему… Снесли они два яйца и стали их насиживать. А яйца эти у них кто-то стащил. Может, мальчишки. А то и взрослый охулки на руку не положит. Огромные яйца, крупнее гусиных. Ну и улетели они сразу с пруда, больше уж не показываются. А жаль…
>
> – Конечно, жаль, – подтвердил я. – Разве плохо – лебеди на пруде? Вот я слышал в других странах: в Польше, Чехословакии, Германии, будто лебеди там запросто плавают по озерам. Народ вокруг, население, а они плавают с лебедятами.
>
> – Я вот что скажу: сами же мы и виноваты. Недостойны мы, как видно, своим поведением, чтобы у нас лебеди плавали. Не заслужили. Лебедей – это, брат, заслужить надо…[2]

Теперь мы опять вернемся к тому, что занимает такое место в очерках Солоухина. Жизнь страны он воспринимает, прежде всего, сквозь призму того, что происходило в деревне. В ней царило такое же равнодушие к родной природе, какое проявилось в истории с лебедями, и к родной истории вообще. В частности, происходило массовое уничтожение икон, которые были священным предметом для многих поколений наших предков. Характерным является не только ярость разрушения, исходившая от властей предержащих, но и отсутствие всякого сопротивления тому, которое можно было бы ожидать от народа, дорожившего своими укоренившимися обычаями. Нет, наверное, не дорожившими ими. Церкви закрывались одна за другой, иконы шли на древесные поделки, а иногда и просто на дрова. Кое-кто брал иконы к себе в дом, надеясь спасти их таким образом. Но делалось это в тех случаях, когда для этого не требовалось много усилий. Правда, бывали исключения. Об одном из таких исключений мы сейчас расскажем подробнее.

Пересказывать содержание «Темных досок» мы не станем, ибо книга эта хорошо известна, легко написана и доступна самому широкому читателю. Это история собирательства старинных икон Солоухиным, который пытался спасти то немногое, что еще сохранилось от седой старины. Священные книги русских людей. Мы ограничимся только одним эпизодом, показывающим, что не все проявили такое тупое безразличие к судьбе святых для их отцов и дедов живописных досок. Людей, которые пытались сохранить что-то из старины, было мало. Об одной такой старушке рассказывает Солоухин. Он ехал на машине по Владимирско-Суздальским проселкам, останавливаясь в селах, попадавшихся на встречу, и везде находясь в поисках старинных икон. Однажды до него дошли слухи об особо примечательной иконе, называвшейся Галицкой Божьей матерью. Рассказывали, что она выделялась среди других икон яркостью и свежестью красок, да еще чудодейственными свойствами. В 1848 г. в селе Ельтесуново и в окрестных деревнях была эпидемия холеры, косившая подряд их жителей, и вдруг явилась неизвестно откуда икона Галицкой Божьей матери. Эпидемия стала быстро затихать, а затем и прекратилась вообще. Икону повесили в местной церкви на видном месте, но когда при-

шел большевистский смерч уничтожения церквей, церковь закрыли, а иконы отдали местному учителю, который сложил их в сарае и порубил топором. Но одна женщина, страстная поклонница иконы, узнала об этом, ночью прокралась к сараю, нашла спрятанный ключ, открыла тяжелый замок и при свете свечи, каким-то невероятным образом разыскала один обрубок своей любимой иконы. Она заперла сарай, а то, что осталось от иконы, унесла домой и спрятала. Прошло много времени, односельчане забыли об этой иконе, но вот в одной избе устроили маленький иконостас-выставку спасенных икон. Посмотреть эти иконы пригласили Солоухина. Когда он посмотрел на иконы, то почувствовал разочарование. Иконы были новые. И блеск красок не искупал их низкой коллекционной ценности. Солоухин заметил маленькую доску неопределенной формы, темную настолько, что рисунок было трудно разобрать. Но взять в руки ее ему не разрешили. Хозяйка иконы, теперь уже пожилая женщина, стремительно подхватила доску и побежала домой. Солоухин спросил присутствующих, не смогут ли они заполучить старинную икону. Его желание иметь ее стало еще больше, когда ему рассказали ее историю, историю иконы Галицкой Божьей матери. Но односельчане хором ответили, что богобоязненная старушка, сестра которой была монашенкой, ни за что не отдаст бесконечно дорогую для нее икону-обрубок. Пришлось возвращаться с пустыми руками. Но такой случай был исключением. «Народ-богоносец», на которого так уповали интеллигенты предреволюционной поры, оказался постыдно равнодушным к тому, что было святыней для его отцов и дедов. В одном месте, рассказывал Солоухин, я видел кормушку для скотины, сделанную из того, что было раньше иконами. И это было дело рук самих крестьян-колхозников.

Правда, были всегда на Руси защитники Отечества, Веры и обычаев, следование которым делает жизнь достойной, чтобы ее прожить. Народ воплотил свою мечту о таком защитнике Отчизны в образе Святого Георгия, почитание которого, строительство храмов в честь которого, началось еще до Ярослава Мудрого, а при нем получило большое распространение. Владимир Солоухин всегда мечтал иметь в своей коллекции икону с изображением Святого Георгия Победоносца, поражающего дракона. Казалось бы, иконы с таким сюжетом не столь уж редкая вещь, но Солоухину не везло, он так и не стал обладателем желанного предмета. Свои размышления по поводу того, что изображено на этой иконе, ему пришлось считывать даже не с самой иконы, а с немецкой репродукции ее. Правда эта репродукция была сделана отлично. И не такой это был редкий случай, чтобы русскому человеку приходилось знакомиться со своим культурным достоянием по иностранным источникам. Репродукция даже имитировала неровности дерева. Стоя перед этой репродукцией, Вл. Солоухин любовался ею и предавался размышлениям.

> Вот уж, правда – ничего лишнего. Может быть «изящный» (изящное искусство) происходит от слова «изъять»? Изъять подробности, все дробящее, все путающееся перед глазами, отвлекающее внимание. Белый конь, огненный фон, поверженный змий, а по диагонали – копье возмездия.
>
> Не только потому я держу у себя репродукцию этой иконы, что она действительно гениальна, Но и потому, что очень люблю этот символ: Георгий, поражающий чудовище и освобождающий тем самым плененную, обреченную на съедение царевну[3].

Так размышлял Солоухин.

Икона действительно великолепна, но слово «Возмездие» вызывает сомнение. Для людей, которые собственными глазами видели, как взрывают храмы, внутреннее требование возмездия было естественно, но с тех пор прошло много лет. Нет уже людей, которые осуществляли эти варварские акции, и людей, которые видели это и пережили как очевидцы. Нет государства, которое организовало это варварство. Наконец, нет самой той эпохи. В чей адрес будет адресоваться возмездие? Не приведет ли оно к разжиганию дурных чувств? Сейчас нам нужно единство нации, объединенной продолжением великой русской традиции и упорно стремящейся вперед, несмотря на слабость российских сил сегодня. Этому благородному делу не служит очерк Солоухина, посвященный родословной Ленина. В очерке доказывается, что у Ленина «не было ни капли русской крови», по отцу он был калмык, по матери – еврей. Может быть, это было именно так, но очерк в десяток страниц, посвященный доказательству этого утверждения, представляется нам излишним. Теперь Святой Георгий дорог нам как витязь Победы, несущий на своем копье освобождение и справедливость.

Этот очерк вместе с «Читая Ленина» стоит несколько особняком в эссеистике Солоухина. На наш взгляд, это своего рода «Возмездие» издыхающему, побежденному дракону. Солоухин не добавляет, что Вождь революции был из семьи образованных дворян и человеком вполне русской культуры. Хорошо еще, что в очерке содержится утверждение о том, что русский

народ – понятие духовное, иначе сочинение Солоухина было бы похоже на писания членов общества «Память» начала 90-х гг. XX в.

Эссеистика Владимира Солоухина характерна для двух последних десятилетий существования советского режима в стране. К этому времени давление официальной идеологии стало ослабевать, и появилась возможность сказать что-либо критическое. Этим воспользовались многие, в том числе и Солоухин. Именно в силу критического настроя «Письма из Русского музея» имели большой успех. Интеллигенция была почти единодушна в своем оппозиционном настроении по отношению к официальной идеологии. Но, в начале 90-х гг., когда советская власть рухнула, ситуация изменилась. Еще недавно либеральная в своем настрое российская интеллигенция раскололась на несколько направлений. Во-первых, это были «прогрессивно» настроенные деятели, желавшие, чтобы российская культура влилась в глобальную культуру, и примыкавшая к этой группе когорта интеллигентов, считавших, что культура должна развиваться совершенно стихийно, в борьбе различных направлений и тенденций. Во-вторых, это была консервативно-патриотическая группировка, корнями уходившая в традиционную для русской культуры славянофильско-почвеннеческую традицию. Если представителям первого направления был Виктор Ерофеев, то вторую возглавляли Станислав Говорухин и Валентин Распутин. К ним примыкал и Владимир Солоухин. Главным вопросом, служившим предметом ожесточенных дискуссий, было содержание понятия «Русский Путь» – является ли это вхождение в современную евро американскую культуру или нечто особенное, продолжающее древние традиции Московии и Российской империи. Сильной стороной консервативно-православной группировки было изобилие исторического материала и опора на быт и психологию российского крестьянства. Такова была и позиция Солоухина. Но, пока шли дискуссии, глобализм и американская массовая культура все больше подчиняли себе мышление современного российского общества, и вскоре оказалось, что консерваторы вынуждены занять оборонительную позицию. Правда, происходило **возвращение** эмигрантской культуры, стал массовым интерес к «Серебряному веку». Выходило много изданий и переизданий русской художественной и научной классики XX в. Эти публикации были опорой консерваторов. В этом участвовал и Владимир Солоухин.

Споры о Русском Пути продолжаются и сейчас. Аргументации и факты, на которые ссылаются Солоухин и другие консерваторы, не устарели. Консервативно-православное направление подпитывается возрождением патриотических настроений в некоторых слоях российского общества. Но, практически культура российского общества, как мы только что сказали, все более погрязает в низкопробном модернизме современной глобальной культуры. Что будет дальше, мы вскоре увидим. Будет ли продолжена национальная традиция как мощный поток, струящийся от древности и через современность в будущее, – не является бесспорной перспективой. Консервативно-православному направлению грозит опасность стать музейной демонстрацией культуры, на наших глазах уходящей в прошлое. Нужны свежие силы, чтобы вдохнуть жизнь в старину и сделать ее основой культуры нового общества. Это новое общество не будет жизнеспособным, если не будет осуществлен инновационный рывок к принципиально новым структурам политики, экономики и быта.

Отдельной строкой скажем несколько слов о православии современной России. Православие, безусловно, является очень значительной частью русской национальной традиции. Тысячу лет оно было таковой, и внесло большой вклад в формирование русского национального характера и поддержание российской государственности. «Упадок веры, – писал Павел Флоренский, – явился предпосылкой общего упадка культуры». Эта точка зрения вновь проявилась в писаниях послеперестроечных консерваторов. Она свойственна и Солоухину, хотя он избегает категорических формулировок на этот счет. Однако сегодня в нашей стране есть немало людей, которые считают, что православие исчерпало свои творческие силы. Тем не менее в России наблюдается значительное возрождение православного влияния. В церквах много народа, появилось немало православных образовательных заведений. Кто возьмет верх – верующие или скептики – покажет будущее.

В нашем повествовании мы вышли за пределы заявленной в названии темы. Но мы сделали это с целью дать контекст эссеистики Солоухина как выражению определенного мировоззрения.

Примечания

[1] Русские писатели, 1800–1917: биогр. слов. / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Совет. энцикл., 1989. Т. 1: А–Г. С. 32.

[2] Солоухин В. Время собирать камни: очерки. М.: Правда, 1990. URL: http: // rus-sky. com (дата обращения: 19. 09. 2013).

[3] Солоухин В. Письма из Русского музея // Солоухин В. А. Слово живое и мертвое. М.: Современник, 1976. URL: http: // lib. ru (дата обращения: 19. 09. 2013).

УДК 821.113.4.09Андресен+821.111.09Диккенс

М. Л. Купченко

Сказка Г. Х. Андерсена «Снежная Королева» и роман Ч. Диккенса «Большие надежды»: опыт сравнительного анализа

Многие исследователи творчества Ч. Диккенса неоднократно упоминали о его дружбе с Г. Х. Андерсеном и их внутренней близости. Однако до сих пор не было серьезного изучения их взаимовлияний. Даная статья посвящена анализу влияния сказки Андерсена «Снежная королева» на роман Диккенса «Большие надежды». Поразительный сплав сказки и реальности в романе Диккенса усиливал реалистическую типизацию образов, придавая многим из них символический смысл. Герои Диккенса представляли собой некие параллели к образам сказки Андерсена: Пип – Герда, Эстела – Кай, мисс Хэвишем – Снежная королева, разница лишь в том, что герои Диккенса – люди и, следовательно, могут страдать, осознавать свои ошибки и меняться, что ярко проявилось в образах мисс Хэвишем и Эстеллы.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, Ханс Кристиан Андерсен, христианские духовные ценности, психологическая эволюция личности, идея духовного возрождения личности

Marina L. Kupchenko

The fairy tale by Andersen «The Snow Queen» and the novel by Ch. Dickens «Great expectations»: the essay of comparative analyses

Many specialists in Dickens's creative work mention his friendship with Andersen and their inner closeness. But nobody has yet seriously studied their mutual influence. This article is devoted to the analyses of the influence of Andersen's fairy tale «The Snow Queen» upon the novel «Great expectations» by Ch. Dickens. The astonishing integrity of a fairy tale and reality in the Dickens's novel magnifies the realistic manner of typification of his personages, giving to many of them symbolic sense. Some personages of Dickens's novel are parallels to the images of Anderson's fairy tale. That is Pip – Gerda, Estella – Kay, Miss Havisham – The Snow Queen, the only difference is: the personages of Dickens are people that is why they can suffer, realize their mistakes and change as one an see in the histories of Miss Havisham and Estella.

Keywords: Charles Dickens, Hans Christian Andersen, Christian spiritual values, psychological evolution of a personality, idea of spiritual resurrection of a personality

Роман «Большие надежды» был закончен Ч. Диккенсом в 1861 г. и обычно считается произведением, открывающим последний период творчества писателя. Касаясь этого периода, критики часто подчеркивают «развитие и закрепление детективного жанра»[1] в последних романах писателя. Видимо этим стоит объяснить тот факт, что эти романы Диккенса, несмотря на некоторые попытки последних десятилетий, до сих пор остаются недостаточно исследованными литературоведами. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время отмечается явное повышение интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей именно к последним произведениям великого романиста, в том числе и к роману «Большие надежды». Это работы К. и Ф. Ливисов, Стоуна, Б. Харди, Д. ван Гента, Н. Ларри, А. Герарда, Г. Стюарда, Н. П. Михальской и др. В этих трудах роман Диккенса рассматривается на фоне и в сопоставлении с произведениями крупнейших европейских художников слова этого периода, близких Диккенсу по духу и мироощущению. Чаще всего роман сопоставляют с произведениями В. Гюго, Ф. М. Достоевского и О. де Бальзака. Мотив «утраченных иллюзий» особенно привлекает исследователей, что, безусловно, вполне справедливо. Однако в этом списке явно не хватает имени еще одного выдающегося писателя, которое хотя и упоминается иногда литературоведами в связи с творчеством Диккенса, но никогда влияние его на Диккенса не анализировалось столь глубоко, чтобы провести между их произведениями непосредственные параллели. А эти параллели, безусловно, существуют, ибо если говорить о художественных произведениях наиболее близких роману Диккенса «Большие надежды» и оказавших на него бесспорное влияние, необходимо в первую очередь вспомнить сказку Г. Х. Андерсена «Снежная королева», написанную в 1846 г.

О дружбе Диккенса и Андерсена, об их внутренней близости, об их переписке писали уже не раз. Но до сих пор не было попыток

изучения взаимного влияния этих писателей, а анализ такого рода представлял бы собою значительный интерес, ибо взгляды обоих писателей на мир, на проблемы становления и сохранения личности в современном обществе, на перспективы социального развития во многом совпадали. Но, если Андерсен изображал окружающий жестокий и безрадостный мир в сказочном, превращенном и даже опоэтизированном виде, то Диккенс, как правило, изображал его в реалистических тонах, хотя и ему не была чужда сказочная, поэтическая форма, которая проявлялась не только непосредственно в сказках («Рождественские рассказы»), но и в больших реалистических полотнах его романов, где сказочные образы воплощались то в удивительных, гиперболизированных сравнениях (вспомним хотя бы замороженные блюда на праздничном столе в честь крестин Поля, которые заледенели от холода, исходящего от мистера Домби), а то и в самой структуре художественного образа. Роман «Большие надежды» представляет в этом смысле значительный интерес, ибо в его художественной ткани сказочные метафорические гиперболы лишь оттеняют и фантастическое, истинно сказочное строение некоторых художественных образов, и даже частично фантастический сюжет. Поразительный сплав сказки и реальности, созданный Диккенсом для усиления реалистической типизации образов, для более яркого раскрытия потрясающей бессмыслицы, жестокости и антигуманности общества, в котором он жил, становится характерным художественным приемом его романов второй половины творчества, причем тенденция эта все усиливалась по мере того, как гас его социальный оптимизм.

Повесть Андерсена о волшебном зеркале, искажающем мир, зеркале, где все доброе и прекрасное превращается в злое и уродливое, зеркале, извращающем даже самую природу человека, – это повесть о трагической, но закономерной дегуманизации современного ему общества. Вспомним, что осколки волшебного зеркала попадали людям в глаза и сердца, шли на очки и оконные стекла. Человек с осколком в глазу начинал замечать в каждой вещи лишь дурные стороны, а сердца от этих осколков превращались в лед. Через осколки, вставленные в оконные рамы, «не стоило смотреть на своих добрых друзей»[2], – а сквозь очки из зеркала тролля не стоило пытаться «смотреть на вещи более зорко и судить о них вернее»[3]. Каю попали два осколка: один в глаз, другой – в сердце. Поцелуи Снежной королевы довершили злое дело: сердце Кая умерло для жизни, и занимался он отныне только «ледяной игрой разума»[4], пытаясь сложить слово «вечность». Андерсен неслучайно называет занятие Кая «ледяной игрой разума»: разум без сердца мертв и античеловечен, философия холода, т. е. современного мира, убивает людей. Спасти человека способна лишь Любовь. Ее великую силу и олицетворяет в сказке Герда. Недаром финка говорит о ней: «Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать… Ее сила – в ее сердце, в ее милом, невинном детском сердечке»[5]. Слезы Герды – слезы Любви, растопили ледяное сердце Кая, возродив его к жизни, а собственные его слезы, вызванные раскаянием и любовью, уничтожили осколок зеркала, засевший в глазу. Так Кай, забыв о своей «ледяной» мечте стать Господином Вселенной, вновь стал Человеком, способным страдать, чувствовать и сочувствовать, сопереживать, качества, необходимые человеку, чтобы не только стать истинно гуманным, но и истинно свободным. Неслучайно именно тогда льдинки сами собой складываются в заветное слово, делая Кая господином самому себе и как бы подписывая ему вольную. И строки старого гимна:

> Розы цветут… Красота, красота!
> Скоро узрим мы младенца Христа!

открывают героям свой истинный смысл, который Андерсен видит в человеколюбии, милосердии, любви к ближнему, гуманизации общества, где Христос и христианство являются, прежде всего, символом идеальных человеческих отношений. Так старый латинский девиз: «Amor vincit omnia» приобретает в сказке Андерсена новый гуманистический смысл. Писатель пытается придать ему не только общечеловеческие масштабы, но и масштабы социальной утопии, прямо сближаясь в своих выводах с выводами, которые делал в своих произведениях Диккенс.

В чем же конкретно проявляется близость «Снежной королевы» Андерсена и «Больших надежд» Диккенса? Общности одной лишь идеи недостаточно для того, чтобы говорить о непосредственном взаимовлиянии этих произведений. Однако если мы проанализируем всю систему художественных образов «Больших надежд», то столкнемся с удивительной близостью образной системы сказки Андерсена и романа Диккенса. Прежде всего – это ледяное сердце Кая, окончательно замороженное поцелуями Снежной королевы. Ближайшая

аналогия, которую мы вспоминаем в «Больших надеждах», – это ледяное сердце Эстеллы, превращенное в камень мисс Хэвишем. Эстелла – красавица, чье сердце умерло для любви, для жизни, точнее, не умерло, а сознательно убито, заморожено. Кажется, что в глазах ее тоже осколки зеркала тролля: весь мир Эстелла видит в искаженном свете, даже не подозревая о том, что существует такое чувство, как любовь, что люди могут мучиться и страдать. Доставлять окружающим страдания – радость для Эстеллы. Она тоже хочет стать Госпожой Вселенной, хочет царить, но ее царствование может приносить людям лишь горе и слезы. Научить Эстеллу плакать, страдать, любить – значит спасти ее. Именно эту задачу и ставит перед собою Диккенс. Часто пишут о том, что Диккенс переделал конец «Больших надежд» под влиянием совета Э. Бульвера-Литтона, который опасался, что отсутствие традиционного «happy end» вызовет разочарование читателей и снизит интерес к роману. Но при этом совсем не учитывают, что Диккенс – большой художник, который практически никогда не шел на поводу у публики, а если и менял свои замыслы, то обычно имел к тому более серьезные основания, чем пожелания литературных мещан (термином «литературный мещанин» здесь определяется, конечно, не сам Э. Бульвер-Литтон, а тот средний английский читатель, от имени которого Бульвер обращался к Диккенсу). Ф. Р. и К. Д. Ливисы справедливо замечают в своей книге «Диккенс-романист», что мысль Диккенса «создала правильное именно в силу своей логичности решение проблемы того, как закончить без сентиментального хэппиэнда, но удовлетворительно „закруглив“ все темы»[6]. Тема возрожденного Кая – это как раз та самая тема, которая и звучит на последней странице «Больших надежд». Пип встречает новую Эстеллу, познавшею горе, страдания, слезы, причиною которых столь часто бывала она сама, Эстеллу, способную любить. Много раз за годы страданий и разлуки с Пипом Эстелла вспоминала его, вспоминала те слезы, которые когда-то сознательно вызывала у других, даже не понимая, как бесчеловечно она поступает, и эти воспоминания, равно как и собственные несчастья, понемногу растопили и заставили оттаять ее сердце. Научившись страдать, она стала понимать и чужие страдания, сопереживать им. Таким образом, Пип сыграл в отношении Эстеллы ту же роль, какую Герда сыграла в отношении Кая.

Но, если между образами Кая и Эстеллы можно провести прямую аналогию, то в отношении образов Пипа и Герды эта параллель не столь однозначна. Собственно, роль Пипа аналогична роли Герды лишь в отношении Эстеллы и то в весьма ограниченных пределах. Это связано с тем, что и сам Пип стал в какой-то момент жертвою «троллевского волшебного зеркала». Новое видение мира захватывает Пипа постепенно, не сразу, более того, оно оказывается, к счастью, не очень прочным, и Пип довольно быстро преодолевает его опасные последствия, излечиваясь от него, как от тяжелой болезни. Но это видение на какое-то время все же овладело Пипом, и он вдруг стал чувствовать себя джентльменом и стыдиться своих старых друзей оттого, что они недостаточно образованы и немодно одеты. Его новый взгляд на Джо действительно напоминает адерсеновские слова о том, что через оконные стекла из зеркала тролля «не стоило смотреть на своих добрых друзей». Мир денег преображает человеческое зрение, заставляя видеть дурное там, где нормальный человеческий глаз увидел бы подлинную человечность, доброту и высокую нравственность. Именно это и происходит с Пипом, когда он выздоравливает не только от лихорадки, но и от того «осколка зеркала тролля», которое засело у него в глазу. Мир снова приобретает для него нормальные пропорции, и снова самыми высокими мерилами нравственности и доброты оказываются для Пипа Джо и Бидди, ибо именно они выполняют в романе функцию Герды – носительницы любви по отношению к Пипу.

Интересен и образ мисс Хэвишем. Еще Т. И. Сильман отмечала в своей книге о Диккенсе, что «криминально-авантюрная атмосфера романа усиливается еще сказочным элементом»[7], а атмосфера той части романа, где речь идет о мисс Хэвишем, «в значительной мере напоминает атмосферу какой-нибудь из сказок Андерсена, где герой попадает в таинственный замок, в котором живет старая волшебница и прекрасная, но жестокая принцесса»[8]. Вспомним портрет мисс Хэвишем. В этом портрете обращает на себя внимание обилие белого цвета. Мисс Хэвишем одета в подвенечное платье, белая фата, белые чулки, белые башмаки, один из которых вот уже двадцать лет лежит на столе возле ее руки, белые венчальные цветы и ко всему этому – белые, совсем седые волосы. И, несмотря на то, что «белое давно уже перестало быть белым, потеряло белизну и блеск, поблекло, пожелтело», что «невеста поблекла так же, как ее венчальные одежды и цветы», а платье, некогда сшитое «на стройные формы молодой

девушки, теперь висело, как мешок на ее фигуре, представлявшей собой кости, обтянутые кожей»[9], именно мисс Хэвишем – Снежная королева «Больших надежд». Да, Снежная королева Андерсена была молодой красавицей, а в лице мисс Хэвишем остались жить одни лишь глаза, и следы былой красоты едва угадываются в этом изменившимся за годы страданий лице, но властность и жестокая холодность – вот те отличительные качества, которые делают ее злой, а точнее бессердечной волшебницей.

Вспомним, что Снежная королева летала «белить» кратеры Везувия и Этны, заявляя, что «это полезно для лимонов и винограда»[10], и давала Каю играть со льдинками, чтобы развивать его ум. Мисс Хэвишем тоже совершает нечто подобное. С одной стороны, Эстелла играет с Пипом не столько для забавы, сколько с целью научиться лучше терзать человеческое сердце, так как, поскольку ее сердце, благодаря поцелуям мисс Хэвишем, превратилось в ледяное, у нее нет основания считать, что сердца других людей могут быть иными. Разбивать чужие сердца – вот чего требует мисс Хэвишем от Эстеллы. С другой стороны, губить снегом и льдом молодые зеленые побеги любви, этого весьма теплолюбивого растения, – вот вторая задача мисс Хэвишем. Именно ради этого она приглашает к себе в дом простого деревенского мальчика, рассчитывая отравить его зрелищем Эстеллы, а потом, проверив на нем ее злые чары, заплатить ему за услуги, сделав его подручным кузнеца, и припорошить снегом золота и презрения тоненькие ростки любви, выросшие в его сердце.

Однако, в отличие от Снежной королевы, мисс Хэвишем – человек, причем изначально она такая же жертва бесчеловечности, как и Кай. Следовательно, она не может быть абсолютно и безнадежно мертва для жизни. Главную задачу своего творчества Диккенс видел именно в пробуждении и оживлении человеческой души и совести. Заставить героя осознать свои ошибки – вот главный и решающий момент на пути регенерации его героев. У Снежной королевы Андерсена не могло быть подобных перспектив, ибо она была символом холодного, бездушного общества, тогда как безвинно наказанная мисс Хэвишем безмерно богаче Снежной королевы, ибо, будучи человеком, она могла понять свои ошибки и искупить их. Осознание это приходит к мисс Хэвишем горьким и страшным путем, но именно муки совести, как казалось, давно в ней умершей вместе со всеми другими человеческими чувствами, кроме тщеславной жажды мести, заставляют ее признать, что она украла у Эстеллы «сердце и на место его вложила кусок льда»[11] (характерно, что Диккенс и сам ипользует образы и метафоры Андерсена!). Именно они заставляют мисс Хэвишем броситься перед Пипом на колени и умолять его написать когда-нибудь под ее именем: «Я ее прощаю». И то, что Пип прощает мисс Хэвишем, без конца повторяющую в бреду: «Что я наделала!», показывает, что в конце пути Диккенс преображает свою Снежную королеву в страдающее человеческое существо, вновь научившееся сострадать другим и таким путем получившее ответное право на сострадание, человеческое участие и прощение, что подчеркивается еще одной параллелью между сказкой Андерсена и романом Диккенса. В начале сказки Кай говорит бабушке и Герде, что он посадит Снежную королеву на печку и она растает. Но эта задача Каю не под силу, ибо Снежная королева сильнее его: она всесильная идея мира, в котором ему предстоит жить. В отличие от нее мисс Хэвишем сама в конце своей жизни случайно падает в пламень камина, проходя таким путем в романе символическое очищение огнем. Полученные ожоги, приведшие ее, в конце концов, к физической смерти, содействуют возрождению ее души. Именно теперь, испытывая физические муки, она лучше понимает прошлые душевные страдания Пипа. В пламени камина сгорели не только пожелтелые подвенечные одеяния Снежной королевы романа, но случилось то, чего никогда не могло случиться со Снежной королевой сказки: она ожила. И Пип сыграл в этом процессе возрождения не последнюю роль, ибо среди жадных и своекорыстных людей, именовавших себя ее родственниками, мисс Хэвишем не увидела никого, кто сострадал бы ей как страдающему человеческому существу. Это истинное сострадание и сочувствие она нашла лишь в бывшем деревенском мальчике, которого сама заставила когда-то тяжко и безвинно страдать.

Снежная королева растаяла. Чары сказки распались. Жизнь жестокая и милосердная, в зависимости от того, поняли ли герои ее главную истину, заключающуюся, по Диккенсу, в том, что счастье – категория, имеющая и нравственный аспект, что нельзя ограничить мир лишь собственным благополучием, но нужно попытаться сделать и окружающих хоть немного счастливее, эта жизнь вступает в свои права и оказывается сильнее сказки. Она побеждает не только сказку о бессердечной

фее, но и печальную реальность жестокого и холодного мира и поет вечный диккенсовский гимн во славу умного и любящего сердца. И этот гимн тоже сближает роман Диккенса со сказкой Андерсена.

Если рассмотреть понятие художественного влияния в широком смысле, не только как влияние отдельных образов или эпизодов, но и как восприятие духа и идей произведения, то такого рода взаимовлияние между Андерсеном и Диккенсом проступает еще ярче. Это связано не только с аналогичными проблемами, выдвигаемыми эпохой и получившими у столь различных внешне, но близких по внутреннему восприятию мира художников аналогичное разрешение, но и близостью самого типа их талантов. Сказка, похожая на жизнь, или сказочная аллегория и жизнь, сгущенная до неправдоподобно-сказочных концентраций, как бы взаимодополняют друг друга, создавая не только грандиозное полотно современной жизни, но и пытаясь предложить собственные варианты и перспективы ее изменения и улучшения.

Примечания

1 Сильман Т. И. Диккенс: очерк творчества. Л., 1970. С. 308.

2 Андерсен Х.-К. Огниво: сказки и истории. М., 1974. С. 96.

3 Там же.

4 Там же. С. 118.

5 Там же. С. 116.

6 Leavis F., Leavis Q. Dickens the novelist. New York, 1970. P. 263.

7 Сильман Т. И. Указ. соч. С. 314.

8 Там же. С. 315.

9 Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М., 1960. Т. 23. С. 62.

10 Андерсен Х.-К. Указ. соч. С. 118.

11 Диккенс Ч. Указ. соч. Т. 23. С. 423.

СОЦИОЛОГИЯ

Sociology

УДК 323(470.23-25):316.4

С. В. Смаль

Государственный патернализм и политическая культура: региональная специфика на примере Санкт-Петербурга

Государственный патернализм можно назвать одной из непременных и ярких черт специфического проявления политической культуры, что с особой остротой можно проследить на примере города федерального значения Санкт-Петербург. Этот субъект Федерации интересен для исследования также и как уникальный с точки зрения реализации в нем различных социальных программ: с одной стороны, более 67 % населения города требуют оказания различного вида помощи, с другой – именно разрабатываемая и осуществляемая в Санкт-Петербурге социальная политика является выражением патернализма, приводящего к увеличению видов социальной помощи.

Ключевые слова: государственный патернализм, политическая культура, социальная политика, социальные риски, социальная защита, государственные услуги, Санкт-Петербург как уникальный субъект управления

Svetlana S. Smal

State paternalism and political culture: Saint-Petersburg as an example of regional specificity

State paternalism can be called one of the essential and prominent features of the specific manifestations of the political culture. This is particularly acute can be seen in city of Saint-Petersburg. This federal subject of interest for research as well as unique in terms of its implementation in a variety of social programs: on the one hand, more than 67 % of the population requires the provision of different types of aid, on the other – it is developed and implemented in Saint-Petersburg social policy is an expression of paternalism, which leads to an increase in the social assistance.

Keywords: state paternalism, political culture, social policy, social risks, social protection, government services, St. Petersburg as a unique subject of management

Санкт-Петербург – уникальный город и субъект Российской Федерации, являющийся, помимо общепризнанного, не только жемчужиной архитектуры, но и весьма специфичным объектом управления. Особую сложность управлению придает тот факт, что в Санкт-Петербурге проживает около 64 % реципиентов различных видов льгот, главным образом, пенсионеров по старости и инвалидов, всего же, по данным Петростата на 1 января 2013 г., население города составляет 4 953 219 человек[1], более того, 25 сентября 2012 г. в городе родился пятимиллионный житель.

Исторически пропорции тех, кто нуждается в специализированных мерах социальной поддержки, увеличивались. Начиная с 1959 г., на 1000 трудоспособных жителей приходились следующие пропорции нетрудоспособных: 1959 г. – 714 человек, из которых 512 были дети и 202 – пожилые; 1970 г. – 786 человек (511 детей и 275 пожилых); 1979 г. – 655 человек (385 детей и 270 пожилых); 1989 г. – 755 человек (430 детей и 325 пожилых); 1995 г. – 760 человек (404 ребенка и 356 пожилых); 2000 г. – 686 человек (336 детей и 350 пожилых); 2001 г. – 663 человек (320 детей и 343 пожилых); 2005 г. – 648 человек (306 детей и 342 пожилых); 2010 г. – 629 человек (292 ребенка и 337 пожилых). В региональном разрезе данный коэффициент представлен перевесом жителей старших возрастов над численностью населения в дотрудоспособном возрасте в 50 российских регионах. Наибольший перевес в 2010 г. наблюдался в Тульской области и Санкт-Петербурге – 1,8 раза. К 2025 г. пожилое население будет составлять 29 % жителей Санкт-Петербурга. Необходимо заметить, что старение является, на наш взгляд, глобальной проблемой человечества, которой, к сожалению, не уделяется необходимое количество внимания, что в самом ближайшем будущем может привести к негативным проявлениям в планетарном масштабе, затронув практически все государства, за исключением большинства расположенных на африканском континенте стран.

Данное обстоятельство накладывает существенные ограничения на Российскую Федерацию как на государство, которое в Санкт-Петербурге вынужденно реализует многочисленные функции социального обслуживания, что неизбежно приводит к патернализму в различных областях, в том числе и в сфере культуры.

Социальная защита населения, на наш взгляд, является непременной функцией современного государства, однако эволюция данного явления в том виде, который привычен нам на сегодняшний день, насчитывает как минимум столетие. На протяжении всего этого времени граждане боролись за свои социальные права, постепенно добиваясь от субъекта управления все бо́льших и бо́льших выплат, разработки и реализации программ, при этом и сами непосредственно участвовали в процессе принятия и реализации подобных политических решений.

Отправной точкой оказания социальной помощи населению в привычном для нас виде можно считать 1601 г., когда в Англии был принят закон «О бедности», явившийся грамотным управленческим ходом стоящей на пороге вечности королевы Елизаветы I. Данный акт позволил сразу решить несколько насущных проблем, в том числе повысить уровень легитимности новообразованной англиканской церкви, которая остальной Европой расценивалась исключительно как еретическая, и эти настроения неизбежно передавались и части британских граждан, что неизбывно и по сей день можно проследить в отношении британских католиков. Также в рамках реализации «Закона о бедности» была проведена перепись и аналитическая обработка населения, выделены нуждающиеся категории, которым предписывалось отрабатывать на государство определенные повинности, нечто аналогичное госзаказу – это потом привело к образованию работных домов, где условия труда были ничуть не лучше кабалы и рабства, но за это с неимущих снимались налоги, и их дети обязательным образом получали образование в новообразованных церковных приходах.

Дальнейшая эволюция социальных услуг, предоставляемых государством, отражает эволюцию политической культуры и выражается в развитии института социального страхования государства. Предоставление государствами элементов социальной защиты в виде социального страхования по годам показано в таблице:

Страна	**Несчастный случай на производстве**	**Медицинское обслуживание**	**Пенсионное обеспечение**	**Пособия по безработице**	**Семейные пособия**
Австралия	1902	1945	1909	1945	1941
Австрия	1887	1888	1927	1920	1921
Германия	1871	1883	1889	1927	1954
Дания	1898	1892	1891	1907	1952
Канада	1930	1971	1927	1940	1944
Италия	1898	1886	1898	1919	1936
Нидерланды	1901	1929	1913	1916	1940
Новая Зеландия	1900	1938	1898	1938	1926
Норвегия	1894	1909	1936	1906	1946
Финляндия	1895	1963	1937	1917	1948
Франция	1898	1898	1895	1905	1932
Швеция	1901	1891	1913	1934	1947

Как мы видим, сроки, скорость и приоритетность введения тех или иных социальных пособий различаются, и достаточно серьезно, что предопределялось не только экономическими, но и социально-политическими факторами, такими как политические идеалы правящей верхушки, доминирующие настроения в обществе, осознание остроты социальных проблем, болезненность социально-классовых противоречий и тому подобное, а также степенью участия граждан в процессе принятия политических решений и большей или меньшей степенью патернализма, присущего в той или иной мере всем государствам. В целом, к началу 1970-х гг. практически все население большинства европейских государств уже подпадало под систему социального обеспечения.

Как представляется, все вышеописанные действия должны были в конечном итоге привести к одному следствию – к снижению остроты и уменьшению проявлений социальных рисков. Именно наступление социальных рисков делает одних граждан ущемленными по отношению к другим, поэтому их можно объявить ключевыми элементами как в рассматриваемой нами теме, равно как и в социально-политической практике

в целом. Определим виды социальных рисков и их проявления:

Социальные риски	Формы проявления
Экономические	Безработица
Физиологические	Рождение, старость, смерть, беременность и роды, временная и стойкая утрата трудоспособности
Производственные	Трудовые увечья, профзаболевания
Демографические	Многодетность, неполная семья, сиротство

Характерными признаками, позволяющими называть определенные события, происходящие в жизни человека, социальным риском, служат:

– обусловленность экономической системой и общественной организацией труда;

– имущественные последствия в виде утраты дохода от трудовой деятельности или внутрисемейного содержания, а также дополнительные расходы на нетрудоспособных членов семьи.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство социальных рисков носит неизбежный характер, и мы можем констатировать заинтересованность государства и общества в смягчении и преодолении этих последствий.

В целом, степень развития системы социального обслуживания зависит от уровня социально-экономического развития государства, накопленного национального богатства и принципов его распределения, от уровня развития человеческого потенциала, от создания и реализации оптимальных механизмов социального обслуживания. Вместе с тем все указанные факторы зависят от системы социального обслуживания как одной из сфер воспроизводства социума. В Санкт-Петербурге данная схема работает благодаря тому, что в региональном бюджете имеется достаточное количество средств и ресурсов, а также присутствует особая культура, характеризующаяся высокой степенью патернализма.

Касаясь последнего заявленного феномена, представляется важным обрисовать специфические черты российского патернализма как устоявшегося социального явления политико-культурного характера.

1. «Советско-большевистский», с одной стороны, и православно-самодержавный, с другой стороны, патернализм в России имеет однозначно трактуемую добровольную направленность, которая приводит зачастую к полной ресурсной зависимости объекта управления. Для субъекта управления данная ситуация может расцениваться как выгодная, так как посредством увеличения затрат на различные социальные программы деятельностное начало граждан, являющихся реципиентами льгот, минимизируется, и политическая культура остается в рамках той модели развития, которая является главенствующей на нынешнем этапе развития, а именно парохиально-подданическая с небольшой долей участия. Необходимо оговориться, что описанная модель отношений будет весьма экономически затратной и, соответственно, может быть реализована только при благоприятном варианте общего экономического развития страны. Также при данной модели только государство, являясь в России главным субъектом управления, инициирует различные и многообразные программы социального обеспечения и социальной помощи, чем может загнать себя в сложно преодолеваемую ловушку: как обеспечить граждан все бóльшим набором социальных благ, не увеличивая при этом налогов?

2. Сложившийся в России патернализм закрепляет государство в качестве носителя идеологии, фиксирующей оправдание подчинения в качестве единственного одобряемого и разрешаемого властью паттерна поведения. Само по себе принятие любого решения может нанести непоправимый вред тому, кто берет на себя риски поименованное решение принять, поэтому только государство берет на себя все стадии – от разработки до реализации – в принятии решений.

3. Патернализм в России «страдает» от закрепленных особенностей политической культуры и менталитета, таких как:

– «блокадное сознание» – ожидание, а иногда и уверенность в неизбежной агрессии со стороны «внешнего врага», замещение образа «другого» на образ «врага», что неизбежно ведет к сложностям как в межличностной коммуникации, так в межинституциональном взаимодействии;

– «ханжеская десексуализация»[2] – исключение из обсуждения, а также литературного или иного творчества всего, что связано с физиологическими аспектами сексуальности человека, однако то, что пришло на смену полному запрету в начале 90-х гг. XX в., едва ли можно назвать лучшей альтернативой;

– «социальная ксенофобия» – враждебное отношение к классовому врагу, к которому в разное время относили дворянство, меньшевиков, эсеров, олигархов и т. д., подтверждаемое упоминаемым выше замещением образов.

Таким образом, мы можем констатировать высокую степень влияния государственного патернализма на политическую культуру современной России. Конечно, обновленческие тенденции становятся заметны даже в такой консервативной сфере, как культура, и это связано с проникновением в повседневную жизнь высокотехнологичных приспособлений, привносящих элементы публичности в ранее закрытую сферу политического коммуникативного взаимодействия.

Далее коротко остановимся на региональной специфике Санкт-Петербурга.

Как заявлялось в начале статьи, один из двух городов федерального значения отягощен большой «социальной нагрузкой», что приводит к неизбежному росту патерналистических ожиданий среди населения.

Региональные власти сами также участвуют в данном процессе, инициируя и реализуя такие законопроекты, как, например, «Социальный кодекс Санкт-Петербурга».

В преамбуле рассматриваемого законодательного акта указывается, что данный «кодекс регулирует отношения, связанные с реализацией полномочий Санкт-Петербурга в сфере предоставления социальной поддержки, социального обслуживания и оказания социальной помощи населению Санкт-Петербурга, а также иные связанные с ними отношения»[3] – и этот закон представляет собой не что иное, как очередное увеличение степени патернализма. Однако данная законодательная инициатива требует более детального рассмотрения, так как очевидно, что принятие подобных законов характеризует, главным образом, политическую культуру города.

Так, в «Социальном кодексе» прописаны и суммы выплат всем категориям населения, и реципиенты социальной поддержки – всего 33 категории, в том числе и так называемые «федералы», и 23 различных вида предоставляемой социальной помощи, а также указаны правила индексации размера ежемесячной денежной выплаты (путем умножения размера ежемесячной денежной выплаты на индекс потребительских цен). Можно даже проследить предельные размеры денежных компенсаций, которые предлагает город своим гражданам: максимум 54 602 рубля 77 копеек ЕДВ выпускникам-сиротам при условии непродолжения ими обучения в высших учебных заведениях. Помимо этого, еще выплата предусматривается представителям данной категории, т. е. «выпускникам образовательных учреждений, находящихся в ведении исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга, из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за исключением лиц, продолжающих обучение по очной форме в образовательных учреждениях профессионального образования»[4], в виде единовременного денежного пособия, размер которого равен трехкратному размеру государственной социальной стипендии, «установленной обучающимся государственных образовательных учреждений начального профессионального образования, находящихся в ведении исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга»[5] (ст. 9, п. 6). Минимальной прописанной в кодексе выплатой является выплата «педагогическим работникам государственных образовательных учреждений»[6], им «предоставляется ежемесячная денежная компенсация на приобретение книгоиздательской продукции и периодических изданий в размере 100 рублей»[7] (ст. 41, п. 4).

Уделим малую толику внимания ходу рассмотрения и принятия исследуемой законодательной инициативы, который был весьма скоротечен. Так, 23 июня 2011 г. фракция партии «Единая Россия» внесла законопроект на рассмотрение, а уже 29 июня 2011 г. законопроект был принят за основу в первом чтении. К чести парламентариев Санкт-Петербурга, следует отметить, что «Социальный кодекс» не постигла судьба скоропалительного и молниеносного принятия Федерального закона № 122 от 22. 08. 2004, в просторечье известного как «Закон о монетизации льгот»[8], первое слушание которого состоялось 2 июля 2004 г., а окончательно был принят этот колоссальный 400-страничный пакет Государственной Думой 5 августа того же года, уже через три дня был одобрен Советом Федерации и 22 августа подписан президентом РФ.

Второе чтение по законопроекту «Социального кодекса» состоялось уже осенью, 12 октября 2011 г., за время летнего перерыва в труде парламентариев работа над указанным сводом законов продолжалась. Юридическое управление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга внесло многочисленные поправки в изначальный текст[9], также «Единая Россия» в предвыборный период организовала раздачу брошюр с текстом будущего «Социального кодекса», приглашая, таким образом, население к диалогу и полноценному участию в законодательном процессе.

Как представляется, дискуссия по принятию изменений и поправок в законопроект могла бы быть более оживленной, если бы подавляющее большинство будущих получателей льгот не находилось бы в отведенное для дебатов время на своих дачных участках, поскольку о таком факторе, как сезонная миграция пенсионеров, субъ-

екту, принимающему решения, давно известно. Этот факт было несложно принять во внимание, что, кажется, и было сделано Администрацией Санкт-Петербурга.

Споры в сети Интернет тоже не нашли широкого распространения и не привели к серьезным результатам – опять же это можно связать с адресными группами реципиентов социальных выплат и льгот. Ситуация же с общенародной реакцией на принятие 122 Федерального закона «О монетизации льгот» в 2005 г. была совершенно иная – полное включение всех сегментов гражданского общества, от молодежных радикальных политических организаций до объединений блокадников, ветеранов и инвалидов, отличающихся известной долей патернализма и терпимого отношения к государству в целом. Так, в январе 2005 г., с 10 по 13 число, в Санкт-Петербурге сложилась уникальная ситуация системного взаимодействия, когда граждане смогли отстоять свои права на получение некоего минимума социальных выплат, а власти пошли на компромисс, предоставив гарантии льготникам на сумму, равную стоимости месячного проездного билета, независимо от того, к федеральной или региональной категории данный реципиент относился.

Тем временем, 9 ноября 2011 г. по законопроекту «Социального кодекса» состоялось голосование, завершившееся убедительной победой здравого смысла над партийными предпочтениями: «за» высказалось 34 депутата, «против» и воздержавшихся не было[10]. 22 ноября «Социальный кодекс» был подписан губернатором Санкт-Петербурга, и с 1 января 2012 г. его положения вступили в силу.

Ниже предпримем попытку сравнения двух законодательных актов[11], регулирующих социальную сферу, и также попробуем определить степень влияния их на патерналистические ожидания граждан:

Параметр сравнения	**Социальный кодекс**	**ФЗ № 122 от 22. 08. 2004**
Вступил в силу	01. 01. 2012	01. 01. 2005
Ход принятия	Публичные дебаты, учет множества поправок и мнений экспертов	Скоротечное принятие не до конца подготовленного пакета документов
Структура и объем	4 раздела, 31 глава, 95 статей	Без разделов, 156 статей, содержащих множество пунктов и подпунктов, например, 112 в ст. 156.
Перечень реципиентов	Категорий льготников – 33 пункта (ст. 5); Различные виды предоставляемой социальной помощи и поддержки – 23 наименования (ст. 6)	Все льготники разделены на две категории – федерального бюджета и регионального. Федералы – социально убывающие категории, например, инвалиды, ветераны Великой Отечественной войны, ликвидаторы аварий с выбросом радиации, регионалы – социально прибывающие категории, в т. ч. пенсионеры, ветераны труда, граждане, награжденные знаком «почетный житель» региона.
Доступность и четкость изложения	Текст рассчитан на получателей льгот, использованный юридический язык примитивен	При первом ознакомлении с текстом появляется необходимость во втором и в третьем: так как в законе речь идет, главным образом, об изменениях существующих актов, необходимо использовать и их. Закон чрезвычайно сложен для восприятия.
«Обратная» связь и реакция граждан	Осуществлена в рамках закона, наблюдалось социально одобряемое участие граждан	Как таковая отсутствовала, реакция граждан повсеместно носила ярко выраженный негативный оттенок, в некоторых субъектах Федерации были зафиксированы смертельные исходы среди граждан (СПб.) и факты возбуждения против них уголовных дел (Московская область).
Степень патернализма	Возрастающая – реализация положений кодекса приводит к увеличению степени зависимости от государства в сфере социального обслуживания и социальной защиты	Убывающая – закон направлен на увеличение степени самостоятельности граждан в социальной сфере и подразумевает постепенный переход к самостоятельному социальному обеспечению.

На наш взгляд, принятие и реализация подобного рода «Социальных кодексов» напрямую связана с реализацией одной из девяти задач административной реформы в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25. 10. 2005. № 1789-р[12], и можно констатировать, что именно эта провозглашенная задача – повышение качества и доступности государственных услуг – одна из успешно решенных. Доступность воплощается также путем введения в работу Многофункциональных центов предоставления государственных услуг (МФЦ), расположенных в каждом районе города и работающих с 9. 00 до 21. 00 без обеда и выходных. Таким образом, граждане, нуждающиеся в оказании социальной помощи, могут в удобное для них время получить все необходимые услуги, всевозможных видов которых насчитывается 613 единиц, из этих 613 307 реализуют меры, подробно описанные в «Социальном кодексе» города.

Иновационность предоставления социальных услуг населению в МФЦ реализована по уже давно и безотказно действующем в странах развитой демократии принципу «Одного окна».

Принцип «Одного окна» при предоставлении государственных услуг предусматривает исключение или максимально возможное ограничение участия заявителей (граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в процессах сбора из разных инстанций и предоставления в разные инстанции различных документов и справок, подтверждающих права заявителей на получение государственных услуг.

Основными целями реализации принципа «Одного окна» являются:

1) упрощение процедур получения гражданами и юридическими лицами государственных услуг и сокращение сроков их предоставления;

2) повышение комфортности получения гражданами и юридическими лицами государственных услуг;

3) сокращение количества документов, предоставляемых заявителями для получения государственных услуг;

4) исключение личных контактов заявителей с должностными лицами, принимающими решение о предоставлении (отказе в предоставлении) государственных услуг, таким образом достигается следующий пункт, а именно:

– противодействие коррупции и ликвидация рынка посреднических услуг, оказываемых в рамках предоставления государственных услуг коммерческими организациями на возмездной основе;

– унификация и автоматизация административных процедур предоставления государственных услуг на территории Санкт-Петербурга;

– повышение качества информационного обеспечения деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и подведомственных им организаций при предоставлении государственных услуг;

– повышение удовлетворенности получателей государственных услуг качеством их предоставления;

– повышение информированности населения о порядке, способах и условиях получения государственных услуг в Санкт-Петербурге;

– повышение прозрачности и подконтрольности деятельности должностных лиц исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга и подведомственных им организаций при выполнении государственных функций и административных процедур в процессе предоставления государственных услуг[13].

Так, мы видим, что многофункциональные центры предоставления государственных услуг в Санкт-Петербурге представляют собой действенные и давно ожидаемые комплексы, которых давно не хватало городу и польза от использования которых для такого уникального субъекта Федерации является значительной.

В заключение заметим, что государственный патернализм можно считать своеобразным фундаментом, укоренившимся в российской политической культуре, а специфика его проявления в Санкт-Петербурге заключается в обоюдной заинтересованности увеличения степени патернализма как объектом, так и субъектом управления, что объясняется чрезмерным количеством реципиентов социальных выплат и незрелостью структур гражданского общества, а также большей инновационностью в усправлении и монетарной достаточностью, чем в других субъектах Российской Федерации.

Примечания

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат): офиц. сайт. СПб., 1999–2013. URL: http: // petrostat. gks. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

[2] Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: Пер Сэ, 2007. С. 217.

[3] Социальный кодекс Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 9 нояб. 2011 г.: с изм. на 17 июля 2013 г. // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. СПб., 2001–2013. URL: http: // gov. spb. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"»: федер. закон от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ: принят Гос. Думой 5 авг. 2004 г., одобрен Советом Федерации 8 авг. 2004 г. // Рос. газ. 2004. 31 авг., спецвып. № 3565. URL http: // rg. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

[9] О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «Социальный кодекс Санкт-Петербурга»: проект закона Санкт-Петербурга / Комиссия по социал. политике и здравоохранению // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: http: // assembly. spb. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

[10] Законодательное Собрание Санкт-Петербурга: офиц. сайт. URL: http: // assembly. spb. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

[11] Социальный кодекс Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга: принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 9 нояб. 2011 г.: с изм. на 17 июля 2013 г. // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. СПб., 2001–2013. URL: http: // gov. spb. ru (дата обращения: 30. 09. 2013); О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"»: федер. закон от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ: принят Гос. Думой 5 авг. 2004 г., одобрен Советом Федерации 8 авг. 2004 г. // Рос. газ. 2004. 31 авг., спецвып. № 3565. URL http: // rg. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

[12] О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг.: распоряжение Правительства РФ от 25. 10. 2005 № 1789-р, ред. от 10.03.2009 // КонсультантПлюс: региональное законодательство: некоммерч. интернет-версия системы КонсультантПлюс. URL. http: // consultant. ru (дата обращения: 30. 09. 2013).

[13] Подробнее см.: Многофункциональные центры предоставления государственных услуг // Портал государственных и муниципальных услуг Санкт-Петербурга. СПб., 2007–2013. URL. http: // gu. spb. ru (дата обращения: 26. 09. 2013).

УДК 316.2

П. И. Рысакова

Локальные социологии в условиях глобализации: политика и наука[1]

Настоящая статья посвящена анализу современной дискуссии, посвященной проблеме локализации социологического знания. Рассмотрены основные позиции, обозначены проблемы развития социологии в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, социология, локальные школы

Polina I. Rysakova

Local sociologies under globalization: politics and academic scholarship

The present article is devoted to the ongoing discussion on the localization of sociological knowledge. The main points of this discussion are analyzed, as well as problems and perspectives of local sociological schools under the globalization process.

Keywords: globalization, sociology, local schools

Современные тенденции глобализации, охватывающие различные сферы жизнедеятельности общества, ставят перед исследователями и практиками образования сходные вопросы и проблемы. Проведение международных конференций и осуществление совместных исследовательских проектов позволяет ученым из разных стран обмениваться опытом и обнаруживать многочисленные точки соприкосновения. Все чаще можно слышать призывы к консолидации усилий в исследованиях актуальных проблем современности и содействовать тем самым развитию глобальной социологической науки, не имеющей границ. Безусловно, ученых из разных стран объединяет единство принятых теоретических подходов, методология исследования и магистральные проблемы в исследованиях. Однако можем ли мы говорить о сложении так называемой глобальной социологии, не признающей национальных границ, либо социология развивается все-таки в рамках национальных/региональных школ?

Следует отметить, что дискуссия о проблеме универсальности социологического знания и его возможных локальных вариантах активно разворачивается в мировом социологическом дискурсе начиная с 1980–1990-х гг. и вплоть до настоящего времени. Обсуждение этой темы было инициировано и поддерживается сейчас различными международными организациями, в первую очередь Международной социологической ассоциацией (МСА) (ISA) и ЮНЕСКО. В течение нескольких десятилетий под эгидой МСА был реализован ряд проектов, посвященных анализу интернационализации социологии и сложения национальных социологических традиций.

Начало изучения локальных школ было положено коллективной монографией под редакцией Н. Генова[2]. Существенный вклад в развитие темы внесло масштабное многотомное исследование «Социальное знание: наследие, вызовы, перспективы», включавшее аналитические обзоры социологических традиций десяти регионов мира и суммировавшее результаты работы целой серии соответствующих региональных конференций, проведение которых было инициировано президентом МСА И. Валлерстайном накануне XIV Всемирного социологического конгресса в 1998 г.[3] Обзор современного состояния развития локальных социологических школ представлен в отдельном монографическом исследовании «Справочник МСА по различным социологическим традициям»[4]. Следует отметить, что актуальность проблемы глобализации социологии не снижается и в настоящее время, о чем свидетельствуют проведение конференций и подготовка специальных докладов, как например, конференция «Лицом к неравному миру: вызовы глобальной социологии», организованная МСА в 2009 г., а также доклад, подготовленный Международным советом по социальным наукам ЮНЕСКО в 2010 г. и посвященный выявлению специфики локальных социологических школ[5].

Особенность настоящей дискуссии, насчитывающей уже несколько десятилетий, определяется тем фактом, что в фокусе ее оказывается осмысление статуса национального государства как основного агента формирования локальной социологической школы. В силу этого обсуждение данной проблемы разворачивается преимущественно между двумя полярными точками зрения относительно роли национального государства в развитии социальных наук в условиях нарастающей глобализации.

Одна из позиций представлена в работах

преимущественно западных социологов, в частности У. Бека. Так немецкий социолог указывает, что одним из следствий глобализации и вызываемых ею интенсификации обменов и контактов становится нарастающее несовпадение между границами политических, экономических, культурных, научных процессов и рамками национального государства. По мысли Бека, размывание грани между национальным и интернациональным ставит под сомнение адекватность применения традиционной социологии для изучения современных социальных процессов в силу присущего ей принципа «методологического национализма». Данный принцип «методологического национализма» объясняется Беком как принимаемое по умолчанию предположение о национальном как регуляторе социальных процессов и изначальном фокусе рассмотрения экономических, политических и социальных процессов. Напротив, изучение глобализирующейся реальности предполагает выстраивание социологического знания на иных позициях, а именно принципе «методологического космополитизма», предполагающего отказ от строгих бинарных оппозиций, допущение инаковости и полиполярности[6].

Следует отметить, что предложение Бека, несмотря на озвучиваемые им призывы отказаться от европоцентризма социологической теории и критериев оценки незападных обществ, было весьма прохладно встречено как раз теми неевропейскими социологами, к которым такой призыв и мог быть обращен. Именно неевропейские социологи в своем большинстве разделяют совершенно иную позицию относительно проблемы развития национальных социологических школ. Наиболее отчетливо эта позиция артикулирована малазийским социологом Сайд Фарид Алатасом (Syed Farid Alatas), многочисленные публикации которого посвящены проблеме развития уникальных национальных социологических школ[7].

Развивая критику европоцентризма мирового социально-гуманитарного дискурса, начатую Э. Саидом, Алатас в своих рассуждениях концентрируется на проблеме доминирования западных (евро-американских) концепций и моделей анализа реальности. Интеллектуальное преобладание западных социологических концепций и теорий он рассматривает в более широком контексте осмысления глобального социально-экономического и политического неравенства, существующего между европейскими странами и остальным миром, или, в терминологии геополитики, между Севером и Югом. Повсеместное утверждение теории и методологии европейской социологии как стандарта дисциплины Алатас называет «академическим империализмом» по аналогии с империализмом экономическим и политическим[8]. Влияние таких социологических супердержав, как США, Великобритания и Франция, на мировой научный дискурс обеспечивается за счет численного преобладания публикаций западных ученых в ведущих цитируемых профильных журналах, повсеместного распространения концепций и идей, изложенных в публикациях, получивших признание и авторитет, утверждения европейской системы образования. Роль неевропейских стран в мировом социологическом дискурсе Алатас расценивает, апеллируя к теории зависимости, разработанной в 1950–1960 гг. латиноамериканскими мыслителями. Неевропейские социологи оказываются в зависимом положении, поскольку исследовательская повестка дня, центральные проблемные области дисциплины, а также методология исследования и критерии оценки исследования задаются преимущественно социологами Севера[9]. Доминирование западных социологов объясняет, по мысли Аталаса, и специфическое разделение труда, существующее в мировой социологии. Исследования теоретического характера, как правило, выполняются представителями социологических супердержав. Они же осуществляют бóльшую часть сравнительных исследований, выбирая объектом для изучения не только страну собственного происхождения, но и иные регионы, представляющие для них интерес. Напротив, социологи неевропейского происхождения преимущественно концентрируются на эмпирических исследованиях, содержание которых ограничено локальным контекстом[10].

Выход из сложившейся ситуации Аталас видит, и в этом заключается его принципиальная позиция, в освобождении от так называемого «плененного сознания» (captive mind) – особого взгляда на мир, порожденного европеизированным образованием, для которого характерно некритическое восприятие западной интеллектуальной традиции, принятие свойственных для нее теоретико-методологических установок. Это как раз и препятствует развитию оригинального мышления и формированию самостоятельной позиции в постановке и решении исследовательских задач[11]. Иными словами, Аталас выступает за принципиальную возможность разработки оригинальной не евро-американской по своему происхождению социологической теории, которая с необходимостью опирается на эндогенные философские и эпистемологические традиции и учитывает социокультурные особенности реальности незападных обществ, на изучение которых она направлена.

Отметим, что Аталас не только выдвигает тезис о возможности иной неевропейской социологии, но и предпринимает попытки раз-

работать основной каркас такого рода теории, апеллируя, в частности, к сочинениям мыслителей мусульманского мира[12].

Оставляя в стороне дискуссию об универсальности социологического знания и социокультурной обусловленности критериев рациональности и научного знания, следует подчеркнуть, что призыв Аталаса разделяется многими исследователями из неевропейских стран, хотя и в менее радикальной интерпретации. Уже начиная с 1960–1970-х гг. и по сути вплоть до настоящего времени одной из центральных тем в социологической дискуссии Латинской Америки, Южной и Восточной Азии выступает проблема так называемой «локализации» социологического знания. В фокусе внимания оказываются вопросы некритического восприятия теоретико-методологического инструментария западной социологии, ограниченность его адекватности и применимости для изучения конкретных специфических условий отдельных стран. Наибольшее обсуждение вызывает проблема локализации собственно социологической теории, интерпретируемой весьма свободно как адаптация и уточнение теоретико-методологического инструментария западной социологии или как разработка принципиально иной, оригинальной социологической теории, выстраиваемой на философско-эпистемологических традициях того или иного общества.

Несомненно, дискуссия о локализации социологического знания выступает важной составляющей процесса институционализации социологии как исследовательской дисциплины в научном сообществе той или иной страны. Однако обращает на себя внимание тот факт, что эта, на первый взгляд, научная проблема зачастую обретает также и идеологическое звучание, будучи рассмотренной уже в перспективе реализации социально-экономических и политических проектов национального строительства. Ярким примером здесь может послужить специфика обсуждения перспективы развития национальной социологической школы среди восточно-азиатских ученых и их ближневосточных коллег. Так, в КНР и Иране общий контекст дискуссии задается признанием общемирового доминирования западной социологии и констатацией свойственного ей европоцентризма. Основной вектор развития социологической школы, по мысли исследователей, должен быть направлен на усиление ее локального компонента – совершенствование теоретико-методологического инструментария, адекватного для изучения специфических условий данного общества. Проект локализации социологии такого рода направлен на решение не только сугубо научных проблем, но и идейно-политических – презентации самостоятельного творческого потенциала национальной социологической школы и ее признания в международном научном сообществе, преодоление доминирования западной социологической теории[13].

Несмотря на остроту дискуссии о перспективах развития национальных социологических школ и разнообразие представленных точек зрения, в мировом социологическом сообществе уже утвердилась достаточно определенная позиция по этому вопросу. Согласно ей, следует говорить о едином ядре социологической теории, обладающей высокой степенью универсальности, но допускающей локальные интерпретации в зависимости от конкретных условий отдельного национального сообщества. Как показывает анализ тематических сборников, подготовленных МСА, освещающих варианты локальных социологических традиций, для большинства исследователей критерием для выделения отдельной социологической школы выступает наличие национального государства, экономическая, политическая и идеологическая деятельность которого в конечном счете определяет судьбы развития социологии в той или иной стране[14].

П. Штомпка, конкретизируя этот тезис, выделяет несколько дополнительных показателей, наличие которых позволяет говорить о специфике национальной социологической школы. К таким показателям польский социолог относит доминирование центральной темы исследования, обусловленной конкретными условиями отдельной страны; отчетливую теоретико-методологическую ориентацию; особенности институционализации социологии как научной и учебной дисциплины, специфику организации исследований и идеологические рамки научного поиска, сложившиеся междисциплинарные связи между социологией и смежными социогуманитарными дисциплинами, стилистические особенности языка изложения. В то же время, социолог указывает, что глобализация науки, сложение международного научного сообщества, регулярные и интенсивные научные обмены, охватывающие исследователей из разных стран, утверждение английского языка как языка международного научного общения размывают относительно отчетливые критерии различия между национальными социологическими школами. Не ставя под сомнение универсализм социологического знания, Штомпка тем не менее признает наличие локальных интерпретаций социологической теории. Наиболее перспективным для развития социологического знания ему видится утверждение «интернациональной социологии, признающей локальные варианты»,

нежели дискуссии об «одной социологии для одного мира» или «разных социологиях для одного мира»[15].

Иными словами, проблема развития национальных социологических школ осмысляется по преимуществу с позиции локальной рецепции теоретического ядра западной социологии. Отметим, что представленные в разнообразных тематических сборниках обзоры национальных социологических школ по сути подтверждают данную перспективу рассмотрения. Освещение особенностей той или иной локальной школы, как правило, исчерпывается кратким очерком социально-экономических и политических, идеологических условий конкретной страны, экскурсом в историю освоения западных социологических концепций и развития научно-исследовательских и образовательных центров, перечислением центральных фигур социологов, признанных в данном сообществе, и наиболее актуальных направлений исследований. При этом необходимо иметь в виду, что вклад локальных школ в развитие социологии как научной дисциплины расценивается весьма по-разному. Так, Н. Генов, возглавлявший один из ранних проектов изучения национальных социологических традиций, выделял так называемые «слабые» школы, исследовательская программа которых сугубо ограничена вопросами и проблемами национального контекста, и «сильные» школы, теоретические изыскания в которых стимулируют развитие мировой социологии[16]. Введенное Геновым различение локальных социологических традиций сохраняется вплоть до настоящего времени, стимулируя, как мы продемонстрировали выше, усиленный теоретический поиск среди представителей так называемых «слабых» школ.

Подытоживая наш краткий обзор современной дискуссии о национальных социологических школах, следует отметить, что на сегодняшний день говорить о локальных социологических традициях приходится преимущественно в перспективе анализа исторического процесса институционализации социологии в отдельном национальном сообществе – истории становления организационных рамок исследований, а также процесса рецепции и адаптации западной социологической традиции, вектор которого определялся особенностями внешнеполитической и идеологической стратегией национального государства. Призывы неевропейских социологов к самостоятельному теоретизированию и разработке принципиально иного теоретико-методологического инструментария не получили пока реальной практической реализации.

Необходимо подчеркнуть, что проблема локализации социологии, и особенно социологической теории, имеет прежде всего научную значимость. Теоретико-методологический инструментария, разработанный на европейском историко-культурном материале, зачастую оказывается малоприменим для изучения иных, незападных обществ. Однако в современном мире эта научная проблема обретает весьма отчетливое политико-идеологическое звучание, будучи осмысленной в контексте мировой научной и политической конкуренции.

Примечания

1 Статья подготовлена в рамках выполнения гранта МК-367.2013.6 (конкурс 2013 г.) по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук. При написании статьи были использованы материалы А. А. Осиповой, лаборанта научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород).

2 National traditions in sociology / ed. by Nikolai B. Genov; Bulgarian Academy of Sciences. London: Sage Publications Ltd, 1989. 256 p. (Sage Studies In International Sociology; vol. 36).

3 Social Knowledge: Heritage, Challenges, Perspectives: XIVe Congress Mondial de Sociololgie Monreal: pre-congress volumes: in 11 vol. / gen. ed. Maria Luz Morán; University Complutense (Madrid), Fac. of political sciences and sociology. Madrid, 1998. (ISA reg. conf.) // International Sociological Association (ISA): site. URL. http: // isa-sociology. org (дата обращения: 26. 09. 2013).

4 The ISA handbook of diverse sociological traditions / ed. by Sujata Patel. London: Sage Publications Ltd, 2010. 384 p.

5 Facing an unequal world: challenges for a global sociology / ed. by Burawoy Michael, Chang Mau-kuei, Hsieh Michelle Fei-yu. Taipei, 2010. 3 vol.; World Social Science Report. Paris: UNESCO Publications, 2010. 26 p.

6 Подробно см.: Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журн. социологии и социал. антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 24–53; The ISA handbook of diverse sociological traditions. P. 3.

7 Alatas S. F. Alternative discourse in Asian social science: responses to eurocentrism. New Delhi: Sage Publications Ltd, 2006. 226 p.; Alatas S. F. The call for alternate discourses in Asian social sciences // World Social Science Report. Paris: UNESCO Publications, 2010. P. 171–172.

8 Alatas S. F. Academic dependency and the global division of labor in the social sciences // Current Sociology. 2003. Vol. 51, № 6. P. 599–613.

9 Ibid. P. 602–603.

10 Ibid. P. 607.

11 Ibid.

12 См.: The ISA handbook of diverse sociological traditions.

13 Ibid.

14 Ibid. P. 56–57.

15 Ibid. P. 23–27.

16 Ibid. P. 2.

УДК 37.014:316.346.2

А. Е. Серова

Гендерные различия в образовании в контексте европейской либеральной демократии

Исторически в западной культуре существовало два основных подхода к гендерным различиям в образовании: консервативный и прогрессивный. Современный взгляд на гендерное равенство включает в себя равное отношение, позитивные действия и анализ политики, с точки зрения гендерных отношений. ЕС всячески поддерживает стратегию гендерного мэйнстрима – сознательные систематические попытки укоренить гендерное равенство в управлении и культуре.

Ключевые слова: образование, гендерное равенство, гендерный мэйнстрим, гендерный разрыв, результаты образования

Anna E. Serova

Gender differences in education in the context of European liberal democracy

Historically, there have been two main approaches to educational gender differences in Western cultures: 'conservative' and 'progressive'. The modern perspective on gender equality emphasizes equal treatment, positive action and gender sensitive policy analysis. The EU strongly promotes the strategy of gender mainstreaming – the consciously systematic attempt to embed gender equality in governance and culture.

Keywords: education, gender equality, gender mainstreaming, gender gap, education achievement

Исторически в западной культуре, основанной на принципах либеральной демократии, существовали два основных подхода к гендерным различиям в сфере образования. Первый, **консервативный**, подход заключается в том, что социальные и культурные различия между мужчинами и женщинами трактуются как биологические, естественные, а, соответственно, и неизменные. Во многих культурах и во многие периоды истории эта точка зрения не подвергалась сомнению и подкреплялась большим массивом литературы, подчеркивающей мужское превосходство. Так, например, в Великобритании XIX в. считалось закономерным существование четкого различия в гендерных ролях: мужчины ассоциировались с общественной сферой, а женщины – с частной. Публиковались так называемые «научные» работы, которые «доказывали», что, если женщины поступят в университеты, то пострадают их репродуктивные способности.

В XX в. консервативный подход, конечно, подвергся определенной трансформации, однако сохранилась основная идея, заключающаяся в том, что различия в поведении между полами «запрограммировано» врожденными биологическими различиями между мальчиками и девочками. Соответственно, мужчины физически сильнее, менее гибки, обладают бóльшими пространственными, математическими и техническими способностями и склонны видеть мир через призму предметов, идей и теорий. Женщины, в свою очередь, физически и психологически взрослеют раньше, более склонны к аффилиативному поведению и воспитанию, обладают более высоким уровнем вербальных способностей и видят мир через призму личностных, эстетических и нравственных оценок. Так, например, в книге К. Хатт «Мужчины и женщины» («Males and Females»), оказавшей в свое время значительное влияние на общественное сознание, утверждается, что женщины и мужчины различны по своей сущности и поэтому эти их характеристики не могут быть подвергнуты изменениям[1].

С консервативной точки зрения, образование рассматривается в качестве инструмента социализации и передачи знаний мальчикам и девочкам, позволяющим им войти в свои «естественные» роли мужчин (добытчиков, ориентированных на работу, глав семьи) и женщин (воспитывающих, заботящихся, ориентированных на семью).

Второй, **прогрессивный**, подход рассматривает социальные роли мужчин и женщин как нечто, в значительной степени сформированное под влиянием истории, культуры и общества и тем самым находящееся в процессе постоянного изменения в соответствии с изменениями самого общества. С этой точки зрения, женщины исторически занимали различные (обычно подчиненные позиции) потому, что западное и другие общества являются патриархальными, т. е. мужчины имеют власть над женщинами и по-

этому оказываются в положении, позволяющем им интерпретировать так называемые биологические различия с позиции стереотипов.

Особый акцент в рамках этого подхода делается на понимание гендерных или половых различий как культурного феномена, производного от доминирующих идей определенной эпохи или культуры. Образование здесь рассматривается в качестве инструмента создания представления о том, почему определенные различия между полами на определенных исторических промежутках времени трактуются как важные, и поощрения большего равенства между полами, а также противодействия дуалистическим и стереотипным представлениям.

Следует подчеркнуть, что концепции равенства и равных возможностей и их интерпретация также исторически и культурно претерпели определенные изменения. Равенство как цель образования является, главным образом, феноменом XX в. До этого образование рассматривалось как средство подготовки различных социальных групп к их положению в обществе (как лидеров, чиновников, рабочих или матерей). Р. Вуд[2] утверждает, что в XX в. сформировались четыре основных интерпретации концепции равных возможностей:

1) равные жизненные шансы;

2) открытое соревнование (конкуренция) за ограниченные возможности;

3) равное формирование различных способностей;

4) независимость успехов в учебе от социального происхождения.

По мнению Вуд, рассматривать образование как главный инструмент **равных жизненных шансов** неразумно, поскольку это требует в качестве предварительного условия ограждения учащихся от всех влияний вне школы, включая семейный доход и культурные ожидания. В обществе, где девочки и женщины не рассматриваются как равные мальчикам и мужчинам, у школ имеется мало возможностей компенсировать это и тем самым выровнять жизненные шансы девочек.

Открытая конкуренция за ограниченные возможности предоставляет преимущества тем, кто стартует с более благоприятных позиций (таких, например, как высокий семейный доход, культурная связь со школой). Быть девочкой может рассматриваться в качестве одного из таких преимуществ, поскольку девочки, как правило, лучше успевают в школе. Однако гендер не является единственным фактором, более того, как показывают многочисленные исследования, большее значение имеет уровень образование родителей или семейный доход[3].

Стремление обеспечить **равное формирование различных способностей** стало основанием для создания в Великобритании в середине XX в. системы отбора 11+, в рамках которой на основе тестирования учащихся отправляли в грамматические, центральные/технические или средние современные школы (или в Шотландии, младшие и старшие средние школы). Утверждалось, что это система дает возможность ученику получить максимальную пользу от типа школы, соответствующего в наибольшей степени его интеллектуальным способностям. Однако в реальности эти школы имели различный статус и тем самым в различной степени могли гарантировать своим ученикам шансы на жизненный успех.

Равенство возможностей как средство **отделения успехов в учебе от социального происхождения** является, по мнению Вуд, наиболее предпочтительным вариантом, однако так же трудно достижимым. Одна из стратегий, упоминаемых Дором[4], – сделать неравенство таким заметным, что введение компенсаторных мер начинает рассматриваться как императив – и действительно именно это стало основой для проведения политики равных возможностей в европейских странах начиная с 1970-х гг. При этом в виду имелась, главным образом, социально-классовая принадлежность учащихся. Однако оставалось непонятным, «каким образом мы можем развивать то, что еще только должно быть, тем более развивать это в равной степени у всех людей?»[5]. Так, например, в случае с экзаменом 11+ в Великобритании приоритет отдавался потенциалу над уже достигнутым успехом. Хотя мальчики хуже сдавали тесты, в привилегированные школы отбиралось одинаковое число мальчиков и девочек, поскольку считалось, что мальчики имеют больший потенциал в будущем (с точки зрения образования, экономических и социальных успехов), чем девочки.

Другой взгляд на равенство возможностей берет за основу трехмерную категоризацию: формальные возможности, реальные возможности и результаты[6].

Под **формальными возможностями** понимаются структурные возможности доступа и участия в образовательном процессе, т. е. то, что все учащиеся имеют равное право на получение образования. **Реальные возможности** зависят от формальных возможностей, однако к ним добавляются другие факторы, такие как семейное происхождение, ориентация школы или качество обучения. **Результаты образования** рассматриваются как наилучшие показатели для оценки реальных возможностей, тех, которыми могли воспользоваться и воспользовались. Холси и его

коллеги утверждают, что сравнительно легко судить об относительных достоинствах групповой и индивидуальной справедливости на философском уровне. Однако проблема заключается в способности любой системы гарантировать равенство между группами.

Третий, более современный подход к гендерному равенству подчеркивает три основополагающих момента[7]. Во-первых, **равное отношение** базируется на недискриминационных практиках, но при этом не означает ни равных стартовых позиций, ни равных результатов. Во-вторых, **позитивные действия** включают в себя инициативы, программы и проекты, направленные на то, чтобы нейтрализовать трудности, испытываемые женщинами, которые не позволяют им догнать мужчин. Наконец, анализ политики, с точки зрения гендерных отношений, или «**гендерный мэйнстрим**» представляет собой сознательные систематические попытки укоренить гендерное равенство в управлении и культуре[8]. Стратегия гендерного мэйнстрима всячески поощряется Европейским Союзом. В нее входит широкий спектр действий – от снятия ограничений с попыток установления равенства до реализации на практике специальных мер по помощи женщинам (и мужчинам). Она включает в себя мобилизацию всех политических действий и средств для достижения равенства путем открытого и активного анализа на этапе планирования всех возможных последствий влияния на положение мужчин и женщин (гендерная перспектива). Это означает систематическое исследование средств и политических решений и учет такого рода последствий при определении и реализации соответствующей политики[9].

Таким образом, цели, которые должны быть достигнуты благодаря гендерному мэйнстриму в образовании, включают в себя гендерное равенство при зачислении на учебу и ее окончании, структурное равенство внутри учительской профессии и обращение к гендерным стереотипам в школьной программе и профессиональной подготовке учителей.

Термин «равенство» до определенной степени также подвергается некоторой интерпретации при сравнении с понятием гендерной справедливости. В документах ЮНЕСКО между этими двумя понятиями практически не делается особого различия. Гендерное равенство, равенство между мужчинами и женщинами означает концепцию того, что все человеческие существа: и мужчины, и женщины – свободы развивать свои индивидуальные способности и делать свой выбор без ограничений, установленных стереотипами, жесткими гендерными ролями и предрассудками… Гендерная справедливость означает справедливое отношение к женщинам и мужчинами в соответствии с их потребностями. Это может включать в себя равное отношение или отношение, которое различается, но которое считается эквивалентным с точки зрения прав, выгод, обязанностей и возможностей[10].

В то же время С. Магно и И. Силова[11] утверждают, что определенное различие существует: «гендерное равенство» для них означает то же самое, т. е. «представление о том, что все учащиеся должны получать одинаковую помощь в то же самое время и в тех же формах». Что же касается более предпочтительного для них понятия «гендерная справедливость», то оно означает «гарантирование справедливых результатов обучения, вне зависимости от гендерных различий».

Наконец, следует сказать, что в последние годы появилась концепция **гендерного разрыва.** Ее появление связано с тем, что результаты выпускных экзаменов стали показателями успеха школы и отдельного ученика. Гендерный разрыв демонстрирует соотношение девочек и мальчиков, изучающих и сдающих экзамены по определенным предметам, где размер и природа гендерного разрыва различна в зависимости от предмета. Гендерная политика нацелена на то, чтобы сократить гендерный разрыв в целом, и в результате различия по некоторым предметам в некоторых странах стало сокращаться. Однако по одним предметам сохраняется разрыв в пользу мальчиков (естественные науки, математика, технические предметы), по другим (языки, гуманитарные предметы) в пользу девочек.

В целом, в современной научной литературе и официальных документах можно найти ряд сюжетов, посвященных гендерным проблемам в практике образовательного процесса. Основными из них являются следующие:

– учебная программа (официальная и скрытая);
– учебники и учебные пособия;
– предпочтение и выбор предметов;
– мотивационные и психологические характеристики учащихся;
– отношение учителей;
– оценка;
– учительская профессия;
– совместное и раздельное обучение;
– проблема мальчиков.

Следует подчеркнуть, что гендерные роли и стереотипы находятся в центре внимания практически всех стран, входящих в Европейский Союз. За редким исключением государства-члены ЕС или уже имеют, или планируют иметь политику гендерного равенства в об-

разовании. Основная цель заключается в том, чтобы бросить вызов традиционным гендерным ролям и стереотипам. Европейские страны для достижения этой цели используют различные инструменты, такие как пересмотр учебных планов и программ, профессиональное сопровождение или так называемое гендерно ориентированное обучение. Однако европейские школы сегодня еще далеки от использования всех потенциально доступных для них средств, позволяющих способствовать разрушению традиционных гендерных ролей. До сих пор традиционные концепции гендерных ролей доминируют в определении того, что мальчики и девочки могут и будут делать в своих профессиональных (и личных) жизнях.

Поскольку традиционные гендерные роли и стереотипы продолжают в большей или меньшей степени сохраняться на всех уровнях образования, то очевидной представляется необходимость проведения политики гендерного равенства в различных образовательных сферах и уровнях, поскольку она может оказать серьезное влияние на процесс социализации учащихся и, соответственно, их карьерные возможности. Однако, несмотря на важность последствий применения политики гендерного равенства в образовании, во многих европейских странах ей уделяется намного меньше внимания, чем в сфере труда и занятости. В результате политика гендерного равенства в образовании оказывается подчиненной требованиям трудовой деятельности. Соответственно, в центре внимания оказываются проблемы гендерной сегрегации рынка труда, различия в возможностях карьерного роста между мужчинами и женщинами, а также соотношения труда и жизни. Несмотря на это, в абсолютном большинстве европейских стран в образовательной политике гендерное равенство хотя бы в минимальной степени, но находит свое отражение. Чаще всего изменения в соответствующей политике являются результатом осмысления выводов и материалов, получаемых благодаря определенным исследованиям или статистическим данным в сфере образования. Эти исследования обычно широко обсуждаются в СМИ, что, в свою очередь, также усиливает политический эффект от них.

Национальные правительства в определении и реализации соответствующей политики, как правило, ориентируются на международные соглашения, директивы и рекомендации ЕС, которые и служат правовой базой по гендерным вопросам. В качестве главного источника многие правительства называют документы Всемирной конференции ООН по проблемам женщин, состоявшейся в Пекине в 1995 г., и Конвенцию ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин[12].

Что же касается европейского законодательства, то 12 стран, вступивших в ЕС в период 2004–2007 гг., часто ссылаются на особую важность **acquis communautaire** (т. е. всего объема законов ЕС) для формирования национальной политики гендерного равенства. Кроме того, проекты, связанные с проблемой гендерного равенства, нередко инициируются благодаря доступности финансирования со стороны соответствующих европейских фондов. На формирование такого рода политики могут оказывать влияние и различного рода национальные организации, заинтересованные в ее проведении, например неправительственные организации. Как правило, это происходит в тех странах, где в целом политика гендерного равенства стала проводиться сравнительно недавно. Соответственно, в них и приверженность правительства этой политике относительно слаба, а, следовательно, для сохранения данного тренда необходимо постоянно давление со стороны институтов гражданского общества.

Как мы уже упоминали, равенство и особенно гендерное равенство может трактоваться по-разному. Законодательное оформление так же выглядит различно. Гендерное равенство часто рассматривается с позиций «равного отношения» или «равных возможностей» мужчин и женщин. Что же касается гендерного равенства в смысле равенства результатов образования, то оно гораздо реже ставится в качестве четко обозначенной цели правовой политики. В то же время почти все европейские страны включили положение о необходимости обеспечения равенства в тексты своих конституций и подписали международные декларации по этой проблематике, например такие, как Конвенция ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин. В дополнение к этому минимуму все они приняли специальные правовые акты, обеспечивающие гендерное равенство. С точки зрения организации и цели подобного законодательного оформления в сфере образования, можно выделить три основные модели: общее равное отношение и равные возможности, равное отношение и равные возможности в образовании и гендерное равенство в образовании.

С точки зрения организационной перспективы, эти модели демонстрируют, до какой степени концепции гендерного равенства заложены в основание законодательной базы. Во-первых, различия существуют по самому характеру правового обеспечения, иначе говоря, отражены ли данные положения в виде основного закона, антидискриминационного закона

общего характера или закона, относящегося к отдельной сфере жизнедеятельности общества, т. е. к образованию. Это может оказать значительное влияние на реализацию на практике принципов гендерного равенства. Так, например, законы об образовании могут более эффективно решать проблему гендерного равенства в сфере образования, чем это оказывается возможным посредством применения общего антидискриминационного законодательства. Во-вторых, различия между моделями могут делаться исходя из вносимых в законодательство изменений, поскольку это свидетельствует о возможности влияния на него общей стратегии гендерного мэйнстрима.

С точки зрения цели или содержания конкретных мер по обеспечению гендерного равенства, мы можем различать правовые модели, основной целью которых является обеспечение равного отношения и равных возможностей, от моделей, стремящихся обеспечить гендерное равенство как результат (т. е. равенство до, во время и после образования).

В то же время необходимо помнить, что, несмотря на наличие очевидной связи между законодательством и проводимой политикой, наличие детализированного или всеобъемлющего законодательства еще не является предпосылкой или гарантией осуществления всеобъемлющей политики гендерного равенства в образовании на практике.

В целом, можно сделать вывод о том, что большинство европейских стран обеспокоено гендерным неравенством в образовании. Однако степень правового и политического обеспечения решения этой проблемы сильно различается – от отсутствия какой-либо четко сформулированной политической программы действий до детального определения всех гендерных аспектов, требующих решения. Более того, в то время как правительства используют широкий спектр различных инструментов, часто отсутствует более общая стратегия. В частности, хотя цель обеспечения равных возможностей для женщин и мужчин существует практически везде, значительно меньшее число стран четко сформулировало задачу достижения гендерного равенства, с точки зрения результатов обучения, или успешно внедрило стратегию гендерного мэйнстрима в сферу образования. Несмотря на существование длинного перечня возможных политических средств и методов, направленных на трансформацию традиционных гендерных ролей и стереотипов, только небольшое число стран использует многие из них на практике.

Примечания

[1] Hutt C. Males and Females. Harmondsworth: Penguin, 1972.

[2] Wood R. Assessment and equal opportunities. London: Univ. of London, Inst. of Education, 1987.

[3] Sammons P. Gender, ethnic and socio-economic differences in attainment and progress: a longitudinal analysis of student achievement over 9 years // British educational research j. 1995. Vol. 21, № (4). P. 465–485.

[4] Dore R. The diploma disease. London: Unwin Educational, 1976.

[5] Wood R. Op. cit. P. 6.

[6] Halsey A. H., Heath A. F., Ridge, J. M. Origins and destinations: family, class and education in modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1980.

[7] Booth C., Bennett C. Gender mainstreaming in the European Union: towards a new conception and practice of equal opportunities? // The European j. of women's studies. 2002. Vol. 9, № 4. P. 430–446.

[8] Newbigging A. How can education advisors help to achieve the PSA Gender Equality Targets? Guidance sheets for promoting equal benefits for females and males in the education sector / DFID Education Dep. London: DFID. 2002.

[9] European Commission. Gender mainstreaming of employment policies: a comparative rev. of 30 European countries. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 5.

[10] Gender equality and equity: a summary rev. of UNESCO's accomplishments since the Fourth World Conf. on Women (Beijing 1995) / UNESCO, Unit for the Promotion of the Status of Women and Gender Equality. UNESCO, 2000. P. 5. URL: http: // unesdoc. unesco. org (дата обращения: 30. 09. 20133).

[11] Magno C., Silova I. Teaching in transition: examining school-based inequities in Central/South-Eastern Europe and the former Soviet Union // Intern. j. of educational development. 2007. № 27. P. 649.

[12] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята Ген. ассамблеей ООН 18 дек. 1979 г. URL: http: // un. org (дата обращения: 30. 09. 2013).

УДК 786:061.3(4)

Р. Н. Слонимская, М. Р. Черная

Встреча на берегах Рейна: о 35-м Европейском конгрессе EPTA в Дюссельдорфе

Содержится информация о 35-м Европейском конгрессе EPTA в Дюссельдорфе, где выступили с лекциями-концертами два профессора из Санкт-Петербурга, чьи впечатления отражены в предлагаемом тексте.

Ключевые слова: 35-й конгресс EPTA в Дюссельдорфе, пианист и движение, фортепианное творчество, ансамблевое музицирование, танцевальная музыка, методическая организация, пианистический аппарат

Raisa N. Slonimskaya, Marina R. Chernaya

Meeting on bank of Rhine: 35th Congress of European Piano Teachers Association (EPTA) in Duesseldorf

The article deals with the information on the 35th Congress of the European Piano Teachers Association where 2 professors from Saint-Petersburg gave lectures-recitals, their impressions are mirrored in the introduced text.

Keywords: 35th EPTA Congress in Duesseldorf, pianist and motion, piano work, ensemble music-making, dance music, methodical construction, pianistic vehicle

Дюссельдорф встретил весенним цветением и романтической атмосферой Старого города, узкими улицами, колокольным звоном под куполами древних костелов и – неожиданно для нас – бурлящим Рейном. Особое очарование пейзажу придавали два вантовых моста, обнимающих излучину реки. С набережной мы свернули в лабиринт улиц, по мостовым которых бродили Роберт и Клара Шуман, а несколько поодаль, казалось, следует Иоганнес Брамс.

Европейская ассоциация преподавателей фортепиано отметила свое 35-летие проведением Международного конгресса на берегах Рейна в Дюссельдорфе с 9 по 12 мая 2013 г. Основателем ассоциации является Карола Гринда, английский преподаватель фортепиано и методист. Ее идея объединить «вокруг фортепиано» энтузиастов исполнительства, педагогики и методики реализовалась в конце 1970-х гг. созданием международной организации. Стало традицией проведение ежегодного конгресса в одной из европейских стран, при этом каждый раз в новом месте.

Центром проведения нынешнего весеннего конгресса была выбрана музыкальная школа, носящая имя Клары Шуман, великой немецкой пианистки и жены выдающегося композитора-романтика. Чета Шуманов жила в Дюссельдорфе, куда Роберт Шуман в 1850–1853 гг. был приглашен генерал-музик директором.

Около 160 участников из трех десятков стран мира представили свои доклады, презентации, концертные программы и мастер-классы. От России были приглашены два профессора из Санкт-Петербурга. Для гостей форума была предложена культурная программа, куда, в частности, входило посещение Оперного театра на Рейне, где в XIX в. за пультом стоял Феликс Мендельсон-Бартольди. Постановка «Тангейзера» Р. Вагнера была связана с 200-летием композитора и именно в этом театре, в эти дни вызвала скандальную реакцию. Режиссёр Буркхард Косминска предложил свое видение вагнеровского детища, где оформление вызывало непрозрачные ассоциации с жизнью в концентрационном лагере. Негодование музыкальной общественности по поводу данной постановки превзошло все ожидания, тем более что Р. Вагнер никак не мог отвечать за ужасы Холокоста и действия нацистов. В результате возникшего конфликта уже спустя 4 дня после первого представления опера шла в концертном варианте.

Тема конгресса – «Пианисты и движение» – была представлена несколькими направлениями. Проблематика включала вопросы фортепианного творчества композиторов и ансамблевого музицирования; особое внимание уделялось танцевальной музыке; методические вопросы касались организации и владения пианистическим аппаратом.

В демонстрации ансамблей запомнилось выступление квартета «Фортепиано 40» под руководством Нади Лассерсон, востребованного в Европе. Отправной точкой их репертуара послужили произведения Сметаны, Мошелеса и Мошковского, специально написанные для двух фортепиано в 8 рук в XIX в., когда повсеместно в музыкальных салонах использовалась практика исполнения симфонических произведений в облегченных аранжировках. Для этого коллектива

оригинальные произведения написали 27 современных композиторов. Деятельность ансамбля «Фортепиано 40» способствует ренессансу этого вида музицирования в Европе.

Активное участие и обсуждение злободневных проблем современного исполнительского искусства, образования и культуры проходило в доброжелательной и заинтересованной обстановке. Сообщения часто перерастали в открытые дискуссии, преломляясь в виде содержательных и заинтересованных диалогов. Известные пианисты мира наряду с лекцией исполняли произведения композиторов разных эпох. Часто музыканты подкрепляли свои комментарии и рассуждения интересными интерпретациями музыкальных произведений. Запомнилось выступление пианистки, профессора Доры де Маринис из Аргентины. Она ярко представила фортепианные произведения аргентинского классика XX в. Альберто Хинастеры (1916–1983). В концерте пианистки Марчелы Крудели, председателя EPTA Италии, прозвучали произведения итальянских композиторов эпохи барокко, романтиков Шопена и Листа, сочинения композиторов XX в. А. Казеллы и С. Каллигариса. Оригинальным было выступление финского пианиста Юкки Никэнена, который демонстрировал собственные транскрипции музыки американских вестернов. Привлекли свободное владение ресурсами инструмента, транслирование и подача quasi-импровизационного фактурного оформления известного музыкального материала, а также совершенство исполнения.

Заинтересованность и одобрение слушателей получили лекции-концерты, с которыми выступили члены российской делегации. М. Р. Черная, профессор Российского государственного педагогического университета, представила тему «Интерпретация вальсов П. И. Чайковского для фортепиано», а Р. Н. Слонимская, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств – «Танцевальные жанры в фортепианных произведениях Сергея Слонимского». Участники конгресса живо реагировали на исполнение малоизвестных произведений Чайковского пианисткой Мариной Черной, а также были приятно удивлены видеозаписями С. М. Слонимского, исполняющего пьесы из новых детских альбомов. Подкупил импровизированный дуэт русской и аргентинской пианисток М. Черной и Д. де Маринис, задорно исполнивший в 4 руки «Польку» С. Слонимского из музыки к комедии Н. Гоголя «Ревизор».

Спектр направлений и ракурсы темы «Пианисты и движение» вызывали столь непредсказуемые повороты в ее освещении, что каждое выступление участников получало непосредственный отклик в зале.

Внимание и забота устроителей из Германии, открытая доброжелательная обстановка, четкая организационная составляющая конгресса располагали к продуктивному, деловому и плодотворному тону общения. Конгресс завершился дружеской встречей с президиумом EPTA. Было принято решение провести следующий форум с 26 по 29 июня 2014 г. в столице Норвегии Осло по теме: «Влияние фольклора на художественное творчество: тенденции и перспективы: 1814–2014 гг.».

Богатство и разнообразие возможной тематики «вокруг фортепиано» позволяет надеяться на плодотворность деятельности EPTA в международном масштабе, которая стимулирует развитие исполнительских ресурсов, научно-исследовательскую и методическую работу преподавателей фортепиано, а также способна привлекать внимание слушателей и любителей современного искусства.

Сведения об авторах

Information about authors

Артановский Сергей Николаевич, доктор философских наук, почетный профессор СПбГУКИ

Artanovsky Sergey Nikolaevich, doctor of philosophy, honored professor of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (artanovskaj2012@yandex.ru, marina_rio@mail.ru)

Белов Сергей Владимирович, заслуженный работник культуры РФ, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела (ОИБД) Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), академик Академии гуманитарных наук, член Международного общества Достоевского (IDS), член Союза российских писателей

Belov Sergey Vladimirovich, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of history, professor, senior research assistant of Department of history of libraries in National Library of Russia (Saint-Petersburg), academician of Academy of Humanitarian Sciences, member of the International Dostoevsky Society (IDS), member of the Union of Writers of Russia (oibd@nlr.ru)

Бирюкова Татьяна Леонидовна, старший преподаватель кафедры документоведения и информационной деятельности гуманитарного факультета Одесского национального политехнического университета (Украина)

Biryukova Tatiana Leonidovna, senior lecturer of Department of documentation and information activities of Faculty of humanities of Odessa National Polytechnic University (Ukraine) (4esme@ukr.net; tigrissca@mail.ru)

Ванеев Анатолий Николаевич, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, действительный член Международной академии информатизации, профессор кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ

Vaneev Anatoly Nikolaevich, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of pedagogical sciences, full member of International Informatization Academy, professor of Department of library science and reading studies of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (bvtch@mail.ru)

Захарчук Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры информационного менеджмента СПбГУКИ

Zakharchuk Tatiana Viktorovna, PhD of pedagogics, professor of Department of management of information of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (tzakhar56@gmail.com)

Куманова Александра Венкова, доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечных наук факультета библиотековедения и культурного наследия Государственного университета библиотековедения и информационных технологий (София, Болгария), руководитель Студенческого научного общества Болгарии

Kumanova Aleksandra Venkova, doctor of pedagogics, professor of Department of library science of Faculty of library science and cultural heritage of State University of Library Science and Information Technologies (Sofia, Bulgaria), head of Student scientific society of Bulgaria (alexkum@abv.bg)

Купченко Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и детского чтения СПбГУКИ

Kupchenko Marina Leonidovna, PhD of philology, associate professor of Department of literature and children's reading of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (kml@pisem.net)

Лелеко Вера Витальевна, кандидат культурологии, преподаватель кафедры теории и истории музыки СПбГУКИ

Leleko Vera Vitalievna, PhD of culture studies, lecturer of Department of theory and history of music of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (verale@yandex.ru)

Матвеев Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Matveev Mikhail Yurjevich, doctor of pedagogics, leading researcher of Department of history of libraries in National Library of Russia (Saint-Petersburg) (matveev@nlr.ru)

Матвеева Ирина Германовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Matveeva Irina Germanovna, PhD of philology, senior researcher of Department of history of libraries in National Library of Russia (Saint-Petersburg) (oibd@nlr.ru)

Сведения об авторах

Information about authors

Махлина Светлана Тевельевна, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры СПбГУКИ, действительный член Международной академии информатизации (МАИ), действительный член Международной академии культуры, член Международной ассоциации критиков искусства (AICA), член Международной ассоциации искусствоведов, член Союза художников

Makhlina Svetlana Teveljevna, honored figure in Higher School of Russian Federation, doctor of philosophy, professor of Department of Theory and History of Culture of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, full member of International Informatizational Academy (IIA), corresponding member of International Academy of Culture, member of the International Association of Art Critics (AICA), member of the International Association of Art, member of the Union of Artists (makhlina@pochta.tvoe.tv)

Медведева Надежда Игоревна, фотограф, Санкт-Петербург

Medvedeva Nadezhda Igorevna, photographer, Saint-Petersburg (medvejonok_1987@mail.ru)

Михеева Галина Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Mikheeva Galina Vasiljevna, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of pedagogics, professor, senior research assistant of Department of history of libraries in National Library of Russia (Saint-Petersburg) (mikheeva@nlr.ru)

Новикова Мария Игоревна, ведущий библиограф государственного бюджетного учреждения культуры «Владимирская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького»

Novikova Mariya Igorevna, senior bibliographer of State institution of culture «Vladimir regional universal scientific library named by Maksim Gorky» (novikova. maria-2010@yandex.ru)

Панкова Екатерина Степановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI вв. и истории зарубежной литературы филологического факультета Орловского государственного университета

Pankova Ekaterina Stepanovna, PhD of philology, associate professor of Department of Russian literature of the XX–XXI centuries and history of foreign literature of Faculty of philology of Oryel State University (punc_off@mail.ru)

Помпеев Юрий Александрович, доктор культурологии, профессор кафедры экономики СПбГУКИ, член Союза писателей России

Pompeev Yuriy Aleksandrovich, doctor of culturology, professor of Department of economy of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, member of the Union of Writers of Russia (yury@pompeev.ru)

Пономарев Евгений Рудольфович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и детского чтения СПбГУКИ

Ponomarev Evgeny Rudolfovich, PhD of philology, associate professor of Department of literature and children's reading of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (eponomarev@mail.ru)

Радзиевский Виталий Александрович, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Киевского национального университета культуры и искусств (Украина)

Radziyevskyy Vitaliy Aleksandrovych, PhD of culturology, associate professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kiev National University of Culture and Arts (Ukraine) (svitrad@yandex.ru)

Рысакова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, научный сотрудник научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Rysakova Polina Igorevna, PhD of sociology, research assistant of Department of academic research of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod) (vost5@yandex.ru)

Серова Анна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры политологии Гуманитарного женского института (Москва)

Serova Anna Evgenjevna, senior lecture of Department of political science of Women's Humanitarian Institute (Moscow) (serova.ae@yandex.ru)

Сведения об авторах

Information about authors

Слонимская Раиса Николаевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории музыки СПбГУКИ, гранд доктор философии в области музыкологии и культурологии Международного университета фундаментального обучения (Санкт-Петербург), член Союза композиторов России, музыковед

Slonimskaya Raisa Nikolaevna, doctor of pedagogics, professor of Department of theory and history of music of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, grand doctor of philosophy in musicology and cultural science of International University of Fundamental Studies (Saint-Petersburg), member of the Union of Composers of Russia, musicologist (raisa1970@mail.ru)

Смаль Светлана Владимировна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Smal Svetlana Vladimirovna, PhD of political science, senior lecturer of Department of political science of Faculty of social sciences of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg) (ssmal@yandex.ru)

Соколов Аркадий Васильевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, действительный член РАЕН и МАИ, профессор кафедры информационных систем и мультимедиа СПбГУКИ

Sokolov Arkadiy Vasilevich, honored figure in Science of Russian Federation, doctor of pedagogics, full member of Russian Academy of Natural Sciences, full member of International Informatization Academy, professor of Department of information systems and multimedia of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (sokolov1@front.ru)

Триодин Владимир Евгеньевич, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности СПбГУКИ

Triodin Vladimir Evgenevich, honored figure in Science of Russian Federation, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of pedagogics, professor of Department of socio-cultural activities of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (bonicat@list.ru)

Тургаев Александр Сергеевич, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор исторических наук, профессор, ректор СПбГУКИ

Turgaev Aleksandr Sergeevich, honored figure in Higher School of Russian Federation, doctor of history, professor, rector of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (sv-spbizdat@mail.ru)

Филякова Александра Константиновна, научный сотрудник Музея городского электрического транспорта Санкт-Петербургского государственного унитарного предприятия «Горэлектротранс»

Filyakova Aleksandra Konstantinovna, research assistant of Museum of Urban Electric Transport of Saint-Petersburg state unitary enterprise «Gorelectrotrans» (afilyakova@gmail.com)

Черная Марина Радославовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), член Союза композиторов России

Chernaya Marina Radoslavovna, doctor of art studies, professor of Department of musical upbringing and education of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg), member of the Union of Composers of Russia (marina-chernaya@yandex.ru)

Чугунова Анастасия Владимировна, кандидат культурологии, ведущий специалист музейного комплекса «Вселенная воды» государственного унитарного предприятия (ГУП) «Водоканал Санкт-Петербурга»

Chugunova Anastasia Vladimirovna, PhD of culture studies, leading specialist of museum complex «Water Universe» SUE «Vodokanal of Saint-Petersburg» (chugu-nova@mail.ru)